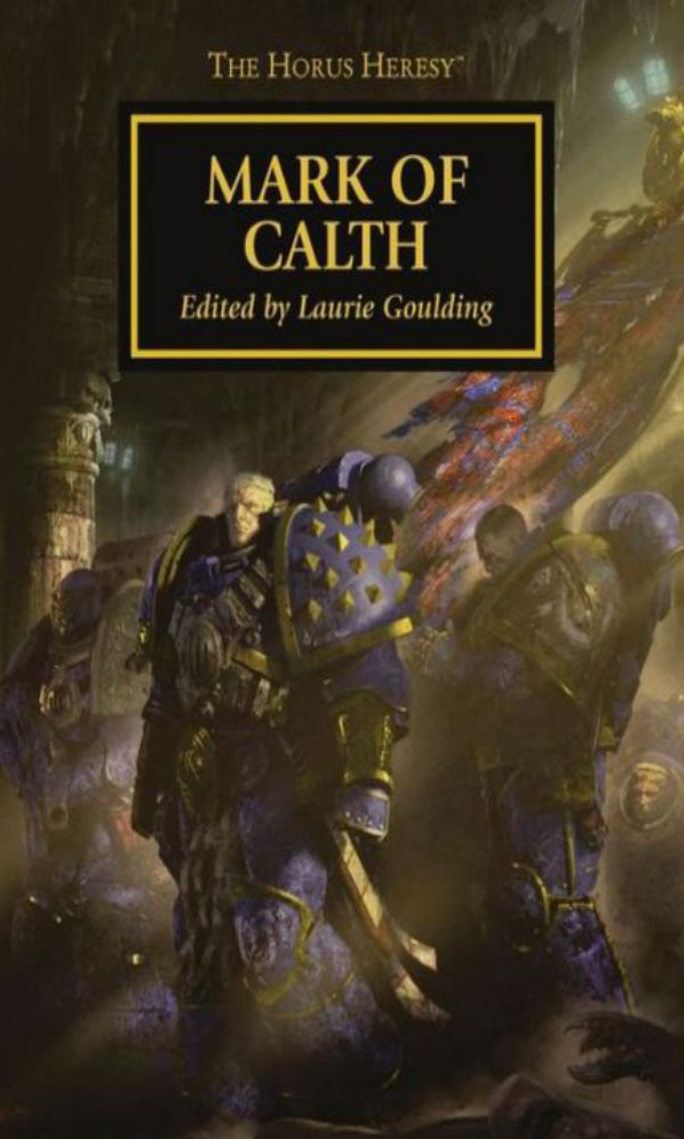

THE HORUS HERESY™

MARK OF CALTH

Edited by Laurie Goulding

Введите сюда краткую аннотацию

- - [Отметка Калта](#)
 - [Эребовы Осколки](#)
 - [Былой Калт](#)
 - [Темное Сердце](#)
 - [Странник](#)
 - [Темнее тьмы](#)
 - [Подземная Война](#)
 - [Атам](#)
 - [Неотмеченный](#)
-

Отметка Калта пог редакцией Лори Голдунг

Ересь Гора

Это легендарная эпоха. Галактика объята пламенем. Великий замысел Императора относительно человечества разрушен. Его любимый сын Гор отвернулся от света отца и принял Хаос. Его армии, могучие и грозные костические десантники, втянуты в жестокую гражданскую войну. некогда эти совершенные воители сражались плечом к плечу как братья, защищая галактику и возвращая человечество к свету Императора. Теперь же они разделились. Некоторые из них

хранят верность Императору, другие же прикнули к Магистру Войны. Среди них возвышаются командиры многотысячных Легионов -- притархи.

Величественные сверхчеловеческие существа, они -- венец творения генетической науки Императора. Победа какой-либо из вступивших в битву групп с группой сторон не очевидна.

Планеты пылают. На Исстване V Гор нанес жестокий удар, и три лояльных Легиона оказались практически уничтожены. Началась война: противоборство, огонь которого охватит все человечество. На место чести и благородства пришли предательство и измена. В тени крадутся убийцы. Собираются армии. Каждый должен выбрать одну из сторон или же умереть.

Тор готовит свою армаду.
Целью его гнева является сама
Терра. Восседа на Золотом
Троне, Император ожидает
возвращения сбившегося с пути
сына. Однако его подлинный враг
--- Хаос, изначальная сила,
которая желает подчинить
человечество своим
непредсказуемым прихотям.
Жестокому стеху Темных
Богов отзываются вопли
невинных и мольбы праведных.
Если Император потерпит
неудачу и война будет
проиграна, всех ждет страдание
и проклятие. Эра знания и
просвещения окончена.
Наступила Эпоха Тьмы.

* * *

Империи обречены
забывать, а тем, кто предаёт

свои победы и поражения забвению, суждено повторять их вечно. Империи надлежит чтить свою историю.

Предательство наших братьев открыто, а Отметка Калта изтерывается в ударах сердец верных легионеров, и мы собираем и сопоставляем. Нам рассказывают свидетели конца мира. Мы допрашиваем врагов. Коммюнике, инфопотоки, рапорты — мы прочтем все. Изучим. Проанализируем. Мы вынесем приговор другим и самим себе. Соберем всю правду о тех мрачных днях, пусть даже на это уйдет тысяча лет.

XIII Легион не забыл — и не забудет — что произошло на благородном Калте. Мы сражаемся, неся на плечах груз истории Ультратара.

Это наше бремя. Это наша честь.

Робаут Жиллиман,
«Ин Пленитудине
Темпорум» («В
полноте времени»), из
общего введения, ст.
71.1

Эребовы Осколки

Гай Хейли

Пение людей-жрецов, подручных Эреба, достигло пика, когда тот развернул благословенный покров и извлек анафем. Темный Апостол почтительно поднял оружие, сжимая эфес одной рукой и поддерживая клинок открытой ладонью другой, чтобы плоть не коснулась стертоносного лезвия.

Анафем не был создан ни из металла, ни из камня, однако имел свойства обоих материалов и казался теплым на ощупь, словно обладал жизнью. Это оружие было похищено у интерексов, и его клинок ранил Магистра Войны, направив того по истинному пути. Священный артефакт, ключевой элемент замысла, охватывавшего десятки тысячелетий.

И теперь Эреб должен был разрушить его.

Он посвятил меч изваяниям четырех сил, возвышавшимся в сакеллуме «Длани

судьбы», произнося молитвы с заклинаниями и поочередно приветствуя ужасных владык варна. Шеренга из восьми жрецов-культистов с курильницами и иконами повторяла каждое его движение, усиливая просьбы хором своих голосов.

Они отстали от Эреба, когда тот торжественно зашагал к священному алтарю Октема, занимавшему главенствующее положение в нефеле. Темный Апостол не жаловал простых смертных, но эти жрецы входили в число его наиболее доверенных слуг.

Его действия должны были оставаться в тайне до назначенного времени. Двери были закрыты на засовы. Снаружи на страже стояли телохранители.

Перед огромной звездой из меди и железа располагалась наковальня, специально отлитая и освященная для одного-единственного ритуала. По обе стороны от нее стояли наготове мастера в одеяниях с капюшонами — Гальдир, глава варн-кузнецов Темного Апостола, и его первый подмастерье. Им предстояло

помогать Эребу, направляя его удары и отводя в сторону высвобождаемые гибельные силы.

Варп-кузнецы даже не пошевелились, когда Эреб направил на них ужасный клинок. Первый капеллан взялся за эфес обеими руками и поднял анафет острием вверх, поднеся ко лбу. Закрыв глаза и быстро шепча молитвы, Темный Апостол положил святое оружие, которое привело Гора Лунеркала к свету, на наковальню.

Жрецы опустили иконы и погасили факелы. Они извлекли из рукавов алаты. Пение стало ниже.

Эреб принял от подмастерья варп-кузнеца покрытый рунатами молот. Боек сходил в устрашающее острие, как у кирки, и потрескивал от сдерживаемой энергии разрушающего поля.

Темный Апостол долгий миг глядел на клинок. То, что должен был сделать Эреб, казалось святоотечеством, однако оружие исполнило свое предназначение.

Но крайней мере в этой форме.

Эреб крепко прижал клинок. Бормоча запретные заклинания, вырванные из

разумов мертвых металлургов-кинебрахов, он занес молот над головой и с силой опустил. Навершие молота полыхнуло, ударившись о неведомый сплав, из которого был изготовлен анафет. Раздался грохот и жуткий вопль, словно само оружие закричало от боли, и жрецы вонзили ритуальные алаты себе в сердце.

Они поступили так по собственной воле. Эреб предложил им великую честь первого помазания нового оружия против Ложного Императора. Жрецы упали, кровь хлынула на каменные плиты пола, и души с ликованием потчались в варн, пока гимн обрывался сдавленным предсмертным хрипом. Темный Апостол вознес молитву, чтобы их слабые сущности оказались достаточным подношением.

Меч начал корчиться в руке. Это было незаметно для глаз, однако Эреб чувствовал, как оружие грозит и извивается, будто мускулистая и смертоносная змея.

Эреб закричал на черном наречии кинибрахов и ощутил, как воздух стекает под гнетом смертоносных слов.

Он бил молотом снова, снова и снова.

Громоподобный треск. Вспышка зеленого света.

Эреб отшатнулся назад, молот выскользнул из руки и упал в лужу крови на полу. Темный Апостол сам чуть не рухнул, получив удар толикой святой мощи оружия, которую выпустил на волю. Мускулистая рука онемела до плеча, на кисти болезненно плясали электрические искры.

Он вновь осторожно приблизился к анаковальне. Меч звенел все тише. Рядом с ним лежал кусок странного металла длиной с палец. Над анафетом переливалось жаркое тारेво, он был поврежден, но все еще сохранял целостность. Эреб почувствовал благоговение перед этим богоубийцей, орудуем концом времен.

Он удовлетворенно улыбнулся и перевел взгляд на варп-кузнецов.

— Возьмите осколок. Поместите его в вещество.

Гальдир склонил скрытую капюшоном голову и ловко подцепил обломок с

наковальни клещами из черного железа. Кусок шипел и потрескивал в холодном воздухе. Мастер достал маленькую склянку из выращенного на крови рубина, заполненную еще более темной красной жидкостью, и осколок металла скрылся внутри. Варп-кузнец закрутил крышку сосуда и запечатал ее черным воском, оттиснув на нем символы.

Эреб потерял плечо. Он проигнорировал боль. Это было наименьшее из испытаний, ожидавших его в грядущие месяцы и годы. Темный Апостол подобрал молот, сжал рукоять анафета и снова начал произносить заклинания созидания и разрушения.

Молот обрушился вниз.

Эреб ломал темный клинок еще семь раз и передал варп-кузнецам еще семь фрагментов пока наконец не закончил свой труд. Страдания теча прекратились.

В сакеллуме воцарилась тишина. В ушах звенело. Эреб с усилием поднял голову. С лица капал пот, Темного Апостола лихорадило, а руки казались налиты свинцом.

--- Готово, --- слабым голосом произнес он, хотя предстояло еще много работы. В воздухе витал запах гниения --- сакеллум буквально гудел от содеянного, его дух был возмущен святотатством Эреба. Сама вселенная знала, что его поступок бросал вызов естественному порядку вещей и был совершен во имя личной выгоды.

Возмущение реальности составляло ему веселье. Он был Темным Апостолом, Первым капелланом и носителем истинной веры. У него была высшая цель, сами боги направляли его руку.

«Дайте же мне сил принять свою судьбу», --- подумал он. События уже начали разворачиваться, и дни XIII Легиона были сочтены. Он считал необходимым внести в планы Лоргара свои собственные цели. Разрушение анафема было лишь первым шагом по долгому пути.

Взгляд вернулся к поврежденному клинку. От оружия предстояло избавиться, передав его в соответствии с первоначальными указаниями.

--- Отнесите осколки в кузницу, --- велел он варп-кузнецам. --- Пошлите за

тной, когда они будут готовы.

В своем святилище Квор Вонгар, Верховный колдун-библиарий Несущих Слово, выпустил психические чувства на свободу. Прититивная материя реального пространства разошлась, и он погрузился в открывшееся величие варна. Если бы вместе с ним в маленьком помещении находился кто-то еще, он бы увидел, как на лице колдуна медленно появилась улыбка.

Вот она сила, само царство богов. Волны ласкали библиария, тепло живой энергии придавало сил телу и разуму. В безднах блуждали устрашающие сущности, но Квор Вонгар не обращал на них внимания. Он был помазанником Легиона, и вера в открывшиеся силы вселенной служила ему щитом. Бесплотные демоны, плававшие в море духов, были низшими слугами и не обладали собственными дугами. Они не были столь могущественны, как он.

Избранник богов.

Самые слабые из обитателей варна преклонялись перед ним и искали

тилости. Они нашептывали о своей
верности, сулили великую силу и знание,
если он даст им свободу. «Открой свой
разум! — пели они. — Впусти нас! Впусти
нас!».

Квор Вонгар не открывал разум. Путь одержимости был не для него, поскольку он поднялся выше столь грубых проявлений преданности. Пусть пригонных существ приманивают к себе Гал Ворбак, он же мог пользоваться энергией варпан напрямую. Мог повергать врагов одной мыслью. Мог превращать силу богов в великолепный разрушающий поток.

Нет, он не нуждался в том, что обещали демоны, и пренебрежительно отмахивался от них. Вкрадчивые разумные с хныканьем возвращались в однообразное бурление эмпиреев.

О, сколь же неправ был Император, когда лишал своих слуг всего этого. Ужасно, ужасно неправ. Так называемый Владыка Человечества был обманщиком, лжепророком и хранил подлинную сущность силы в тайне. Бумажный бог, недостойный преклонения Несущих Слово.

Как подозревал Квор Вонгар, Император отверг их почитание лишь для того, чтобы заставить еще сильнее жаждать благословения, принудив праведных преклонить колени в прахе Монархии. Теперь же XVII Легион обрел понимание, и силу, которую Император пытался приберечь для себя.

Глупец. Он умрет. Он был так уверен в детской верности сыновей, что, скорее всего, до сих пор ничего не знает о войне, которая распространяется по костосу после искусных побед Гора в системе Усствана.

Император пребывает в блаженном неведении, но вскоре ему предстоит заплатить за свой эгоизм.

Что-то нарушило медитацию Квор Вонгара. Он не почувствовал в эмпиреях никаких необычных изменений, а связанные часовые не выкрикивали предупреждений, однако там было... нечто.

Борточа защитные заклинания, чтобы обезопасить свой выход из варна, колдун вывел сознание из нечестивого угнетения и открыл глаза.

Он был один в святилище. Жутковатые создания, приставившие за телом во время медитации, хранили молчание.

Свечи на молитвенном алтаре затерцали от неожиданного дуновения воздуха. Квор Вонгар встал, зашелестев парчовым облачением, и... вот, снова. Он развернулся, следя за движением — волной желтых огоньков на столбиках черного воска. Она дважды обошла комнату, свет нагло поблескивал на скульптурах, словно ищущая найти его источник. И все же стражи не поднимали тревогу.

У Квор Вонгара прибавилось храбрости. Он подавил желание закричать, вместо этого злобно зарывав, и медленно двинулся по темному пространству, остановившись только, чтобы преклонить колени перед великим Октетом. Похоже, от этого возмущение улеглось. Движение исчезло.

Что это могло значить? Возможно, послание, испытание от богов. Ему нравилось думать, будто он столь важен. Все же недоуменная, он снова повернулся к

центру комнаты.

У него перехватило дыхание, рука вцепилась в одеяние, словно нащупывая рукоять кинжала.

Посреди помещения находился нож, который был воткнут в центре заговоренного круга — на том самом месте, где он сидел до недавнего момента.

Квор Вонгар нерешительно приблизился. От черного клинка исходила аура злобы. Казалось, что нож сделан из темного металла, который раскололи, как кремль, но при этом клинок вонзился в пласталевые плиты пола и не сломался.

Острое призывало к полному посланию, написанное на дорогом пергаменте.

Квор Вонгар узнал почерк. Тот принадлежал Темному Апостолу Эребу, советнику Гора, отсутствовавшему на флоте Несущих Слово на протяжении последних месяцев. Никто не знал, куда он делся.

Квор Вонгар поборол тревогу, взялся за рукоять ножа и с легкостью извлек его из палубы. Казалось, оружие пощипывает руку. Он снял послание с клинка и

приступил к чтению.

А затем нахмурился и стял послание в коток.

--- Пусть вызывает, --- пробормотал колдун-библиарий. --- Посмотрим, кто главный.

Фазель Рабор проснулся и полностью пришел в себя менее чем за один удар сердца. Что-то было не так. Он вскочил с койки. Воин стоял обнаженным, напрягая мышцы и чувства и приготовившись к бою.

В каюте царил трек. Под босыми стопами по металлу почти неосязаемо расходилась вибрация от двигателей корабля, прорывающегося через варп. На пределе усовершенствованного слуха доносился гул машин внутри корпуса, а в коридоре снаружи висел страг немытых тел легионеров и смертных рабов.

Никого не было, но неуютное ощущение нарушенного порядка реальности не отпускало. Рабор потянулся к переключателю возле койки, чтобы активировать единственную осветительную полосу на потолке, но что-

то заставило его остановиться и
направиться к тумблеру у двери.

Комната осветилась, и он обнаружил,
что смотрит на другой выключатель.

Там, где должна была пройти его
рука, из стены торчал нож. На клинке,
возле рукояти, было послание.

Он ощерился.

--- Эреб...

Давин был таким же, каким его
помнил Первый капеллан. Обширные
равнины переходили в красные пустыни.
Мчащийся над саванной «Грозовой ястреб»
обращал в бегство огромные стада
копытных животных.

--- Держитесь низко, --- приказал Эреб
пилотам. --- Не хочу оповещать о своем
присутствии.

--- Как пожелаете, лорд Эреб.

Они находились далеко от
цивилизации, ютящейся в горных долинах.
На равнинах были только стада и
кочевники, которые на них охотились.

Первый капеллан выбрал просвет на
лугу и велел сажать десантный корабль, а

затем собрал вещи и направился на нижнюю палубу. Когда он сошел вниз, пятеро воинов-телохранителей склонились в поклоне.

Корабль опустился на посадочные опоры, и передняя аппарель с хрустом открылась, впустив внутрь лучи слепящего солнечного света. Эреб не надел боевого доспеха, только грубую расшитую вышивкой жреца. Он был апостолом истины, а та требовала смирения, как бы это ни раздражало присущее ему чувство величия. За спиной он нес небольшой мешок с припасами на несколько дней — тоже из простой ткани, с прорехами от старости и использования, залатанными грубой дерюгой. На поясе поблескивал практичный, лишенный украшений атат. Единственным предметом роскоши при Темном Апостоле был закинутый за плечо сверток из дорогого бархата, но он был скрыт под грязной мешковиной, перевязанной веревкой.

— Возвращайтесь на «Длань Судьбы», — приказал Эреб своим людям. — Капитану Ворегару приказано

воссоединиться с флотом. Ждите меня там.

--- Как вы вернетесь, господин? ---
спросил Ундил. --- Свяжетесь с гарнизоном?
Мы далеко от...

--- Не утруждай себя, брат-сержант. Я
вернусь прежде, чем ты доберется до
Ультратара.

Сержант нерешительно сделал паузу,
а затем снова кивнул.

--- Как скажете, господин.

Эреб ступил на сухую траву саванны.
Он отошел на безопасное расстояние, и
двигатели десантного корабля с визгом
набрали полную мощность. Пламя
реактивных выбросов подожгло траву.

Темный Апостол проследил, как
«Грозовой ястреб» наклонился, направил
ступой нос в небо и быстро взмыл вверх. Эреб
взлета прокатилось по равнине, и Эреб
оказался в одиночестве. Остались только
шорох ветра, треск горящей травы и
мычание перепуганных животных вдали.

Он закрыл глаза и сделал глубокий
вдох. Воздух был горячим, он опьянял
ароматом сожженной земли и зверей.

который стелливался с запахом дыма. Здесь, в системе Давина, величайший из его планов начался обращением Гора. С некоторой натяжкой можно было бы сказать, что он вернулся домой.

Раздуваемое ветром платяное облако распространялось по сухой траве. Эребб закинул ношу на спину и зашагал вперед.

В зале могло бы поместиться более сотни легионеров, однако он был тесен для пятерых собравшихся Несущих Слово. Это были высшие чины Легиона, надевшие все регалии, словно собирались на войну. Во взглядах читалось явное недоверие. Некоторые из них раньше были близки как кровные родственники, однако последнее время облик XVJJ Легиона менялся, и они ожесточенно соперничали друг с другом, а братские узы быстро рвались под натиском амбиций.

Из-за всех своих пышных титулов Корфаэрон, разумеется, считал себя главой собрания. Его надменность была физически осязаема для остальных: Морнала Ксира, Фазля Рабора, Феграла Фелла и Хол

Велосфа, разгряженных подобным
самолнением. Когда они собрались вокруг
центрального из восьми концентрических
столов и заняли места напротив лучей
звезды Хаоса, врезанной в гранитную
поверхность, Магистр Веры одарил их
улыбкой, граничившей с презрительной
устешкой.

Однако когда в помещение вошел Квор
Вонгар, с лица Кор Фазрона пропали
последние намеки на благожелательность.
Его темные глаза блеснули.

Вонгар подошел к столу.

--- Братья, --- произнес он, но
приветствие прозвучало бесцеремонно и
практически дерзко. Он остановился возле
одного из трех пустующих кресел, однако
не стал садиться. С его приходом
прекратились последние разговоры.

Кор Фазрон вперил в него жесткий
взгляд.

--- Колдун, твоя сила простирается в
глубины варна, но ты ожидаем несколько
больше учтивости. Ты будешь обращаться
к нам надлежащим образом.

--- Я учтив настолько, насколько это

необходимо.

Вонгар бросил на стол нож с черным клинком. Оружие прокатилось по поверхности и перестало вращаться перед Темным Кардиналом.

— Что это значит? — требовательно спросил библиарий.

Кор Фазрон медленно перевел взгляд с клинка на Квонгара, словно учитель, который пытается добиться очевидного ответа от тугодумного ученика.

— Я не имею к этому отношения, магистр Квонгар. Это дело рук Темного Апостола.

— Эреб ничего не делает, не сталкивавшись с тобой! — огрызнулся колдун. — Я не какой-то там чернорабочий, чтобы меня...

— Мы не дукари! — зарычал Кор Фазрон и ударил бронированным кулаком по столу, от чего поверхность треснула. — Обращайся ко мне, как полагает, колдун. Соблюдай вежливость, не то будет хуже.

Вонгар приоткрыл рот, но так и не сказал того, что намеревался.

— Мой господин. Первый капитан.

Селный Кардинал. Магистр Веры, я приношу свои извинения, -- произнес он, хотя в словах и было мало искренности.

Кор Фаэрон кивнул.

-- Ну а теперь, брат, -- выдохнул он, -- советую тебе присесть. Сядь!

-- Мой повелитель, -- Вонгар занял свое место. Его товарищи переешептывались и разглядывали его так же настороженно, как и друг друга.

Откинувшись в кресле, Кор Фаэрон пренебрежительномахнул рукой.

-- Кроме того, ты говоришь о былых временах, Верховный Библиарий, -- сказал он. -- Теперь Эреб сам себе указ. Я ему не стужу. Как и тебе, мне неизвестно назначение этих клинков. Он не говорил, что затевает.

-- Мой повелитель, так вы его видели? -- поинтересовался Хол Велоф. -- Где он был на протяжении последних месяцев?

Прежде чем Кор Фаэрон успел ответить, снова заговорил Вонгар.

-- Клинков? Ты говоришь о нескольких клинках?

--- Такие есть у каждого из нас, господин, --- произнес Фазель Рабор. ---
Взгляните.

Он достал свой нож и со щелчком положил его на стол. Остальные один за другим сделали то же самое.

Федрал Фелл поочередно посмотрел на каждого.

--- Благодарю вас, господа, что ослабили мои опасения, --- сказал он. --- Я тоже полагал, будто меня как-то избрали. --- Фелл криво ухмыльнулся и положил руки в перчатках на стол. ---
Внимание лорда Эреба сродни вниманию паука к мухе.

Собравшиеся мрачно застывались.

--- Ну что ж, досточтимые братья, --- произнес Морнал Ксир. --- Все дело в нас, избранных возглавить атаку на XIII Легион, --- он поигрывал своим клинком, замороженный им.

Рабор нахмурился.

--- В нас?

Ксир кивнул.

--- Такой дар. Полагаю, он подразумевает великую честь, --- воин

говорил ровным голосом, но не отрывал глаз от острия ножа. — Ты не ощутил скрытую в них силу? Это не просто ритуальные алаты, а подлинные орудия Богов.

— Как вам достались ваши экземпляры? — настойчиво спросил Вонгар. Он с подозрением разглядывал другие клинки.

Кор Фазрон устехнулся.

— Все еще опасаясь неведомого заговора? — тилика его постаревшего, генетически преображенного лица казалась неестественной из-за чрезмерно туго натянутой кожи, следствия несовершенства процедуры его возвышения в ряды Легионес Астартес. — Негодование моего брата не подобает его сану.

Вонгар ответил ему яростным взглядом.

— Вы просите оказывать вам почести на этом собрании, а после этого платите мне лишь неуважением. Что это за учтивость, а? Не говорите со мной так, мой повелитель.

— Я буду говорить с тобой, как

захочу, магистр Вонгар.

Библиарий заскрежетал зубами и резко встал с кресла.

— Что дает тебе подобное право? Тебе, который не один из нас и никогда таковым не станет. Ты не сын Лоргара! Не такой, как мы, как любой другой брат-легионер, ты ниже даже последнего из новичуатов.

Кор Фазрон поднялся на ноги. Казалось, вокруг него сгустились тени.

— Тут ты прав. Я не могу сказать, что я твой брат, как могут эти... отбросы, — в голосе послышались отголоски раскатов загробного грома, а в глазах полыхнуло призрачное свечение варна. — Я не сын Лоргара. Я его отец. Улучше тебе об этом не забывать.

Квор Вонгар осел обратно в кресло, но Темный Кардинал не отвел взгляда. В воздухе запахло серой.

Напряжение медленно спало.

Ксир прокашлялся.

— Господа, прошу вас. Я отвечу на вопрос магистра Вонгара, поскольку все мы, несомненно, им задавались.

Он посмотрел на остальных и продолжил.

--- Мой появился из ниоткуда. Я сидел за столом и готовился к трапезе вместе с избранными ветеранами. Мы склонили головы, вознося благодарность Нурглу Жизнедарителю. А когда подняли глаза, он уже был там.

--- Да, --- произнес фелл, поднимая свой клинок. --- Как будто из воздуха.

--- Но как такое возможно? --- спросил Рабор. --- Я не столь искушен в темных искусствах, как многие из вас, но должен признаться, что не верю, будто Эреб способен на такую магию.

Морнал Ксир покачал головой.

--- Ко всему, что исходит от Темного Апостола, следует относиться с осторожностью. Он видит то, чего не видят многие, и его пути порой расходятся с путями Семнадцатого.

--- Это был его почерк. Письмо с вызовом принадлежит ему, --- сказал Вондар. --- Я не собираюсь быть пешкой в каком-то непонятном плане.

--- Стало быть, ты видел, как он

заходил в твои покои? — вкрадчиво поинтересовался Кор Фазрон.

Вонгар покачал головой.

— Может, хотя бы почувствовал его, о великий верховный библиарий? Ты ведь так часто потчешь нас рассказами о своих тайных силах.

Ксир припиряющим жестом поднял руку. В отличие от Кор Фазрона, он не стал насмехаться.

— И ваше могущество не оспаривается, магистр Квонгар. Но как же он попал в ваше святилище и не привлёк к себе внимания?

Вонгар поторщился. Он ощущал стыд, но не мог в этом признаться.

— Давай же, колдун, это жизненно важный элемент головоломки, — произнес Кор Фазрон.

— Господа, должен сознаться, что ничего не видел и не ощущал. Только дуновение воздуха при появлении клинка. Чувства и стражи подвели меня.

Кор Фазрон хлопнул рукой по столу и расхохотался. Это был неприятный звук.

Лицо Квонгара покраснело от злости.

--- Можу ли я спросить, как же в таком случае получил свой дар великий лорд Кор Фаэрон?

--- Отчего же, лорд Эреб лично вошел в дверь, вручил его мне, и мы вместе спланировали это маленькое забавное собрание. Я, как-никак, избранный примархом командующий нашей следующей кампанией.

Было очевидно, что Первый капитан намеренно намекает, будто остальные оказались недостойны уважения Эреба. На лице Квор Вонгара отразилась столь же очевидная ярость.

--- Так для чего же они? --- пробормотал Хол Велоф. --- Несомненно, той повелитель, что вы, как первый среди нас, должны это знать.

--- Он не сказал мне, для чего предназначены эти атаманы, --- признался Кор Фаэрон, борясь с явным раздражением из-за этого. --- Говорил только, кто из достойных братьев их получит. Кто я такой, чтобы не давать Телному Апостолу устраивать представление?

Ксир снова поднял руку.

--- В таком случае давайте не будем
браниться, а лучше сравним их. Возможно,
в различиях есть некий смысл?

--- Согласен, --- отозвался Велоф, в
голосе которого в равной мере слышались
энтузиазм и настороженность.

Они разложили кинжалы остриями к
центру. Все клинки были схожи --- с
рукоятками, обернутыми черной кожей или
проволокой; покрытые золотистыми
рунами и перевязанные лентами со
священными текстами --- но при этом
заметно отличались. Одни кривее, другие
прямее. Один раздвоенный. Другой с
волнистым лезвием. Впрочем, все были
изготовлены из напоминающего кремне-
металла, при взгляде на который болели
глаза.

--- Шесть кинжалов, --- произнес
Фелл. --- Если это действительно оружие
Хаоса, то их должно быть не менее
восьми.

--- Несомненно, седьмой будет у лорда
Эребя, --- сказал Хол Велоф.

--- Все равно остается еще один,
капитан, --- заметил Рабор.

Квор Вонгар нахмурился.

--- Здесь уже присутствуют все члены Легиона, избранные руководить грядущей атакой, кроме самого Темного Апостола.

--- Именно! --- произнес Эреб, входя в зал. От внезапного звука его голоса Фелл и Ксир встали с кресел. --- И вот тот благородный легионер, кому достанется восьмой.

Позади него шел другой воин: сержант Колос Ундил, командир телохранителей Эреба.

--- Всего лишь сержант? --- зло спросил Рабор. --- Вы оказываете нам неуважение, лорд Эреб.

Хол Велоф насупился.

--- Лорд Эреб, я --- похоже, в отличие от моих братьев --- всецело ценю честь вручения этих превосходных атомов. Однако, если ставить простого сержанта вровень с капитаном, это умаляет значимость дара...

Эреб занял кресло у стола.

--- Когда подобное оружие получает праведный, пусть даже он просто сержант, то могущество остальных ничуть не

уталается, как и честь обладания ими, — он указал на последнее свободное место, приглашая Ундула присесть. — Сержант с неторопливым изяществом занял свое кресло и бесстрашно посмотрел в глаза вышестоящим. — Ундул столь же праведен, как и любой из вас, — добавил Эреб, сопроводив слова уважительным кивком в сторону Кор Фазрона.

Остальные оставались настороже. Ундул был известным воином. Он не уступал благочестием своему господину и был почти столь же коварен.

— Мне это не нравится, Темный Апостол, — наконец произнес Фелл.

— И мне, — поддержал Ксир. — В этом зале и без того хватает амбиций. Вы хотите, чтобы мы сошлись в открытом бою или поединках чести?

Ундул склонил голову.

Эреб рассмеялся.

— Вы все и так достойны этой чести, господа, как и Ундул, — загадочно улыбнулся Первый капеллан. Бледно-розовый шрам поперек его горла повторял форму улыбки. — Ну а теперь, мой

повелитель Кор Фазрон, приступим?
Думаю, настало время пересмотреть
стратегию нападения на Калт.

Велоф сердито вскинул руки.

--- Подождите, Темный Апостол. Нам
всем известен план и наши роли в нем.

--- Мне есть, что к нему добавить, ---
лукаво отозвался Эреб.

--- Так добавляйте.

--- Добавит, добавит, --- произнес Кор
Фазрон. --- Первому капеллану не
свойственно устраивать такой спектакль
без откровений в конце.

Затем он повернулся к Эребу, и его
тон стал более жестким.

--- Он заверил меня, что объяснится, и
так оно и будет.

Когда Эреб вошел в лагерь кочевников,
на лице Ашкуб появилась лишь едва
заметная тень тревоги. К ее чести, она
одна осталась на месте, когда племя
понялось от пришедшего из ночи
гиганта.

Местные жители были жилистыми
отвратительными существами ---

выродившимися отбросами человечества, которые больше походили на зверей, чем на людей. Эреб презирал их, пусть даже ранее они доказали свою ценность.

Пока он приближался, жрица разглядывала его.

--- Ты быстро меня разыскал, --- пробормотала она. Выражение широко посаженных темных глаз было невозможно понять, в них плясали огни костров.

Эреб остановился.

--- Ты знала, что я выжил?

Заговорив, он ощутил, как чешется шрам на горле. Он долго ждал этого момента и собирался им насладиться.

Впрочем, ее ответ не принес ему никакого удовлетворения.

--- Я предвидела твое возвращение и ждала тебя.

Эреб сдержал нарастающую злобу. Время мстить еще не пришло, но он не мог подавить желание продемонстрировать свое главенство. Он навис над жрицей в озаренном огнем траке.

--- Ты пыталась меня убить.

Она наклонила голову и поджала губы.

В волосах пощелкивали костяные бусины. Сейчас она выглядела более варварски, чем когда Эреб встречал ее в прошлый раз -- в недрах Дельфоса, где она перерезала ему горло.

-- Но не убила, благородный воин, -- сказала она. -- Мне нужно было пролить твою кровь, чтобы заклинание сработало. Для тебя это должно было быть очевидным -- последний акт веры.

Она шагнула к нему.

-- Как хотел ты и твои повелители, война началась.

-- Да.

Она пожала плечами.

-- Тогда все в порядке. Как я и говорила. Твоя смерть была необходима.

-- Это был... неприятный сюрприз. Ты натеревалась меня убить.

Она насторожилась, но из гордости скрыла свой страх.

-- И теперь ты жаждешь мести? Я сделала то, о чем меня просили. Нужно быть аккуратнее, когда просишь милости высших сил, воин.

-- Значит, в будущем я буду точнее

собирать слова, провидица, — ответил Эреб. Он скинул мешок с плеч и положил его в пыль у ее ног. — Я прогелал долги путь, чтобы найти тебя, и устал. Не могла бы ты дать мне отдохнуть? Быть может, воды?

— Стало быть, ты пришел не для того, чтобы убить меня?

Эреб скрестил руки.

— Если ты видишь будущее, то знаешь ответ.

Она загадочно улыбнулась, от чего некрасивое лицо стало еще более уродливым.

— Что ты знаешь о том, что я вижу, мой господин? Я скажу, что я вижу. Я вижу, что ты обрел силу. Ты славно потрудился. Но знай, рука судьбы, как бы ты ни возвысился, нечто всегда останется для тебя неведомым.

Эреб покаянно кивнул.

— Ты права, Ашкүб, и хотя мне неприятны эти слова, от этого они не станут менее правдивы. Потому-то я и пришел — чтобы учиться у тебя. В тот раз я был посрамлен твоим могуществом

и признаю, что ты знаешь больше меня.

Темный Апостол опустился на колени и склонил голову.

--- Позволь мне стать твоим учеником.

Он потянулся к свернутой мешковине, развязал веревку, с почтением развернул скрытый внутри черный бархат и поправил лежащее на земле содержимое.

В свете костра блестели восемь ножей --- атактов, сделанных с исключительным и безжалостным мастерством.

Теперь она была поражена. К нему вернулось удовлетворение.

--- Это... был... анафем? --- прошептала она.

--- Осколки, которые я собственноручно отколол от клинка в соответствии с древними ритуалами, --- он широко раскинул руки, повернув их ладонями вверх. --- Я вырастил их в крови Нерожденных и придал форму этих прекрасных орудий. Они все похожи, но среди них нет двух одинаковых.

Она подняла глаза с настороженным

выражением на лице.

--- Как ты этому научился?

--- Ковать было легко, поскольку этого требовали боги. Уж ты-то, могучая Ашкүб, должна знать, что их воле невозможно противиться.

Она наторщила нос.

--- Их воле? Твоей воле, полагаю. У тебя теперь ты хочешь от меня вознаграждения за это святотатство? --- Она покачала головой, и косточки в волосах задребезжали. --- Нет. Никогда.

--- Этого хотели боги, провидица.

Ашкүб уставилась на него и испустила протяжный вздох. Она поскребла кожу на голове неровным ногтем и уселась, продолжая ворчать. С момента их прошлой встречи ее конечности утратили гибкость.

--- Возможно. Возможно, --- пробормотала она. --- И чего же ты от меня хочешь?

Эреб снова распростерся перед ней.

--- Помоги мне. Помоги выиграть войну и донести свет Хаоса во все уголки галактики. Могучая Ашкүб, помоги тебе.

научи меня ходить по путям меж миров.

Пока слова срывались с его губ, он улыбался в грязь перед лицом.

Ашкүб всю ночь общалась с духами-покровителями. Она развела высокий костер на кизяке, награв свой шатер до почти невыносимой температуры. Пространство было изолировано, она закрыла пологи на двери и окнах и закупорила отверстие на крыше, через которое обычно выходил дым. Палатка заполнилась удручивым страгом еще задолго до того, как провидица начала бросать в огонь свои травы с порошками и вдыхать густые испарения.

Эреб слезящимися глазами наблюдал, как старая ведьма творит свою волибу. Он пытался сохранять бдительность, но ее влияние проникало во все уголки его сознания и ввело в места, которые Темный Апостол впоследствии не мог вспомнить.

Он не спал. Точно не спал.

Внезапно стало светло, а огонь пропал. Эреб моргнул. Дверной полог позади него был откинут. Грязь снаружи

была истерта ногами, а вокруг валялись разнообразные пожитки. Племя сбежало, но было невозможно сказать, насколько давно это произошло.

Ашкүб сильно ткнула его пальцем в плечо.

— Ну хорошо, благородный воин. Мы отправляется. Я научу тебя тому, чего ты хочешь. Этого желают боги, — она бросила взгляд на бархатный сверток с восемью атматами, а затем пригнулась и вышла из шатра.

Она сожгла остатки лагеря, а потом восемь дней и ночей вела Эреба по саванне. В часы трака, когда огромная болезненная луна Давина висела низко в небесах, Ашкүб рассказывала ему о владениях богов. Ведыта вводила его в транс, направляя сознание к краю эмпиреев, и показывала тайные пути, по которым разум может проникнуть на ту сторону.

— Мы служим богам, и потому нам легче пройти, — говорила она. — Однако они переменчивы, а в этом океане обитает множество темных тварей низшего порядка, которые жаждут огня

твоей души. Ты должен быть всегда на чеку. Никому не верь, ни о чем не думай. Ничего не чувствуй. Все, что ты в силах вообразить, может тебя уничтожить.

--- Тогда что же нас защищает? --- спросил он. --- Почему меня не сожрали, когда ты отправила меня по этому пути в прошлый раз?

Она отвернулась, глядя в розовато-лиловый трак неба Давина.

--- Думаешь, дело в твоих прелестных татуировках? В особых словах? Или ты полагаешь, будто избран, «рука судьбы»? --- Она вновь развернулась к нему почти со злостью. --- Нет, это тут не причет, лорд Эреб. Ничего из этого не защитит тебя. Мы защищены, ибо делает божественную работу, а также благодаря нашей преданности. Нашему честолобию, силе воли и целеустремленности. Это составляет и твое удовольствие. Вот почему в прошлый раз ты прошел беспрепятственно.

--- Смогу ли я сделать так снова?

Вместо ответа она ленивоковырнула грязь травинкой и снова бросила

взгляда на сверток с ножами.

--- Я знаю, что вы с золотым намереваетесь сделать. Я предвидела, что вы попытаетесь призвать в галактику Гибельный Шторм и устроить бурю в океанах времени. Вот почему ты здесь, а не только чтобы пройти сквозь пограничную пелену. Ты соберешь свои корабли вокруг себя и будешь двигаться без помех, пока остальные терпят неудачу. Вот чему ты хочешь научиться, --- она штыгнула носом и тихо добавила, --- несомненно, это сильное колдовство.

Эреб не стал отрицать.

--- Удастся ли мне?

Стебель царапал грязь, рисуя то, что предвидела только ведьма.

--- Посмотрим, --- отрывисто ответила она. --- Посмотрим.

В гневное время они шли, направляясь к далекой гряде черных гор. По пути они не видели ни единой живой души. Эреб вспомнил свой последний визит на поверхность планеты.

--- Равнины и поселения почти пусты, --- заметил он. --- Немудрено, ведь

исход уже начался, не так ли? —
самодовольно ухмыляясь, сказал он в спину
идущей впереди жрице. — Скажи, почему
ты к ним не присоединилась? Почему не
отправилась со своим племенем к звездам,
как многие другие жрецы?

Ашкүб не ответила.

Восемь легионеров подробно
обсуждали планы грядущего сражения.
внезапное нападение на ненавистный
Ультрадесант Жиллитана, которое
откроет свободный проход к Терре.
Поражение нанесет тяжкий удар по
боевому духу так называемых лоялистов.
Управляемые Жиллитаном
ультрамарские владения были моделью
того, что Император, по его словам,
всегда планировал для Империи.

Все ложь, — подумал Эреб.
Император искал только личного
возвышения, и бросил бы человечество
загнивать. Разве он не прятался на
протяжении тысячелетий?

Человечество пало бы так же, как и
эльдар, не раскрыв свой потенциал. А все

из-за жажды славы Императора. Это
открылось Эребу уже очень, очень давно.

На него накатывались разговоры о
засаде, мусорном коде, обмане и убийстве.
Все знали план досконально. Лоргар
поручил ему и остальным задачу
уничтожить XIII Легион почти год
назад, и Кор Фазрон долго готовил план.
Эреб представил Темному Кардиналу
возможность говорить, как тот любил.
Получеловек был так уверен в себе и в
расположении приемного сына. Он
гордился, что руководит атакой.

Однако Эреб знал, что и Магистры
Веры терзает своя заноза — его отказ
раскрыть предназначение этих атак до
настоящего момента. Это доставляло
Темному Апостолу удовольствие. Они с
Кор Фазроном когда-то были близкими
единомышленниками, но в последнее время
чаще конфликтовали.

Он наблюдал за остальными. Квор
Вондар, надувшийся от самоуверенности.
Озлобленный Федрал Фелл, разозленный
обязанностями, которые считает
неподобающими его положению.

Жаждающий власти Хол Велоф. Убийца Рабор, осторожный Ксир. Всех их в какой-то мере окружала аура беспокойства, но лишь Ксир казался по-настоящему встревоженным. Атака имела решающее значение для победы в величайшей из войн, но должна была дорого обойтись, невзирая на преимущество, данное внезапностью и ужасом.

Оглядывая круг костогесантников, которые спорили и боролись за скудную славу, Эреб — уже не в первый раз — задался вопросом, считал ли Лорзар командование этим сражением честью. Кампания играла ключевую роль, но должна была привести к большой крови. Не всем суждено остаться в живых. Вполне возможно, что Ксир, постоянно бросающий взгляды на свой клинок, тоже начинал осознавать истину.

Неважно. Эреб выполнит свою часть ритуала. Великое заклинание готово, а остальная часть Легиона уже движется через Ультратар. Он наметил место для призыва, собрал аколитов и заучил тирады имен демонов, к которым будет обращаться.

Все было готово.

Ксир молча поднял на него глаза. Эреб
живнул.

В развалинах старого храма в
предгорьях, за которыми приставивали
мрачные стражи, Ашкүб начала учить его
вскрывать покров реальности.

Первые попытки Эреба выходили
неуклюжими и постыдными. Как и было
велено, он проводил ножом Ашкүб по
воздуху, но лишь изредка получал
требуемый разрыв, да и тот был слишком
мал или слишком недолговечен.
Потребовалось затупить и принести в
жертву немало храмовых рабов, пока он не
овладел первой частью ритуала.

— Одно дело перенести чей-то разум в
эмпиреи, воин, и совсем другое — попасть
туда во плоти, — для наглядности она
постучала ему по затылку. — Ты должен
сконцентрироваться. Учись! Смотри!

Она отобрала нож, пробормотала
слова и провела им под углом, который
невозможно было описать в земной
системе координат. Воздух рассекал

светящаяся щель.

Свирено улыбнувшись, Ашкүб исчезла.

Эреб снова заметил, что ей не требуется жертвоприношение, чтобы открыть проход, и его решимость на мгновение дрогнула. «Терпение», — сказал он сам себе.

Она вернулась так же, как и обычно, приведя с собой очередную погруженную в транс жертву, кровь которой предстояло пролить во славу богов, чтобы Эреб сделал еще одну попытку.

По ночам Ашкүб не давала капеллану спать, заставляя медитировать, чтобы очистить разум и обезопасить душу. Она укрепляла его дух заклинаниями, однако недостаток сна начинал сказываться, генетический дар Легионес Астартес уже не справлялся.

Груда голов рабов с остекленевшими глазами, которую она сооружала на дальнем краю храма — ориентир для возвращения в материальную вселенную — неуклонно росла.

А потом, на шестьдесят четвертый день, ему удалось.

Неописуемо устав, он сделал нас
ножом. Бесконечное повторение
заклинания вымотало его, а проклятия и
оскорбления Ашкүб практически вывели из
себя. Он чувствовал апатию, слова
срывались с губ неосознанно.

--- Да! Да! --- заверещала жрица. ---
Проход открыт! Теперь иги. Иги. Закрой
свой разум. Вспомни все, что я тебе
говорила.

Он поднял взгляд и, не раздумывая,
шагнул внутрь.

Что он ощутил? Нагение.
Вцепляющихся в него существ.
Колоссальную непоколебимую мощь. Одно
дело глядеть в варп духовным оком, но
находиться там телесно...

Он бы никогда не смог облечь это в
слова. Мало кто смог бы, поскольку
попасть в это царство означало смерть
для любого живого существа. И все же...

Он ощутил, где должен выйти, при
помощи чувств, о существовании которых
не знал. Темный Апостол упал на землю
всего в нескольких метрах от кучи
разлагающихся голов.

Пока он лежал и тяжело дышал, Ашкүб присела рядом. Она оглядела его сверху донизу, а затем вытянула руку, прикрыла глаза и тихо произнесла заклятие провидения. Ее сознание погрузилось в него, а затем нечеловеческие глаза вновь резко открылись.

--- Это ты. В твоем теле никого нет.

Измощенный Эреб поднялся с земли.

--- Теперь отдохни, --- произнесла Ашкүб, и в ее голосе слышалась слабая примесь гордости. --- Завтра ты должен повторить.

Его путешествия становились более протяженными. Сперва за пределы рун, затем в удаленные поселения. По ночам Эреб бродил по пыльным улицам. Он нашел бы себе место в больших городах, поскольку там были Несущие Слово, но заметив братьев-легионеров, он быстро скрывался из виду. Темный Апостол старался не терять самообладания. Чувство триумфа было столь сильным, что он бы с радостью закричал бы в небеса.

Эреб начал сам приводить к их логову

жертв. Место стало омерзительным, там жужжали мясные мухи и разило застарелой кровью. Впрочем, для кратких переходов ему уже не требовалось убивать. Он задумывал все более длительные путешествия — поначалу небольшими шагами, пока наконец не смог обойти всю планету за одну ночь.

По мере роста его мастерства кратковременная гордость Ашкүб преподанным уроком сменялась настороженностью. Ведьма держалась поодаль и почти ничего не делала. Она практически не разговаривала с ним и, казалось, проводила много времени в трансе, но не мешала ему учиться.

Затем Эреб бросил вызов луне. Он стоял на озаренных гневным светом болотах и изумленно глядел на ночную сторону Давина, где был считанные секунды назад.

Как бы далеко он ни забирался, ощущение времени, проведенного в варпе, мало менялось. Одно и то же чувство силы и страха. Старание оставить в сознании только место назначения. Падение из

одной реальности в гущу. Ему не хватало изящества Ашкүб, но он знал, что способен пройти дальше, чем она. Он стал сильнее, и они оба это знали.

Ведьма совсем перестала его наставлять. Перестала есть. Эреб предполагал, что она готовится к концу. Его это злило, но он не покидал храма.

Он устроил себе последнее испытание. Темный Апостол с хлопком возник в своих покоях на борту «Длани Судьбы», с силой вылетев из варна. Он врезался в железную кафедру, расшвыряв по полу книги, манускрипты и инфопланшеты, и со стехом упал на них. Лежа среди груды тайн, он долго и громко хохотал.

Он без каких-либо маяков и наводящих сигналов определил местоположение корабля, который на полной скорости двигался через варн. Прибыл в собственное запертое и недоступное для посетителей святилище, и никто его не заметил.

— Я и впрямь Длань Судьбы, — пробормотал он себе под нос.

Прежде чем Эреба обнаружили, он вновь скрылся, вернувшись в разрушенный

храм на дальнем краю сегментума
Ультима.

Теперь старой ведьме пришло время
утереть.

--- Лорд Кор Фазрон, вы стали столь
самоуверенны, что полагаете, будто
достойны тайн самих богов? --- произнес
Эреб.

--- Я первый среди слугителей богов, ---
настаивал Кор Фазрон. --- Я изгнание
следовал за ними и требую, чтобы мне
сообщали об их целях. И в отличие от
тебя, Апостол, они не отказывают мне.
Ты обещал раскрыть предназначение этих
агентов. Раскрой. Это приказ.

Эреб нахмурился. Старик его
разочаровал.

--- Да будет так, мой повелитель. Как
и варп-склянки, это дар богов. Скрытая в
них сила может уберечь носителя от
вреда или же помочь ему творить великое
колдовство. Впрочем, да будет вам
известно, что это зависит от
способностей обладателя.

--- Это более чем загадочно, мой

господин, --- заметил Ундил с
многозначительной ухмылкой.

Федрал Фелл растеялся.

Эреб пожал плечами.

--- В таком случае я излагаю истину
слухам. Эти алаты не просто
ритуальные символы, а орудия
просвещения. Нанесенная ими рана может
поставить даже самого могучего героя на
службу нашему делу, открыв ему глаза на
величие Хаоса и вероломство
Императора.

--- Я не ощущаю подобной силы, лишь
стерпелый гад, --- пробормотал Квор
Вонгар, держа клинок возле закрытых
глаз. --- Хотя есть некий отголосок... --- он
натерщил лоб, словно силясь услышать.

--- Как я уже говорил, магистр
Вонгар, --- холодно произнес Эреб, --- это
зависит от способностей носителей. Их
можно использовать для любых целей.

Казалось, Кор Фазрон увидел клинок в
новом свете.

--- Говоришь, это орудия
просвещения? --- переспросил он с блеском в
глазах. --- Просвещения или соблазнения?

--- Обращения, мой повелитель. Среди прочего.

--- И вы, несомненно, не расскажете нам, что это за «прочее»? --- спросил Ксир.

--- Боги не станут давать вам силу сложечки, господа. Не стану и я. Ее нужно познать и получить. Учитесь, как я, или же останетесь на обочине пути в грядущие месяцы и годы. Выбор за вами, я лишь указал на будущие свершения в надежде, что вы, возможно... --- он прервался и опустил глаза.

--- Что ж, на этом все. Я вижу в каждом из вас некое величие.

--- Разумеется, --- сказал Фелл. --- Но зачем? Скажите нам, иначе мы не примем ваши клинки, какие бы чудеса вы ни сулили. Вы, несомненно, не станете ожидать, что мы столь слепо последуем вашим нахвешиваниям?

--- Нет, конечно же, нет.

--- Тогда какова причина того, что вы вручаете нам эти алаты?

Эреб широко улыбнулся. Он мгновение сдерживался, скрывая накопившееся раздражение остальных.

Рабор плаштя ударил клинком по столу и встал.

--- Судьба, --- наконец произнес Эреб, и при звуке этого слова по его позвоночнику прошел восхитительный трепет.

Кор Фазрон, Темный Кардинал
Несущих Слово

Когда Эреб вернулся, Ашкүб ждала его. Она наблюдала, как он приближается.

--- Я научился у тебя всему, чему мог, жрица, --- произнес Темный Апостол, сбросив грубую рясу.

--- Это так.

--- У меня здесь осталось лишь одно дело.

--- Я это предвидела, --- согласилась она.

Ведьма не стала сопротивляться, когда он опустился на колени и пригвоздил ее к полу в центре храма при помощи семи аталов. Противоестественные клинки погружались в камень, словно горячий нож в лед. Она кричала, пока Эреб повторял ритуал, который Ашкүб на его глазах

проводила над гавинским жрецом в день, когда отправила Эреба на встречу с Магистром Войны.

Она ни о чем его не утешала, даже пока он сдирал иссохшую кожу, лишь судорожно вздохнула, когда он вонзил последний из клинков в обнажившиеся мускулы на ее груди.

Жрица еще оставалась в сознании, когда Темный Апостол вырезал ей сердце и вгрызся в него. Кровь потекла по его подбородку, и ее глаза затрепетали.

--- Такова... воля... богов... --- прошептала она.

Странно, но она умерла с улыбкой на лице.

Эреб жевал и глотал, и трансчеловеческая физиология брала свое. Его посещали вспышки воспоминаний и мыслей жрицы. Ее мудрость принадлежала ему, и он наслаждался...

Эреб стал жевать медленнее. Ему попало недавнее воспоминание, которого он не ожидал.

Лицо в тени. Тайная встреча.

Он снова сглотнул и укусил еще раз,

мерзая зубами тугие мышцы.

Как бы он ни концентрировался, но не мог пролить свет на это лицо. Впрочем, кем бы ни был незнакомец, их разговор чрезвычайно обрадовал Ашкүб.

Эреб понял, что его провели с местью. Вегьта ждала, что он убьет ее. Как бы сильно Ашкүб ни хотела жить, но она умерла, служа богам. Возможно, это была часть чего-то большего, о чем ему уже никогда не суждено было узнать.

Издав разочарованный крик, он отбросил остатки сердца и стал раскачиваться на пятках возле останков тела жрицы.

Терпение.

Он научился, чему хотел, однако не был удовлетворен. Ашкүб победила.

Нож у него в руке загудел на резкой, тревожной ноте, звучащей на предельном восприятии. Остальные один за другим подхватили нестройный мотив. Хриплый звук был ужасен, пока не запел восьмой нож, и тогда какофония превратилась в произведение неупорядоченной красоты. Как и писал примарх, Эреб впервые

услышал восьмтеричную песнь Хаоса, и перед ним открылось будущее.

Затем ноты медленно стихли.

Эреб забрал клинки с тела жрицы. Финальный акт святоотатства совершился, и осколки были готовы.

Пока он собирал их, они пощипывали руку. Темный Апостол непринужденно провел огнем из них — тем, который выбрал для себя — по покрову реальности и шагнул обратно на «Длань Судьбы».

Эреб вышел из зала первым, вплотную за ним следовал сержант Ундил. Корфаэрон выглядел озлобленным, а у Темного Апостола не было запасов терпения на очередную демонстрацию силы.

Его беснѹтность многих злила. Какое ему было дело? Теперь его боялись, и это давало ему контроль над всем. Задачи были близки к выполнению. Осколки будут там, где ему требуется, и пролитая или кровь сможет приблизить как минимум предвиденное и будущее.

Если Лоргар натеревался избавиться

он Эреба, то его ждет разочарование.
Неважно, что восемь Осколков дают
собратьям-командующим возможность
тоже скрыться с Калта. Научатся они
летать сквозь илматериум в случае
необходимости или нет, что ж...

Кое-что он оставит на волю богов.

* * *

+++ЗАГРУЗКА
ПРОСТОАНОВЛЕНА.
ПРОЦЕДУРА ОЧИСТКИ+++

ДАННЫХ
НАЧАТА

«үшкүл тү»+++

+++ОШИБКА+++

+++ ОШИБКА +++

+++ ОШИБКА +++

+++ ОШИБКА +++

+++ ОШИБКА +++

+++ ОШИБКА +++

+++ ОШИБКА +++

+++ ОШИБКА +++

+++ОШУ---мы закят святости.
живущее в восьмом не утрет. сброшенные
вниз воссядут на престолы. меняющееся
вечно. корчащееся в утробе могилы
переродится. живущие без оков будут
освобождены. мы шаги нового солнца. мы
дети погребального костра---БКА+++

+++ ОШИБКА +++

+++ ОШИБКА +++

+++ ОШИБКА +++

++мы поднимается++

+начинается+

Былой Калт

Грэм Макнилл

Персонажи

XIII Легион, Ультрадесант:

Рем Вентан, капитан, Четвертая
рота

Киуз Селатон, сержант, Четвертая
рота

Лирос Сиганс, капитан, Четвертая
рота

Анкрион, сержант, Четвертая рота

Барка, сержант, Четвертая рота

Эйкос Ламиаг, Эйкос Однорукий,
тетрарх Ультрамара (Конор)

Телемехр, Небесный Воитель,
средноут «Контемптор»

Эфон, капитан, 19-я рота

Октавиан Брусций, капитан, 24-я
рота

Колбия, технодесантник

Урат, сержант, 39-я рота

XVII Легион, Несущие Слово:

Федрал Фелл, командующий
помазанник

Хол Велоф, командующий
помазанник

Малок Карто, Темный Апостол

Эриэш Кизал, сержант
терминаторов

Зү Гүнара, гредноут

Имперские персонажи:

Мер Эгв Таурен, Сервер Управления,
Механикум

Сүбиакко, Ингениум, ауксилия
Калтских Первопроходцев

Риук Хатагри, полковник, Ауксилия
Обороны

Вольпер Уллет, капитан, 77-я
дивизия поддержки Ингениума

Кадун, майор, Штурмовики Кардаса

Бартебес, капрал, Штурмовики
Кардаса

Кто умрет последним?

Первым в Боевой Сводке значится имя Гонория Люциеля, но кто станет последним? Предательство, которое подстроил Магистр Войны, началось гибелью Ультрагесантника, но капитан Рем Вентан из Четвертой роты поклялся, что оно завершится смертью Несущего Слово. Не одного из оборванных отбросов из братств культистов, не выдернутой из эмпиреев бескожей мерзости, а воина XVII Легиона.

Вентан записал это своим угловатым почерком на бумажной полоске для обетов. Сиданс с Баркой выступили свидетелями, а Селатон прикрепил полоску с восковой печатью к эфесу своего гладиуса. Вентан станет тем, кто вытащит последнего из сынов Лорзара на поверхность Калта, сорвет с него доспехи и швырнет ублюдка на облученную землю.

Он будет ждать, наблюдая, как едкие лучи отравленного солнца сжигают плоть

на костях Несущего Слово. Один слой кожи
за другим будет чернеть и отваливаться,
словно шлак, ядовитый воздух обожжет
предателю горло, придучив крики и
заставив выблевывать наружу пенящиеся и
распадающиеся остатки легких.

И за миг до того как смертоносные
лучи светила наконец прикончат
Несущего Слово, Вентан всадит ему в
череп заряд из болтера.

Последним утром Несущий Слово,
сраженный рукой Ультрадесантника.

Это не теория.

Чистая практика.

55

Ланшир.

Комплекс размером с город, некогда
считавшийся одним из крупнейших
костопортов Калта, сгорел в пламени
гнева Легиона. Были известны имена Хол
Велофа и Федрала Фелла, однако были и
другие — воители, которые, возможно,
совершили в прошлом славные деяния, но

теперь стали синонимом предательства и
употреблялись наряду с Гором.

Ланишр стал некрополем, городом-
кладбищем, улицы которого завалены
обгорелыми остовами боевых машин,
мусором, после битвы валяющимся по всей
планете, и десятками тысяч почерневших
от радиации тел. Смертоносные лучи
светила Калта сжигают кости в прах, и
радиоактивные ветры сдувают хлопья с
мертвецов, закручивая вихри.

Большая часть трупов принадлежит
смертным солдатам предателей, которые
погибли от возмездия орбитальных
платформ или были отравлены солнцем,
когда планета лишилась последних
остатков атмосферы. Среди разбросанных
тел лишь несколько имеют
почти человеческие пропорции легионеров.

На поверхности остаются только
мертвые враги.

Павших Калта унесли вниз и воздали
им надлежащие почести.

Грохотные осадные экскаваторы и
строительные машины Механикута,
предназначавшиеся для войн крестового

похода, роют в скале Калта нещеры-
могильники — широкие галереи и глубокие
шахты, где прославленные мертвецы
навек станут частью мира, за который
отдали свои жизни.

Первопроходцам инженера Сүбиак
еще многое нужно сделать, но оказание
почестей мертвым было первой из задач,
которые поставил перед ними Вентан.

III

Таурен вычистила мусорный ког из
орбитальной защитной сети и тем самым
спасла Ланшир от полного уничтожения,
однако мало что устояло после ее
тщательного возмездия, когда лучевые
орудия, ракетные базы и платформы
залпового огня разнесли наступление
Несущих Слово в пыль. Над разрушенной
центральной промзоной, словно следы давно
погибшей цивилизации, возвышаются
остовы фабрик и оставшиеся без крыши
цеха. Леса прогнувшихся башенных кранов
и искореженных останков
грузоподъемников раскачиваются, будто

пьяные, а железнодорожный терминал
Бедрус Облик напоминает изгнущую
рельсовую дорогу, раскиданную среди
транспортных линий и депо.

По всей территории космопорта
горят склады боеприпасов и грузовые
контейнеры, сложенные в штабеля перед
подъемом на орбиту, и трещащую в небе
зарю перечеркивают сотни чернильно-
черных столбов дыма. Над
выпотрошенными островами
транспортников и останками армии для
завоевания миров скорбно разносятся треск
пламени и металлический скрежет
рушащихся сооружений.

Вентан помнит это место.

Он помнит незатухающее насилие,
непрекращающиеся вспышки вражеского
огня, всесокрушающую мощь. Сплошной
шквал массореактивных снарядов, неоновый
лазерный дождь, громовой грохот боевых
машин предателей, сопровождающих воет
своей кровавый триумф. Взрывы и вопли
сливаются воедино в предсмертный крик
целого мира.

По сравнению со всем этим нынешняя

коштарная панорама гибели, озаренная
пламенем, кажется почти спокойной.

Ланшир мертв, но в нем
продолжается активность. Фабрики и
грузовые склады далеко к северу от центра
окружаны совершенно неестественной
дымкой, и там горят огни не разрушения,
а созидания и восстановления. Что-то
выжило посреди мирового катаклизма.
Судя по обрывочным вокс-перехватам,
Федрал Фелл удерживает северные
заводы, но сверх этого не известно ничего
конкретного.

После битвы за Калт осталось много
теории, но чрезвычайно мало практики.
Вентан и двести легионеров Четвертой
прячутся на гребне, а под ними ржавые
рельсы тянутся от горящего
железнодорожного терминала прямо от
Облика к фабричным депо.

--- Что-нибудь видите, сэр? ---
интересуется Селатон, подползая к краю
гребня.

Вентан качает головой. Что бы ни
творилось на севере, это остается тайной.

--- Мне нужны разведчики

Ваттиана, --- говорит капитан. --- Но...

Он машет рукой, позволяя фразе повиснуть в воздухе, и Селатон понимающе кивает.

Когда Ультрагесантники отчаянно прорывались к зданию собраний гильдии, следопыты Ваттиана безопасно провели их мимо бдительных взглядов Несущих Слово, однако доспехи разведчиков слишком легкие, чтобы выдержать враждебные условия на поверхности. Даже броня Mk-IV может находиться наверху лишь ограниченное время, пока не перестанет защищать.

Терминаторы в состоянии перемещаться спокойно, но в распоряжении Вентана их считанная горстка.

--- Вы действительно думаете, что Несущие Слово пойдут именно здесь? --- спрашивает Селатон. Вентан знает, что сержант согласен с мнением Сиданса, будто это предположение ошибочно.

--- Да, --- отвечает Вентан, кивая в направлении терминала. Повсюду, словно мертвые змеи, лежат сотни железнодорожных составов. Тендеры

расколоты, наружу валит густой
мазутный дым.

--- Почему? --- интересуется Селатон.
--- Есть масса более прямых путей к
северным заводам.

--- И на каждом из них нужно
пересекать большие участки открытой
местности.

--- Если они будут двигаться быстро,
то смогут успеть, пока орбитальные
орудия не выполнят расчет цели.

--- Без техники? Ты бы рискнул?

Перед тем как ответить, Селатон
мгновение обдумывает вопрос.

--- Теоретически, если бы я оказался в
ловушке на вражеской планете, без
перспективы немедленно получить
подкрепление, то захотел как можно
быстрее соединиться со своими войсками.

--- На практике железнодорожный
терминал прикрывает их, --- говорит
Вентан, указывая на изрытую воронками
от снарядов крышу здания. Покрытие по
большой части цело, хотя задымленное
внутреннее пространство и пронизывают
колонны болезненно-синего света. --- Данные

ауспика сервера Таурен указывают, что
предводитель этих сил осторожен. Он
перемещается от укрытия к укрытию,
выбирая момент.

--- Но она их потеряла, --- замечает
Селатон. --- Мы не знаем, где они сейчас.

--- Если он хочет добраться до
Федрала Фелла живым, то пойдет этим
путем, --- настаивает Вентан.

--- Сервер что-нибудь упоминала об их
количестве?

--- По меньшей мере пять сотен,
возможно больше, --- отвечает Вентан.

--- Тогда надеюсь, что вы правы, --- с
удовольствием произносит Селатон.

JV

Первыми появляются потрепанные
отделения. Они двигаются неуверенно,
словно воры во мраке.

Две группы Несущих Слово, возникшие
из выжженного острова завода по ремонту
титанов, похожи на осторожных
травоядных, приближающихся к водопою,
где часто бывает высший хищник. Они

быстро перемещаются между горящими остатками сошедших с рельс грузовых контейнеров. Вентан позволяет пальцу скользнуть под спусковую скобу оружия.

Он выдыхает.

Это всего лишь разведка — пробные вылазки в горящие развалины на краю вокзала. Враги надеются, что возможная засада утратит бдительность, но Вентан отдал четкие приказы. Никто из его воинов не открывает огонь, хотя наверняка всем этого хочется. Чтобы ловушка полностью захлопнулась, Несущие Слово должны целиком сунуть головы в петлю.

Наблюдая за воинами противника, Вентан видит, что броня легионеров снова изменилась. Сперва она превратилась из гранитно-серой в багряную. Теперь же поверхность доспехов представляет собой мешанину черных подпалин, обнажившегося железа и немногих сохранившихся кроваво-красных фрагментов. Первая перемена была сознательной, вторая — нет. Свет раненой звезды Калта лишил XVII Легион единообразия, и Вентан осознает,

что больше не воспринимает их как
легионеров.

Они выглядят слишком потрепанно
и обособленно, чтобы удостоиться
подобного объединяющего термина.

Они не заслуживают даже
количественного обозначения вроде роты
или батальона.

Эта боевая банда, разношерстное
собище выживших.

Под шлемом его губы презрительно
кривятся.

Недолго вам еще оставаться в живых.

Авангардные подразделения Несущих
Слово углубляются в железнодорожный
терминал, продолжая двигаться с
осторожностью и поглядывать в сторону
неба и невидимых орбитальных орудий.

Они пропадают из поля зрения,
скрывшись в клубах дыма, и Вентан
отсчитывает секунды в такт ударам
сердца.

Он задает, не ошибся ли. Возможно,
Несущие Слово разделились на малые
группы, и каждая самостоятельно
пробирается к федералу Феллу. Капитан

чувствует на себе внимательный взгляд Селатона, но не отводит глаз от погнутого рельса, ведущего к вокзалу. Он хочет, чтобы враг показался.

Из-под защиты ремонтного цеха появляется марширующая колонна Несущих Слово, которая движется со всей возможной скоростью, которую позволяет осторожность. По подсчетам Вентана, их около шести сотен. Только пехота — ни техники, ни дредноутов. Несколько легких орудий, но ничего такого, что бы заставило его остановиться или подумать еще раз.

Но не только недостаток тяжелого вооружения убеждает его, что атака удастся. Наблюдая за повышенной настороженностью их движений, Вентан понимает, что Несущие Слово ошеломлены. Они прибыли на Калт высокомерными, убежденными в полной победе, но забыли, с кем сражаются. Это упущение дало Ультрадесанту возможность нанести болезненный ответный удар, тычок в живот от поверженного бойца, меняющий ход драки.

Вентан выжидает, пока не убеждается в том, что из укрытия больше не появятся новые Несущие Слово. Он поднимается на ноги и протягивает руку назад.

Еще один сержант, Барка, вручает Вентану штандарт с полатым древком и изогранной тканью с ротной геральдикой. Капитан устанавливает его на краю гребня и крепко прижимает болтер к плечу.

— За Калт! — кричит он, и двести воинов Четвертой встают.

Огонь болтеров обрушивается на обломки перед железнодорожным вокзалом. Рывкающий залп сносит с ног множество Несущих Слово еще до того, как те успевают понять, что их атакуют. Под вторым залпом гибнет еще несколько дюжин. Теперь враги перемещаются за укрытие, отстреливаясь и прижимаясь к земле. Ультрадесантники не наступают, они удерживают позицию, поливая огнем ряды противника. Вентан — меткий стрелок, и не торопится, тщательно выбирая цели. Он выстатривает среди

Несущих Слово офицеров и сержантов. Задачу усложняет то обстоятельство, что с опаленной боевой брони исчезло большинство знаков отличия.

За неизменем соответствующих отметок, капитан выцеливает тех, чьи наплечники и шлемы сильнее всего изуродованы, обладателей наибольшего количества шрамов, или тех, кому, по всей видимости, подчиняются прочие. Он всаживает массореактивный заряд в шлем воина, у которого маслянисто поблескивает кольчужный плащ, а нагрудник увешан кинжаловидными амулетами. Убивает еще одного, на лицевом щитке которого вырезана неровная звезда. Пробегающий между двух разбитых тендеров воин с глинной цепной глефой и потрескивающими силовыми когтями утирает с развороченной грудью. Если бы кто-то еще видел эти выстрелы, то за каждое из убийств Вентан удостоился бы похвалы.

Убивая, капитан испытывает то же чувство справедливости, как во время их первого прорыва в Ланиир. В этот

момент его болтер — не просто оружие, а инструмент праведного возмездия, немезида всему вероломному и предательскому. Вентан выбрасывает опустошенный магазин и с плавной непринужденностью вставляет свежий.

По всей глине гребня вздымается серия взрывов, и от удара наземь падают около двадцати Ультрагесантников. Вентан узнает демонацию снарядов легкой полевой артиллерии. Трофейные орудия Армии, не техника Легиона. Все упавшие Ультрагесантники быстро вновь поднимаются на ноги и стреляют вниз, лишь ненадолго перестав убивать.

Несущие Слово отстреливаются, но их огонь беспорядочен. Некоторые из воинов противника даже не удосуживаются вести ответную стрельбу, и Вентану требуется секунда, чтобы осознать причины этого. Спустя мгновение к тому же выводу приходит и Селатон.

— У них недостаточно боеприпасов для сопротивления, — говорит он.

Воины начинают понимать то же самое, и Вентан чувствует их желание

броситься к Несущим Слово. Убивать предателей, глядя тем в глаза. Пролить кровь врагов собственными руками. Вентану тоже хочется пристегнуть болтер и наступать с обнаженным мечом, чтобы преподать вероломным сынам Лоргара урок о том, какова расплата за незавершенную работу.

Он обдумывает эту мысль.

В теории это славно, однако практика не допускает эмоций.

— Держать позицию, — произносит он. — Продолжать обстрел.

Негвустысленность его интонации удерживает Ультрагесантников на месте.

Несущие Слово больше не отстреливаются. Вместо этого они бегут к вокзалу, рискуя попасть под непрерывный огонь Ультрагесанта. Они бросили полевые орудия, зная, что те бесполезны против воинов, защищенных силовой броней.

Десятки Несущих Слово погибают на открытом пространстве, но еще сотни добиваются до прикрития затаятого дымом терминала. Густой смог

поглощает их, и даже авточувства
Вентана не в силах пробиться сквозь
насыщенную хитикатами черноту.

Селатон смотрит на него, ожидая
приказа.

Земля усыпана телами Несущих
Слово.

Некоторые еще живы, и это радует
Вентана. Они будут знать, что
произойдет.

Капитан открывает канал вокс-связи
на предустановленной частоте.

--- Сервер Таурен, говорит Вентан.
Враг в мешке, --- произносит он. --- У вас
готов расчет?

--- Подтверждаю, --- доносится
искаженный воксом ответ Таурен. ---
Открываю огонь.

Ее голос лишен акцентов и внешне
бесстрастен, хотя Вентан знает ее
достаточно хорошо и понимает, что это
не так. Она ему нравится, насколько
вообще можно сказать, что постчеловеку
нравится фантастичный, полностью
модифицированный агент жречества
Механикума.

Селатон слышит этот разговор и поднимает взгляд к облакам над железнодорожным вокзалом, которые охвачены приближающейся бурей. Из туч бьет слепящий столп света, на короткий миг соединяющий орбитальную лэнс-батарею с поверхностью Калта. Пробитая снарядами крыша терминала слетает под взрывным ударом кинетической силы и исчезает в огненной облаке.

Вентан даже не вздрагивает, когда на него накатываются электромагнитный импульс и колоссальное давление. Капитан неподвижно стоит, сжимая в руке ротный штандарт, пока на железнодорожный вокзал обрушивается еще один удар лэнсов, а затем и еще один. Орбитальная батарея еще дважды дает выход своей мощи, и когда бурлящие клубы дыма рассеиваются, на том месте ничего не остается.

Почва превратилась в стекло. В радиусе пятисот метров от точки первого удара не уцелело ни единого кирпича или куса металла.

Вентан удовлетворенно кивает и

возвращает штандарт сержанту Барке.

Он упреждает вопрос Селатона о времени лэнс-удара.

--- Потому что я хочу, чтобы последним зрелищем в жизни каждого Несущего Слово был Ультрагесантник, --- произносит Вентан.

V

Пещеры находятся под пригородным кольцом южного транзитного центра Радвал Ураник, некогда густонаселенного района громадных жилых блоков в ста километрах к западу от Ланшира. Его сверхсооружения и обширные мегабашни были обрушены орудиями сражающихся титанов, устроившими апокалиптическую огненную бурю. Не обращая внимания на перепуганных жителей, силы лоялистов и машины предателей вели бой, в котором погибли сотни тысяч комбатантов, но не оказалось истинного победителя, поскольку обе стороны оттянули силы к более важным объектам.

Пещеры, череда подземных пустот естественного происхождения, являются настоящим чудом, которое местные легенды связывают с мифической змеей, якобы бұравившей кору Калта в доисторическую эру планеты. В подобное не верят даже дети, однако в клубке туннелей под Рагуалом Ураник устроил себе логово новый змей.

Его имя Хол Велоф, и раньше он командовал армией уничтожения, воинством геноцида, которое стремилось не завоевывать и порабощать, а разрушать во имя Гора.

Под его знаменем собиралось полмиллиона воинов.

Теперь от этих сил осталась лишь малая доля.

От его армии уцелело менее десяти тысяч, и даже это по большей части паршивые отбросы братств. Среди них Каул Мандори, Ценвар Каул, Джехаварнат и Уштетар Каул. Окровавленные и посрамленные силы Хол Велофа прячутся в аркологии Ураника. Они невидимы для стертоносного огня орбитальных батарей

и защищены от губительной радиации, которая очищает поверхность, однако занятнаны позором неудачи.

Падения случаются, и падение Хол Велофа практически абсолютно.

Хол Велоф входит в число помазанников, он — зарекомендовавший себя в битве полководец, известный своей амбициозностью. Он возглавлял завоевания тысячи миров, видел падение империй и сокрушил бесчисленных врагов. И все же он боится, что заветное возвышение до места возле лорда Аврелиана ускользает у него из рук.

Он до сих пор не понимает, как они потерпели неудачу.

Ультрагесантники были сломлены, разгромлены и лишены лидера. От уничтожения их отделяли считанные минуты.

А потом с небес хлынули огненный дождь и убийственный свет. Каждый сокрушительный удар с орбиты потрошил титанов и превращал целые воинства в пепел. Враг каким-то образом вернул себе контроль над батареями и обратил

величайший триумф в горчайшее поражение. Ланшир должен был сгореть под гром пушек Хол Велофа, однако ураган развернулся в другую сторону и вырвал бьющееся сердце у него из груди.

Хол Велоф сидит в пещере, по которой разносятся отголоски сердцебиения гибнущей планеты, и его окружает огин лишь пенел. Распрямившись в полный рост, Хол Велоф оказался бы закованным в алую броню гигантом, на плоти которого вырезаны слова Лоргара и выбиты освященной кровью татуировки, но он согнут поражением. Он был избран для великих дел, но не смог выполнить условия завершения сделки, и поддерживавшие силы отказались от его замыслов.

Насколько известно Хол Велофу, его партия может быть последней живой на Калте.

Собратья-командующие. Жив ли еще кто-нибудь из них?

Мертв ли Кор Фаэрон, или еще сражается, чтобы донести Слово до Калта?

У Хол Велофа нет ответов, и его парализует чувство поражения.

Рядом лежит варп-склянка. Темная маслянистая жидкость, в которой раньше извивалось и скользило нечто неимоверно древнее, похожее на эмбрион, неподвижна и безжизненна.

Хол Велоф говорит в нее, надеясь услышать обратив-командующих, но ответа нет. Существо, которое соизволило втиснуть фрагмент своего сознания в многоугольное пространство, исчезло, и Хол Велоф еще никогда не ощущал себя настолько одиноким. Немногочисленные уцелевшие спутники под контролем Ультрагесанта, а радиоактивные бури на поверхности делают стехотворными любые попытки пользоваться кодированным воксом.

Он слышит приближающиеся шаги, шаги легионера, и поднимает взгляд. Его рот кривится в презрительной улыбке, когда он видит перед собой Малока Карто. Темный Апостол наполнял его разум идеями власти и величия на протяжении всего приближения к Калту и кампании по

уничтожению. Как и все подлинные фанатики, Карто не дает своему пылу ослабнуть после абсолютного поражения. Хол Велофу хочется убить его, но по ночам Апостолу, словно незримые лакеи, все еще прислуживают бормочущие тени.

А в пещерах под Калтом всегда ночь.

--- Чего ты хочешь? --- требовательно спрашивает Хол Велоф.

Донести

Слова

Ультрагесантника, --- отвечает Карто. --- Как и тебе следовало бы.

--- Хочешь драться? --- огрызается Хол Велоф. --- Вперед. Выбирайся на поверхность, и посмотрим, насколько быстро с тобой разделаются орбитальные пушки.

Карто выглядит мрачно. Он также отпечен, но еще и трижды избран. На нем благословение примарха, эмпиреев и тварей с той стороны пелены. Его доспехи поблескивают, как будто броню недавно вытазали кровью, а рунические надписи, вырезанные на каждой пластине, корчатся в лазурной биолуминесценции пещеры. На правом виске шлема роз, который обвивается вокруг головы и оканчивается у

левой щеки окованным железом острием.
За спиной Апостола глиняный посох с
черным древком, за которым тянется
шлейф из глиняных теней, оставляющих в
воздухе неизгладимый след.

Костистое лицо окутано мраком и
непроницаемо.

Хол Велоф подозревает, что Карто
сознательно ведет себя таким образом.

— Думаешь, твоя работа на Калте
закончена, Велоф? — спрашивает Темный
Апостол. — Ты и вправду веришь, что
твоей задачей было просто сражаться в
войне смертных? Магистру войны и
Лоргару Аврелиану требуется, чтобы ты
не только проливал кровь болтером и
кинжалом. Им нужно преобразить холсты
галактики, донести великие истины до
тех, кого ослепили пустые посулы
Императора. Ты — воплощение новой эры.

Хол Велофа охватывает злоба, и он
выходит из оцепенения, заноса одну руку
наг эфесом боевого клинка, а другую сжав в
кулак.

— Ты это уже говорил, — произносит
он. — Когда я шествовал во главе

неудержимой армии. Твои слова
воспламеняли сердца всех слушателей, но
теперь я вижу правду. Они пусты, как
колхидские обеты, и столь же
бесстысленны.

Малок Карто отцепляет шипастый
посох от спины, и на мгновение Хол Велоф
решает, что Апостол намеревается
напасть на него. Но вместо этого Карто
втыкает посох в пол, и у него за спиной
разрастаются борточущие тени. По всей
длине жезла вырезаны катехизисы и
благословления, скопированные из великой
книги Лоргара, а на конце находится
круглое навершие, из середины которого
расходятся восемь шипов Октета.

— Ты слаб, Хол Велоф, — говорит
Темный Апостол. — Слаб и глуп. Вздорный
ребенок, который плачет, хнычет и
скрежещет зубами, когда его желания
впервые не исполняются.

Хол Велоф тянется за мечом, но не
успевает извлечь клинок даже наполовину,
когда окружающий посох Карто темный
дым рвется вперед и сбивает его руку с
эфеса. Спустя мгновение перед ним

оказывается сам Кармо. Кажется, будто Апостол не двигался, и шепчущие тени перенесли его над землей.

Хол Велоф делает шаг назад. Его окружает завеса мрака, которая колеблется волнами, словно в воздухе висит нефтяное пятно. В глубине двигаются фигуры, бесконечно малые доли колоссальных сущностей, находящихся вне времени и пространства. Они напирают на границу между этой реальностью и их владениями. Их единственная форма — та, что он пригает или сам: множество глаз, клыкастых ртов и искривленных рогов, которые то возникают, то исчезают под его взглядом.

Они голодны. Они чувствуют биение его сердца и жаждут вкусить живой крови.

Если они нападут, он не сможет их остановить.

Кармо подходит вплотную, и темнота расступается перед ним. Она окутывает его, словно саван, скользя по выпуклым поверхностям боевого доспеха. Беспросветный покров маячит за спиной Апостола, словно послушник.

Это зрелище вызывает у Хол Велофа
отвращение.

--- Подумать только, ведь это я
помазал тебя и направил к славе, ---
произносит Телный Апостол,
разочарованно качая головой. --- Лоргар
принес нам истину из тех мест, где боги
встречаются со смертными, но ты ее не
видишь. Ты слишком невежественен. У
тебя есть шанс бросить свою смертную
оболочку и вознестись к славе, но с каждой
секундой, которую проводишь в жалком
сочувствии к самому себе, ты все больше
опускаешь этот момент.

Хол Велоф не до конца понимает
слова Карто, однако чувствует ужас от
того, что все обещанное ускользает от
него и никогда не наступит. Он опускается
на одно колено перед Телным Апостолом,
склонив голову, будто проситель.

--- Скажи, что я должен сделать, ---
говорит он.

Его пугает идея покориться
замыслам Телного Апостола, но он знает,
что во имя своих амбиций скажет и
сделает что угодно. Ему так сильно

хочется занять место возле Лоргара и
Гора, что он охотно станет выпрашивать
у Карто объедки.

--- Галактика меняется, Хол Белоф, ---
произносит Темный Апостол. --- Старые
пути уходят в прошлое, устанавливается
новый порядок. Былого больше нет, а
грядущее только обретает форму.
Принявшие истину будут процветать.
Остальные же сгинут.

--- Скажи, что я должен сделать, ---
повторяет Хол Белоф. --- Что нужно от
меня силам?

Карто наклоняется. Его прикрытые
глаза светятся пылом, который способен
разжечь лишь кровопролитие.

--- Бойня, --- произносит Карто. --- Ум
нужна бойня.

VJ

Некогда для изучения пещерных
археологий Калта собирались геологи с
далних уголков Империи. Магосы
кузниц Марса и мастера-каменщики
Гильдий Терры дивились их

самодостаточности и часто отмечали, насколько естественно искусство людей слилось с причудами природы.

Однажды на Калт в качестве почетного гостя Жиллимана прибыл сам Гор, хотя теперь об этом визите никто не упоминает. Ингениум Сүбиако прерывает работу и загадает, как бы те магосы и каменишки оценили то, что сейчас устроено под поверхностью Калта.

Над грубоватым лицом ингениума --- высокого мужчины, который постоянно сутулится из-за бесконечных дней проведенных над подробными схемами --- редеющая поросль волос цвета кукурузы. На обеспокоенном лице Сүбиако, как будто какое-то хирургическое устройство, закреплены очки в медной оправе, совмещенные с ноосферным БМУ и полным комплектом сенсориума. В лучших традициях Ингениума Калта он носит длинные усы, набощенные кончики которых забиваются на рутяных щеках.

После долгих дней и беспокойных ночей он выглядит неряшливо для старшего ингениума ауксили

Первопроходец Калта. Его накрывает волной усталости, и глаза на мгновение закрываются, но он быстро открывает их. Во сне его посещает слишком много кошмаров, чтобы хотеть увидеть их еще и наяву.

Субиако подает зевоту и наблюдает, как очередной просвет в скале постепенно запечатывают. Это туниковый туннель, который тянется на километр от нижней пещеры Аркологии Х. Вернувшиеся картографические группы сообщают, что туннель завершается туником, однако после жестокой войны точная разведка глубоких пещер практически невозможна.

Мысленный импульс выводит перед глазами ноосферную проекцию туннеля. Субиако убавляет разрешение, чтобы получить полный обзор. Туннель имеет ширину пять метров и загибается вниз, описывая плавную дугу на протяжении еще трехсот метров, делает несколько резких поворотов, а затем приводит в затопленную водой промывную пещеру. Нижние горизонты туннеля скрыты

сообщениями об ошибке. Сүбиако жалеет, что у него нет времени и людей, чтобы составить более точную карту.

Пещера, где он стоит, заполнена орудиями Ингениүта: сине-серые землеройные машины, каждая из которых снабжена бульдозерным ковшом высотой в десятки метров; грузовые краулеры с пневматическими манипуляторами, способными легко поднять сверхтяжелый боевой танк; буровые установки с коническими носами, а также одинокая конструкторская машина Механикүта. Они издают ужасающий шум, и без встроенных в очки акустических компенсаторов Сүбиако бы уже давно оглох.

Сотни мужчин и женщин из ауксилиев Первoproходцев передвигают последние противовзрывные заслонки в кессоны многометровой толщины в жерле туннеля, пока грохочущие танкеры с пермакритом стоят наготове. На Первoproходцах тяжелые прочные комбинезоны и громоздкие респираторы, однако люди безропотно трудятся среди жары, пыли и мрака.

Они работают с гордостью и целеустремленностью.

Субиако понимает их гордость. Она свойственна ультрамарцам до мозга костей.

Стремитесь к совершенству — наименьшее, чего ждут от людей лорда Жиллимана. Родиться на Пятистах Мирах — честь и привилегия, за которую наделжит платить каждый день.

Верхнего мира больше нет, однако Субиако и его Первопроходцы станут творцами мира нижнего.

Ингениум наблюдает за работой налитыми кровью глазами, но ему не нужно давать советы или вносить поправки. Подчиненные знают свое дело, а полученные инструкции точны и не требуют дальнейших объяснений. Вместо этого он выводит полную проекцию Аркологии X и улыбается, осознав, что пометка на карте, второпях сделанная капитаном Вентаном, навсегда подарила комплексу новое название.

Думая о Вентане, Субиако поднимает глаза, когда к нему

приближается сержант Ультрадесанта в
силовом доспехе, поврежденном в бою.
Ингениум не знает этого воина, но броня
нагрудника и наплечников покрыта
глубокими рывинами от попаданий пуль
и клинков.

Уцелел только шлем, который
недавно был выкрашен в алый цвет, что
выглядит странно уместным.

--- Сержант Анкрион, --- произносит
Субиакко, когда оптические фильтры
считывают имя воителя с правого
наплечника, из-под налета лазерных
погналин. --- Могу ли я чем-то помочь вам?

--- Когда туннель будет запечатан? ---
спрашивает гигант.

Анкрион говорит резко, но Субиакко
понимает спешку. Ингениум выводит
множество потоков данных и перебирает
графики завершения работ при помощи
гантимических имплантатов в кончиках
пальцев.

--- Заслонки вот-вот встанут на
место. Когда будет проведена проверка
целостности, мы распылим пертакрит, и
я поставлю запирающую печать. Если

ничего не изменится, туннель будет
заперт в течение часа.

Анкрион кивает, но ответ его явно не
радует.

--- Вы не можете работать быстрее?
--- спрашивает он.

--- Если вам нужна работа со знаком
качества Ингениума, то нет.

--- Процесс ускорится, если
задействовать больше машин?

--- Разумеется, но у нас нет
дополнительных машин, --- отвечает
Субиако. --- Нам повезло, что и эти-то
есть.

--- Поясните.

Субиако указывает в направлении
конструкторских машин и землеройной
аппаратуры, от чего голографические
схемы исчезают.

--- Ни одной из этих машин не должно
было быть здесь, сержант Анкрион. Они все
направлялись на орбитальную
транспортировку, когда напали
предатели.

--- Так почему они здесь?

--- Насколько я понимаю, мы должны

благодарить за это Несущих Слово.

— Я не расположен благодарить этих ублюдков за что бы то ни было, — произносит Анкрион. И Субиако спешит объясниться, поскольку космогесантник излучает нарастающую угрозу.

— Вы не так поняли. Порча, которой они заразили системы орбитальной обороны, — говорит он. — Похоже, она вызвала кумулятивную арифметическую перегрузку организационных подпрограмм калькулус-логи Ауксиллии Обороны, из-за чего эти машины остались на погрузочных платформах, пока весь остальной Калт отправлялся на орбиту. Повезло нам, а?

Анкрион не отвечает и поднимает взгляд к последним противовзрывным заслонкам, которые устанавливают на место с тяжелыми ударами металла о камень. Отделение клепальщиков выдвигается на позицию, их визжащие инструменты фиксируют заслонку. Сынется дождь искр, шланги с пермакритом, шипя пневматикой, начинают подниматься.

— Все бы делалось быстрее, если бы

нам не нужно было запечатывать все туниковые ответвления, -- замечает Субиано, выводя проекцию туннеля с поверхности инфопланишета. -- К примеру, от этого туннеля до ближайшей аркологии или укрытия сотни километров. Нет нужды тратить ресурсы на его закрытие.

Анкрион мгновение изучает плавно вращающееся изображение.

-- Вы нашли источник воды в камере на конце туннеля? -- интересуется он.

-- Нет. Предположительно, это отверстие пренебрежимо малых размеров.

-- Уныли словати, вы не знаете, откуда берется вода.

-- Не совсем, но...

-- Капитан Вентан отдал недвусмысленные распоряжения, -- прерывает его Анкрион. -- Каждый туннель, границы которого невозможно установить с абсолютной точностью, должен быть запечатан.

-- Сержант, вы должны понять, что не многие из пещерных систем Калта связаны между собой. Подавляющее

большинство простираются внутри коры планеты совершенно изолированно.

--- Если Калт собирается выжить, это изменится, --- отвечает Анкрион.

VJJ

Убежище CV427/Нраксор располагается в полутора тысячах километров к востоку от Ланшира и представляет собой группу укрепленных бункеров и хранилищ боеприпасов. Оно спроектировано для размещения ста тысяч солдат и двадцати тысяч человек вспомогательного персонала, а также трех батальонов Ауксилии Обороны.

Сообщается, что максимальная вместимость составляет сто пятьдесят тысяч человек.

После атаки XVJJ Легиона там находится вдвое больше людей. Увеличенные пещеры и глубокие сооружения ужасающе переполнены, однако обитатели испытывают гнев лишь по отношению к воинам Несущих Слово, которые загнали их туда.

Этого вполне можно ожидать.

Ворота Праксора закрыты около двух недель, внутри укрылись десятки тысяч беженцев, спасающихся от войны и радиоактивных спазмов обреченного солнца. Население убежища превышает его вместимость, а безопасность хранилища боеприпасов требует установить личность каждого. После того как составят полный список человеческих и оружейных ресурсов, бюджет разработан план сопротивления и отвоевания.

Все многочисленные входы в убежище перекрыты — некоторые пермакритовыми заслонками, остальные вооруженными бойцами. Сейчас здесь размещены подразделения из пяти рот Ультрагесанта: пятьсот шестьдесят семь легионеров. Они не охраняют входы в Аркологию, а тренируются, перевооружаются и делают вылазки на поверхность, когда из Аркологии Ходоходят известия, что поблизости находятся враги.

Защита врат поручена Имперской Армии, которая представлена тут

шестнадцатью различными полками, а также подразделениям скиитариев, загнанных в аркологию солнечным излучением. Командные протоколы и коммуникация до сих пор не упорядочены, агенты Механикума пытаются связать вокс-системы Армии со своими собственными и системами Легионес Астартес. Различия устройств, сотни шифрованных сетей и триллионы комбинаций кода делают оперативное координирование чертовски трудной задачей.

Именно поэтому у майора Кадун все сильнее болит голова.

Она и ее отделение Штурмовиков Кардаса занимают один из малых выходов на поверхность, который точнее можно описать как провал грунта, заполненный неплодородной почвой, который образовался за тысячелетия тектонических смещений. Тем не менее этот проход соединяет нижние пещеры с поверхностью и должен охраняться.

Временная заслонка, опрысканная противорадиационным герметиком,

позволяет незащищенным людям занять
сборный пост охраны и баррикады,
обращенные навстречу возможному
проникновению с поверхности. На позиции
двадцать солдат: потрепанных войной
ветеранов, видевших, как их мир
разорвали на части и разбили на куски,
которые уже никогда не собрать воедино.
Люди майора Кадина славно сражались, и из
семисот остались только эти двадцать.
Они бились у моста Насачне и продержали
его достаточно долго для переправы 86-й
роты Ультрадесанта. Десятитысячная
толпа культистского отребья зналась за
ними сто километров по Марусинскому
шоссе, пока они не добрались до полкового
опорного пункта у Магистрала Таланко.

Фланговые силы Хол Велофа,
окружавшие Ланиш, уже почти вынудили
их бросить опорный пункт. Но затем с
орбиты пролился огненный дождь, который
сжег Несущих Слово с их отбросами,
оставив только туманных призраков.

Покинув зная роты гордо реять над
Таланко, майор Кадин последовала за
полковником Рүриком, который перевел

остатки полка в Праксор.

Касин знает, что никогда не увидит поверхности Калта, но надеется, что какие-нибудь остатки вражеских сил попробуют пробиться в убежище. Из-за обнаружившихся признаков слабой клаустрофобии ей не нравится находиться под землей, но она штурмовик и не склонна признаваться в слабости. Майор сидит внутри единственного сооружения сторожевого поста, укрепленной жестяной бунке, с вокс-передатчиком и запасами антирадиационных пилуль, боеприпасов, еды и воды, которые были выданы ее группе. Вот все, что осталось от некогда элитного подразделения.

Из рожка вокс-передатчика раздается визг помех, и Касин вздрагивает.

--- Чертов Механикут, --- ругается капрал Бартебес, ее адъютант. Он бьет по серо-стальной коробке основанием ладони. --- Чертовы ублюдки никогда ни хрена не делают так, как надо.

--- Я думала, они должны были уже все починить.

--- Черт, вы и вправду так думали.

майор? — спрашивает Бартебес, выуживая из кармана палочку лху и зажигая ее с непринужденностью профессионала. Из рта поднимается маслянистый дым.

— Я думала, ты бросил, — говорит Кагин.

— Я выжил на поверхности, — отзывается Бартебес. — Если я там не утер, то и от этого черта с два. Первой меня прикончит скука.

Кагин не в состоянии оспорить его логику и хотя может приказать ему выкинуть палочку, она не будет этого делать. За последние несколько недель они пережили слишком много, чтобы лишать Бартебеса его дурной привычки. Кроме того, может статься, что он прав. Майор пожимает плечами и разворачивается на пятках, услышав гул двигателя. Большого двигателя, чего-то промышленного. Она гадает, не случилось ли с герметиком заслонки чего-то такого, что требует вмешательства рабочей бригады Первопроходцев. Майор не ощущает никакого воздействия радиации с поверхности, но полагает, что именно

поэтому излучение может быть таким опасным.

— Ну, и что это за хренов шум? — интересуется Бартебес, в это время из-за угла с грохотом вырывается тяжелый промышленный транспортер. Грузовой отсек обтянут синим брезентом и перевязан веревками, в нем скрывается несколько громоздких продолговатых предметов. Рабочий инструмент? Инженерное оборудование?

— Мы кого-то ждем? — спрашивает Кагин.

— Нам ни черта не говорили, — откликается Бартебес, снова стукнув по воксу. — По этому куску мусора ничего не слышно.

Водитель из Армии, но Кагин не видит эмблемы подразделения. Грузовики сопровождают тридцать человек — часть едет с гробовиками на подножках, остальные идут рядом. Они выглядят утомленными, и Кагин в состоянии их понять. Солдаты выглядят несколько... оборванными, но это вполне обычное дело. В эти дни все выглядит немного

оборванно.

Однако солдатские инстинкты говорят ей, что это еще не все.

--- Выясни, что им нужно, --- говорит Кадун, поднимая рожок вокса. --- Я попробую получить какую-нибудь информацию сверху.

Бартебес кивает и неохотно тۈшит палочку лхю.

Пока он закидывает хеллган за плечо, Кадун добавляет:

--- Смотри в оба.

Бартебес мгновенно понимает, и его поведение тут же меняется.

Он выходит с поста охраны и жестом подзывает к себе четырех солдат, которые выглядят грозоздно в глянцевой броне абляционных панцирей. На одном наплечнике каждого из штۈрмовиков полковой символ в виде скрещенных копий над черепом, а на другом --- нарисованная от руки буква Х. Под предводительством Бартебеса они выходят к новоприбывшим. Капрал машет руками, словно бригадир на погрузочной платформе.

--- Так, ну и кто вы, черт подери,

такие? --- требовательно спрашивает
капрал со своим обычным обаянием и
строумием. --- Это пост Кардаса.

От группы солдат, сопровождающих
машину, отделяется человек в форме,
которая странным образом обвисает на
нем. Он несет инфланшет старого
образца, протягивает устройство
Бартебесу и говорит что-то неслышное
для Кадина. Майор поднимает рожок вокса
и крутит верньер на назначенную
командную частоту.

Во время этого ее взгляд падает на
человека, который частично скрыт
обтянутой брезентом башенкой грузовика.
Мужчина облачен в броню, но через долю
секунды она понимает, что именно не так.

Человек одет как Штурмовик
Кардаса, но она никогда его не видела.

Майор открывает рот для
предупреждающего крика.

Из рожка вокса вырывается
нестройный вопль, шквал миллиона криков
ужаса, исходящих из места, которое
наполнено кошмаром и кровью. Он
парализует Кадина. Каждый нерв ее тела

визжит от боли, но она не в силах пошевелиться.

Из рожка вокса изливается нечто, поток зловонной черной жидкости. Она забрызгивает стену, будто брошенный в нее воздушный шар с нефтью. Майор визжит, как люди, которые говорили с Бартебесом, выхватывают склянки с черной жидкостью и швыряют их наземь.

Она не может двигаться. Из черного масла возникают текучие очертания. Она все еще не может двигаться.

Бьются новые склянки. Все больше вязкого прака вырывается наружу, будто тазуртные гейзеры.

Меняющиеся бесформенные твари с цепкими лапами, зияющими пастьями и раздражающими когтями врезаются в ее солдат и валят на землю. Остальные члены команды подносят винтовки к плечам, но теней хватает на всех. Они скользят по полу, растягиваются и разрастаются на стенах, свисают с потолка пещеры. Людей поднимает над землей, и в их кричащие рты вливается черная терзость. Она забивает уши с

носами, продавливают себе дорогу внутрь черепной коробки, и за один удар сердца полностью заполняют тела.

Кагин видит все это, но по-прежнему не может пошевелиться. Все ее тело оцепенело от шквального удара нервно-паралитического звука. Вокс хохочет над ней. Масляные брызги на стене собираются в подобие тела. Человеческого, но крупнее, чем у всех когда-либо виденных ею людей. Оно выходит за пределы пропорций смертных, и майор узнает образованные жидкостью очертания доспеха Легионов. Вокруг скрытой шлемом головы обвивается рог, она сотворена из вещества, которое смердит, будто массовый могильник.

Существо обращает к ней взгляд, и Кагин жалеет, что не может закрыть глаза. Единственное, чего ей хочется — так это отгородиться от кошмарного монстра.

Дверь сторожевого поста распахивается. Входит человек, с которым говорил Бартебес.

— Все мертвы, — сообщает он

рогатому черному телу, выступающему из
стенны.

Кагин видит, как за его спиной с ее
людей снимают броню и форму. Убийцы
облачаются в цвета полка, от которого
теперь осталась она одна.

Унижение выходит за рамки
оскорбления. Это надругательство.

--- Тебе известно, куда доставить
устройство? --- спрашивает чужовище. Его
голос --- булькающий кошмар из текучих
гласных и приглушенных согласных.

Человек кивает.

--- Статуя Конора в Ленриуме.
Встреча в ноль-тридцать ночи.

Кагин так хочется дотянуться до
лазистолета в кобуре. На лбу
проступают бусинки пота. Ее рука
дрожит и --- невероятно --- кончики пальцев
начинает покалывать.

--- Возьми троих и выбрось трупы как
мусор в пяти километрах отсюда, ---
говорит черное видение. --- Защитники не
должны узнать, что взято, пока не станет
уже слишком поздно.

--- Скоро придет новая стена.

Черная фигура издает бульканье. Кагин с тошнотворным ужасом осознает, что это слех.

--- На вас форма лоялистов. поприветствуйте их как товарищи и братья. А потом убейте.

Черная фигура на стене разворачивается к Кагин. На нереальном шлепе возникает щель рта, злобная ухмылка предвкушения. Майор чувствует пальцами теплую кожу. Кобура открыта, она никогда не защелкивает кнопку. По лицу течет пот, вены вздуваются. Дрожащая рука охватывает рукоять оружия.

--- Столь великое предательство доверия обладает неизмеримой силой, --- произносит рогатый монстр.

Кагин выхватывает пистолет и стреляет, крича от боли и горя. В этом последнем акте неповиновения слились все его страдания и утраты.

Она снова и снова палит в чудовище. Заряды прожигают его, будто припой пластик, и воспламеняют, как протетий. Оно горит, обращаясь в зловонный туман.

Пост охраны заполняется серной вонью, страдом опорожненных внутренностей. Кагин пытается направить пистолет на мертвого предателя, но оружие выбивают у нее из руки. Приклад винтовки врежется в лицо. Кость ломается, и майор падает на землю. По телу разливается боль, сводящая желудок тошнота преодолевает паралич.

Предатель прыгает сверху и прижимает одним коленом грудь, а другим горло. У него в руке нож с черным клинком, острое царапает ее глазное яблоко. Из роговицы сочится слизь. Ладоны человека лежат на затыльнике кинжала, готовясь всадить оружие.

— Думаю, за это ты пойдешь с нами, — произносит он. — Интересно взглянуть, что ваше новое солнце сделает с одной из местных.

VJJJ

Тяжелые адамантиевые ворота Аркологии X с гулом закрываются на катках размером с «Лендрейдер», заслоняя

ядовитый синий свет звезды системы.
Запоры, грохоча, встают на место,
изолируя подземный комплекс от верхнего
мира. Гроыхающие системы переработки
воздуха выдвигают зараженную пыль из
обширной шлюзовой камеры.

Рем Вентан и воины Четвертой
роты неподвижно стоят на ревущем
ветру, пока агент Механикума и
множество сервиторов с аугметикой для
агрессивной окружающей среды выносят
шланги высокого давления, чтобы окатить
их электролизованной водой, которая
уходит в специально вырытые стоки.

Вентан с трудом выдерживает
подобные процедуры, но в Аркологии Х
находится столько смертных, что
обеззараживание — необходимое зло,
сопровождающее любую миссию на
поверхности.

Позади него стоят Селатон и Барка.
Второй сержант продолжает сжимать
потертое древко рогатого штандарта,
который Вентан забрал у убитого
почетного караула в Нутинском
костопорте. С орла и Ультимы капает

вода, и они ярко сияют во мраке ворот. Символизм доставляет Вентану удовольствие и пригает времени, потраченному на очистку доспехов, ощущение важности.

Он мог бы убрать с металла вмятины, оставленные пальцами мертвого воина, но не станет этого делать. Предсмертная хватка Ультрадесантника, имени которого он никогда не узнает, будет вечным напоминанием о предательстве Несущих Слово.

Где бы этот штандарт ни закончил свое существование, на нем навсегда останутся следы прежнего носителя.

После закрытия ворот и завершения процедур обеззараживания защитные протоколы немого ослабляются, и управляемые сервитораты турели переводят макронушки из боевого в безопасный режим. Внутренняя переборка размером с джунглевый эскарп уходит в тол с грохотом трещащих друг о друга тектонических плит. Агент Механикута жестом приглашает Ультрадесантников

войти и уводит сервиторов прочь.

Вентан шагает от карантинного барбакана вглубь Аркологии X.

IX

Капитан Октавиан Брусций пробирается среди плотных рядов коек и временных укрытий групп уцелевших гражданских, которые размещены в CV427/Праксор. Брусций — генетически сконструированный постчеловек, а люди — всего лишь мертвые, но все они воины Ультратара.

Он горд, что входит в их число.

Брусций полтора столетия воевал в рядах Легиона, но никогда не ожидал, что ему придется сражаться внутри границ Пятисот Миров.

Никогда не существовало официальной теории войны между Легионами, и хотя Брусций понимает, что является простым линейным офицером, даже он осознает, что Ультрагесантники уже не будут прежними.

Предательство Магистра Войны перевернуло порядок вещей в галактике с ног на голову, и ничто уже не станет таким, как прежде.

Он и его боевые братья из 24-й роты размещены в Праксоре. Здесь же находятся воины 56-й, 33-й, 111-й и 29-й рот. Его группа наиболее крупная, она может похвастаться численностью в двести девять воинов, в то время как от 111-й осталось одно-единственное отделение. Они отрезаны от хода войны и заблокированы под обвалившимися развалинами пригородов Персифус и Префектура Кэла.

Техногесантник Колбия налаживает контакт с шестнадцатью окрестными убежищами, а также капитаном Вентаном, который находится в месте, ныне известном как Аркология X. Брусций не знает причины смены названия, он просто рад, что лорд Жиллитан счел уместным поручить Вентану руководство ответным ударом.

Несущие Слово захватили поверхность, однако Ультрагесантники ---

Хозяева войны под землей.

Брусций заставляет себя не думать об этом.

У него есть более насущные заботы.

В каждой из самых крупных пещер устроены регистрационные зоны, которые укомплектованы теми немногими из Администрации, кто спасся под землей. Это неблагоприятная работа, но граждане Калта безропотно строятся змеящимися очередями, ожидая своего черед. В одну эту пещеру набилось значительно больше десяти тысяч человек, а сзади напирают новые. По расчищенным дорожкам от регистрационных бунков между очередями ездят моторизованные тележки, нагруженные стопками копящихся бумаг и удостоверений личности. Все водители носят армейские шлемы, за спинами закинута винтовки.

Брусций и двадцать его воинов находятся здесь, чтобы наблюдать за процессом регистрации и отслеживать нарушения безопасности, однако скоро его роты отправится в патруль на поверхность. Капитан понимает важность

этой работы, но ему хочется убивать
Несущих Слово.

Взгляд Брусция блуждает по
тысячам собравшихся в пещере, и ему
приятно видеть на каждом лице
стойческую решимость. Эти люди видели,
как их мир был буквально уничтожен, но
нет ни следа паники или безумия. Когда
поступил приказ об эвакуации, они явились
только с тем, что унесли на себе, но все
равно горделиво стоят, готовые к
служить.

Кто еще из граждан Империи смог
бы так замечательно мобилизоваться?

Почти все молодые. Все оборваны и
перезахвачены сажей. Но никакая грязь не в
состоянии скрыть пестро-лиловые
радиационные ожоги, которые есть на
коже почти у каждого мужчины, женщины
и ребенка. Медики называют это
«отметкой Калта», и она в равной мере
является травмой и почетным знаком.

Брусций движется дальше, пересекая
глубокую пещеру и считая часы до того
момента, когда он сможет обратиться
оружие против врагов. Куда бы он ни

пошел, люди оборачиваются и смотрят на него, и их внимание вызывает у капитана легкое раздражение. Он воин, ни больше ни меньше, а эти люди связывают с ним все свои надежды на лучшее будущее.

Это тяжкое бремя, которого он не осознавал до настоящего момента.

К нему приближается женщина, которая плотно прижимает к груди ребенка и тянется к наручю. При нормальных обстоятельствах Брусций никогда бы не допустил подобного контакта, но нынешние обстоятельства далеко не нормальны. За погон ее юбки крепко держатся еще двое детей. Они оба выглядят настолько юными и хрупкими, что Брусцию сложно поверить, будто они пережили творящиеся наверху ужасы.

--- Да защитит тебя Император, --- произносит женщина.

Брусций не знает, что ответить, и кивает ей. Женщина улыбается, и он знает, что она будет дорожить этим воспоминанием до конца своих дней.

Ультрадесантники стали эталоном надежды, живым доказательством того,

что Калт вновь поднимется, а его жители
однажды вернут все, что у них отняли.
Это был позорный опыт и заметное
напоминание о том, во имя чего в первую
очередь велся Великий крестовый поход.

Женщина протягивает руку, и
Брусций видит, что на лагони лежит
маленькая подвеска в виде аквилы.

--- Возьми, --- произносит она. ---
Прошу. Ты должен.

Ультрадесантникам отдан приказ не
принимать подарков от гражданских.
Несмотря на это, их пункты сбора и
вооружения окружены подношениями,
знаками благодарности и рукописными
посланиями, где говорилось о готовности
сражаться за Калт.

--- Благодарю, но это запрещено, ---
говорит он и разворачивается, чтобы
направиться дальше.

--- Прошу, --- более настойчиво
повторяет женщина. --- Ей нужно, чтобы
ты это взял.

Что-то в ее голосе заставляет
капитана остановиться и снова
обернуться.

--- Кому нужно, чтобы я это взял? --- спрашивает он.

Женщина наклоняет голову вбок, словно вопрос смутил ее.

--- Святой, --- произносит она, едва не плача. --- Ты должен увидеть. Пока еще не поздно.

Брусций обнаруживает, что тянется за аквилой, хотя и знает, что этого не следует делать. Женщина вздыхает, как будто из легких вырвался задержанный вдох. Она поднимает на него глаза, и, хотя Брусцию нелегко распознавать обычные выражения лиц людей, капитан видит ее удивление от пребывания лицом к лицу с костическим десантником.

Рука сжимается на серебряной подвеске, и постчеловеческое тело захлестывает боевая реакция, когда хитические шунты доспеха заполняют организм стимуляторами. Болтер резко поднимается вверх, а на визор тактично накладываются тактические схемы, пространственные обозначения и топографические данные.

Между ним и боевыми братьями

мгновенно открывается вокс-канал.

Брусций понятия не имеет, что спровоцировало реакцию. Женщина пытается в ужасе, когда герой-спаситель в мгновение ока превращается в смертоносного биомодифицированного убийцу. Капитан выискивает признаки угрозы и тут же замечает моторизованную тележку, набитую коробками с административными документами и прочим в том же роде.

Сразу ясны две вещи.

Первое -- тележка нагружена тяжелыми коробками, но направляется к регистрационному будкам.

Второе -- на водителе форма Армии, но она плохо сидит и явно принадлежит не ему.

Брусций бежит к тележке, крича людям убираться с дороги. Капитана заполняет ужасное предчувствие. Водитель замечает его приближение, ухмыляется с фанатичной яростью и останавливает тележку посреди пещеры.

Брусций плотно прижимает болтер к плечу. Сетка целеуказателя

фиксируется на центре тяжести человека. Она мерцает красным, ожидая смертельного выстрела. Мужчина встает и вопит во весь голос, высоко поднимая винтовку и кинжал с черным клинком.

--- Услышьте Слово Лоргара!

Больше он ничего не успевает сказать. Массореактивный снаряд Брүсция разносит ему грудь и всю верхнюю часть тела влажным взрывом мяса. Люди приседают за укрытия, освобождая проход Брүсцию, пока его воины приближаются к нему.

--- Назад! --- кричит Брүсций, ударом ноги сбивая останки мертвеца с водителя сидуенья и сбрасывая коробки с задней части тележки. Как он и опасался, под ними что-то спрятано --- глинная, грубо сработанная трубка из толстого металла. На обоих концах сварные швы, оттуда торчит множество закрытых разъемов, электробуферов и ложных проводов. По ту сторону панели из кристалфлекса Брүсций видит пару полированных стальных ящиков с символикой своего Легиона.

Его доспех фиксирует жгучий скачок радиации, но больше Брусций не успевает получить никаких предупреждений.

Спустя секунду украденные ядерные заряды взрываются, заполняя пещеру атомным огнем, распространяющийся по всему убежищу CV427/Праксор и убивающий все живое внутри.

Это первая бойня из трех, которые в одну ночь унесут жизни двух миллионов гражданских.

Х

Вентана до сих пор забавляет, что его поспешная пометка на карте извощеной бутаги стала синонимом защитников Калта. Когда Ланшир был разрушен орбитальными батареями, обороняющимся потребовалось место сбора. Почти все информационные машины планеты погибли, и Вентан сделал пикт-скан своей карты, на которой отметил точку сбора черным пером.

Этот скан разослали на все гражданские пикт-приемники и планшеты

Легиона в окрестностях Ланшира, и оплот
сопротивления получил имя.

Арколозия X.

Два торопливых перекрещенных
тазка по карте — и географический
элемент стал частью истории.

Символом сопротивления и
талистаном перед лицом врага.

XJ

В пещерах царит полумрак. Расход
энергии тщательно контролируется.
Немногочисленным агентом Механикута
еще предстоит стабилизировать связь с
геотермальной сетью в сердце Калта.

С кирпичных опор на скрученных
кабелях, словно джунглевые лианы,
свисают мерцающие осветительные
сферы в защитной обрешетке. В такой
близости от поверхности архитектура
носит военный характер, но с каждым
подуровнем становится все более
гражданской и практичной.

На стенах вытравлены символы «X»
высотой в несколько метров. Еще сотни на

каждой арке и перемычке. Среди них
Вентан видит настенные рисунки,
затееподобных существ с телными
крыльями и клыкастыми пастьями.
Драконы. Он отмечает детское
исполнение выцарапанных линий и загадает,
не изобразили ли эти ужасы на стенах,
чтобы прогнать их прочь. Это
воспоминания о чудовищах, вызванных
згнусными сделками Несущих Слово, или же
образы из кошмаров, которые нередки
после нападения?

Новости об операции Вентана уже
достигли Аркологии X, и возвращение
Четвертой встречают ликованием и
громким «ура!» тысяч гражданских,
собравшихся на обширных подуровнях. Кто-то
выкрикивает слово «спаситель», и
воплъ подхватывает множество
обитателей пещер. Он следует за воинами
по уровням, пока они спускаются все глубже
и глубже в скальные горизонты Калта.

Сиданс ждет их у прохода на
административные уровни.

Его кобальтово-синий доспех чист и
отполирован. Некоторые в Легионе дали

обет не счищать пыль и кровь, пока Калт не будет отбит, но Лирос Сиганс, как и Вентан, хочет показать Несущим Слово, что Ультрагесантники все еще царственные Короли-Воины Макрагга.

Никакое предательство и несчастье никогда этого не изменит.

Однако даже Сиганс нанес на наплечник черный знак «Х», аккуратно вытравив его между изогнутых боков тракторной Ультимы. Выглядит как номер ордена или ротное обозначение, но имеет гораздо более важное значение.

— Ты делаешь себе имя, Рем, — говорит Сиганс, пока позади продолжается скандирование.

— Я здесь не причем, Лирос, — откликается Вентан. — Тут повсюду видна твоя рука.

Сиганс пожимает плечами и стискивает запястье Вентана.

— Немного надежды и славы никому не повредит.

Вентан не отпускает руку Сиганса.

— Я хочу, чтобы это прекратилось.

— Почему? То, что ты делаешь,

гарит людям надежду.

--- Я не спаситель, --- произносит
Вентан. --- У мне не нравится подтекст
этого слова.

--- Тебе и не надо любить его, нужно
просто терпеть, --- говорит Сиганс,
разворачивается и направляется по рампе
в пещеру. --- Угел, сервер ждет тебя в
Ультимусе.

Войну за Калт координируют с
самого нижнего уровня Аркологии X, из
пещеры, которая выжжена в литосфере
телта-бурати и сейсмическими зарядами.
Под жилыми, машинными и
гидропоническими уровнями находится
окруженный сплошной скалой купол около
трех километров в диаметре, от центра
которого отходит множество ветвящихся
коридоров, подгалерей и переплетающихся
тупиковых ходов. В самом сердце стоит
сооружение из полированного тратора и
стекла, утилитарное, если смотреть
сбоку, но выполненное в виде символа ХИИИ
Легиона. Нижние уровни прикрыты
бронеплитами, а технодесантники на
«Носорогах» типа «Тектон» трудятся бок о

бок с агентами Механикута, создавая подобие опорного пункта.

До вторжения зданием владел торговый картель, основанный во времена приемного отца Жиллимана. Оно называлось Арка Конора, но теперь известно как Ультимус. Налаженная инфраструктура и мощные информатины, созданные для координации второстепенных действий по всему Матислат Мират, делают его идеальной базой для управления наступательными операциями против оставшихся Несущих Слово.

Подобные соображения жизненно важны, однако в первую очередь ценен опять же символизм сооружения.

Ультимус окружен сотнями временных построек — излишки населения сверху. Из Ланшира спасалось столько беженцев, что верхние уровни оказались быстро переполнены, и у Вентана не осталось вариантов, кроме как позволить установить жилые помещения вокруг своего командного поста. Ему это не нравится, но выбирать не приходится. Людям просто

некуда больше идти.

До беженцев уже дошло известие о возвращении воинов, и люди собираются на краю прохода, ведущего к воротам Ультимуса. Они ликуют, машут руками и хлопают.

Они выкрикивают имя Вентана и снова называют его спасителем. Капитан сохраняет на лице нейтральное выражение, но замечает, что Сиганс веселится.

— Может тебе и не нравится подоплека, но «Спаситель Калта» неплохо звучит, — говорит Сиганс. — Помани мое слово, это прозвище пристанет.

— А как они назовут тебя?

— Еще не решил, — ухмыляется Сиганс. — Но когда все кончится, у нас у всех будут прозвища.

Вентан идет дальше. Он знает, что Сиганс прав, но его все равно раздражает наброшенная на него мантия спасителя. Ему неприятно возвеличивание и несколько теологический подтекст, но у капитана хватает благоразумия понять, что теперь он уже никак не помешает

распространению.

--- Так ты скажешь? --- интересуется Сиданс.

--- Что именно?

--- Что ты в конечном итоге оказался прав, а я ошибся.

--- Нет нужды, --- отвечает Вентан. --- Правда самоочевидна. Мы убили шестьсот Несущих Слово, не потеряв ни единого воина.

--- Да, весьма впечатляет, --- соглашается Сиданс, прикладывает два пальца ко лбу и прищуривается, словно находясь в трансе. --- Я вижу в твоём будущем множество лавров, великие статуи и имя, которое разнесется в веках.

Вентан позволяет себе слегка улыбнуться.

--- Если еще раз воспользуешься этими психическими силами, я тебя пристрелю.

Сиданс смеется, отворачивается от Вентана и обращается к двум сержантам позади.

--- Барка, Селатон, отличная работа.

Сержанты согласны с его словами, но молчат.

Вентан поднимает глаза и видит, как к ним приближается сервер Таурен со своей новоприобретенной свитой лекстехаников, калькулус-логи и инфосавантов. Капитан до сих пор вникает в нюансы человеческого взаимодействия --- необходимость, вызванная частыми контактами с жителями Калта за последние недели, --- но уже познакомился с гибридными машинно-телесными выражениями лиц техников.

Таурен обладает фантастическими особенностями, обычными для жрецов Механикума --- бесстрастностью, замкнутостью и отчужденностью, которые некоторым кажутся холодностью, --- однако сейчас Вентан не видит ни бесстрастности, ни отчужденности.

На лице Таурен видны бездны совершенно человеческого отчаяния.

--- Что-то произошло, --- спрашивает Вентан. --- В чем дело?

--- CV427/Нраксор больше нет, --- говорит Таурен. --- И еще двух.

--- Нет? --- переспрашивает капитан. ---
Что это значит?

--- Это значит, что на их месте
сейчас радиоактивные воронки шириной в
сотни километров, --- отвечает Таурен.

XII

Теория: лишить Несущих Слово
возможности перегруппироваться.

Практика: дать эту возможность
защитникам Калта.

Результат: снова вернуть
Ультрагесант в бой против Магистра
Войны.

Таковы первоочередные директивы,
которыми руководствуется XIII Легион,
однако знать их и выполнить --- две совсем
разные вещи.

Вокруг центрального планшетного
стола в сверкающем конференц-зале,
являющегося сейчас командным центром
Калта, собрались мужчины и женщины, от
которых Вентану нужно, чтобы они
превратили теорию в рабочую практику.

Сиданс и Урат стоят плечом к

плечу. Собрат-капитан из Четвертой роты на полголовы выше сержанта 39-й. Хотя суровый Урат и младше Сиданса по званию, но именно он дал новую цель разобщенным выжившим из роты Сүлла.

Вентан позаботится, чтобы его за это повисили до капитана.

Сервер Таүрен переговаривается со своими марсианскими аколитами. Вентану этого не видно, однако он знает, что вокруг их голов в завесах инфосвета гудит тарево ноосферной информации.

Сервер перебирает руками невидимые данные. Позади нее стоит устрашающий предводитель клана скитариев. Он огромен и выглядит примитивным. Его стойка совершенно не похожа на спокойную позу Киратики, он явно занимает гораздо более низкий чин в боевой иерархии. Конечности покрыты металлом, а на нижней половине черепа зубастый металлический капкан, похожий на челюсть зеленокожего.

Полковник Хатагри сверяется с инфопланишетом, на ее лице выражение холодной решимости. Ее сын служит в 61-м

Нутинском, но ей неизвестно, жив он или мертв. Статистическая вероятность предполагает второй вариант, но пока гибель не будет подтверждена, Хамагри будет считать его живым.

Это хорошо. Вентану необходимо иметь рядом с собой людей, способных сохранять надежду вопреки всему.

Напротив Хамагри стоит капитан Вольпер Уллиет из 77-й дивизии поддержки Ингениута, крепко сложенный кадровый офицер, который за пятьдесят лет службы ни разу не покидал Калта и не бывал в бою до последних недель. На первый взгляд он не годится, чтобы присутствовать у командного стола, однако Вентан смотрит не на послужной список, а на действия во время первой фазы атаки.

Пока остальные пребывали в шошеломлении от нападения Несущих Слово, Уллиет отреагировал молниеносно. Через четыре минуты после начала атаки батальоны строительных машин и землеройной техники уже сооружали редуты и защитные валы.

вокруг главных ворот центральной
аркологии Ланшира.

Это тоже хорошо. Вентану нужны
люди, способные быстро реагировать.

Инженер Сублиак стоит возле
Таурен, и очевидно, что ему приятно
находиться рядом с агентом Механикута.
Сублиак обладает лишь незначительной
авгметикой, которую можно легко снять и
почитает как героев тех, кто столь
тесно общается с Богом-Машиной.
Анкрион сообщает Вентану, что Сублиак
славно трудится в туннелях, обеспечивая
безопасность множества потенциальных
входов в Аркологию X. Человек изможден,
но отказывается отдыхать.

Все смертные относятся к
третьестепенным силам, резервистам
или подразделениям, определенным в
тыловой эшелон. Большинство было
уконплектовано новобранцами,
солдатами, которых специально готовили
к кампании против ксеновладений
Гаслакха, оказавшейся, как теперь
понимает Вентан, совершенно
надутой. Когда солнце умерло, в порту

Ланшира оставались только те силы, которые грузились последними — новые полки, инженерные подразделения или группы логистической поддержки.

Почти никто из них не подготовлен для переговоров.

Сиганс снова и снова говорит Вентану, что они не готовы к тому, чего он просит, и похоже, что резкое освещение зала только подтверждает это. Все лица измучены и напряжены от утрат и шока.

Сиганс прав, они не готовы, но Вентан верит, что предательство отточило ранее неизвестные грани. Опустошение наверху очистило их от беспечности.

До того как Вентан сделал Аркологию X своей оперативной базой, он, кроме воинов Легиона, ни с кем лично знаком не был, но теперь знает всех. Капитан заставил себя изучить их сильные и слабые стороны, а также все человеческие недостатки, которые должен учитывать в своих планах. Некоторые полагают, будто он впустую тратит время, пытаясь понять смертных, но

Вентану виднее.

Сейчас костодесантники могут взаимодействовать со смертными, только понимая их.

--- Сервер? --- произносит Вентан. ---
Дайте мне информацию.

Таурен кивает, и под кожей ее пальцев начинает мерцать свет, пока она управляет планшетным столом при помощи гаптических жестов. На столе возникает нарушенная полехатизация голограмматической воронки шириной в сотню километров, которая заполнена дымом. Она отражает пейзаж, и так будет всегда. Блуждающие тепловые потоки и атомные вихри перемещают мозаично-пиксельные облака испарений размером с города.

--- Вы все слышали новости о CV427/Нраксор, --- говорит Таурен.

--- И о других, --- отвечает полковник Хатагри. На ее исхудавшем лице пятна от незалеченного радиационного ожога. ---
Прошлой ночью мы потеряли более двух миллионов человек.

Головы кивают. Смерть таких

масштабов слишком ужасна, чтобы
пытаться осознать случившееся. Такое
огромное число сложно представить, оно
чрезвычайно огромно для восприятия.
Хатагри -- полковник Ауксилии Обороны,
она молода по меркам этого звания.

Вентан видит, что женщина
отважна и в грядущие годы сыграет
важную роль. Хатагри удерживала свои
подразделения на поверхности, сколько это
было возможным, чтобы дать как можно
большему числу беженцев попасть в
аркологию.

-- Мы знаем, что произошло? --
интересуется Сиданс.

-- CV427/Нраксор был складом
боеприпасов для орбитальных платформ и
боевых кораблей Легиона, -- говорит
Таурен. -- Судя по электромагнитным
показателям и зафиксированным
мощностям трех взрывов, вероятнее всего,
что вражеские лазутчики смогли
модифицировать и взорвать несколько
боеголовок хранившихся там циклонных
торпед.

-- Как это возможно? --

требовательно спрашивает Хатагри. ---
Это оружие находится под защитой
Механикума. У вас что, нет систем
безопасности для предотвращения
подобных ситуаций? Они мертвы по вашей
вине!

Таурен явно больно слышать
обвинения Хатагри. Она сдвигает
кронку планшета стола так, что
белеют костяшки. Голографические
облака в ответ наклоняются в ее сторону.

--- Довольно, полковник, --- произносит
Вентан. Его интонация не допускает
возражений, однако Таурен поднимает
руку. Она не нуждается в его защите и
отвечает Хатагри с заметным
спокойствием.

--- Да, у нас есть ритуальные
протоколы для предотвращения подобных
проникновений, но системная порча,
привнесенная в планетарную ноосферу,
нарушила многие из наших литургических
систем безопасности.

--- Я думала, ваш ког-убийца избавился
от нее, --- говорит Хатагри.

Таурен кивает.

--- Да, ког-убийца магоса Хесста
выжес вражеский тусорный ког огненной
бурей цифрового опустошения, но очистка
была не избирательной. После
восстановления командных полномочий
многие из наших систем оказались
выведены из строя. Их продолжают
восстанавливать до сих пор.

--- Так это может случиться снова? ---
спрашивает Уллиет.

--- Я лично проверила протоколы
безопасности всех остальных хранилищ
оружия, --- говорит Таурен.

--- Я спрашивал не об этом, ---
замечает Уллиет.

--- Об этом, --- отвечает Таурен, и ее
уверенность физически ощутила.

Уллиет кивает, вопрос улажен.

--- И как мы ответим на это
зверство? --- спрашивает Сиганс. --- За это
ублюдки должны как следует получить.

Все согласны со словами Сиганса, и
Вентан видит на каждом лице жажду
мести. Он вспоминает, как собрат-
капитан твердил ту же карательную
мантру во время прибытия в Лентий

Нутин. Это естественное и совершенно понятное желание отплатить за причиненный ущерб, но сейчас оно столь же безрассудно, как и тогда.

Вентан наклоняется вперед и опирается обеими руками на край стола.

— Мы ответим тем, что выживем и закончим бой, — говорит он, — продолжим координировать те силы, которые сохраняют боевую эффективность, и разработаем практическое решение для этого. Тех, кто погиб в Праксоре, больше нет, и ничто не вернет их обратно. Скорбите, когда Калт станет свободным, но пока вы находитесь в этом зале, то все находитесь в моем распоряжении. Пойдите и примите это или же уходите.

Его слова встречены гробовым толчанием. Они терпеть не могут его холодную объективность, явное отсутствие заботы о мертвых. Вентану безразлично, одобряют ли они его. Однако он должен дать им что-то, какую-нибудь искру, чтобы разжечь в сердцах пламя. Ему плохо даются подобные слова, но это лучшее, что может сделать капитан.

--- Несущие Слово заплатят за это, но война будет выиграна не наскоком, а трезвым расчетом и твердой практикой. Мы сражаемся за живых и убиваем за мертвых. Повторяйте за мной.

Молчание продолжается.

--- Повторяйте за мной, --- снова произносит он.

Головы склоняются, кулаки прижимаются к сердцам.

--- Мы сражаемся за живых и убиваем за мертвых!

XIII

Над Ланширом воют радиоактивные ветры, от которых в шлеме раздается сердитый треск. Показания счетчика высоки, однако боевой доспех может выдержать несколько дней такого напора, прежде чем системам потребуются время на перезарядку.

Малок Карто смотрит в небо, пронизанное ядовитым полярным сиянием и гнетущими радугами звездных радиоактивных осадков. После

пролившегося на Калт потока экзотических частиц и тяжелых металлов планета будет загрязненной пустошью, пока ее светило наконец не выгорит и не поглотит всю Веригийскую систему.

Насколько известно Карто, это может произойти через миллионы лет или же завтра.

Ему все равно. Он уже никогда не вернется на Калт.

Столь дерзко стоять на поверхности рискованно, но силы, которым он верен, меньшего и не требуют. Вокруг царит опустошение, тянутся руины мертвого города: искореженная сталь, раздробленный пермакрит и битое стекло. Повсюду разбросаны перевернутые танки и транспортировочные контейнеры, которые вывали из разорванных чрев грузовых кораблей, силившихся попасть на орбиту.

Среди разрушения, завершая величественную процессию, стоит бронзовая статуя, теперь густо покрытая серым наплотом. Это героическое олицетворение мертвого, который

вырастил Жиллитана как родного сына.

Конор, первый Король-Воин Макразга.

Вокруг изваяния лежат груды тел, словно обреченные жители Ленриута верили, что его наследие может как-то убересть их от расправы. Карто жаль, что они так и не узнали истину о божественных хозяевах галактики.

Над развалинами, словно часовой, стоит разбитый титан «Император». Внутри погнутого панциря и между ног дуют горячие, насыщенные нейтронами вихри. Грудные бойницы взорваны, половина головной секции отсутствует. С накренившегося корпуса медленно падает серая пыль, но невозможно определить, была ли машина верна Горү или же Императорү.

— Наш или их? — спрашивает Хол Велоф, выходя из-под прикрытия полуразрушенных плит пола и рифленых секций крыши. Командующий воспринял свой долг учинить резню со всем пылом, которого можно ожидать от одного из сынов Лоргара. Уничтожение гражданских убежищ оживило его, и тело наполнено

силой от прикосновения Кровавого.

Он полагает, будто столь банальных смертей хватит, чтобы спасти его, и от этого губы Карто кривятся со стесью, веселья и презрения.

— Кто знает? — отзывается Темный Апостол. — Сейчас это едва ли имеет значение.

— Его можно использовать? Обратить против Тринадцатого?

Карто пораженно качает головой. Хол Велоф ошибочно принимает это за ответ.

— Думаю, он слишком сильно поврежден, — произносит командующий.

Стесно, что этот глупец думает, будто на Калте еще идет война, которую нужно выиграть. Несущие Слово уже добились победы, и судьба этой скалы не играет никакой роли.

Да, Ультрагесантники не были настолько посрамлены, насколько этого хотел Кор Фаэрон, однако они сломлены как боевая сила. Истощены. Они будут расходовать силы, чтобы отбить мир, утративший значение. Скорее всего,

Лорзар уже забыл про Калт.

Силы с той стороны Великого Ока смотрят на Золотого, и сожжение Ультратара --- лишь начало его грандиозных планов.

У Малока Карто есть собственные амбиции. То, чем он здесь занимается --- просто следующий шаг по пути к славе. Он уже чувствует, как во тьме движется его безымянная тень, чернильно-черный левиафан, который пожирает тиры и уничтожает целые биологические виды ради собственного мимолетного развлечения. Темный Апостол ощущает, как существо даже сейчас охотится за новой добычей: смертными, сүтевшими. Спасти с Калта каким-то невозможным способом.

Рука скользит по стеклянной поверхности варп-склянки, он чувствует, как рептилия извивается от голода. На кого бы она ни охотилась, добыча должна быть по-настоящему особенной, раз вызвала такое удовольствие у создания, чьи размеры выходят за пределы человеческого понимания.

— Нам не следует тут находиться, —
вклинивается Хол Велоф в размышления
Темного Апостола. Командующий
смотрит в открытое небо. Он ощущает
себя слишком беззащитным, чтобы
наслаждаться насыщенными цветами
агонии. — Ты видел, что случилось с
Ланширом.

— Видел, — соглашается Карто. —
Это было поразительно. И все же мы будем
ждать.

— По твоей милости нас всех убьют, —
произносит Хол Велоф и погружается в
тревожное молчание.

Без армии Хол Велоф остро
ощущает себя уязвимым, но вывести на
поверхность такое количество людей
означает уже через считанные мгновения
навлечь на себя гнев орбитальных орудий
Ультрагесанта. «Кроме того, — думает
Карто, — братства вскоре послужат куда
более великому делу, оставаясь на месте».

Темный Апостол долго гадал,
подбирая сопровождающих легионеров.
Лишь самые смертоносные воины могут
надеяться остаться в живых, чтобы

достичь цели. Лишь самые преданные и безжалостные.

Мало кто столь тверд в вере, как Эриэш Кизал.

Закованный в покрытую боевыми шрамами терминаторскую броню Кизал на голову выше Карто. На выпуклых наплечниках и плите нагрудника пляшут статические разряды и облученная пыль. Каждый кулак заканчивается молниевыми когтями, на шлеме в виде демонической морды теперь два закрученных рога. Рядом с Кизалом стоят шестеро воинов в таком же облачении, вооруженные колби-болтерами, молниевыми когтями, цепными кулаками и энергетическими боевыми молотами. У них на наплечниках знаки Октета, и Карто нанес на покрытые рубцами лицевые щитки всех ветеранов свою личную эмблему.

Над всеми возвышается безмолвный и грозно, на именной пластине саркофага которого вытравлено «Эу Гүнара». Карто ничего не известно об этом воине. Какие бы остатки плоти ни хлюпали раньше в атниотической слизи, теперь их

поглотила глубокая, как пуста, тьма с зубами и глазами. Огромная боевая машина уже не просто дремлет, а ночная тварь с железными кулаками.

--- Так чего мы ждем? --- спрашивает Хол Велоф, расхаживая туда-сюда в тени почерневшего от копоти завода по прессовке металла.

--- Носителей могучего дара, --- произносит Карто, увидев, как среди руин движется пыльное облако. Над пепельными останками сокрушенного города глухо разносится захлебывающийся кашель работающего двигателя. Хол Велоф тоже это слышит, и его рука тянется к увенчанному короной эфесу меча.

--- Ультрадесант? --- спрашивает он.

--- Нет.

--- С чего ты так уверен?

--- Потому что мы еще живы, --- говорит Карто, и в поле зрения появляется широкая промышленная машина с кузовом сзади, которая низко проседает на подвеске, с трудом двигаясь из-за груза. Крыше привязаны останки распятого скелета. Тело сохраняет целостность

только благодаря покрытым рывками и
изъеденным коррозией пластинам
панцирной брони и обрывкам формы. На
костях не осталось плоти, они выбелены до
пепельного оттенка.

--- Майор Кагин, полагаю, ---
произносит Карто с гортанным смехом.

Хол Белоф странно смотрит на
него, но Темный Апостол не спешит
удовлетворить любопытство
командующего.

Хотя Карто и отмахнулся от
опасений Хол Белофа, он смотрит вверх в
поисках признаков того, что их
обнаружили. Он тщательно выбирал
момент. Удары электромагнитной бури
скроют эту часть города от
геосателлитов над головой.

--- Угем, --- произносит Карто, и они с
Хол Белофом выходят из-под прикрытия
здания.

Терминаторы Кизала и Зү Гүнара
следуют за ними среди обломков
раздавленного мегаполиса. Война повергла
сооружения, которые создавались
устойчивыми к землетрясениям, огню и

наводнениям, и это зрелище составляет
Карто огромное удовольствие.

Машина с хрипом движется и
навстречу и, наконец, останавливается в
тени статуи Конора. Синяя краска
осыпалась хлопьями, как будто ее выжгли
изнутри. Голый металл рамы и панелей
уже коррозирует. Терминаторы наводят
спаренные стволы своего оружия на
водительское окно. Карто слышит сквозь
издаваемый город скорбный стон стали
и сухой шелест ветра гудение лазерных
целеуказателей и моторов дальномеров.

Пассажирские двери машины
открываются, и Карто чувствует
насыщенный аромат разлагающегося мяса.
Из кабины выскакивает человек с меткой
Братства, и Темный Апостол видит на
нем метку смерти. Тот носит ее с
гордостью, превратившись в грудь
гниющей плоти. Из раздутых пор,
покрывающих каждый видимый
сантиметр кожи, сочится млечная
жидкость. Глаза желтого цвета
пронизаны лопнувшими капиллярами и
практически слепы из-за катаракт.

Увидев, что на человеке вражеская форма, Хол Велоф обнажает меч.

Он еще не понял, что это один из их людей. Из двери напротив появляется другой аколит братства, которого постигли еще худшие невзгоды. Из всех порывается кровь, каждый порыв гонимой ветром пыли сдирает плоть с костей.

Сквозь искореженное стекло крыши Хол Велоф видит третьего человека. У того облезла кожа с черепа, он смотрит на Темного Апостола незрячими глазницами, которые залиты жидкостью. Руки срослись с рулевой колонкой в странном биологическом симбиозе. Терзаемого невыразимой тучкой слепца привели сюда темные монархи варна.

Хол Велоф протягивает руку внутрь машины и срывает с формы водителя опознавательную эмблему. Вместе с ней отделяется кусок влажного мяса, который шлепается в пыль. Командующий смотрит на символ, и ему требуется секунда, чтобы понять. Карто идет вокруг машины туда, где утирающие люди откидывают тяжелый брезент. Хол Велоф появляется

рядом, когда становится видно оружие, за которым они явились.

Оно имеет форму сферы и меньше размером, чем ожидал Карто. Метр в длину, включая защитный металлический кожух. Поверхности гладкие, синей краски больше нет, и корпус приобрел тускло-серый оттенок, совсем как былой цвет Несущих Слово.

На боку вытравленный кислотой негвустысленный предупреждающий символ.

Кольцо, из середины которого выходит три разветвляющихся луча, образующих расположенные треугольником круги. С древнейших дней это был знак силы стихии, неосознанное воплощение ужаса перед чужой, пребывающего в сердцах и умах мертвых с рассвета времен.

Хол Белоф поднимает эмблему водителя.

--- Эти люди покинули убежище Праксор, пока оно еще не было уничтожено.

--- Именно так, --- соглашается Карто.

На них падает тень Зү Гүнары.

Предноут извлекает боеголовку из транспортного отсека. Она тяжелая, и машина заметно приподнимается из пыли. Люди, чья плоть сползает с тел, будто сырая ткань, испускают вздох удовольствия.

--- Это то, что я гутаю? --- спрашивает Хол Велоф.

Карто кивает.

Он чувствует, как варп-склянка на бедре извивается от волнения. После получения этого оружия всеобщего уничтожения его единение с нематериальным существом становится еще ближе.

Карто ощущает его сопротивление. Оно хочет закончить охоту, однако их слияние предначертано судьбой, и ничто этому не помешает.

--- Мы не можем сражаться с Ультрагесантниками по общепринятым правилам, --- говорит Карто. --- Теперь мы как катачанские дьяволы в бутылке. Каждый может убить другого, но лишь рискуя собственной жизнью.

Терминаторы наводят оружие на

воинов братства.

--- Мы будем сражаться иначе, ---
говорит Карто.

Умирающие люди падают на колени
и с благодарностью разводят руки.
Светятся обнажившиеся кости. Сквозь
сползающую плоть влажно блестят ребра.
Отрывистые выстрелы рвут
растворяющиеся тела на куски взрывами
гнилой материи. Горящие куски мяса
разлетаются по окрестным зданиям.

Эриэш Кизал закрепляет на машине
телта-заряды. Не должно остаться
никаких следов, которые могли бы
обнаружить геосателлиты. Яростный жар
испарит грузовик и уничтожит все
признаки биологической порчи.
Ультрасанитники не должны получить
предупреждения о новой угрозе, появившейся
с оружейных складов CV427/Нраксор.

--- Как ты намерен это
использовать? --- интересуется Хол
Велоф.

--- А как ты думаешь? --- произносит
Малок Карто. --- С его помощью я
собираюсь убить Калт.

Световая дымка висит над поверхностью планшетного стола, словно низкий туман. Проплывающие пылинки попадают в рассеянное свечение голопроекторов, создавая мерцающие сбои рефракции на выведенной карте. На ней отображается поверхность Калта, окрашенная оттенками зеленого, коричневого и желтого. Символы, отображающие позиции ультрадесантников и их союзников выделены золотым и синим, известные позиции Несущих Слово и культистов — красным цветом врага. Больше всего Вентана беспокоят два сочно-красных значка — один посреди фабрик к северу от Ланшира, другой в Ураник Рагуал.

— Как часто геосателлиты проводят авзур-сканирование поверхности? — интересуется Сиданс, и Таурен приближает вражеские и дружественные значки. Над каждым возникают временные отметки.

Самому новому шесть часов.

--- Доступ к орбитальным авгурат все еще нестабилен, --- говорит сервер, поворачивая карту мысленными импульсами при помощи вставленных в стол кабелей БМУ. --- Большинство геосателлитов было выведено из строя в первые мгновения атаки. Немногие уцелевшие прикреплены к орбитальным боевым платформам, чтобы предупредить нас о любых наземных перемещениях сил Несущих Слово.

--- Как часто? --- повторяет Вентан вопрос Сиданса.

--- Каждые десять часов, --- отвечает Таурен. --- Пока возможности ноосферы Ультимуса не усилят более мощными инфомашинами, она в состоянии справляться только с таким объемом входящих данных.

--- Это долго, --- произносит Хамагри.

--- Долго? --- бросает Сиданс, качая головой. --- Да это целая вечность. Карта бесполезна. Нет, мы не можем строить теорию, не говоря уж о практике, на данных, которым десять часов.

--- Шесть часов, --- замечает Вентан.

--- Да хоть шесть, хоть десять минут, от этого не лучше, --- говорит Сиданс.

--- Карта точна настолько, насколько это позволяют обстоятельства, --- отвечает Таурен, уменьшая масштаб.

--- Лирос, ты упускаешь из виду одно обстоятельство, --- произносит Вентан.

--- Да? И какое?

--- Сегодня золотых значков больше, чем вчера. С каждым днем наши силы растут. Несущие Слово не могут рассчитывать на подобное. Сервер, с кем из лоялистов вы наладили контакт со времени прошлого обновления?

--- Подтверждено еще тринадцать подземных убежищ и закрытых пещерных систем, --- отзывается Таурен, и новые добавления подпрыгивают на карте, словно непоседливые дети.

--- Две недели назад мы были разбиты и находились на грани уничтожения, --- говорит Вентан. --- А теперь мы координируем действия с почти сорока тысячами братьев по Легиону, четвертью

миллиона солдат Армии и структуры
Механикума, а также с шестнадцатью
машинами Лезио Титаникус. С каждым
днем мы все ближе к тому, чтобы стать
единой силой. Несущие Слово сами по себе,
у них нет никакой надежды на помощь.
Они бьются, просто чтобы выжить, но мы
сражаемся за Калт.

Вентан раскидывает руки, обводя
золотые значки на столе.

Капитан вудит, как вновь появляется
надежда. Его слова сулят победу, но все
думают, будто война будет выиграна за
считанные месяцы. Будто Несущих Слово
будет легко выбить с Калта.

Они ошибаются, и Вентану нужно
привнести за этот стол сурового
реализма.

Используя ручное управление, он
подсвечивает область карты, где
находятся два наиболее тревожащих его
значка. Он работает ручками настройки,
возникают мерцающие символы
размещения сил и идентификаторы
подразделений. Данные неполны и
устарели, однако в сочетании с тем, что

он видел своими глазами, их достаточно.

--- Командующий Несущих Слово по имени Федрал Фелл строит крепость в северных фабричных районах, --- произносит он. --- А Хол Велоф, полководец, который разорил Ланшир, перегруппировался под Рагуалом Ураник. Похоже, что Велоф занял опорную позицию, так что сейчас его можно сбросить со счетов, однако мы не можем позволить Феллу создать надежную базу на севере.

--- У тебя есть план? --- интересуется Сиданс, которому не терпится броситься в бой.

--- Есть, --- ухмыляется Вентан. --- Пойдет на север и прикончит ублюдка.

XV

Туннели, которые окружают ингениута Субако, сутрачны и освещаются невидимыми для него пляшущими огнями. У всех проходов признаки естественного происхождения, однако столь совершенные и

геометрически правильные очертания
могут быть лишь у чего-то
искусственного. Подземные сооружения
Калта видятся инженеру раем, местом,
где сливаются геология, инженерная мысль
и искусство. Мало в каких подземных
пещерах он не побывал, не составил карту
и не разработал огромные схемы их
сообщения.

Целая подземная планетарная
экосистема. Самоподдерживающаяся и
самосохраняющаяся.

Его замыслы осуществляются даже
сейчас -- в большинство крупнейших
подземных убежищ разослали для
внедрения его планы, концепции и
практические методики.

Пещера поблескивает серебром, что
указывает на восточную аркологию. С
влажных стен капает вода.

Инженеру Субиакко никогда не боялся
одиночества. Он обретал покой в моменты
тишины, которые проводил у чертежного
планшета, в техническом библиотеке или
же погрузившись в конструкторские
теории великих мыслителей былых эпох.

Емү нравится проводить время с друзьями и семьей, однако он понимает, что быстро доходит до состояния, когда хочется побыть одному.

Ближайшие знакомые знают про эту его особенность и умеют распознавать признаки рассеянности и зарождающейся раздражительности. Они учитывают это, и Сүбиако благодарен им за то, что понимают и принимают этот изъян его характера.

Сүбиако наслаждается одиночеством и возможностью погрузиться в работу.

Но это нечто совершенно иное. Он абсолютно один.

Других людей не просто нет, их вообще не существует.

Ингениум Сүбиако с полной отчетливостью понимает, что он единственный живой человек на Калте.

Ингениум не знает, где находится, и не помнит, как пришел сюда.

Каждый вход в пещеру — зияющая бездна, путь к кошмару или проход к какому-то древнему ужасу, который был заперт в минувшие эпохи, а теперь может

свободно выбраться на поверхность.

Субиакко не боится пещер и их исследования. Он проскальзывал сквозь самые узкие трещины и протискивал свое жилистое тело в самые недоступные узлы пещерных систем, какие только бывают на этой планете, но эти разверзшиеся входы пугают его больше, чем что бы то ни было.

Он не в силах их сосчитать. Кажется, что при каждом перемещении его взгляда пещера перестраивает свои стены, а зачерненные зевы проходов сжимаются, внешне оставаясь неподвижными. Субиакко чувствует исходящее из ближайшей пещеры жаркое дыхание и пятится назад.

Какой путь ведет на поверхность? Есть ли выход вообще?

Инженер не находит полеток, оставленных первыми исследователями для того, чтобы помочь заблудившимся находить дорогу обратно на поверхность. Как будто в эту пещеру никогда не заходили жители Калта. Откуда-то доносится стех, и инженер

разворачивается. По стенам гоняются друг за другом тени.

Из трещин в полу, словно дыхание, поднимаются струйки пара, однако в них нет тепла. В сущности, пещера похожа на складской холодильник. Дыхание образует туман в воздухе, и Сүбиакко видит, как на свисающих скальных выступках возникают потрескивающие ледяные кинжалы.

--- Это не по-настоящему, --- произносит он, наконец-то сделав интуитивный скачок к пониманию, что спит.

Однако Сүбиакко хватается уша, чтобы понять, что понять и проснуться --- две разные вещи.

В пещеру просачивается оранжевое свечение, мерцание галекких огней. Сүбиакко вспоминает обрывочный текст, который привезли на Калт с самой Терры и которому якобы было десятки тысяч лет. На запечатанных в стазисе страницах говорилось о месте глубоко под землей, куда после смерти отправляются все дьяволы и злодеи мира. Утверждалось, что это обитель огня и страдания. Когда у

Субиакко над головой было небо, а в лицо светило солнце, он фыркал над подобными древними суевериями, но в этом мраке его животное нутро сжимается от страха.

Глубинное пламя становится жарче, и стены пещеры начинают растекаться каплями. Материя расползается, как будто они сделаны не из твердого камня, а из воска. Вся пещера распадается, исчезая так быстро, как может только неприкрытая фальшивка. Стены рассыпаются хлопьями и шелушатся, словно шлак в огне, потолок осыпается дождем пропитанного кровью непла. Под восковой ширмой раскачивающееся переплетение железных планок и беспорядочно расставленных опор. Это безумное сооружение не смогло бы выдержать возложенный на него груз.

А по ту сторону завыбающая абсолютная пустота.

Нет... там не пустота. Совсем не пустота.

Там движутся невообразимо огромные силуэты, левиафаны, которые вышли за пределы жалких категорий

этого слова.

Субиако в ужасе, что между ним и чудовищами находится лишь эта хрупкая решетка. Он пятится от ближайшей сетки, когда перед ним торгают громадный глаз. Субиако осознает, что это глаз лишь тогда, когда зрачок размером с небольшую луну расширяется, заметив его. Сооружение вокруг содрогается, и ударные волны расходятся до самых дальних уголков пещеры. До слуха инженюта доносятся стон стали и скрежещущий визг металла о металл. Слева что-то разламывается, и Субиако слышит «тук-тук-тук» стальных когтей по железным планкам. Слышит, как металлы гнутся и раздвигаются в стороны.

Откуда-то раздается кудачущий стех. Его источник может находиться в тысяче километрах или же прямо позади. Субиако не дожидается, когда это выяснится, и начинает бежать, надеясь, что в противоположном направлении. Он слышит скрежет покрытых металлом тел, протискивающихся в дыры, которые слишком малы для невероятных

забаритов. Слышит крики боли и голодный вой. Ингениум продолжает бежать, благоразумно не оборачиваясь, чтобы посмотреть, что же за ним гонится.

Единственное, что ему ясно — нужно убираться.

Он бежит, а вокруг разносится звук, издаваемый сотнями полированных стальных клинков. От них сыплются искры, которые озаряют рушащуюся реальность стробоскопическими вспышками и порождают тени от деформированных конечностей, раскрытых челюстей и потрошащих клыков.

Субиako кричит, услышав, как из-за решетки в обваливающуюся систему пещер пробиваются еще тысячи аморфных тварей с клинками. Если они его схватят, то убьют, но он боится, что после этого будет еще хуже.

А потом, впереди, чудо.

Огромная адамантиевая дверь, громадный портал, который заслуживает — и, несомненно, носит — более точное название: «врата». Лишь они уцелели в

растворяющейся пещере и сохранили
целостность перед лицом порчи извне,
которая уничтожает все, с чем
соприкасается. Врата черные и
блестящие, сложены из циклопических
блоков титанического камня, добытого в
глубинах лишнего света океана. По
центру врата запечатаны огромным
золотым кругом, на котором начертана
сложная алхимическая и математическая
формула.

Заводной Ангел.

Это древняя задача, однако, она
известна Субиако. С четкостью, которую
способен породить только ужас, инженер
понимает, что решение откроет врата. В
центре великой печати располагается
вычурная клавиатура из меди и загата.
Пальцы быстро тычутся в черные кнопки.

Шестерни крутятся, штифты
отодвигаются, вложенные друг в друга
диски из блестящего металла
разделяются, замок отпирается, и печать
расходится посередине. Врата
открываются, и через просвет между
створками льется золотое сияние. Оно

лечит и очищает, оно такое яркое, что от него можно ослепнуть.

Субиako прикрывает глаза от лучей и чувствует, как на него накатывается желанное тепло.

Позади он слышит вопли зверей с клинками, гнавших за ним. Свет смертелен для них, он сжигает и развевает темные силы, которые скрепляли их тела. Золотое сияние ширится, исправляя повреждения, нанесенные хрупким стенам реальности. Целительная энергия чудесна, порча из-за телены бессильна перед ней и убирается обратно за преграды, которые не дают ей вторгаться в царство порядка и здравого смысла.

Свет окутывает Субиako, и тот позволяет ему...

...и его глаза открываются, и инжениут обнаруживает, что над ним стоит жена, лицо которой покрыто морщинами от испуга. Субиako садится и вздрагивает, когда спазм боли простреливает позвоночник. Разборная койка неудобна, но она гораздо мягче, чем

сжатка на земле. Он видит, что в углу выделенной им комнаты съжилась дочь, натянувшая одеяло на колени. Она глядит на него расширившимися от страха глазами.

--- Мне приснился кошмар, --- говорит он, судорожно выдохнув.

--- Всем снятся кошмары, --- отвечает жена, обнимая его и кладя ему голову на плечо.

--- Неудивительно, --- произносит он, глядя на стены квартиры так, словно те могут в любой момент распасться на части и открыть таящийся за ними ужас. Он прислушивается, и ему кажется, что слышно слабое «тук-тук-тук» полированных стальных когтей.

--- О чем он был? --- спрашивает жена. --- Твой кошмар?

--- Не помню, --- отвечает он.

XVJ

Ультрадесантники выдвигаются крупными силами. Из Аркологии Х выходит пятнадцать сотен воинов.

километровая колонна тяжелой бронетехники. Бронированные двери открываются на залитые синим светом пустоши, и мощь Легиона, которой достаточно для покорения мира, отправляется на войну. Их возглавляет Вентан, занимающий командирский отсек «Теневого меча».

Внутреннее пространство сверхтяжелого танка не рассчитано на постлюдей, но он сумел втиснуть громаду своего тела на место, предназначенное для мертвого.

Внутри сверхтяжелой машины пахнет смазкой, двигательным маслом, потом и тошнотворно-сладковатыми сосновыми благовониями. Вентан слышит в воксе болтовню экипажа, но не отключается.

Ему нет нужды слушать их обмен рабочими репликами. Пока нет.

Хотя Вентан и не верит в Бога-Машину, он отрывисто кивает символу шестерни с выбитым на ней черепом, который нанесен на переборке рядом с ним. Хотя это и противоречит его характеру,

капитан касается изображения кончиками
пальцев. Не на удачу, а чтобы воздать
почести силам Механикута, которые
помогли вернуть Калт с грани.

Хессту, Киратике, Улдорт и
тысячам прочих, чьи имена он никогда не
узнает.

Словно отмечая его жест уважения,
окружающие планшеты начинают звенеть
от поступающей информации. Стучащие
ленточные принтеры выплевывают рулоны
вощенной бумаги — данные от Таурен с
когитаторов Аркологии X. Планшеты
перед Вентаном заполняют изображения с
геосателлитов, дятка информации
четырёхчасовой давности, которая
окучивает его будто вырезанное из
хрустала лицо призрачным охряным
светом.

Еще через пять часов их наступление
дойдет до внешних границ заводского
опорного пункта Федрала Фелла. Вентан
планирует начать атаку сразу после того,
как геосателлиты пройдут над головой и
дадут максимально актуальное
отображение тактической ситуации. В

развалинах перед ними скользят почти сотня «Лендспигеров», которые сообщают более актуальные данные разведки наземного пространства впереди, оптимальные векторы атаки и поправки к предполагаемому маршруту.

Вентану хотелось бы проводить столь важное наступление иначе, но он подозревает, что тало какие из сражений грядущей войны будут проходить в идеальных условиях.

Дисплей лишает окружающую Вентана местность цветов, но даже в монохромном изображении капитана потрясает кошмарность планетарной бойни. Он непосредственно наблюдал начало опустошения и знает, как это было ужасно, но то, как выглядит поверхность Калта, является суровым напотинанием, что это поле боя не из тех, которые в конечном итоге возвращаются в лоно природы.

Калт навечно останется таким.

Ланшир представляет собой развалины стальных островов, многочисленные производственные

платформы и здания гильдий превратились в почерневшую пустошь, где блуждают тени. В Нутине ситуация обстоит немногим лучше, пространство между ними усеяно мусором поврежденных стратосферных транспортных: расплюснутыми ящиками для припасов, разорванными бочками и перевернутыми грузовыми контейнерами. Большая их часть раскололась при падении, и содержимое разлетелось по многим тысячам квадратных километров поверхности. Винтовки, форма, пайки, обувь, медицинские средства и миллионы прочих предметов, необходимых для ведения военной кампании.

Такое ощущение, что здесь прошла дюжина армий, которая побросала всю свою ношу и исчезла.

Ничто из разбросанного нельзя спасти. Все уже слишком сильно облучено, чтобы что-то можно было использовать. На равнинах за Нутином скрипит искореженный хребет «Антрогаликуса». Бронированный корпус звездолета погнут и пробит в тысяче мест. Вентан

вспоминает, как наблюдал его падение с неба --- подобное зрелище не сумел бы вообразить никто в здравом уме. Из выжженных внутренностей до сих пор валит дым, хотя прошли уже недели с тех пор, как корабль врезался в поверхность, словно гибельный метеорит.

Он напоминает Вентану громадного степенного левиафана, сваленного стаями ненасытных хищников. Технологическое чудо, некогда странствовавшее среди звезд на службе величайшему замыслу человечества, превратилось в ржавеющие обломки. Могучий король пустоты повергнут предательством и брошен гнить на планете, где, скорее всего, был заложен его киль.

На горизонте, словно сломанные зубы на сгнившей десне, стоят башни, озаренные бьющим пламенем перерабатывающих шахт. Громадные буровые установки раскачиваются, их поверхность коррозирует от звездного излучения. Вентан повсюду видит гибель мира: города, превратившиеся в пепельные пустыни; горделивые промышленные

центры, разрушенные настолько, что не подлежат восстановлению; целые жилые кольца разнесены на стеклянные обломки.

Калт никогда не был самой прекрасной планетой Ультратара, но Вентан достаточно побуждал в галактике, чтобы знать, что он был красив, хотя и не был таким дивным, как Прандиум, его города не были архитектурным чудом, как на Коноре, а океаны не обладали величием макраггских.

И все же немногие из миров способны сравниться с ним по трудолюбию обитателей. Все жители Ультратара усердны, но жители Калта пылко гордятся своей репутацией самых стойких тружеников Пятисот Миров. Верфи на поверхности и на орбите создали больше боевых кораблей, чем многие из специализированных миров-кузниц, и ни один звездолет с меткой кораблестроителей Калта никогда не подвиг в бою.

Всего этого больше нет.

Жители Калта держатся, но мира, за который они бьются, более не

существовет.

Вентан вспоминает былой Калт.

Нынешний Калт -- мертвая планета
вокруг него.

XVJJ

Вентан гелит своих
Ультрагесантников на четыре ударные
группы. Подвижная техника движется на
флангах, а сверхтяжелые машины и
среднеуты наступают по центру. Вентан
командует основным отрядом, Селатон
руководит левым крылом, Сиданс --
правым. Урат из 39-й встретится с ними
у Проезда Малоник, и ударные силы
увеличатся, когда в их состав войдут
разделившиеся братья с каждой из
магистралей Ланшира.

Над прогнувшимся шоссе высшего
класса Траверс Тарксис шагает
«Пылающее облако», титан, который
уничтожил вражескую машину «Мортис
Максор». Звук его боевого горна скорбно
разносится над руинами. С севера
приближаются воины капитана Эфона, но

его силы объединятся с Вентаном лишь
при встрече в центре разрушенной
крепости Федрала Фелла.

Последним элементом штурмового
отряда является Эйкос Ламиаг.

Тетрарх Ультратара, чемпион
притарха, Эйкос Огнорукий, как его теперь
называют. Он ведет армию, которая
представляет собой разнородный
контингент сил, собранных из тех, кто
уцелел в опаленной пустыне и на
пылающих сборных плацах вокруг
Голофүзикона. Под знаменем тетрарха
Армия, скитарии и Аүксилия Обороны, а
также великий Телемехр — Небесный
Воитель, рожденный дважды.

Ламиагү оторвало руку болтами
Несущих Слово, и его воины провозгласили
себя Щитоносцами. Пережившие атаку
уже начинают творить мифологию.

Возможно, в утверждении Сиданса,
будто к концу войны у каждого из них
будет легендарное имя, что-то есть.
Нечто, что попадет в музей будущего.

Вентан заставляет себя думать не о
возможном грядущем, а о настоящем.

Он объединил самые крупные силы с
толеннта сборов. Это подходящий ответ.
Та незначительная информация, которую Таурен
смогла собрать из краткого соединения с
когитаторами Несущих Слово до
предательства, сообщает, что Федрал
Фелл — военный лидер, обладающий
большой храбростью и харизмой. Если
дать ему возможность успешно собрать
Несущих Слово, война за Калт растянется
на десятилетия.

Опорную крепость в фабричных
районах необходимо сравнить с землей.

Ультрадесантники продвигаются
медленнее, чем хотелось бы Вентану,
однако график составлен с запасом. Часть
маршрутов, которые выглядели
свободными на орбитальных пиктах, на
земле оказались непроходимы.
«Лендспидеры» пробивают проход своими
пушками или же сообщают новые пути.

Через пять часов скоординированные
штормовые силы Ультрадесанта
покажутся на подступах к крепости
Федрала Фелла за несколько минут до
обновленной телеметрии с орбиты.

И вооруженный самой точной информацией Вентан сомрет Федрала Фелла с лица Калта.

XVJJJ

Хол Велоф следует за Малоком Карто в развалины ланширского небоскреба, которому переломили хребет. Громадное сооружение лишилось верхних трехсот этажей, с точностью тысячеметрового клинка срезанных пустотной системой левого борта «Антрогатикуса». Сила удара согнула нижний контрфорс и нарушила структурную целостность здания. Небоскреб скрипит и стонет на завывающем ветру, от пола к опорным колоннам толщиной в несколько метров тянутся широкие трещины.

Падение башни — всего лишь вопрос времени.

Похоже, что ни это, ни наличие поблизости известного опорного пункта Ультрагесанта не тревожит Малока Карто, который ведет маленький отряд в

заваленный трупамн атрпм.

Ударная волна от сражения машин в трех километрах отсюда, у канала Нуансюр, выбила гелиотропные окна строения, и обожженные тела покрыты потемневшим от непла стеклом, которое отбрасывает изменчивые отражения.

Эриэш Кизал и его терминаторы почти не говорили с того момента, когда забрали оружие у распадающихся на части воинов-культистов. Эу Гунара еще менее общителен, и Хол Белоф начинает чувствовать себя все меньше командующим и все больше попутчиком.

— Зачем мы здесь? — спрашивает он, остановившись среди трупов. На него таращится шелушащийся череп, который почернел и покрыт рытвинами. Челюсть отвисает от создаваемой шагами вибрации.

Хол Белоф давит его сапогом.

— Ты задаешь вопрос, который будоражил величайшие умы с тех пор, как человек только научился ходить на двух ногах, — отвечает Карто. Он выставляет руку для опоры, словно устал от

путешествия по разбитым внутренним
районам Калта. Доспехи работают с
нагрузкой, сдерживая наиболее опасное
излучение, и вскоре энергоконденсаторы в
бранцах придется перезаряжать.

И тем не менее, все перенесенное
совершенно не смогло утомить Темного
Апостола.

Хол Велоф только теперь осознает,
что при Карто больше нет его посоха с
символом Октема.

— Ты знаешь, о чем я, — произносит
командующий. — Здесь. В этом здании.
Зачем?

Карто вытягивает шею вверх, глядя
сквозь громадный просвет в центре
сооружения. Хол Велоф следит за его
взглядом. Пыль и частицы стекла
кружатся в свете, сочащемся через
разбитые окна, и образуют странные
узоры, спирали, петли и намеки на
недосыгаемые фигуры. На кратчайший миг
Хол Велоф что-то видит в танце
пылинок, но оно ускользает от восприятия,
даже когда кажется заметным.

— Мы здесь, чтобы кое-что увидеть, —

говорит Карто, как будто это все объясняет.

--- Что увидеть? --- требовательно спрашивает Хол Велоф. Его рука схватывает обтянутую кожей рукоятку меча. Ему уже безразлично, нападут ли на него бормочущие тени. Он просто хочет получить ответы.

--- Момент истории, --- произносит Карто и поднимает руку, предупреждая еще один всплеск злобы из-за загадочного ответа. --- Вопреки верованиям некоторых, вселенная не лишена своеобразия. Это великая телодрама, гобелен последствий, имеющих как рукотворное, так и небесное происхождение. Большинство из них малы, и их легко не заметить, но некоторые имеют галактическое, даже вселенское значение. И если такие драмы нужно внести во вселенскую хвалебную песню темным монархам, их надлежит наблюдать. Близится несколько таких представлений, и мы здесь, чтобы стать свидетелями одного из них.

--- Что произойдет? --- спрашивает Хол Велоф.

--- Лезь со мной, и увидим вместе, --- со вздохом говорит Карто.

Хол Велоф оглядывается на атриум. Небоскребу срезало верхушку, однако он все равно высится почти на полтора километра.

--- Я полагаю, это чересчур --- надеяться, что у транспортных лифтов осталась энергия? --- интересуется он.

Карто насмешливо смеется.

--- Заслужена славная графа, --- произносит Темный Апостол, направляясь к пыльной и заваленной трупами лестничной клетке. --- И поверь мне, ты не захочешь ее пропустить.

ХХХ

Как и все связанное с войной на Калте, твердыня Феграла Фелла уродлива. Разобранные мануфакториумы послужили сырьем для укреплений: остроугольных бастионов, низких отражателей артиллерийского огня и врытых в землю укрытий. Это раковая опухоль на местности, окутанное туманом и

залитое оранжевым светом воплощение проклятия. Вверх, словно следы от когтей на холсте, тянутся струи черного как столь дыма, а в воздухе смердит горящими нефтепродуктами.

Вентан вспоминает Несущего Слово, именовавшего себя Морпалом Ксиром, который утверждал, что войнство федрала фелла исчислялось десятками тысяч. Орбитальные удары Таурен проредили их, но весь вопрос в том, насколько.

--- Давай же... --- бормочет он, глядя, как на основном планшете уменьшаются показания счетчика.

Наконец тот доходит до нуля, и спустя несколько секунд, в течение которых затирает сердце, с мерцанием оживает боевой логистер. С геосателлитов загружаются данные в реальном времени. Информация льется рекой.

Вентан мгновенно ее обрабатывает, анализируя тактические сводки по направлениям подхода, тепловым следам, топографическим планам и расположению

войск противника. Он опасался, что Несущие Слово могли располагать собственными разведчиками и быть наготове, но теперь выясняется, что он зря приписывал врагу такую прозорливость.

Информация расходуется по командующим офицерам, и на логистере вспыхивают символы готовности. Они увидели то же, что и он, и жаждут боя. Нсы войны рвутся с поводка. Даже Ламиа подчиняется его указаниям. Это право и честь Вентана отдать команду.

Его теория непоколебима. Его практика уместна. Им всем это известно.

--- Всем группам, начать разгром, --- приказывает Вентан.

XX

Планшетный стол в Ультимусе не рассчитан на работу с загрузкой данных военного типа. Его фотонные системы Лексора-Кейла разрабатывались, чтобы выводить общесистемные отгрузочные графики и декларации, а не координировать боевое планирование

Легиона. Серверу Таурен пришлось внести в биоорганические когнитивные центры множество изменений.

Большинство из них — разрешенные модификации, но несколько из числа тех, которыми ее научила Кориэль Зет во время ученичества в Городе Магмы. По сути, они не запрещены, однако осуждаются. Хесст бы одобрил, и мысль о том, как бинарный спутник жизни осматривал бы ее работу, вызывает у нее улыбку.

Здесь присутствуют полковник Хатагри и капитан Уллиет, но для Таурен они как будто призраки. У них нет аугметики и доступа к ноосфере, и они немногим более чем просто размытые пятна на периферии зрения. Она видит только информацию. Люди тихо переговариваются, но она их не слышит.

Атмосферная среда Калта загрязнена радиоактивными бурями, но Таурен научилась делать на это поправки. Она подстраивает фильтры, и оптика геосателлитов повинует ее командам. Все расплывается от помех. Голограммы колеблется. Разрешение обновляется, и

Саурен видит то, что ей нужно.

Она считывает энергетические следы закопанных источников энергии и термальное излучение над тем, что, скорее всего, является казармами. Перед ней открывается все, что Несущие Слово пытались спрятать, и Саурен наслаждается богоподобностью своего нынешнего положения.

Все, что она видит, совпадает с известными особенностями разворачивания Несущих Слово. Тепловые рисунки соответствуют энергостанциям Легионес Астартес, и это убеждает ее, что с прошлой загрузки с геосателлитов ничего существенного не изменилось.

К столу подключены полдюжины савантов и логи, каждый из которых закреплен за командным подразделением штурмовых сил. Геосателлиты отсылают свои находки в Аркологию X сжатыми импульсами данных, которые затем перенаправляются атакующим Ультрагесантникам. Каждому из командиров-гесантников придан личный боевой савант, разбивающий

загружаемую информацию на пакеты данных, которые проще обработать тем, у кого нет аутистики когнитивных процессов.

По сравнению со смертными, биоархитектура мозга костических десантников значительно усовершенствована, но они --- не механикумы.

--- Геосателлиты будут наверху еще пятьдесят три секунды, --- произносит савант с темной кожей и дружелюбными глазами, которые до сих пор его собственные. --- Пять-три секунды.

У него ярко выраженный экваториальный акцент, и Таурен нравятся гибкие эпентезы в словах.

Она наблюдает, как загружаемая информация распространяется по планшетному столу. Золотистые значки двинутся в тщательно организованном балете. Все перемещается точно. Каждый взмах и выпад воинов XIII Легиона идеально скоординирован.

Кажется, что она смотрит не на сражение, а на повтор его записи.

Ее взгляд перескакивает на ноосферный отсчет над рунной, отображающей группировку, в которой находится капитан Вентан.

XXI

Основное оружие делает выстрел, и «Теневой меч» заполняется треском электрического резонанса. Статический заряд поднимает с брони частички пыли и заставляет волосы на загривке встать дыбом. Вентан мог бы отправиться в бой на «Лендрейдере», но не смог устоять перед потрясающим разрушительным потенциалом «Теневого меча».

На зернистом пикт-планшете перед ним разваливается стена, уничтоженная основным оружием сверхтяжелой машины. Этот танк способен уничтожать капитанов. У неподготовленного укрепления нет шансов. Из руин выпадают тела, труны культистов. Те, в ком еще можно признать людей, охвачены пламенем.

Вентан не слышит их криков и жалеет об этом.

В его способности получать удовольствие от страданий начинается присутствовать что-то дикое.

Вентан активизирует пневматические запоры, изолирующие передний пост от остальной части сверхтяжелого танка. Он хочет взглянуть на опустошение твердыни федрала фелла собственными глазами.

Возле него загорается зеленая лампа. Пневмозапоры фиксируются.

Капитан вводит на увеличенной клавиатуре управляющий код. Люк наверху открывается, щелкнув вулканизированными прокладками и затворными штифтами из дюралюмина. Крышка скользит вбок, и Вентан выпрямляется.

Пролатывающийся сквозь внешние рубежи обороны федрала фелла танк окружен пламенем. От «Теневого меча» разбегаются банды воинов братств в краденых экзоскафандрах. Никакое оружие культистов не в состоянии даже оставить след на толстой броне, и им об этом известно.

Они бегут, и их косят батареи тяжелых болтеров. Потoki лазеров и твердых снарядов срезают дезорганизованные шеренги. Из взрывающихся тел, словно геотермальные гейзеры, вырываются фонтаны горячей крови.

Вентан разворачивает комби-болтер на вертлюжной опоре и тянет заряжающий рычаг. Магазин входит в приемник с лязгом, вызывающим удовлетворение, и капитан вдавливают спуск. У комби-болтера ужасающая отдача, он больше подошел бы к человекоподобным танкам вроде терминаторов, но система «Теневого меча» и генетически усиленное тело удерживают огонь на цели.

Тела разрываются, превращаясь в мясо и хрящи.

То тут, то там банды воинов обороняют свои позиции. Вентан мельком замечает железные маски, изогнутую одежду и совершенно недостаточную радиационную защиту. Культисты палят из оружия, которое уступает армейскому

по качеству и эффективности. Он поражается, как такому сброду вообще дали ступить на Калт, и убивает их при первой возможности.

Среди культистов нет Несущих Слово, но все, что он видел во время боев до отступления под землю, демонстрировало их полное пренебрежение смертными союзниками. Люди здесь только для того, чтобы замедлить наступление Ультрагесантников и поглотить их ярость. Если план Фелла состоит именно в этом, то он сильно недооценил тот источник, из которого может черпать неустовство XIII Легион.

Вентан ставит зрелище того, как сотни танков Ультрагесанта грохочут по агской пустоши внешних укреплений Фелла. С обеих сторон от него «Лендрейдеры» поднимаются на дыбы на наспах возведенных земляных валах и снова падают с громовыми ударами. Вражеские воины, которые удерживали свои позиции, раздавлены гусеницами или погребены под землей. Огонь эскадронов «Хищников» синкопирует залпы выстрелов тяжелых

лазеров, а над головой по дуге проносится
головокружительное количество ракет
«Вихрей». Эскадрилья за эскадрилей
«Лендспидеров» тчатся над полем боя,
словно смертоносные хищные птицы,
обстреливая незащищенные порядки врага.
Мультипеллеты пробивают бреши в
бункерах, и следом обрушиваются
штурмовые отделения, которые добивают
очаги сопротивления визжащими цепными
клинками и пушечными.

С востока приближается «Пылающее
облако». Он опалает небо магмовыми
зарядами, его орудия окутаны дымом и
светом. Посреди укреплений поднимаются
грибовидные облака. Каждый удар
обрабатывает адамантиевые стены в шлак.
Рвущие воздух ракеты вспыхивают на
пустотных щитах титана, и звук его
боевого горна похож на грохочущий хохот.

Вентан выводит на визор
тактический экран. Золотые значки
сжимаются вокруг крепости Фелла, словно
кулак, но это только внешние рубежи. Их
легко преодолеть. Настоящая оборона
находится в километре впереди ---

громадные стены, способные устоять перед
орудиями титана, дьявольские бастионы
из темной стали и вкопанные в землю
бункерные комплексы, куда будет трудно
пробиться даже «Теневой меч».

Но у Вентана есть пушки крупнее
тех, что можно поставить даже на
«Разбойника» или «Теневой меч».

Он открывает канал вокс-связи с
Аркологией X.

— Меер Эгв Таурен, — произносит
он. — Как в прошлый раз.

XXII

Таурен соединяется с орбитальными
пушками и отключает их протоколы
безопасности, взмахнув обеими руками от
себя, словно актер, который разводит
занавес и выходит на сцену.
Многочисленным слоям защиты,
введенным после вторжения, требуется
секунда, чтобы отключиться, однако все
платформы без проблем переходят под его
управление.

Теперь каждое орбитальное орудие

подчиняется Аркологии X.

Все находится под ее контролем.

— Приготовиться к полномасштабной бомбардировке, — произносит Таурен.

XXIII

На один прекрасный миг калтская ночь кончается.

Отравленный воздух озаряется. Возвращается свет дня.

Однако это ложный рассвет, который возвещает не о новых начинаниях, а только о конце.

Подбрюшья туч, набухшие от кислотного дождя, на мгновение освещаются, когда их прожигают высокоточные лазеры. Мезонные следы опалают насыщенными химикатами полосы летучих испарений, скопившиеся над крепостью. Небо вспыхивает, и местность озаряется на сотни километров.

Все это происходит в один миг. Спустя доли секунды из костоса, словно прямые стрелы молний, бьют жгучие лучи энергии. Сами по себе они не производят

шума, но на их пути воспламеняется атмосфера. Вскоре за каждым ударом следует резкий грохот вытесняемого воздуха.

Вентан наблюдает за всем этим через фильтры авточувств доспеха. Акустические компенсаторы сопротивляются оглушительным раскатам грома, от которых иначе лопнули бы барабанные перепонки. Визуальная защита не дает ослепнуть. Керамитовые пластины берегут от жара, который сжег бы плоть на костях.

У незащищенных культистов нет ничего подобного, от их рядов остаются кружащиеся клубы дыма, исходящего от сожженного мяса. На костях обгорает плоть, кровь вскипает, а от неприступных стен остаются лишь груды щебня.

Обрушивается первый вал высокого давления, и земля содрогается. «Теневой меч» кренился назад на подвеске, понав под такой шквал ударов, как будто армия «Контелнторов» долбит по корпусу гравитонными молотами. Вентан наклоняется навстречу взрывной волне,

сопротивляясь сокрушительной мощи. Связь со сверхтяжелой машиной сообщает, что на борту отказало множество устройств. Порваны линии подачи и гидравлика, перегружены тонкие системы.

Они находятся в километре от места ближайшего попадания, но это все равно слишком близко.

Все копья лазеров и кинетические снаряды бьют по твердыне федрала Фелла, разнося жалкую противозрывную защиту и рудиментарные пустотные щиты. От укреплений ничего не осталось. Мягкое подбрюшье обнажено, и у Вентана есть готовый к удару гарпун.

Вокс взрывается взволнованными переговорами. Сотня голосов повторяет одно и то же.

--- Вы это видели?

--- Трон!

--- Там никто не мог остаться в живых!

Вентан знает, что выжившие найдутся. Несущих Слово будет не так

просто выбить.

Он вклинивается в вокс-сеть.

--- Нам все еще нужен практический результат, --- говорит он. --- Выполняйте приказы.

Ультрагесантники повинуются.

XXIV

Хол Велоф с ужасом наблюдает, как горизонт озаряется от края до края. Ему известно, на что он смотрит. Испепеляющий орбитальный огонь, сконцентрированный в одном месте. Он помнит географию Калта и точно знает, по кому бьет гнев орудий Ультрагесанта.

--- Фелл, --- произносит он.

Малок Карто кивает.

Горячий ветер хлещет по обезглавленной башне, взметая плащ Хол Велофа и забивая рот командующего серым песком. Качка башни вынуждает его широко расставить ноги, пол тревожно кренится под ногами. Такое ощущение, будто он стоит на палубе примитивной галеры. Неприятное чувство.

Сверху опустошение Калта выглядит еще более очевидным. Планета превратилась в истерзанный радиацией мир, на котором навеки останется тетка Несущих Слово. Несмотря на пейзаж перед глазами, Хол Велоф какое-то мгновение гордится этим, хотя его кожа и покрывается волдырями.

На землю обрушиваются новые удары, горизонт озаряет новое пламя. Башня сотрясается от первых сейсмических толчков. Из зияющих окон сыплется дождь стеклянных осколков. Несущие конструкции гнутся и падают на землю. Башня оседает на раскалывающийся фундамент.

Объединенный огонь лэнс-батарей бьет по горизонту. Создаваемое им адское свечение высвечивает суровый факт.

— Ты знал, что произойдет, — произносит Хол Велоф.

Карто пожмает плечами, и этот жест вызывает у Хол Велофа ненависть. Это жест отрицания, безразличия к гибели чего-то драгоценного. Пожатие плечами демонстрирует ему, что Малок

Карто уже на самом деле не один из сынов Лоргара, а становится чем-то совершенно иным.

— У Фелла была самая крупная армия, — говорит Карто, — а также самые большие амбиции.

Хол Велоф старается не чувствовать себя уязвленным, зная, что это абсурдно на фоне подобных разрушений. Он пытается довести слова Карто до логического финала, но ни в одном из выводов нет смысла. У него в голове постоянно крутится только одна мысль.

— Это ты устроил, так ведь? — спрашивает он.

— Разумеется, — отвечает Карто.

— Фелл и его воины погибли, да?

— Еще нет, — говорит Карто, возясь с замками на воротах. — Но скоро.

— Зачем? — спрашивает Хол Велоф, зная, что ему придется убить Темного Апостола. Карто переступил черту, хотя командующий и не знает, ради чего.

— Служба Темным Монархам требует определенных жертв, — произносит Карто. — К тому же нужна

была достаточно соблазнительная цель, чтобы выманить Ультрагесант из их норы для трусов.

Карто поднимает руку и снимает шлем. Точнее говоря, он ломает шлем на части, чтобы снять. Изнутри валят клубы темного дыма, и Хол Велоф видит, насколько далеко зашел Темный Апостол в своем служении замыслу Лоргара относительно галактики.

XXV

Над землей висит электромагнитное тареволандшафт, расплавившийся до стекловидного состояния от жары многочисленных лэнс-ударов, колыхается от пыльных вихрей, теплового излучения и дожда из непа. «Теневой меч» проламывает себе дорогу сквозь разрушенные руины опорного пункта Федрала Фелла. Орбитальные орудия уничтожили стены убежища с пугающей легкостью.

Вентан слезает с «Теневого меча».

Корпус танка горячий, раздается громкое пощелкивание остывающего реактора. В дымке движутся фигуры, но они в кобальтово-синей и золотой броне. Это Ультрагесантники, и они идут с ним.

Внешние датчики доспеха фиксируют в воздухе широкий диапазон экзотического излучения и убийственный коктейль из ядовитых элементов. Этого следует ожидать, когда высвобождаются столь могучие силы.

Шеренги ошеломленных воинов Легиона продвигаются в оплавленные руины вражеской крепости, прижимая болтеры к плечам. Ступно различные гиганты бредут в химическом тумане, один вдох которого растворил бы легкие мертвого.

Вентан вытащил пистолет и меч. Он не ждет, что в непосредственном будущем ему придется ими воспользоваться, но капитан должен выглядеть готовым к бою. Капитан не видит следов присутствия Несущих Слово, но знает, что те где-то неподалеку. У них кровь и выучка Легионов. Они пережили

болбардировку, и уже сейчас готовятся
контратаковать.

Вентан ведет Ультрагесантников
вглубь дымящихся обломков, которыми
устлана пустошь. Позади едет «Теневой
теч», гул двигателя пробирает до костей
и ощущается спинным мозгом.

Кольцо Ультрагесантников
сжимается вокруг центра твердыни, и в
голове Вентана зарождается навязчивое
подозрение. Оно слепое и
неоформившееся, но настойчивое.

Разрозненные группы солдат братств
каким-то чудом уцелели под обстрелом.
Они слепы и глухи, обожжены и брошены. С
ними безжалостно расправляются.
Ультрагесантники не тратят
массореактивные снаряды. Кто знает,
когда будет пополнение? Врага повергают
ценными клинками и кулаками, но столь
жалкие цели не приносят удовлетворения.

— Говорит Вентан, — обращается он
по воксу к собратьям-командующим. —
Сообщите о признаках наличия сил
вражеского Легиона.

Поступают только донесения о

контактах с обваренными и
искалеченными смертными солдатами
врага, и Вентан ощущает, как его гложет
мысль, что здесь что-то не так.

— Где Несущие Слово? — спрашивает
он сам себя.

Если Федрала Фелла тут нет, где
же он?

В центре крепости
Ультрадесантники обнаруживают
громадную воронку, коштарную
преисподнюю, наполненную электрическим
пламенем и сожженным мясом. Почти
ничего не уцелело. То, что в первые
мгновения не уничтожил обстрел,
обвалилось от последующих взрывов и
пожаров на складах боеприпасов. То тут,
то там Вентан видит следы
перезарядки и окапывания, но сложно
различить что-то конкретное. Об этом
забылись точные удары Таурен.

Основное оружие «Теневого меча»
поворачивается над головой Вентана,
выискивая цель, но не находит ничего,
заслуживающего стрельбы. В огне виден
силуэт «Плающего облака». Громадная

машина разрушения висит на месте смерти врага.

Из дымки возникает покрытый пылью и копотью воин, который вскидывает руку в приветствии.

— Я думал, тут останется хоть кто-то живой, с кем можно будет сразиться, — говорит Сиганс.

— Я тоже, — отзывается Вентан, убирая меч в ножны и пристегивая пистолет к бедру.

— Полагаешь, они погибли при бомбардировке?

— Похоже на то, — произносит Вентан, хотя такое объяснение уже слишком удобно.

— Тогда эта крепость так себе, — замечает Сиганс. — Лордс Дорнш нашлось бы, что сказать по этому поводу.

Вентан не отвечает. Слова друга подтверждают навязчивое подозрение, которое нарастало с момента первых выстрелов. Капитан замечает, когда мысли сходятся на изначальной неправильности случившегося.

— Эта крепость никогда бы не

выстояла, — произносит он. — Это смешно.

— О чем ты?

— Зачем строить то, что ты можешь за секунды сравнять с землей с орбиты? — спрашивает Вентан. — Зачем вообще строить над землей? В этом нет смысла.

— Возможно, они не смогли найти места над землей?

— Они могли найти, где уйти под землю, — говорит Вентан. — Бесстылица. Проклятье, что же мы упускаем?

Дым и тарелки рассеиваются на ветру, и у Вентана появляется что-то вроде ответа, когда он видит в самом сердце крепости потрескавшееся сооружение. Оно похоже на укрепленный авиационный ангар, и могло устоять под обстрелом. Секции крыши провалились внутрь там, где рухнули несущие стены. Вентан не видит в конструкции защитных элементов.

Это гигантский купол, украшенный сложной резьбой, с парой декоративных башенок и широким входом без ворот. Сооружение грандиозно, и Вентан понимает, что уже видел подобное.

--- Как думаешь, что это? ---
спрашивает Суганс. --- Цитадель? Место
для последнего боя?

--- Нет, --- отвечает Вентан. --- Не
цитадель, но теперь я знаю, что это. Я
уже видел такие строения раньше.

--- Где?

--- В Монархии, --- произносит
Вентан. --- Это храм.

XXVJ

Цнгениул Субиакко не помнит, как
заснул, но явно произошло именно это.

Можно понять. Никто не смог бы
бодрствовать так долго, как он, трудясь в
постоянном полутраке, без отдыха во
тьме и не отрываясь от насущного дела.
Он уверен, что спит, поскольку
странствует по тем же посеребренным
пещерам своих коштаров.

Субиакко приходил сюда ночь за ночью,
погружаясь в ужасы, которые
разворачиваются бесконечным циклом. От
того что картина никогда не меняется, не
становится легче, есть лишь трагное

знание о предстоящем кошмарном бегстве от тварей с многосуставчатыми конечностями и полированными стальными когтями, которые выбивают по камню «тук-тук-тук».

Пещера имеет все тот же странный серебристый оттенок. Она поблескивает от сырости, а за пределами поля зрения таится ставшая вездесущей угроза. Ему известно, что внешне твердые стены пещеры на самом деле вовсе не такие. Известно, что прячется по ту сторону хрупкого покрова реальности, и, как бы ему этого ни хотелось, он не в силах избавиться от этого знания.

Вокруг него, словно стремительный дым, порхают едва заметные силуэты.

Судяко поспешно движется по пещерам, ожидая, что в любой момент стены начнут отодвигаться, открывая тающуюся под ними порчу. Слышны голоса, но для него в них нет смысла, и он не может ответить. С каждым шагом он чувствует, что его направляют, но не в силах сказать, кто или что.

Предчувствие почти невыносимо.

словно ощущение зависшего на волоске от
шеи ножа гильотины. Сүбиакo хочет
проснуться, однако уже давно усвоил, что
не в силах контролировать неотвратимый
ход кошмара.

Ну конечно, он слышит слабое
постукивание, как будто в стенах
находятся крысы.

Түк, түк, түк...

Сүбиакo бежит, снова и снова слыша
пощелкивание когтей.

Түк, түк, түк, түк, түк, түк, түк,
түк, түк...

Уже громче, повсюду вокруг него. Это
что-то новое, кошмар переходит на
следующий уровень ужаса. А затем, как
будто к подложке стен из папье-маше
поднесли огонь, они начинают
распагаться, чернеть и закручиваться в
спирали, словно гаснущие угольки. Стены
сползают с уже знакомой ржавой решетки,
которая их поддерживает, и на той
стороне снова видна ужасающая пуста.

Она бурлит, словно глубины
чудовищно оскверненного океана,
насыщенного грязью и мерзостью целого

биологического вида. Его содержимое не
чуждо. Это не кошмарный побочный
продукт жизнедеятельности какой-то
расы, враждебной человечеству. С
ясностью, которой он не желал, Субиако
понимает, что этот океан безумия
принадлежит людям. Это они порождают
царство сумасшествия. Инженер слышит,
как когти демонических преследователей
снова прокладывают дорогу, и бежит.

На сей раз они не просто сзади. Они со
всех сторон.

Стена впереди прогибается, когда к
решетке прижимается
противоестественная громада чего-то, и
Субиако видит блестящие клыки и
янтарные глаза, каждый из которых
рассечен кинжаловидной щелью цвета
оникса. Прореха ширится, и в пустую
пещеру врывается стая тварей с когтями
из полированной стали. Клинки сверкают,
предвещая убийство, плоть сотворена из
тех, кого он знает и любит — его близких,
лишенных кожи. На вздымающихся боках
зверей воняет от боли лица, конечности
стали лапами, сросшись в

отвратительные биологические
рудименты. Черепом тварей из металла,
они влажно поблескивают сквозь
приклеенную кожу. Лица растянуты, но он
узнает их и издает горестный вопль
утраты.

Субиакко бежит, а звери дышат ему в
затылок. Они преследуют его, играют с
ним.

Они могут поймать и убить его,
когда захотят, но охота слишком
приятна. Он чувствует их гнилостное
голодное дыхание.

Субиакко знает, что есть лишь один
выход, и он мчится туда, задыхаясь на
каждом шагу и надеясь, что доберется до
огромных циклопических врат с золотой
печатью.

Лишь врата дают убежище.

Субиакко просыпается, в его ушах
звонят крики демонов.

И ничего не меняется.

XXVII

Внутри храма бойня, которая

кажется Вентану бессмысленной.

Там холодно, даже морозно. Сюда не проникает жар от утирающей звезды и бомбардировки, и от ранцев легионеров поднимается пар. Сквозь треснувшую крышу пробиваются колонны света, а у проломов в стенах висит ядовитый дым горящей боевой техники, которому как будто не хочется проникать внутрь.

Вентан еще не успевает сделать шаг внутрь, а уже чувствует запах крови. Теперь у него есть ответ на вопрос, что же случилось с Несущими Слово.

Они в храме, и все мертвы.

Их тела явно образуют узор, продолжая стоять.

Эффект достигается за счет того, что каждый из легионеров врага удерживается в вертикальном положении острым штырем из почерневшего железа. Несколько тысяч Несущих Слово насажены на колья в порядке, который явно имеет некое значение. Для Вентана загадка, какое же именно.

Эйкос Ламиаг и Киуз Селатон ведут своих воинов среди колонн мертвых

Несущих Слово. Селатон несет штандарт Четвертой роты --- прославленное и потрепанное напоянание о том, что они потеряли и за что сражаются.

Возле Ламиага, будто личный телохранитель тетрарха, шагает «Контемнтор» Телемехр. Вращающиеся стволы штурмовой пушки издают визг, оружие поворачивается влево-вправо в поисках живых целей.

Сиданс стоит рядом с Вентаном. Визор шлема не позволяет разглядеть выражение лица капитана, однако все ясно без слов.

--- Кто это сотворил? --- спрашивает Сиданс. Он еще не понял, в отличие от Вентана.

--- Они сами это с собой сделали.

Сиданс резко оборачивается. Вентан не знает, что сильнее пугает второго капитана --- мысль, что воины совершили над собой подобное или же что Вентан понял достаточно, чтобы об этом догадаться. Он качает головой и идет дальше. Внутри храма находится около тысячи Ультрадесантников, лишившихся

гара речи от этого зверства.

Никто из них не в силах осознать смысл увиденного. Он слишком чужд для их понимания и не соответствует ни одной из тех военных моделей, которыми их учили.

Вентан подходит к ближайшему Несущему Слово и приподнимает голову. На мертвце нет шлема, лицо изрезано глубокими ударами острого клинка.

Оно искажено стесью ужаса и истовости. У символов странная геометрия, но непонятным причинам на них неприятно смотреть.

Чем ближе Вентан подходит к центру храма, тем понятнее становится узор, выложенный насаженными на колья телами. Группы Ультрадесантников естественным образом сходятся, приближаясь к середине сводчатого помещения. Вентан чувствует, что температура продолжает понижаться.

--- Они располагаются равноудаленными колоннами, ---
произносит Латиас. Его лицу, наполовину

состоящему из плоти, а наполовину из
треснувшей керамики, удается передать
то отбращение, которое все чувствуют. ---
Расходятся наружу от центральной
точки.

--- Из чего следует, что посередине
ничто важное, --- говорит Вентан.

--- Неф храма ведет к центральному
алтарю, --- соглашается Латиас. --- Месту
поклонения.

--- Поклонения? --- буквально
выплываает Сиданс. --- Я думал, мы их от
этого вылечили полвека назад.

--- Урок явно не был усвоен, ---
произносит Латиас, указывая уцелевшей
рукой на жертвенное побоище. Конечность,
которую он утратил в начале боя, можно
было восстановить, а лицо --- починить.
Доступны и технология, и мастера, однако
Латиас предпочел остаться таким, как
есть. Миф о нем стал важен для Калта, и
тетрарх охотно пошел на подобную
жертву.

Вентан питает к Эйкосу Латиасу
высочайшее почтение и надеется, что
будет столь же сильным, как тетрарх.

когда для него настанут такие времена.

--- Так что в центре? --- спрашивает Селатон, держа штандарт рядом с собой. --- Я не вижу алтаря.

Селатон прав. Там нет алтаря, только вырытая яма, из которой неторопливо струятся языки тумана.

Вентан идет впереди, пальцы сжимают рукоять меча.

Здесь все уже мертвы, но присутствие оружия в руке всегда придает уверенность в себе.

Подойдя к яме, Вентан видит, что она уходит вглубь на три метра, а посередине находится еще одно пронзенное тело. Несущий Слово, облаченный в багряный доспех, который украшен трепещущими на ветру свитками с обетами и выбитыми золотыми надписями.

Это не рядовой воин. Каждая пластина и грань созданы вручную мастером-оружейником и отполированы с преданностью, которой может удостоиться лишь высокопоставленный полководец.

Белое, как пергамент, кошмарное
лицо напоминает уныря-людоеда. Губ нет,
скулы выпирают, глаза ввалились, а скальп
лишен волос. На обнаженном черепе, с
которого содрали кожу, вырезаны новые
геометрические символы. В пустой
черепной коробке пробита дыра с
неровными краями.

--- Федрал Фелл, полагаю, ---
произносит Вентан.

Вокруг трупа Фелла нагромождение
тел воинов-культистов, вскрытых и
выпотрошенных. Ул приданы позы
преклонения, руки прикованы к посоху с
шипастым навершием, на который
насажен Фелл. Рты безвольно
приоткрыты, словно восхваляя кого-то, а
восхищенные глаза удерживаются
открытыми при помощи швов.

--- Чем он проткнут? --- интересуется
Селатон. Оно не такое, как у остальных.
Этот знак...

--- Я уже не один раз видел подобный
символ, --- говорит Сиданс. --- Всегда
думал, что это какое-то обозначение
подразделения. То отребье, через которое

мы пробивались, чтобы попасть к вам в
Нутин, носило точно такие же палки.

--- Нет, --- произносит Эйкос Латуаг. ---
Это не эмблема подразделения, как мы ее
понимаем. Это тотем, знак их новых
хозяев. Мы продолжаем носить на себе
аквилу, а наши враги теперь носят это.
Они называют его Октетом.

При звуке этого слова Вентан
ощущает спазм отворачивания. Капитан
смотрит на посох, на толстое, покрытое
нагнисями древко и восемь расходящихся
спиц-клинков, которые повторяют
расположение мертвых Несущих Слово.
Ему доводилось видеть, как вражеские
чемпионы носили такой штандарт с собой,
потрясая им, словно священной реликвией.

--- Надо уходить отсюда, --- говорит
Вентан. --- Пусть орудия Таурен сровняют
это место с землей.

Голова федрала фелла рывком
поднимается, кожа туго натягивается на
черепе в беззубой ухмылке.

--- Пушки вам уже не помогут, ---
раздается бесцветный голос, а затем из
рта труна на тела у его ног начинает

извергаться пенящаяся, черная, словно
мазут, жидкость. -- Нерожденные идут за
всеми вами.

Ошеломленные Ультрагесантники с
отерзанием отступают от ямы. По телу
Федрала Фелла проходят спазмы -- серия
ломających кости конвульсий, которые
наверняка бы убили Несущего Слово,
оставайся в том хоть сколько-нибудь
жизни. Он пляшет на колу, а изо рта
продолжает изливаться поток черной,
густой и ядовитой жижи, похожей на
желчь.

Ее невероятно много, больше, чем
поместилось бы внутри тела. Она
брызжет из глаз и ушей. Течет из носа и
бьет изо рта, как из шланга под
давлением. Яма заполняется столяной
жидкостью, превращаясь в бурлящую
клоаку ужаснейшей порчи. Череп Федрала
Фелла полностью погрузился, но Вентан
продолжает слышать ликующую мантру.

Нерожденные идут...

Нерожденные идут...

Над поверхностью маслянистой

жидкости теперь остается только
шипастое наверху посоха с Октетом. С
острых кончиков тянутся клубы
чернильно-черного дыма. Его жгуты
извиваются, словно совокупляющиеся змеи,
и распространяются над головой завесой
теней, стремясь к трунам на кольях по
всему храму.

--- Назад! --- кричит Вентан, осознав,
что их заманили в ловушку, обратив
против них те самые доктрины, которые
спасли их от уничтожения. --- По машинам
и уходим. Уходим! Сейчас же!

Пузырящаяся яма переполняется,
протоплазменная черная слизь
разливается по окровавленному полу, как
из открытой нефтяной скважины. В
противоестественной субстанции
возникают и лопаются пузыри,
распространяющие вонь бойни и жужжание
миллиона тух-трупоедов.

Нерожденные идут...

Ультрадесантники организованно
отступают от разрастающейся темной
лужи посреди зала. Храм заполняется
тиазматичного черного дыма, мерзостным

дыханием порчи и демонических божеств.

Нерожденные идут за всеми вами...

И мертвые воины Федрала Фелла открывают глаза, в которых чернейшая ночь.

XXVJJJ

Хол Белоф отступает от Темного Апостола, видя, что кривой рог был не украшением на шлеме, а частью черепа Малока Карто. Ребристый костяной вырост выступает из раздутой массы омертвевшей ткани, набухшей кровавыми жилами и покрытой липкой, мерзко пахнущей жидкостью.

Это не единственное изменение внешности Малока Карто.

Его кожа стала морщинистой, а глаза превратились в непрозрачные сферы нездорового оранжевого цвета.

--- Ты знаешь Сорота Чүра? --- спрашивает Карто. Рот представляет собой прореху на желтом черепе. Губы окровавлены в тех местах, где их разорвали треугольные пилообразные зубы. ---

Он познал множество тайных истин вселенной, не последней среди которых является сила предательства. Ему кое-что известно о влиянии этого действия на нематериальное царство. Одно дело предать друга, другое — близкого друга. Он принял этот урок близко к сердцу, когда начал все это.

Хол Велоф слышал это имя. Шептали, что его носителю уготованы великие дела.

— Однако лорд Аврелиан научил меня, что предать брата... ах, в этом наивысшее могущество, — продолжает Карто. — Их крики были подобны сладчайшему вину финикийца, даже сам Ангрон никогда не проливал крови, крещение которой оказалось бы роскошнее. Фелл стал величайшей находкой. Воин, чьи мечты уже были на самой грани воплощения, когда их его лишили. Столь колоссальное желание не сбылось и разбилось прямо у него на глазах...

При этом воспоминании Карто раздражается буйкающим стехом.

Рука Хол Велофа скользит на

рукоять меча.

--- Фелла больше нет, --- говорит Карто, --- но ты еще можешь получить то, чего хотел он.

--- Почему я должен тебе верить?

--- Потому что у тебя нет выбора, --- отвечает Темный Апостол, указывая на горизонт рукой, которая с каждой секундой все меньше похожа на руку.

--- Смотри, как разворачивается вселенская мелодрама, --- произносит Карто, когда горизонт взрывается темным сиянием. Хол Велоф поднимает перчатку, чтобы заслониться от нового солнца, кипящего в грибовидном облаке атомного пламени. Он понимает, где это светило коснулось земли и опалило планету до стекловидного состояния.

--- Что ты сделал? --- задыхается он.

Темный Апостол не отвечает. Он опускается на одно колено и глотает воздух в трачном восторге.

--- Что ты сделал? --- снова допытывается Хол Велоф.

--- Старые верования уходят, и великий свет озаряет наш путь, ---

произносит Карто, с хищной ухмылкой
глядя на командующего снизу вверх и
цитируя «Книгу Лоргара». — А теперь
готовься.

Ужаснувшись, Хол Велоф может
лишь покачать головой.

— К чему? — спрашивает он.

— К падению.

XXIX

Настроение в конференц-зале
Ультимуса близко к панике. Не было
никаких предупреждений, никаких
указаний на грядущую катастрофу, однако
когда он произошла, то оказалась столь же
внезапной и ошеломляющей, как момент,
когда Несущие Слово открыли огонь.

Еще одно подземное убежище погибло,
превратившись в кипящий атомный котел
смерти. Даже без помощи геосателлитов
августы Аркологии X вполне способны засечь
невообразимый скачок радиации на западе.
На планшетном столе сводятся воедино
показания пиктеров и счетчиков
радиоактивности, а Таурен наблюдает.

как на западном горизонте образуется громадное кучевое пирооблако озаренного пламенем дыма.

- - - Император защищает, ---
всхлипывает капитан Уллиет, сжимая что-то, висящее на шее. --- Он есть Свет и Путь.

--- Мы только что потеряли еще одно, так? --- спрашивает Хатагри, крепче держась за край планшетного стола, когда стены Ультимуса содрогаются от первых толчков, разошедшихся по литосфере.

Таурен кивает. Она слишком занята тем, что просеивает лириады входящих данных от подключенных наблюдателей и авгуров. Орбитальные сканы комбинируются с наземными изображениями, чтобы составить более полную картину того, что только что оказалось потеряно.

Зал заполняет пробирающий до костей гул. Поверхность Калта искорежена и разограна силой --- как теперь понимает Таурен --- подземного взрыва, которому хватило мощности, чтобы пробиться на поверхность. Это

только первые ударные волны, расходящиеся от него, дальше будет хуже.

--- Которое? --- спрашивает Уллиет. На пол со стуком камней падают пыль и обломки плит потолка, но его стальной голос не дрожит. --- Магнези? Габриниус? Проклятье, которое?

Порыв веры прошел, и капитан вновь по-солдатски отрывисто приказывает.

--- Провожу триангуляцию, --- отвечает Таурен.

Изображение атомной тучи на планшетном столе меркнет, и на его месте появляется базовая топографическая карта поверхности Калта. Данные сводятся, показания сверяются. На западе начинает яростно тизгать значок.

Хамагри и Уллиет озадаченно поднимают глаза, но Таурен столь же изумлена.

--- Рагуал Ураник, --- произносит она, словно до сих пор не в силах поверить в неоспоримый вывод. --- Его больше нет. Уничтожен.

--- Но... --- начинает Уллиет.

— Это Хол Белоф, — заканчивает
Хатагри, и на Аркологию Х обрушивается
основная ударная волна.

XXX

Они стаскивают себя с кольев,
которыми пригвождены к земле. Броня
раскалывается, мертвая плоть рвется.
Вентан не видит, чтобы из громадных
дыр в телах вытекало хоть сколько-нибудь
крови.

Вся жидкость, которая осталась
внутри, давным-давно свернулась в венах.
Несущие Слово двигаются скованно, словно
забыли, как ходить.

Или только учатся этому.

Нерожденные. Термин неизвестен
Вентану, однако капитан немедленно
понимает его значение. Это те лишённые
кожи ужасы, которых Несущие Слово
извлекли из варна. Кошмарные
существования из тех изтерений, которые
скрыты от глаз человечества ради его же
блага. Они глядят изнутри черепов
мертвецов, и Вентан чувствует их

неутолимый голод.

Ему нет необходимости отдавать приказы. Ужас ситуации требует индивидуальной реакции.

Огонь болтеров раздирает возродившихся Несущих Слово. От разорванного мяса валит черный дым. Раны, которых бы хватило, чтобы свалить двух легионеров, едва их замедляют. Они продолжают набиваться с болтающимися конечностями и раздробленными костями.

Полностью адаптировавшись, воины в красном сшибаются с воинами в синем. Это уже не вялые ожившие мертвецы, а такие же сильные и быстрые бойцы, какими были при жизни.

Численное соотношение абсолютно неравное, но демонические существа, сидящие в черепах Несущих Слово, не пользуются в бою оружием носителей. Их оружие — когти и зубы, не болтеры. Причина этого — вечная война в безвременье.

Это единственное преимущество, которое есть у Ультрадесантников.

Вентан стреляет с безошибочной точностью. Ни один заряд не пропадает впустую.

Каждый раз смертельный выстрел в голову.

Во всех черепях плотный и студенистый комок визжащего трана. Демонический паразит, занявший тело мертвеца, с воплем схлопывается при исчезновении. Капитан стреляет, пока боек не ударяет в пустую камеру, вынимает магазин и плавными экономичными движениями перезаряжает оружие. Он ведет огонь до конца последнего магазина, а затем обнажает силовой меч.

Нерожденные бросаются на него, ведомые отчаянным голодом и ненавистью. Вентан видит их в мертвых глазах и не знает, чем заслужил подобное. Меч рассекает отяжелевшие без энергии доспехи. От каждого удара по руке проходит кинетическое сотрясение, но Вентан полон сил и готов к бою.

Он пришел сюда убивать Несущих Слово, и, проклятье, именно это он и будет делать.

Нерожденные не молчат. Они с воплями вцепляются в Ультрагесантников и визжат, когда утирают. Крики полны тупки, но у Вентана не осталось жалости.

Ни к себе, ни тем более к Несущим Слово.

Пульсирующие вспышки выстрелов озаряют темную тень, расползающуюся над головой.

Вентан и Сиганс бьются спиной к спине. У обоих кончились боеприпасы.

— На сей раз их немного больше, чем двенадцать, — ворчит Сиганс, держа цепной меч обеими руками и рассекая ключицу с грудиной Несущего Слово.

— Ты хочешь сказать: тринадцать, — замечает Вентан.

— Нет, всегда только двенадцать, — с ухмылкой отзывается Сиганс.

Эта ухмылка понятна Вентану.

Они братья и равны друг другу, а это чистая схватка. На кону не стоят высокие идеалы, отсутствует великодушная стратегия. Просто жизнь или смерть, и по этому поводу нужно что-то сказать.

Вентан сносит головы с плеч.

разрубает грудные клетки и отсекает ноги ниже бедра. Меч постоянно в движении. Чтобы выжить, капитан пользуется всеми известными приемами, теми, которыми его учили макраггские мастера клинков, и теми, которых он набрался в отчаянных схватках за почти два столетия войны.

Телетехр расправляется с Несущими Слово десятками. Штурмовая пушка разносит тела на части, и даже воины-трюны утрачивают способность сражаться.

Они вцепляются в его тело, разбивая сложенные кулаки в кашу о саркофаг. «Контемптор» наслаждается боем, сражаясь бок о бок с Эйкосом Ламиагом и его Щитоносцами.

У тетрарха Конора осталась лишь одна конечность, но он не утратил смертоносности. Ламиаг опустошил пистолет и убивает точными выстрелами мастера-фехтовальщика. Он тоже выяснил, что единственный способ гарантированно сразить врага — отрубить голову.

Селатон и его отделения несут

штангарт к сводчатому проходу, через
который они вошли. Сержант не
отступает, а расчищает коридор для
остальных.

Вентан выкрикивает команду к
отходу.

В него врежется что-то огромное и
багровое, сшибая наземь. Вниз
обрушивается бронированный сапог, и
капитан откатывается вбок. Он бьет
мечом в центр тяжести воина, но клинок
врезается в заостренное навершие-Окмет
покрытого руната посоха.

- - - Смерть пришла за тобой, ---
произносит все еще пронзенный им Федрал
Фелл.

--- Смерть придет, когда я буду к ней
готов, --- отвечает Вентан.

XXXI

Мир переворачивается. Верх
становится низом, и земля уносится от
Хол Велофа.

Небоскреб уже находился на грани
падения, требовался лишь легкий толчок.

чтобы он обрушился. Взрывная волна от детонации циклонной боеголовки в Радгале Ураник разрушает неустойчивое равновесие векторов, удерживавшее здание в вертикальном положении. Фундамент разваливается, и структурные элементы основания гнутся под ударом волны, словно проволока.

Десять этажей мгновенно рушатся, разлетаясь, словно пыль от урагана.

Строение оседает, его сокрушает и тянет вниз собственный вес.

Хол Велоф хватается за торчащую арматуру, но этого недостаточно, чтобы спастись. У него сводит желудок, и на мгновение командующий ощущает невесомость. Сквозь крещендо ломающейся стали и взрывающегося пермакрита он слышит безумный хохот Кармо. Плиты пола переламываются, словно сухое дерево, а пласталевые стойки, которые поддерживали многокилометровое здание, раскручиваются, будто веревки.

Вокруг падают каскады обломков, которые бьют по нему и грозят оторвать от опоры. Само здание хочет убить его, но

Хол Велоф этого не допустит. Он должен прожить достаточно долго, чтобы убить Малока Карто.

Небо мчится прочь. Через пролом в плите пола, которая раньше находилась в тысяче метров над землей, он видит поверхность планеты.

Окраины Ланшира покрываются зубчатыми узорами широких расщелин. Линии разломов толщиной с волосы разверзаются, бездны каньонов зияют, словно врата в загробный мир. Огромные клубы пыли и дыма рвутся в небо, образуя облако под стать тому, что висит над огненной воронкой в том месте, где раньше находилась его армия.

Хол Велоф не видит окружающего мира.

Повсюду шум и плamia, пыль и удары.

Затем он врезается в землю. Небоскреб не останавливается.

Колонны многометровой толщины пробивают поверхность Калта, словно сваи, вколоченные рассерженным богом. Колоссальная масса и инерция небоскреба вгоняют его в скалу, словно меч.

На глубине сотен метров образуются проломы в ранее неизвестные пустоты пещер. Не связанные между собой галереи и карсты внезапно оказываются под открытым небом.

Хол Велоф ничего этого не видит. Сотни тысяч метрических тонн каскадом рушатся в открытые системы каверн. Он — лишь частичка смертной плоти посреди урагана камней, возраст которых исчисляется эонами. Пластины брони разлетаются, как стекло. Кости ломаются, и командующий ощущает напор кузничного жара, механизмы биологического восстановления силятся сохранить ему жизнь.

Он выпускает из рук артиллерию и летит в буре бьющих по нему камней.

Он падает, вертясь между ударами. Кровь заполняет шлем, грозя удушьем.

Хол Велоф врежется в каменную стену, и та срывается с места. Он видит лишь трек и стретительный шквал обломков. Его сопровождает мерцающий блик стали и стекла.

Хол Велоф все еще слышит сквозь

непрерывный, яростный и оглушительный шум сводящий с ума стех Темного Апостола.

Наконец полет заканчивается.

Изломанное тело камнем падает в ледяное озеро с темной водой. Оно глубокое, и благодаря удачному углу столкновения он ломает только шесть ребер, но не позвоночник.

Леденящая вода окутывает его, заливая горло и легкие. Хол Велоф давится и кашляет, у него шок от сильного холода после дезориентирующего падения.

Включаются автономные реакции. Гортань изолирует основные легкие. Из на стену приходят имплантированные и генетически усовершенствованные дыхательные органы. Они прокачивают скудный остаток воздуха и направляют кислород прямо в мозг. Проходящие по всему телу электрохимические разряды рывком возвращают его к жизни, самопроизвольная фибрилляция снова заставляет конечности работать.

Хол Велоф тщетно барахтается.

Ему не удержаться на плаву, доспех тянет
вниз.

Броня легионеров не пропускает
воздух и, как следствие, воду, однако его
доспех разбит и расколот. Он
стремительно заполняется водой, вес
огромен. Командующий силится бороться с
набирающим жидкость грузом, но его тело
слишком сильно повреждено, а дух сломлен.

Хол Велоф погружается вниз, с его
губ, пенясь, срывается поток пузырьков.

В воду ныряет рука, и в сломанный
край наплечника вцепляется когтистая
лапа. Она покрыта чешуей и похожа на
звериную. Пожелтевшие когти оставляют
на керамике глубокие борозды, волоча его
обратно на поверхность.

Хол Велофа швыряют на берег из
обломков и щебня. Командующий судорожно
пытается вздохнуть. Он переворачивается
и изрыгает заполнявшую легкие воду,
которая так холодна, что обжигает горло.
Его тошнит, пока тело полностью не
освобождается от жидкости, во рту
ощущается привкус крови и желчи. Хол
Велоф чувствует, как внутримышечные

сфинктеры дыхательных путей
переключаются на обычный режим.

Холодный воздух еще никогда не был
так приятен на вкус.

От тела поднимается пар, кожа
горяча на ощупь. Невероятная физиология
излечивает повреждения, которые должны
были немедленно его прикончить. Чудо,
что он вообще жив. Хол Велоф поднимает
голову, чтобы посмотреть, сколько он
пролетел. В воздухе пыльная дымка, через
неровную прореху в потолке пещеры
падает дождь обломков. Пролет в скале,
будто грубыми швами, затянут паутиной
стальных решеток небоскреба,
высокопрочные провода и кабели передачи
данных болтаются, словно джунглевые
лианы.

Из-за мрака сложно оценить размеры
пещеры, но она невелика. Возможно, сто
метров в самом широком месте. В озеро
падает все больше обломков, и уровень
воды повышается.

На краю водоема сидит Малок
Карто. Невероятно, но падение не
причинило ему вреда. У его ног плещется

ледяная вода.

Хол Велоф замечает, что с Темным Апостолом что-то не так.

К воину льнет тьма, но похоже, что у него ног слишком много суставов.

Карто поворачивает рогатую голову.

--- Ты жив, --- произносит он, как будто удивлен этим.

--- Ты уничтожил мою армию, --- говорит Хол Велоф.

Карто кивает.

--- Отбросы, --- произносит он. --- Мясо. Плата плотью.

--- Зачем?

--- Ты в них не нуждался, --- говорит Карто. --- У тебя есть более высокая цель, чем маршировать во главе униженных и мертвых.

--- Какая цель? --- спрашивает Хол Велоф. Ему ненавистно то, что он не в силах скрыть настойчивого желания.

Темный Апостол наклоняет голову набок, словно ответ очевиден, однако не произносит его вслух. Он выжидательно смотрит на пробитый потолок пещеры.

--- И хотя с небес на Носителей

Устины льется огненный дождь, их ждет
великий дар, --- произносит Карто,
выпрямляясь. Он стал выше, его тело
разрастается от жизненной силы. Темный
Апостол стоит на грани чего-то
невероятного, трансформации или
вознесения. Внутри него бурлит тьма,
опасная энергия, которую сдерживает
лишь колоссальное усилие воли.

В ближайшие часы Карто либо
преобразится, либо будет уничтожен.

Хол Велоф не знает, чего ему
хочется сильнее.

XXXII

Федрал фелл --- или та темная сила,
что оживляет его тело --- наносит косой
удар зубчатым фальчионом, и Вентан
блокирует его собственным мечом,
который держит двуручным хватом. Сила
удара огромна. От столкновения клинков
разлетаются искры энергии, сервоприводы
доспеха умножают силу, и ноздри
заполняет запах озона.

Вентан поворачивает запястья,

позволяя ревушим зубьям проскрежестать
вниз по силовому мечу.

Он уклоняется от слепяще-быстрого
обратного взмаха и бьет Фелла в пах. Это
хороший удар, точный и сильный. Острие
пронзает гофрированное сочленение между
тазом и бедром Фелла.

Вентан проворачивает клинок и
выдергивает его.

Наружу льется черная кровь. Вонь
ужасная. Худшее, что есть в мире. С ней
не в состоянии справиться даже фильтры
шлема. Вентан давится от сухих рвотных
спазмов.

Кровь перестает течь, а Фелл даже
не замедлился.

--- Ты убиваешь моих сородичей, ---
произносит Нерожденный. С его губ
стекает пена распадающейся материи.

Вентан не отвечает и снова
атакует.

Они снова и снова обмениваются
ударами. Хотя мастерство Вентана
выше, противник наделен феноменальной
силой и быстротой. Капитан трижды
показывается на волосок от смерти. Он

слышит, как его зовут, но не может ни на миг отвлечься, чтобы посмотреть, кто кричит.

Звук выстрелов — далекое эхо. Вспышки взрывов массореактивных снарядов едва видны. Он в центре яростного сражения, но видит только демоническое создание, которое пытается его убить. Тело фелла так и пронзено посохом с Октетом, но тот почти полностью скрылся внутри. Осталась только верхняя половина.

Возле Вентана появляются двое воинов в кобальтово-синем и золотом облачении. Лицо одного состоит из плоти и разбитого фарфора, другой носит боевые цвета капитана Четвертой роты. Он знает их и любит, как братьев. Эйкос Латиас сражается с эконоными изыществом, Лирос Сиганс — с мстительной яростью. Брат-капитан всегда был склонен к приступам несдержанной ярости, большинство из которых было необходимо обуздывать, но за этот Вентан благодарен.

Сойтись в бою с одним

Ультрагесантником уже страшно. С
стреля -- верная смерть.

Федрал Фелл хохочет им в лицо. Его
фальчион кажется размытым пятном, он
блокирует, парирует и атакует с
невозможной скоростью. По всей длине его
клинка пляшет текучее черное пламя.
Когда оно соприкасается с броней Легиона,
то жжет ее, словно сухое дерево.

-- Спаситель, Конейщик и Калек... --
хихикает Фелл, разворачиваясь и
впечатывая локоть в скулу Латиада.
Лицевые пластины трескаются еще
сильнее. -- Варн знает вас...

-- Ублюдок! -- выкрикивает Сиганс,
бросаясь вперед. Его меч рассекает левую
руку Фелла. Наружу брызжет гнилая кровь
и множество корчащихся
сегментированных существ, которые
извиваются, словно черви. Сиганс
задышится от страда, и фальчион Фелла
взлетает вверх, чтобы снести голову
капитану.

Вентан блокирует клинок и бьет
сапогом в живот Фелла. Несущий Слово
отшатывается от силы удара. В острых

окончаниях посоха отражаются вспышки выстрелов.

В Нерожденного попадает что-то быстрое и мощное — шальной снаряд или рикошет.

Демоническое лицо по ту сторону глаз Фелла содрогается. Его тело поражено болью, изо рта хлещут брызги бурлящей черной жидкости. Несущий Слово шатается, и Вентан видит в этом свой шанс. Капитан разворачивается, обходя защиту Фелла, и взоняет меч тому в нагрудник.

Клинок, по которому струятся толнии, пробивает кералит, плоть, кости и ночную субстанцию. Острое выходит из спинной пластины госнеха Фелла, но металл клинка состарился на тысячу лет.

Посеребренная сталь обратилась в изъеденную коррозией ржавчину, которая рассыпается хлопьями праха, пробыв в реальном мире считанные мгновения.

Ответный удар кулаком отшвыривает Вентана назад, и тот снова слышит, как кто-то выкрикивает его имя.

Он сильно бьется о землю и пытается подняться. Что-то его удерживает.

Его прижимает к земле Эйкос Латиас, маска которого расколота, а лицо кошмарно растерзано.

--- Тетрарх! --- кричит Вентан. ---
Что...

Латиас качает головой. На них падает огромная тень.

Гигант в лоснящемся от столы керамике. Титан, который рухнул с неба и выжил, чтобы повесать об этом. Огненная рука оканчивается крушащим кулаком, другая --- чудовищной пушкой с вертящимися стволами. Из дул с ревом вырывается огненный ураган. За считанные секунды отстреливаются сотни зарядов.

Тело федрала фелла взрывается.

Штурмовая пушка не знает покоя. Не знает пощады.

Прицел не сбивается, и терзкая плоть Нерожденного распыляется на атомы.

--- Ты. Емү. Не навредишь, ---
произносит «Контеллитор» Телемехр.

Малок Карто сидит у края воды. Он ждет.

Время идет, но без шлема Хол Велоф не в состоянии его измерить. Часы — два, возможно, три. Он уплывает в забытие и возвращается в сознание, тело направляет энергию с мыслительных процессов на излечение.

Освещение не меняется.

Они пережили падение, которое должно было мгновенно их прикончить, из чего Хол Велоф понимает, что Темный Апостол продолжает планировать конец игры. И все же они тратят время в этой пещере, ничего не делая. Если нужно устроить разрушение, то Хол Велоф хочет быть готовым.

Намереваясь действовать, он ищет выход.

В пятидесяти метрах слева в стене виден широкий разлом, который ведет вглубь скалы. Возле него на земле что-то поблескивает.

Хол Велоф заставляет себя встать. Ноги пронзает боль от множества переломов. Он подавляет ее и ковыляет по краю озера к пролому. Оттуда тянет затхлым воздухом. Хол Велоф делает глубокий вдох, его нейроглоттис улавливает химические следы сваренной стали и застывающего пермакрита.

Он присаживается у пролома и поднимает блестящий предмет с земли, вертя его в руках, словно драгоценную реликвию.

Это картографический дрон, луковцеобразный цилиндр с репульсорным полетом и множеством ауспиков. Энергоячейки практически истощены, раздвижные конечности подрагивают, словно усики утирающего насекомого. Мигание красной латпочки на фронтальном сегменте указывает Хол Велофу, что машина безуспешно пытается снова связаться с управляющей станцией. Технодесантник бы с легкостью починил дрона, но Хол Велоф не умеет обращаться с машинами.

Ему требуется секунда, чтобы

сознать значение находки.

Хол Велоф оборачивается, когда пещеру заполняют брызги от грохочущих всплесков, как будто в озеро падают валуны. Малок Карто поднимается на своих ногах со странными суставами. Он стирает с лица холодную воду, а сверху в воду падают новые крупные объекты. Поверхность озера бурлит и бьется о скалы. К берегу движется след из пузырьков.

Хол Велоф наблюдает, как Эриэш Кизал и его терминаторы встают из темных вод, словно утонувшие моряки, возвращающиеся к противоестественной жизни. С потятых пластин брони льется вода. Каждый из них подходит к Темному Апостолу и принимает помазание тремя ударами крест-накрест по нагруднику. Хол Велоф не знает, как, но он чувствует важное значение тройной отметки.

Затем из воды возникает раздутая фигура из твердого красного металла, глубокий левиафан. Дредноут Зү Гүнара. С саркофага капает черная вода и нечто, напоминающее ручейки расплавленного

металла, который стекает по
бронированным бокам. Кажется, будто
дредноут плавится, словно темная
пустота внутри пожирает материю, из
которой состоит его тело.

Он все еще несет оружие, похищенное
из CV427/Нраксор. Символ биологической
опасности во мраке пещеры выглядит
светочем надежды.

— И пожиратель жизни родится во
чреве Зверя, — произносит Карто,
поворачиваясь к Хол Велофу. Темный
Апостол указывает в сторону разлома в
скале, где Хол Велоф нашел
поврежденного грона. Раздвоенный язык из
исторщенной плоти облизывает неровные
зубы. Хол Велоф знает, что Апостол
чувствует то же, что и он.

Развороченная земля, взорванная
скала. Строительство.

Вход.

— Раскрытый отворит путь, —
говорит Карто, — и заблудший поведет
праведников на бойню.

Хол Велоф поднимает
картографический грон. Его переполняет

целеустремленность, и он швыряет машину в воду. Та погружается во тьму, красный огонек угасает, погружаясь на дно озера. Хол Велоф снова переводит взгляд на разлом, ведущий в сердце вражеского логова.

--- Чрево зверя? --- спрашивает он, забыв о боли от многочисленных ран.

--- Мы тот клинок, что вскроет его, --- обещает Малок Карто.

XXXIV

Судяко не в силах вырваться из хватки коштара.

Он бодрствует. Ему об этом известно, но инжениут жалеет, что не спит.

Коштар последовал за ним в реальный мир.

Благообразное рутяное лицо его пожилой жены стинается, словно пергамент, оно поражено болезнью и осыпается хлопьями. Даже у детей, тальчишек, едва годящихся по возрасту для службы в Молодежной Ауксилиии, следы

натиска времени.

Полуголый Субиакко выскакивает из жилища и видит, что сбылось все то, чего он страшился. За стенами Ультимуса миллиарды тонн скалы, защищающей их, превратились всего лишь в тонкую, как бумага, ширму из рассыпающегося непла и проволоки. Преграга столь хрупка, что ингениум не в силах смотреть на расплетающихся по ту сторону невообразимых созданий, темных, будто океан.

Планета шевелится и скрипит, каждый порыв порожденной пустотой бури срывает с тира материю.

Субиакко кричит, но его слова уносят холодные ветры, не имеющие начала в пространстве и времени. Вокруг него тысячи и тысячи лиц, но он видит их глубинную сущность. Гниющие тарионетки, которые с каждой секундой становятся все хуже. Толпа, не ведающая, насколько близка гибель.

Тук, тук, тук...

Субиакко снова слышит полированные стальные когти тварей. Они пробили

границы сна и угнет за ним. Прерывистый звук раздираемой ткани, с которыми ужасные лапы рвут изтерения, отдает скрежетом в позвоночнике, и инжениум срывается с места.

Изнаненные лица вопросительно поворачиваются к нему. Их речь — булькающий предсмертный хрип. Он проталкивается мимо, сшибая многих наземь. Из земли, ощутив близость добычи, пробиваются влажные когти и тиномжи пасты. Никто их не видит, все глухи к предостерегающим воплям инжениума.

Субиакко бежит в глубины, прочь от множества ждущих смерти.

Он мчится мимо мест, где трудился с тех пор, как нашел прибежище в Аркологии X. Бежит, пока конечности не начинают обжигать кислота, а легкие не заполняются желчью. Звери-охотники рядом. Он чувствует, что они близко, и не останавливается оборачиваться. Зрелище парализует его, есть лишь одно спасение.

Субиакко слышит позади себя голоса и не обращает на них внимания.

Наконец он добирается до избавления — циклонических врат, закрытых загадкой Заводного Ангела, и от облегчения чуть не впадает в истерику. Тут находятся гиганты — воины, чьи тела так же подверглись разложению, как и у людей наверху. Однако они вечно сражаются с силами, которые ведут плоть навстречу гибели.

Субиакко игнорирует их. Они так же мертвы, как тысячи людей наверху.

Тук, тук, тук...

Нет времени. Нет.

Субиакко карабкается к Заводному Ангелу, и кажется, будто крылья того тянутся навстречу, чтобы обнять. Ингениум слышит, как резко, с громозвучной интонацией произносят его имя существа, чья физиология настолько изменена и усовершенствована, что их едва можно отнести к людям.

Властность и предупреждение нельзя ни с чем перепутать, однако он зашел слишком далеко, чтобы остановиться.

Субиакко вбивает решение вечной загадки Заводного Ангела на вычурной

клавиатуре из латуни и заката.
Запирающая печать принимает
командные коды Ингениума, и механизмы
двери расходятся на составляющие.
Резонирующие гармонические частоты
разносят пермакрит, в мгновение ока
обращая его в пыль.

Опадающая завеса растворяющегося
пермакрита — последнее, что видит
ингениум Субиако, прежде чем его грудная
клетка взрывается веером разлетающихся
осколков кости.

Его мгновенно убивает
массореактивный снаряд, выпущенный
сержантом Анкрионом.

Тело падает с платформы перед
запирающей печатью, а с другой стороны
вырываются отточенные цепные кулаки,
молниевые когти и громовые молоты.

XXXV

Эриэш Кизал убивает первого
Ультрагесантника очередью из своего
комби-болтера. Следующего сражает тоже
он. Его воины расходятся. Те, кто вооружен

огнестрельным оружием, заполняют пространство разрывными болтами. В воздухе носятся рикошеты и отколотые камни. Ответный огонь с хлопками отлетает от массивных пластин терминаторских доспехов. Лазерные заряды неэффективны, от массореактивных не много и толку.

У Хол Белофа есть только меч, и командующий вступает в бой, словно один из гладиаторов Ангрона. Если не считать нескольких Ультрадесантников, которые уже отступают, то тут мало помехи. Клинок влажный и красный, но это жидкая кровь мертвых. Она капает с меча, а через дыру в заслонке, которая отделяла туннель от подземного озера, протискивается разрастающаяся громада тела Малока Кармо.

Следом появляется Зу Гунара, все еще несущий в механизированных руках убийцу тиров.

Известие об их приходе уже стремительно распространяется к центру аркологии.

Страх поразит сердца здешних

обитателей. Они узнают, что к ним пришла смерть.

Тело Хол Велофа пылает, словно огонь. Кожа дымится, а рот и ноздри наполняют гнилостный страз серы. Похоже, что Темный Апостол не единственный, кто находится на грани преобразования. Хол Велоф жаждал этого мига с тех пор, как ступил на Калт, и буквально ощущает вкус награды.

Эриэш Кизал и его терминаторы идут впереди, с каждой секундой поднимаясь все выше. Широкая пещера заполнена огнем. Стреляет отделение Ультрагесантников и какие-то смертные в военной форме расцветки Ауксилиум Обороны. Они прячутся за насмерть сооруженными баррикадами. Хол Велоф видит, что у каждого из людей где-нибудь на броне нанесен черный символ «X». Он не понимает, что это значит, и выбрасывает из головы как несущественное.

Хол Велоф чувствует жжение в груди и видит ожоговый рубец от попадания лазера. Кожа свернулась и

опалена, но он не ощущает боли. Вообще ничего не чувствует.

Туннель поворачивает и расширяется, потолок поднимается на тридцать метров в высоту. На перехват выдвигаются все больше солдат. Стрельба усиливается. Это все не имеет значения. Трое Ультрагесантников пытаются навести порядок среди немногочисленных солдат, находящихся в их распоряжении. В поле зрения с грохотом появляются две бронемашины: «Носорог» и гражданский грузовой транспортер с парой тяжелых стабберов, приваренных к примитивной турели.

Орудия «Носорога» бьют по терминаторам, и один из могучих воинов начинает шататься, когда усилившийся обстрел нацупывает слабое место. Хол Велоф удивляется, почему Ультрагесантники так долго не реагируют на ужасающую угрозу прямо у себя под носом. А затем он понимает смысл жертвы Федрала Фелла.

Ультрагесантников тут нет. Не осталось сколько-либо существенного их

количества.

Стрелок «Носорога» захватывает раненого терминатора в вилку и раз за разом бьет по нему. Это удачная тактика, и в конечном итоге броню вскрывает череда пробивающих взрывов. Находящийся внутри воин разрезан на части, он мертв, и доспех заваливается набок.

Малок Карто взмывает в воздух, толчок ног с вывернутыми суставами проносит его над головами Ультрадесантников.

Темный Апостол среди них, его когтистые лапы молотят, как мечи.

Он рвет врагов на части, раздирает боевую броню голыми руками и отшвыривает куски тел прочь, будто требуху после разделки туши. Болты расплющиваются о твердую, словно железо, плоть, клинки отскакивают. Карто хохочет так, будто заполучил то, чего желал всем сердцем, и это оказалось еще чудеснее, чем он когда-либо надеялся.

Ультрадесантники мертвы, и Карто бросается на «Носорог». Водитель

замечает угрозу и жмет на газ. Тусеницы
бешено крутятся, но их скорости
недостаточно — Карто врежется в
машину, будто стеноломная гуля. Корпус
«Носорога» мгновенно прогибается внутрь.
Изнутри вырывается пламя, и двигатель
гложет с резким хлопком возгорания.

Атака Карто переломила танк
пополам. Взмах взбурившихся рук
выбрасывает обломки прочь.

Эриш Кузал уничтожает
вооруженный гражданский транспортер.
Траг сверхмощных зарядов разносит
двигательный блок, и взрыв подбрасывает
машину в воздух на десять метров.

Его терминаторы подобны
неудержимым джаггернаутам. Огонь
ручного оружия не действует на них, они
защищены от большинства клинков. Буря
огня бьет по выпуклым пластинам и
многослойным нагрудникам, но все это не
даст никакого эффекта. Неостановимая
стена брони неуклонно продвигается вверх,
с каждым шагом забираясь все выше в
аркологию. Оставшиеся здесь вооруженные
силы соберутся наверху, но уже не успеют

помешать полному уничтожению Калта.

Тут слишком мало укреплений, чтобы остановить Несущих Слово. В своей высокомерии Ультрадесантники полагают, будто находятся в безопасности, и их порядок дел единственный возможный. XIII Легион не видит преимуществ свободного мышления и определил свою судьбу, цепляясь за устаревший способ воевать. Старых путей больше нет, возводится новый порядок.

Ультрадесантники не смогли принять его. Это их погубит.

Хол Велоф издает ворчание от внезапной боли. Враг не ранил его. Это не позабытая боль от выстрела или пореза мечом. Что-то ломается внутри тела.

Кости преображаются, удлиняются. Органы извиваются и переделяются сами собой. Кровь густеет, ее состав меняется. Зрение затуманивается, на глазах образуются третьи веки.

Старая боль угасает, ей на смену приходит новая.

Хол Велоф отбрасывает меч. Клинок сломан сразу над рукоятью, хотя

командующий и не помнит, как это случилось. На бегре закреплен кинжал, одно из грубых изделий с кремневыми клинками, которые Эреб преподнес помазанникам. Хол Велоф не обнажает оружия.

Теперь он в подобном не нуждается, из пальцев прорастают когти, похожие на клинки мечей.

Позади остаются только пламя и вопли умирающих.

Впереди ждет новая резня.

Хол Велоф поднимается на административный уровень Аркологии X.

Он видит, что сюда набились тысячи мертвых, которые собрались вокруг строения из полированного белого мрамора. Он видит уже не так, как раньше. У него зрение ненасытного хищника.

Мир для него состоит из кроваво-красных оттенков, запахов плоти и страха.

Это хорошо.

Ауксулия Обороны и дивизия поддержки Инженюта реагируют с невероятной скоростью. Подразделения Армии, входящие в командную цепь, уже на месте, но Хатагри опасается, что их стало и уже слишком поздно. Она наблюдает из верхнего люка «Хитеры», как Несущие Слово пробиваются на обширный административный уровень.

— Как они могли здесь оказаться? — спрашивает она сама себя, зная, что этот вопрос уже не имеет значения.

Капитан Уллет уже сражается, его командирская «Саламандра» носится туда-сюда у входа в нижние пещеры. Предупреждение сержанта Анкриона о прорыве на нижних уровнях еще только раздалось из всех активных вокс-сетей, а танки 77-й дивизии поддержки уже с ревом начали действовать. Это грузовые транспорты, инженерные установки и боевые танки поддержки. Они оснащены противопехотным вооружением, и не могут сравниться с терминаторами Костодесанта. Ауксулия Обороны

выбизгається на поміць, Хамагри посилає свої танки по флангах, щоб враз оставался в отруєнні.

«Хитера» перескакивает через неровность почвы, и Хамагри видит, как мало тут воинов противника: шесть терминаторов, гредноут и две чудовищных твари, которыми она не может подобрать название. Одна выше, чем гредноут, ее плоть чернеет на глазах, как будто горит в незримом огне. Другая — сгорбленное разросшееся создание, из щелей которого торчат куски кроваво-красной брони. Вздутые мышцы выпирают, словно топливные баки, а руки заканчиваются костяными мечами, которые хлещут из стороны в сторону.

В теории таких сил было бы ничтожно мало для вторжения в Аркологию X.

Однако их вполне может хватить.

— Выводи нас направо, — приказывает полковник водителю.

«Хитера» разворачивается, из-под гусениц летят куски камня. Хамагри поворачивает роторную пушку и

вдавливает гаечки. По рукам с глухим стуком бьет отдача, но полковник удерживает оружие наведенным на цель. Струя пуль бьет по монстру с костяными мечами, прицел сбивается, когда существо смотрит прямо на нее глазами, которые выглядят как окна в безумие.

Зверь взвивается в воздух невозможным прыжком. Хамагри вскидывает вертлюжное оружие и открывает огонь. Угол слишком крутой, выстрелы проходят ниже. Существо с раскатыстым грохотом приземляется на переднюю секцию «Химеры». Сила удара колоссальна, масса твари совершенно несоразмерна габаритам ее тела. Корпус «Химеры» раздавлен, танк переворачивается, будто подброшенная монетка с аквилой.

Хамагри остается жить долю секунды.

Она загадет, жив ли еще ее сын в 61-м Нутинском. Лучше бы ему выпало погибнуть, чем сражаться с такими чудовищами.

«Химера» опрокидывается на крышу,

и полковник Рук Хатагри
присоединяется к глинному списку
погибших в бою.

XXXVII

Преображение совершается.

Его плоть меняется. Ритуалы
совершены, жертвы принесены.

Малок Карто привлек к себе
внимание богов и чувствует ожидающее
его невероятное могущество. Он ожидает
решения, достоин ли. Борющихся теней
больше нет, их притянула к себе ловушка в
твердыне федрала фелла, но теперь они
ему не нужны. Он станет собственной
тенью, покинув прошлую личность и
отбросив все, что могло произойти.

Последнее, что от него осталось,
ожидает финального подношения.

Малок Карто до сих пор чувствует,
как сила варна не желает прекращать
охоту. Добыча практически у нее в зубах,
однако его потребность сильнее. Без этой
силы его тело резко тупирует. Оно будет
повергнуто в грязные глубины лишенной

Разума терзості. Достойная участь для некоторых, но не для него.

Он наблюдает, как Хол Велоф убивает с яростной самозабвенностью.

Разум командующего дал трещину, и этим последним предательством Темный Апостол скрепит свою сделку с монархами Варна. Терминаторы Эриэша Кизала продолжают сражаться, хотя убили еще одного из них. Враг собирается и подтягивает более тяжелое вооружение. Они до сих пор думают, будто Несущие Слово пришли сюда завоевывать и захватывать.

Апостол смеется, и те смертные, кто слышат этот звук, тут же падают замертво.

Карто оборачивается к Зү Гүнаре.

Это для ничего не значит. Зү Гүнара утер во второй раз несколько недель назад. Дредноут, некогда служивший вместилищем его плоти, все еще несет биооружие и теперь протягивает бомбу, словно подношение. Карто предполагает, что так оно и есть.

Вирус пожирателя жизни — дар богов.

Бой продолжается, но Темному Апостолу уже все равно.

Карто открывает активационную панель и вводит коды, которые запомнил давным-давно, когда атака мусорным кодом только вскрыла защитную сеть Калта. Схема вирусной бомбы включается, и внутреннее пространство взрывателя заливают зеленое свечение. Череп-шестерня Механикума и Ультила ХИИИ Легиона злобеще и предостерегающе вспыхивают. Возможность немедленного подрыва отсутствует, есть только предустановленный таймер. Это ничего не изменит.

Карто отменяет протоколы безопасности, и внутри бомбы снова звенят предупреждающие сигналы. Темный Апостол не обращает на них внимания, поворачивает последний активатор и отламывает его.

Для сброса отсчета есть несколько предохранителей и дублирующих систем. Карто уничтожает их все.

Бомба передает по множеству вокс-каналов сигнал окончательного отсчета и

разражается ревом тревоги, который ни с чем не спутать. Подобные предупреждения бесстысленны. Все, что находится достаточно близко, чтобы их услышать, погибнет в течение нескольких минут после высвобождения вируса.

Темный Апостол видит, как имперские солдаты осознают, что именно он сделал. Те, кто не понял угрозы по предупреждающему верещанию бомбы, узнают, что оказалось среди них, по воксу. Солдаты разворачиваются и бегут. Бронетехника жжет двигатели, включая гусеницы на задний ход. Паника и ужас практически всеобъемлющи, и Карто разражается ревущим хохотом от зрелища того, как хваленая ультрамарская дисциплина рушится перед лицом очевидной смерти.

Несколько храбрецов бегут к бомбе. Возможно, они думают, что смогут ее обезвредить. Они заблуждаются.

Темный Апостол чувствует, как в глубине его преображающейся плоти скреплено соглашение с варпом.

Его тело подготовлено, и теперь

может произойти слияние материального и духовного.

Карто поднимает руку и видит, как кончики ногтей окутываются серебристым мерцанием.

Сама его плоть стала ножом, которым можно рассечь пределы измерений. Он ощущает, что это позаимствованная сила, сиюминутный дар, позволяющий заключить союз с варпом.

Карто рубит рукой по воздуху, и материальная граница вселенной расстывается перед ним. Ядовитый ветер вырывается из глубокой раны, врат во владения богов и чужовищ. Скоро ему суждено стать и тем, и другим.

Он ощущает, как гибнет еще один из терминаторов Кизала.

Его чувства вышли за пределы всего, что он знал раньше, и это лишь начало вознесения. Темный Апостол шире разводит колышущуюся прореху, пробуя на вкус темные обещания миазматической пустоты с той стороны. Теперь она станет его миром. Она, а не безвкусный материальный уровень смертных.

Однако перед тем, как шагнуть
внутрь, Малок Карто испытывает нечто
такое, что, как он думал, давно покинуло
его на колхидских песках.

Он испытывает сомнение.

Карто отворачивается от
завывающих врат и видит, как в пещеру
стремительно влетает пара
«Лендспидеров», покрытых следами
радиации. Их двигатели перегреваются и
коптят. Чтобы добраться сюда, они
значительно превзошли пределы своих
возможностей.

Бесмысленный жест.

Бомба взорвется. Теперь этому уже
ничто не помешает.

На переднем скилтере стоит воин
без шлема, облаченный в синее и золотое.
Малок Карто никогда его раньше не видел,
однако измененные чувства немедленно
узнают новоприбывшего.

Рем Вентан.

XXXVJJJ

На административном уровне царит

хаос. Гражданские и солдаты в ужасе разбегаются от стоящих в центре пещеры фигур — гредноута и существа с толстыми конечностями, покрытого черной чешуей. Кажется, что на его теле мерцает мрачное пламя. Это предводитель темного воинства.

Вентан чувствует это нутром.

В руках у гредноута визжащая бомба, но каждой частоте слышно, что боеголовка с пожирателем жизни вот-вот взорвется. Терминатор Несущих Слово продолжает сражаться, но на него напикирует спидер Сиданса. Доспехи терминатора может выдержать попадание оружия сверхтяжелого танка.

У Сиданса мультимелта.

Вентан замечает вспышку и слышит рев перегретого воздуха, однако не видит, что случилось с терминатором. Спидер дергается, двигатель сбивается на предсмертный хрип. Буквально чудо, что он добрался так далеко.

Селатон знал машину, как мог, и теперь ей конец.

— Спускайся, — кричит Вентан сквозь

крики и грохот выстрелов.

Селатон кивает.

— Не думаю, что у нас есть выбор, капитан.

Но прежде, чем спидер успевае
снизиться, Вентан слышит звериный рев.
Омерзительное создание с мечевидными
клинками на лапах соскакивает с кормы
разбитого «Носорога». Оно движется прямо
на них.

— Контакт! — кричит Вентан.

Селатон рывком разворачивает
спидер, и тот кренится набок, но даже
скорости рефлексов легионера
недостаточно. Режущие лапы твари
рассекают машину нагвое, отрубив
Селатону ноги по середину бедра. Вентан
спрыгивает, спидер пропахивает камень и
разбивается со взрывом, от которого
разлетаются куски стали.

Рем приземляется уже на бегу, а
спустя секунду достает болтер.

Капитан не знает, пережил ли
Селатон крушение, и у него нет времени
это проверить.

Вентан сражается с существом, которое когда-то было Хол Велофом

Тварь, которая сбила их наземь, встает на дыбы стеной разрастающейся плоти и когтей. Вентан видит, что некогда это был человек, такой же легионер, как и он сам, но гипермутации, которые уродуют тело, совершенно вышли из-под контроля. Из хрящевых желванов вырываются конечности, а на податливой плоти возникают клыкастые рты.

Вентан опустошает в тварь магазин. Заряды входят в изменяющееся тело. Он слышит взрывы, но похоже, что существо их даже не чувствует. Капитан тянется за новым магазином, но его опрокидывает наземь лапа размером с грудную клетку. Огромная туша разбухает и меняется в неуправляемом бешенстве.

Вентан тянется к мечу — ценному оружию, которое взял вместо силового

клинка.

Существо кричит. Капитан не в состоянии сказать, от боли или злобы.

Вентан всаживает меч в колыхающиеся складки новообразованной плоти, и тот втягивает внутрь так сильно, что клинок вырывается из руки. Тело монстра полностью поглощает цепной меч, и Вентан тянется к следующему оружию. Он отцепляет от пояса пару осколочных гранат, по одной в каждую руку.

Какая-то его часть знает, что это глупо.

Вирус пожирателя жизни уничтожит чудовище вне зависимости от исхода схватки, но для Вентана важно, чтобы оно погибло от его руки.

Он вбивает гранаты в тело твари и выпускает их, пока руки не постигла та же участь, что и меч. Оба заряда разрываются с глухим влажным шлепком, и капитана окатывает дождем тухлой плоти, сырой, словно протоплазма.

В зияющих открытых ранах кровь и прожилки несформировавшейся материи.

Существо не умирает. Оно слишком большое, но ему больно.

Оно верещит сотнями ртов. У Вентана есть в лучшем случае мгновение, чтобы воспользоваться этим.

И тут он видит.

В одной из разверстых ран кинжал с серым клинком. Оружие прицеплено к кожаному поясу, который вобрала в себя разрастающаяся плоть монстра.

Вентану известно, что это такое. Он уже пользовался подобным оружием.

Отвратительно, но выбора нет. Капитан протягивает руку и вытаскивает кинжал из толстой мясистой раны. Он чувствует заключенное в мерцающем клинке смертоносное наследие.

История оружия полна крови, но оно обладает необходимой сейчас силой.

Размеры ножа ничтожны против такого разросшегося противника, но Вентан лично знает, какой урон могут нанести подобные орудия.

Над ним нависает лицо монстра --- распухшая масса борточущих ртов.

безумных глаз и мечущихся языков. Кто бы это ни был, его уже давно нет. Вентан загадает, понимает ли существо, чем стало.

Широкая пасть, полная прорастающих клыков и едкой желчи, дергается к нему.

— За Калм! — кричит Вентан и взгоняет клинок в глотку твари.

Эффект следует немедленно, и он ужасен.

Монстр разрывается, сворачиваясь внаутрь и распадаясь на расплетающиеся куски пропитанной кровью плоти и жира. Гибридные органы отмирают за считанные секунды, а растущая материя чернеет за один вздох. Моментальное разложение сопровождается страданием массового захоронения, из не имеющих названия комок пораженной болезнью плоти разлетаются брызги зловонной черной жидкости.

Вентан отшатывается назад, испытывая при виде смерти существа неимоверное омерзение. Где-то посреди картины распада он замечает признаки

постчеловеческого тела, но и они разрушаются у него прямо на глазах.

Он сплевывает сгусток страдной жидкости и переводит взгляд на неподвижного гредноута, который держит вирусную бомбу.

Чешуйчатая черная фигура с кривым рогом смотрит на капитана с ненавистью. Она разворачивается и исчезает в мерцающей прорехе в тироздании. Вентан чувствует тошноту от такого надругательства и той порчи, которую он видит сквозь разрез. Разрыв уже уменьшается. Ткань мира затягивается, и через считанные секунды отверстие исчезнет.

Кинжал дергает руку. Он хочет вернуться в нечистое царство, где был сотворен.

--- Сиганс! --- кричит Вентан, выводя на визор таймер бомбы. --- Ко мне!

Позади него разворачивается синий спидер.

--- Сколько? --- спрашивает Сиганс.

--- Десять секунд. Слезай.

--- Что? Нет! Я с тобой.

--- Не в этот раз, --- говорит Вентан. ---
Сейчас нет тринадцатого эльгара.

Он пинком сталкивает Сиданса со спидера и падает на место пилота. Двигатель изрыгает струю облученного дыма, и скилтер кренится вперед. Вентан заставляет его совершить последний полет.

Спидер трясется, как бугорок, разваливается на части. Сзади раздается резкий стук сбоящего двигателя, и тянется огненный шлейф.

--- Давай же, проклятье, лети! --- кричит Вентан.

Гравитационные панели отказывают, и спидер снижается. Энергия почти полностью израсходована, двигатель не работает. Капитан силится удержать машину в воздухе, вытягивая рулевую колонку назад и вкладывая в спидер все остатки своей воли и веры.

Дредноут темнеет перед ним, словно непоколебимый левиафан.

Вентан бросает порченный варполтинный кинжал на сиденье стрелка.

--- За отвагу и честь! --- выкрикивает

он. — За Императора!

В машину вливается последняя порция энергии, и Вентан активизирует передние орудия, спрыгивая со спидера. Капитан жестко падает наземь и перекачивается, а скилтер на полном ходу врежется в дрегноута.

Столкновение ужасно, инерцию спидера не погасить.

Дрегноут отшатывается назад на своих поршневых ногах. А затем взрывается двигательный блок, и удар отбрасывает машину назад.

Гироскопические стабилизаторы пытаются удержать равновесие, но не справляются с этим.

Дрегноут падает, и его поглощает сосущая рана в тироздании. Он исчезает с Калта, и разрыв закрывается за ним.

Вентан задерживает дыхание, считая секунды. Он ждет взрыва, который так и не происходит. Капитан, не зная, куда делась бомба со смертоносным вирусом пожирателя жизни, но это не Калт. Ему этого достаточно.

Он оборачивается на звуки ликования.

Сребуется секунда, чтобы осознать, что оно обращено к нему.

Обитатели Аркологии Х
выкрикивают его имя.

Нет, не имя. Прозвище.

Спаситель Калта.

И Рем Вентан впервые чувствует, что заслужил этот титул.

* * *

Стало быть, никто не придет. Неважно, сколько нас, так ведь? Мы, жители южных островов, слишком разрозненны. Наши города слишком малы. Враг обратил наши земли в стекло и пепел. Как мог кто-то выжить? Нет смысла искать, да? Кто бы это ни обнаружил — не хочу, чтобы вам было легко. Я выжил. Понимаете? Я пережил волну и плота. Врага больше нет, а я еще здесь. Только теперь меня убивает солнце, и я не знаю, почему, а в небе так и нет помощи. Будьте прокляты. Будьте вы все

прокляты.

* * *

Темное Сердце

Энтони Рейнольдс

Он вертел в руках шлем. Это был прототип конструкции МК-VJ из последней поставки с Марса, окрашенный в насыщенный кровавый багрянец — цвет переродившегося Легиона. Линзы поблескивали, словно изумруды, глядя на него с угрожающим прищуром.

Он перевернул шлем и установил его на подготовленную раздвижную подставку, которая подстроилась под вес и форму шлема, охватив его и зафиксировав. Он потянулся за своим электростилусом и вынул его из штатива. Указательный палец коснулся активационной руны, и стилус начал вибрировать с глухим гудением. Он поправил шлем свободной рукой, повернув его так, чтобы получить наиболее удобный доступ к возмущенной внутренней поверхности. Тонкий наконечник из искусственного алмаза опустился на гладкий, лишенный

украшений металл.

Он остановился. Он отвернулся и бросил взгляд на ритуальное изображение Октета, закрепленное в тени маленького алькова напротив угла, где слабо горела курильница. Казалось, пламя меркло, а температура понижалась. По стенам пополз иней. Сама тьма пришла в движение, корчась и разрастаясь.

Отростки теней потянулись вперед, слепо нащупывая путь. Они пробирались сквозь стены, ползли по полу и потолку. Один из них прикоснулся к нему. Касание было холодным как лед. Мрак стыкался, окутывая облаченное в расу тело. Он ощутил на шее дымящее дыхание, от которого исходил страд извращенных кошмаров и гниющей плоти.

Ползущая тьма начала нашептывать ему, дюжина безумных голосов сливалась в один. Из ушей потекла кровь. Стул задержался в руке.

Он беседовал с посланцем Узначальной Истины. Были принесены клятвы. Снова пролилась кровь.

Прошел час. Быть может, больше.

Наконец, ах отступил, отпустив его и
скользнув обратно за истончившуюся
пелену реальности. Курильница вновь
оживала, пламя затрещало, и комнату
опять озарил тусклый свет. Мардук
вздвинул и выпустил стилус. Руку свело
тучительной судорогой. В сущности, у
него болело все тело.

Он посмотрел на шлем, все еще
покоившийся в объятиях раздвижной
подставки. Возмутную поверхность
покрывала темная клинопись. Не осталось
ни единого нетронутого сантиметра.

Почерк принадлежал не ему.

— Да будет так, — произнес он.

Тяжеловесные шаги затерли возле
временной камеры. Для кандидата
настало время суда. Он сидел на полу,
скрестив ноги и выпрямив спину. В таком
положении он провел большую часть дня.
За это время тело залечило самые
скверные из ран, нанесенных ему братьями.

Кандидат поднял голову и увидел в
закрытой двери камеры собственное
отражение. Несмотря на

усовершенствованную трансчеловеческую физиологию, его лицо до сих пор испещряли лиловые кровопотоки. На щеках и губах сухими струньями запеклась кровь. Как и у всех, рожденных под недремлющими светилami Колхиды, его кожа была смуглой, а радужки темными. Взгляд налитых кровью глаз был мрачен.

Ему было известно, что его лицо более широкое и крупное, чем у неизменных людей, которые теперь казались странно хрупкими и тонкими. В отличие от большинства воинов Легиона, он все еще смутно помнил, как выглядел до своего перерождения в более возвышенном облике. Он полагал, что со временем также забудет о своей жизни в храме до вступления в XVII Легион.

С него сняли доспех. Когда-то тот был цвета серого гранита, однако теперь имел красный оттенок застывшей крови — в честь почитаемых Гал Ворбак. О, если бы увидеть то, что узрели они...

Его размышления прервались, когда замки камеры открылись, и раздался скрип металла. Дверь широко распахнулась, и в

помещение, пригнув головы в шлемах, вошли двое ветеранов в багряных доспехах. Их тяжелая броня была увешана талисманами и исписана колхидской клинописью.

Разумеется, он их узнал. Это были воины Бел Ашарега. У них за плечами было на полтора столетия больше войн, чем у него.

Они держались со сдержанной агрессивностью, сжав перчатки в кулаки. Было очевидно, что им хочется порвать его на куски. То, что они еще так не сделали, было... неожиданно. Их что-то удерживало.

--- Ну? --- произнес он.

--- Встань, Мардук, --- сказал один из них. Решетка вокса превратила голос в гортанное звериное рычание.

--- Зачем? --- спросил он. --- Что меня ждет?

Он успел заметить начало удара, однако не стал уклоняться. Тот попал в висок и жестоко швырнул его на беспощадную металлическую стену катеры. Мардук рухнул на пол, но его лицо

потекла горячая кровь. Он ощутил на губах ее вкус.

Однако Несущий Слово не вскрикнул. Не стал стирать кровь с лица. Лишь бесстрашно взглянул на ударившего.

Его вздернули на ноги, он не сопротивлялся. Из бесстрастных линз воина-ветерана, который его держал, на кандигата установилось собственное искаженное отражение. Потрескавшиеся губы раздвинулись в окровавленной ухмылке.

--- Ты бьешь, будто слабая женщина, --- устехнулся он. Ветеран взревел и впечатал свой бронированный лоб в лицо Мардук.

Темнота.

Он резко пришел в себя, очнулся и дернулся. Нечто извивалось и копошилось у него в сознании. Оно было маслянистым и отерзительным, его вторжение вызывало тошноту.

Мардук начал сопротивляться. В ответ нечто стало пробиваться вглубь, чтобы утвердить свое господство.

Наконец, удовлетворившись грубой демонстрацией своего могущества, сущность отступила. После нее осталась лишь пульсирующая боль по ту сторону глаз Мардук да еще едкий привкус варна в горле.

Он попытался сосредоточиться. Свет был слишком ярким. Несущий Слово часто затормозил, прочищая сознание.

Он находился в центральном контрольном зале. Станция Зетсун Бериг.

Мардук стоял на коленях в окружении легионеров-ветеранов — недавних членов Гал Ворбак. Он чувствовал их злобу. Она исходила от них, словно жар от печи.

Обзорный портал был заполнен Калтом. Даже с орбиты были ясно видны следы идущей внизу войны. Над континентом, словно громадные цветущие водоросли, поднимались шлейфы дыма и пыли. Они тянулись высоко в атмосферу и были пронизаны свечением различных оттенков.

По залу разнесся нагнетанный властный голос.

--- Все наиболее прекрасно в тиз
гибели, не правда ли?

Мардук попытался понять, откуда он
исходит. Соберись.

Закутанные в расы магосы суетились
в управляющем центре платформы,
другие сгорбились над консолями,
подключившись к портам блоков
мысленного управления. Как бы то ни было,
голос не принадлежал никому из них.

--- Битва продолжается бешевать, но
война уже практически выиграна.

Взгляд Мардука переместился на
фигуру, которая стояла отдельно от
прочих и смотрела в пустоту.

Вот.

Окружавший нечестивое существо
воздух трепетал. Рядом с ним
истончалась граница между реальностью
и владениями Изначальной Истины.

Кор Фазрон. Магистр Веры.

--- Тринадцатый Легион получил
тяжкие раны, а у Калта навеки останутся
шрамы. Солнце умирает. Поверхность
будет очищена. Последние остатки
сопротивления будут вынуждены уйти под

землю, однако это ил не поможет. Калт, самоцвет Ультратара, уже в агонии. Это моя победа. Не Эреба. Даже не Лоргара. Моя.

Почтенный кардинал обернулся. Его глаза лучились ликованием и терцали противоестественной энергией.

--- Вся система уже мертва, --- произнес он. --- Она еще просто не осознала своей гибели.

Он приблизился, и Мардук подавил желание поняться назад.

--- Боины Бел Ашарега хотят вырвать твои сердца и съесть их, пока ты еще будешь дышать, --- рыкнул Кор Фаэрон. --- Меня так и подмывает пойти и навстречу. Чего ты рассчитывал добиться?

У Мардука начало покалывать кожу. Его глазам было больно смотреть на Кор Фаэрона, и он опустил взгляд.

--- Смотри на меня, --- угрожающе прохрипел Кор Фаэрон.

Мардук повиновался. Он сомневался, что смог бы воспротивиться, даже если бы попытался.

Когда Легион обнаружил Колхиду и
воссоединился с примархом, Кор Фазрон
уже подвергся разрушительному
воздействию своей смертной природы. Он
был стар, слишком стар, чтобы пройти
полную процедуру усовершенствования и
стать подлинным костическим
гесантником. Сейчас он все так же
выглядел старым, однако, сколь бы
хрупким и сгорбленным он ни был без
успеха, в нем присутствовала
неоспоримая и яростная жизненная сила.

Его поддерживали не только
постоянные омолаживающие операции, а
еще и опасная лихорадочная энергия,
которая пылала жарким, ненасытным и
губительным пламенем. Чтобы не дать ей
поглотить себя, должна была требоваться
высочайшая сила воли. Скорее всего, в
галактике нашлось бы всего несколько
существ, которые смогли бы
поддерживать себя в таком состоянии, не
превратившись вскоре в пустую
выжженную оболочку.

--- Это моя война, кандигат, ---
прошипел Кор Фазрон. --- Моя. Ее нельзя

было провалить. Захват этой платформы являлся центральной частью плана. От него зависела наша победа. Ты это понимаешь?

--- Да, мой господин, --- сказал Мардук.

--- Да, мой господин, --- передразнил его Кор Фазрон с презрительной улыбкой. --- У все же именно в этот драгоценный миг, когда успех висел на волоске, ты решил пойти против наставника?

--- Я не... --- начал было Мардук, но его заставил умолкнуть сверкнувший взгляд Темного Кардинала. Из мертвенно-белых глазниц начали струиться испарения варна.

--- Ты не хотел ставить под угрозу захват станции? --- ощерился Кор Фазрон. --- Может, и нет, однако именно это ты и сделал. Возможно, ты вообще ни о чем не думал, ослепленный желанием возвыситься, убив одного из вышестоящих. Собственного наставника. Твое неуважение оскорбительно.

--- Какой толк от учителя, который не учит? --- спросил Мардук. --- Он не был моим наставником. Я был рад его убить.

Один из ветеранов, стоявших у него за спиной, безмолвно выразил неодобрение. Он услышал, как клинок покидает ножны.

--- Нет, --- рыкнул Кор Фаэрон воину, и вокруг него, словно ореол, замерцало злобещее сияние. Клинок скользнул обратно на место.

--- Даже будь у него желание меня наставлять, я бы ничему у него не научился, --- дерзко продолжил Мардук. --- Его душа была глухой к Узначальной Истине, а разум --- закостеневшим и негибким. Его злило, что я слышу пантеон лучше, чем ему когда-либо удалось бы. Вот почему он отказывался меня учить. Меня послали сюда познать путь послушника, но при этом отдали под начало воина, не имеющего склонности к искусству варна.

--- Ну, тогда очевидно, что он заслуживал смерти, --- произнес Кор Фаэрон.

Мардук скривился.

--- Нет, я не имел в виду...

--- Ты оскорблен, что тебя отдали на попечение Бел Ашареда? Бел Ашаред праведно служил Легиону почти столетие,

а ты немногим больше, чем просто неофит. Сколько ты сражался вместе с Семнадцатым? Две десятилетия? Три? Ты просто неблагодарное дитя.

— Я молод, — сказал Мардук, — однако же не лишен таланта и жажду овладеть силами, которыми повелеваете вы, мой господин.

Кор Фазрон яростно уставился на него, и душа Мардука съежилась от явной желчности этого взгляда.

— Чего ты не знал, так это то, что Бел Ашаред принадлежал к Темному Сердцу, — произнес Кор Фазрон. — Он являлся членом секты, которая была моей кровавой правой рукой со времен Завета. Темное Сердце служило мне, когда Лоргар Аврелиан был еще ребенком, и продолжало нести свою службу впоследствии, несмотря ни на что. Бел Ашаред был из Темного Сердца, а ты убил его потому, что он оказался не тем учителем, на которого ты надеялся?

У Мардука пересохло во рту.

— Я... я не знал, — пробормотал он.

Кор Фазрон мгновение свирепо глядел

на него, а затем резко отвернулся, искривив пальцы. Когда он заговорил, его голос был уже более сдержанным.

— Ты утверждаешь, что желаешь овладеть теми силами, которыми я управляю. Почему? — спросил он, созерцая Калт.

Мардук ответил не сразу.

— Это простой вопрос, — произнес Кор Фаэрон. — Отвечай.

— Я хочу служить притарху и Легиону всеми своими силами, — наконец сказал Мардук.

Кор Фаэрон растаял. Звук был отбратителен, он напоминал булькающий кашель больного животного.

— Ты бы лучше всего послужил Легиону, если бы не убил наставника во время решающей тактической вылазки, — сказал он. Вспышка сияния варпа высветила череп, скулу и зубы погнущенной плотью Кор Фаэрона. — Тебя манит сила. Не оскорбляй меня притворством, будто это не так. Ты жаждешь силы.

— А вы нет? — спросил Мардук.

Кор Фазрон долгий миг бұравил его взглядом, а затем фыркнул.

— Зачем мне стремиться к тому, что у меня уже есть?

— Я не могу представить, что человеку когда-то будет достаточно силы, — ответил Мардук, осторожно и всегда заметно выделая слова. — Всегда можно получить больше. Да, я жажду силы. Научите меня. Утоляю вас.

Кор Фазрон прищурил глаза.

— С чего ты взял, будто я захочу поделиться с тобой знанием?

— Потому что вы хотите узнать, как я это проделал, — отозвался Мардук. — Иначе я был бы уже мертв.

Прежде чем Кор Фазрон успел ответить, его тело сотряс приступ кашля. Темный Кардинал вытер с губ черную слюну.

— Бел Ашаред обладал некоторой силой, однако, возможно, я его неверно оценивал, — произнес он, прижав ко рту руку в перчатке. — А он явно недооценил тебя. Мне неинтересно учить высокомерного выскочку вроде тебя, но в

одном ты прав — я заинтригован. Так
расскажи же мне, как тебе это удалось.

Мардук облизнул губы, понимая, что
его жизнь висит на тончайшем волоске. Он
знал, что должен правильно подобрать
слова.

Верфи пылали. В черноте беззвучно
вращались искореженные обломки. В
некоторых из них угадывались останки
линкоров и защитных платформ, но
большая часть была изуродована
практически до полной неузнаваемости. В
плавленом кружении мусора была
безмятежная красота, каждый кусок
металла поворачивался с собственной
скоростью и под собственным углом.
Абсолютная тишина пустоты делала
панораму разрушения почти
утиропоренной. «Закреть глаза, —
подумалось Мардуку, — и никогда не
поймешь, что что-то не так».

«Самофракия» рассекала беззвучно
вращающиеся обломки, словно клинок. Она
прошла через раздвижные врата станции
Зетсун Берид, не встретив

сопротивления. У оружейной платформы не было оснований подозревать «Самофракию». Корабль был одним из тех немногих, кому посчастливилось выйти из тасорубки невредимыми.

Она заметила ход и спокойно пришвартовалась.

Как и всегда, наступление возглавлял Сорот Чур. Сразу за ним следовал Бел Ашаред, а за двумя офицерами двигались легионеры XVII-го. Все понимали, что на них возложена ключевая роль в важнейшем предприятии. Они знали, что быть выбранным на это задание означало благословение. Им не терпелось начать зачистку станции.

Второе сердце Мардуга заработало. Сражаться бок о бок со столь благородными воителями, как Гал Ворбак, было великой честью.

По завершении дела к ним должен был присоединиться Кор Фаэрон. Магистр Веры скрылся, позволив подручным из Варна унести его, и у Мардуга по затылку поползли покалывающие мурашки волнения и соблазна. Он жаждал наступления дня.

когда тоже будет облагать подобной силой.

Служащие станции Зетсун Вериг понятия не имели, что их ждет. Высокомерные сыны XIII Легиона, приписанные к платформе, также не знали об уже разворачивающихся событиях. Их невежество было восхитительным. Когда Несущие Слово вышли из первого проходного пустотного шлюза, навстречу нежданной абордажной команде вышел Ультрадесантник. На нем не было кобальтово-синего шлема, он явно не ожидал нападения и даже еще не осознавал, что ему остались жить считанные секунды. Нелепо, но он даже не потянулся к оружию. На его лице было выражение озадаченности.

Мардук устехнулся про себя. Это было слишком хорошо.

Ультрадесантник — сержант, судя по опознавательным знакам — открыл рот, гля... чего? Приветствия? Окрика? Как бы то ни было, ему не дали заговорить. Пронесся болт, первый из множества, которым было суждено вылететь в

следующие несколько минут. Он попал Ультрагесантнику в лицо, прямо под левую скулу. Первое убийство опять принадлежало Сорому Чурү. Мардук вознес молитву, чтобы на борту оказались еще воины XIII-го. Ему хотелось убить еще кого-нибудь.

В самом процессе убийства костогесантников присутствовало нечто особенное, сильное. Это было совсем не то, что убивать низших существ. У смертных — незначительные и скоротечные жизни. Да, Мардук помнил, как был одним из них, однако казалось, будто это сон или же происходило с кем-то другим. Он практически ничего не ощущал, обрывая их жизни, но в случае с легионерами испытывал возбуждение, не похожее ни на что другое. Оно опьяняло.

Ультрагесантник рухнул на пол с раскатистым грохотом, который в замкнутом пространстве походил на звук падения титана. Эхо шута стихло, и на мгновение наступила тишина.

Обернувшиеся лица. Раскрытые в ужасе рты членов экипажа, заметивших

обезглавленного Ультрадесантника, распростертого на палубе. Вокруг него ширящимся кругом растекалась кровь. Она капала сквозь металлические перекладины пола. Кан. Кан. Кан.

Находившиеся здесь в большинстве своем не принадлежали к числу комбатантов, основную их часть составляли техники и агенты. Модерати. Магосы. Офицеры. Рядовые.

Большинству никогда не доводилось вынимать пистолеты из кобуры на беге — это был всего лишь элемент формы, как эполеты или знаки выслуги. Они усердно пытались восстановить связь, отчаянно пытаясь соединить Калт с флотом через вокс или местную ноосферу, но ничего не работало.

Они совершенно не были готовы к новому нападению.

Несущие Слово не стали тратить боеприпасы и пустили в ход ценные клинки и кулаки, ломая тела, будто сухие деревья, и снося головы с плеч. Мардук расколол череп затыльником болтера. Разрушение доставило ему удовольствие. Он схватил

пытавшегося сбежать агента в рясе и
сдавил шею человека перчаткой. Несущий
Слово оторвал того от пола и встряхнул.
Хрустнули позвонки, и агент обмяк.
Мардук швырнул мертвое тело обратно в
перепуганную толпу.

Палубу осыпало выстрелами
высокомощных лазеров, которые вонзались
в красную броню, прожигая и опалая ее.
Похоже, что платформа оказалась не
совсем беззащитной. Мардук обернулся,
выискивая цель. Вот, на верхнем мостике
--- преторианцы Механикута. Но крайней
мере наконец-то появился враг, достойный
болтера.

Боевые чудища в вычурной
бронзовой броне, преторианцы обрушивали
вниз шквал огня. Двое нападших воинов
XVII-го рухнули, их доспехи дымились.
Мардук вознал два болта в одно из
бронированных существ, заставив его
понянуться на вывернутых назад
поршневых ногах. Плоть и металл
лопнули, из нанесенных Мардуком ран
брызнула стесь черного масла и млечной
синтетической крови, однако существо не

упало.

Слепо врезавшееся в Несущего Слово смертное ничтожество сбило ему прицел. Мардук выругался и ударом отбросил человека на пол. Тот тяжело упал, и жалкое хныканье столкло.

Кандугат вскинул болтер, натереваясь вновь открыть огонь по преторианцу. Назначенный его наставником Бел Ашарег успел сократить дистанцию и атаковал создание Механикута в ближнем бою. Капитан Несущих Слово мешал сделать смертельный выстрел. Мардук снова выругался.

Рассвирепев, он быстро сделал шаг вбок и впечатал болтер в пепельно-серое лицо ковылявшего мимо человека. У мертвого, какого-то закутанного в расчлененного агента, не было руки — ее вырвал из плеча один из воинов Бел Ашарег. От удара Мардука лицо человека стялось, и тот упал. Мардук стахнул с оружия комок окровавленной плоти и волос.

Он увидел, как Бел Ашарег поверг боевого зверя-преторианца наземь ударом

тыльной стороной руки. Капитан наступил на вооруженную конечность, прижав ту к полу сапогом, и погрузил гудящий силовой мотор в грудь существа. Преторианец яростно взревел стесью двойного кода и обычного голоса. Создание Механикума утирало медленно, корчась и булькая.

Мардук приблизился к своему господину. Доспех капитана был забрызган кровью и маслом, которые образовывали потеки на стыках пластин брони. Мардук ощущал покалывание от присутствия Варна вокруг -- по ту сторону пелены колыхались и извивались существа, неизвестные смертным. На пределе слуха нашенывали нагтреснутые голоса, раздражавшие сознание.

-- Ужас и смерть истончают покров между этим и иным миром, -- заметил Мардук, озираясь по сторонам.

-- Что? -- переспросил Бел Ашаред.

-- Живущие Вовне жаждут пересечь черту, -- произнес Мардук. -- Вы этого не чувствуете, мой господин?

Он увидел, что Бел Ашаред крепче

стиснул кулаки. Вероятно, капитан почувтил, что над ним насмехаются.

--- Потрясающая интуиция, щенок, --- прогрызнулся тот полным презрением голосом. --- Это бы стоило почувствовать даже умственно отсталый ребенок негодяя.

--- Большинство в Легионе не смогли бы, --- сказал Мардук. --- Они слепы.

«Как и ты», --- подумал он.

--- Не думай, будто ты особенный, --- произнес Бел Ашаред. --- Это далеко не так. Ты мусор, ненужный даже собственному ордену. Ты еще ничего не знаешь о подлинной природе вселенной и силах, разрастающихся на другой стороне.

--- Так научите меня, --- ответил Мардук.

--- С некоторыми вещами нельзя спешить.

--- Как и с вашим назначением в Гал Ворбак, господин?

Наставник глянул на него. Шлем не давал увидеть выражение его лица, однако через мгновение он растаял. Решетка voxа превращала звук в отвратительный

резкий лай.

— Убирайся, щенок, — сказал он, отмахнувшись и забрызгав кровью лицевой щиток Мардук. Одна капля попала на линзу визора, окрасив зрение кандигата красным. — У меня нет времени на твой вздор.

— Вы мой наставник, — возразил Мардук. — Мое место возле вас.

— Я тебе не нянька. Оставь меня в покое. Нам нужно занять станцию, — произнес Бел Ашаред, отворачиваясь. — Отправляйся с отделением Дралзира.

Мардук развернулся и двинулся прочь, не сказав ни слова.

Док был зачищен. Трупы устилали палубу, словно сломанные и брошенные игрушки. Несущие Слово раздвигались на малые подразделения и расходились вглубь оружейной платформы. Им всем была известна схема Зетсун Вериг, и они не нуждались в указаниях.

Из прилегающего прохода доносился низкий грохот огня болтеров. Врага явно несложно было найти, однако воины штурмового отделения Дралзира

продолжали проверять останки на полу.
Несущие Слово двигались от тела к телу,
выискивая признаки жизни и перерезая
горло тем, у кого они еще обнаруживались —
быстрый взмах боевым клинком от уха
до уха — а затем воины шли дальше.
Узничество и великоление ритуального
клинка не для них, заметил Мардук. Он
присоединился к воинам, пока те
продолжали свое мрачное занятие.

Отделение Дралзира было
малочисленным подразделением
ветеранов. В былые годы они удостоились
похвалы самого притарха и были
отмечены за свои действия в ходе более
чем дюжины приведений к согласию.
Выпуклые поверхности их доспехов были
покрыты зарубками убийств, наградами за
кампании и культовыми символами.
Ветераны терпели его присутствие, но в
то же время презирали. Он не был одним
из них.

Лишь один из воинов отделения его
поприветствовал — новичок, которого
совсем недавно забрали из скаутов и
наделили первым комплектом силовой

брони. Он был таким же чужаком, как и Мардук, и единственным воином в составе абордажной команды, кто являлся частью Легиона меньше него. Его доспех был практически постыдно нетронутым.

Новобранец стоял на коленях возле упавшего агента, который расprostерся на палубе, неестественно подвернув ногу. Человек пытался отползти, но новициат прижал его грудью коленом и медленно давил, превращая дыхание в прерывистые мучительные глотки воздуха.

— Вигел, как у того синего ублюдка разлетелась голова? — поинтересовался новициат, подняв взгляд на Мардука.

— Вигел, Бүриас, — ответил Мардук.

— А выражение на лице спесивого выроodka прямо перед выстрелом? Великолепно!

Agent в расе попытался вытащить пистолет. Это было простое лазерное оружие, однако и оно сильно грожало в руке. Прежде чем человек успел навести ствол, Бүриас схватился за запястье и почти без усилия вывернул кисть назад.

Хруст.

Человек завопил. Бүриас заставил его
утолкнуть ударом в висок, переломив шею.

--- Он даже сказать ничего не успел.
Просто открыл рот, а потом бум! ---
Бүриас поднялся, стирая кровь с рук. --- Ты
сегодня сражаешься вместе с нами?

--- Похоже на то, --- отозвался Мардук.
Бүриас на секунду вскинул голову.
--- А правда, что тебя изгнали из
органа и отправили участвовать в
нападении на Калт?

Мардук фыркнул.

--- Может и так, --- сказал он. --- Меня
послали сюда учиться послушничеству.
Насколько мне известно, иных скрытых
причин не было.

--- Стало быть, однажды ты станешь
Апостолом?

--- Такиги темпани враг ли, ---
ответил Мардук.

--- Хватит трепаться, --- прорычал
сержант отделения Дралзир, шагая к ним.
У него на поясе висело два шлема
Ультрадесантников. Сержант был не из
тех, кого не стоит воспринимать всерьез.
--- Пора выдвигаться.

--- Все равно тут уже все мертвы, --- пробормотал Бүриас, ннүв трып ног ногати.

Мардук улыбнулся про себя.

Броня Бүриаса дымилась. Плазменный ожог. Впрочем, ему повезло --- прямое попадание прожгло бы его насквозь. Новичиат обхватил переборку, используя ее в качестве укрытия, и перезарядил свой болтер модели «Умбра», загнав на место новый секторный магазин.

Через люк с визгом пронесся очередной размытый сгусток бело-синей плазмы. Он прошел совсем рядом от Бүриаса, который только расхохотался. Новичиат обладал кое-какими навыками, но был несдержан. Мардук решил, что тому повезет, если он переживет этот бой. Впрочем, кандидат надеялся, что так и будет. Ему нравилось наблюдать, как Бүриас убивает.

Плазма ударила в стену напротив проема и взорвалась вспышкой жгучего света. Из помещения донеслось злобное хриплое шипение --- характерный звук перегрева плазменного оружия.

— Взять их! — заорал Дралзир.

Мардук мгновенно среагировал, выскочив из-за укрытия. Вместе с ним в дыру рванулись Дралзир, Бүриас и Угатасин.

На борту станции Зетсүн Бериг остались лишь небольшие очаги сопротивления вроде этого, но их упорство лишь оттягивало неизбежное. И все же задержка злила Бел Ашарега, что в свою очередь злило сержанта Дралзира. Другие отделения уже пробивались к залу управления в центре платформы, пока они застряли позади.

Сержант поделил воинов на два малых звена — по иронии судьбы эту тактику впервые ввел в употребление Легион Жиллимана — и его задача состояла в том, чтобы уничтожить все сопротивление на нижних уровнях Зетсүн Бериг перед тем, как двигаться дальше.

Как только они оказались на виду, в Угатусина попал заряд болтера. Мардук не стал оборачиваться, чтоб посмотреть, жив ли тот. Темное помещение озарили резкие вспышки выстрелов, и Мардук

увидел перед собой фигуры в синих
доспехах. Его внимание
сконцентрировалось.

На ногах оставались только двое.
Были и другие, но их сразили еще в первые
мгновения перестрелки. Один попал под
взрыв осколочной гранаты, а второго
свалил Дралзир точным выстрелом в
голову из болт-пистолета.

Два Ультрадесантника присели за
импровизированной баррикадой из
сваленных в кучу грузовых контейнеров и
аппаратуры. Один прижимал к плечу
болтер, ведя огонь контролируемые
очередями. У него на шлеме был белый
плюмаж, знак отличия XIII Легиона,
обозначавший первого сержанта роты, или
что-то в этом роде. Второй держал
подальше от себя неработающее
плазменное оружие, от которого валил
раскаленный добела пар, а другой рукой
стрелял из болт-пистолета.

Мардук на ходу дал еще одну очередь
из болтера, прикрывая братьев, которые
рванулись вперед с ревущими цепными
мечами. Большинство выстрелов прошло

мито цели, но один попал
Ультрагесантнику с болтером в плечо.
Впрочем, повреждения оказались
неглубокими и не смогли свалить воина.

Попадание болта наполовину
развернуло молодого новициата Бүриаса,
заставив того пошатнуться. Мардук
услышал, как он выругался — Бүриас
отчаянно пытался добраться до врага
раньше сержанта и более опытных
братьев, чтобы проявить себя в пылу боя.

Мардук не отрывал болтер от плеча,
продолжая стрелять. Он стесался в
сторону, обходя Ультрагесантников с
фланга, пока остальные тчались прямо к
баррикаде. Несущий Слово сосредоточился
на цели, которую уже поразил до этого, и
дважды попал воину в грудь. Он
переместил прицел, чтобы выстрелить в
голову, но цель исчезла за укрытием —
обстрел был слишком силен.

Плавнo переместив прицел, Мардук
перевел огонь на второго
Ультрагесантника. Первый выстрел попал
в запястье. Массореактивный снаряд
сдетонировал, начисто оторвав воину руку

и лишив того пистолета. Несмотря на это, Ультрадесантник просто вскинул плазменное оружие, перехватив его так, чтобы оно легло на предплечье, теперь оканчивавшееся окровавленной культей, и направил его на Мардуга.

Несущий Слово метнулся в сторону. Напоминавшая солнце вспышка выстрела подавила авточувства госнеха, и поле зрения шлема заполнила белая дымка, из-за чего он ослеп на несколько ударов сердца. Даже сквозь изолирующую керамитовую броню он ощутил плотный пылающий жар выстрела, который с воем промчался мимо, заставляя сам воздух слабо шипеть.

Зрение начало проясняться, и он смог разглядеть, как Дралзир перескочил через баррикаду и всадил цепной меч в шею стрелку с плазмотетом. Зубья бешено жужжали, взрываясь в одно из немногих слабых мест модифицированного госнеха. Оружие вошло глубоко, раздирая плоть и перемалывая мясо и кости. Кровь залила лицевой щиток и грудь сержанта.

Из-за баррикады выстрелил болтер. Получив попадание в спину, Дралзир

пошатнулся и завалился на изуродованное тело только что сраженного ил Ультрагесантника. Мардук снова зафиксировал прицел и быстро сделал пару выстрелов, но те прошли в считанных сантиметрах от цели. Он уже собирался стрелять снова, когда перед ним выросла фигура в красной броне.

Бүриас.

Мардук выругался в его адрес и побежал.

Дралзир пытался подняться, силась оттолкнуться от пола. Невозможно было разглядеть степень полученных ил ран, но по его медленным страдальческим движениям становилось ясно, что повреждения серьезны.

--- Чего бы вы ни рассчитывали добиться, предатели, это у вас не выйдет! --- взревел Ультрагесантник. Он наклонился вперед и вдавил дуло оружия в открытое шейное сочленение Дралзира, готовясь прикончить сержанта Несущих Слово. --- Знай это перед смертью.

- - - Неверный! --- заорал Мардук, рванувшись вперед и отставая от этого

и диюта Бүриаса всего на несколько шагов.

Прозрели два выстрела. Взрывы болтов почти оторвали Дралзирү голову и вышибли глазные линзы. Он рүхнүл, погнит растеклась лүжа крови. Ультрагесантник отпихнүл тело в сторону.

Маргүк зашипел и зарычал от злобы. Бүриас все еще заслонял ему прицел. Издав вопль, упорный молодой новицат перескочил через труп павшего сержанта и рүбанүл цепным мечом, сжав его обеими рүкатами. Ультрагесантник блокировал удар прикладом болтера, однако ревущие адамантыевые зубья продолжали приближаться к шлему легионера, с треском взгрызаясь в корпус оружия.

Ультрагесантник быстрым движением шагнүл вбок и повернүлся, резко сменив положение болтера и лишив Бүриаса равновесия. Новицат по инерции дернүлся вперед, цепной меч с ревом соскользнүл в сторону пола. Шагнүв обратно и оказавшись рядом, Ультрагесантник нанес локтем идеально выверенный удар, который үгодил точно в

лицевой щиток пошатнувшись Бүриасу.

От силы удара тот рухнул на спину и растяннулся, на мгновение утратив ориентацию. Одна из линз визора треснула, а щиток был заметно помят.

Ультрагесантник немедленно обернулся к Мардук, однако еще не успел выстрелить, когда Несущий Слово врезался в него плечом. Столкновение сбilo Ультрагесантника с ног и отбросило на опорную балку. Ускореженная конструкция издала стон истерзанного металла. Оружие Ультрагесантника с лязгом упало на пол, и Мардук отпихнул его ногой, от чего оно заскользило по полу.

Легионер быстро восстановил равновесие. Он вцепился в Мардука и дернул навстречу удару коленом, угодившему в торс. Силы столкновения хватило бы, чтобы переломить низшее существо пополам. Легионера явно учили именно этому, а не убийству других костогесантников. До нынешнего дня ему и в голову бы не пришла даже мысль о подобном.

Но не Мардук.

Он уже убивал костодесантников раньше. Боевых братьев из собственного Легиона, никак не меньше.

И все же Ультрадесантник быстро учился, как и все воины Ультрамара. Их не следовало недооценивать. От очередного жестокого удара коленом по нагруднику Мардук пошла тончайшая вертикальная трещина, а внутри шлема затерцали предупреждения о нарушении целостности. Быстро поднявшись, Несущий Слово ударил Ультрадесантника болтером по подбородок, от чего голова того резко запрокинулась назад.

Легионер зашатался, и Мардук смог точно выстрелить. Но пока он нажимал на спуск, Ультрадесантник отбил оружие в сторону. Выстрел был оглушительным, но болт прошел мимо цели, просвистев возле гладкого лицевого щитка Ультрадесантника.

Ветеран XIII Легиона схватился за болтер Мардука и обезоружил его, резко крутанув оружие. Он ударил сапогом точно в грудь Несущему Слово, отшвырнув того назад, и навел болтер.

Позади заработал ценной меч.

Ультрагесантник развернулся, уклонившись от смертоносного обезглавливающего удара Бүриаса. Воин ушел от еще одного свирепого взмаха и врезал кулаком по уже поврежденному шлему новициата. На расколоте лицевом щитке заплясали искры. Захваченный болтер вновь поднялся.

Мардук вцепился в него, обхватив шеею рукой. В другой руке он держал клинок — не боевой нож, а священный атал, рукоять которого была обмотана медной проволокой. Ультрагесантник выронил болтер, схватившись за руку Мардука, но у Несущего Слово была железная хватка.

— Боги полакомятся твоей душой, сын Ультратара, — прошипел Мардук.

— Нет... никаких... богов! — прохрипел захваченный легионер.

— Тебе лгали, — произнес Мардук, — но довольно скоро ты узнаешь истину.

Он наклонил синий шлем Ультрагесантника набок, обнажив уязвимые пучки волокон и кабели под горжетом, и всадил клинок.

Ультрадесантник был жив, но все равно что мертв.

Он непрерывно пытался подняться, сервоприводы сочленений и сцепленные механизмы издавали визг. Силы почти полностью покинули воина, а Мардук прижимал его к полу, с силой давя ногой на нагрудник.

Собралась лужа крови, которая уже застывала, превращая полубу в липкое и вязкое болото. Она продолжала вяло вытекать из раны на шее Ультрадесантника. Даже

гиперкоагулянты кровеносной системы не могли затянуть порез, нанесенный атамом Мардука.

Воин слабо извивался, кончики пальцев подергивались.

--- Что ты делаешь? --- требовательно спросил Бүриас. Новициат продолжал таячить у Мардука за плечом, бросая нервные взгляды в обе стороны коридора, когда по надстройке платформы разносились звуки боя. --- Просто убей его.

--- Подожди, --- отозвался Мардук.

--- Чего?

--- Хочу кое-что попробовать, ---
произнес Мардук. --- Смотри. Учись.

Он убрал сапог с груди
Ультрагесантника. Давление исчезло, и
нагрудник заскрипел. Легионер попытался
встать, опираясь на грожащую,
ослабевшую руку. Мардук вышиб ее из-под
воина, и тот рухнул обратно на пол,
ударившись керамитом о металл.

Опустившись на колени, Несущий
Слово обхватил руками увенчанный
плюмажем шлем Ультрагесантника.
Разомкнув затки, он снял шлем под
шипение выходящего сжатого воздуха и
отложил его в сторону. Лицо воина было
болезненным, призрачно-бледным. Остатки
цвета исчезали прямо у Мардука на
глазах. На этом фоне пятно крови на шее
и щеке казалось еще более ярким.

Это было волевое, горделивое лицо,
чопорное и полное холодного надменного
аристократизма, абсолютно чуждого
уроженцу Колхиды. Морщинистое,
отмеченное печатью забот лицо сенатора
или дипломата, а не воина, несмотря на

ираты, кровь и три штифта за выслугу
на лбу. На губах пугилась красная пена.
Он силился сконцентрировать взгляд глаз
цвета железа на своем мучителе.

--- Теперь Лоргар... посылает против
нас... детей? --- выдохнул Ультрадесантник
с притесью холодного веселья.

--- Я не ребенок, --- огрызнулся Мардук.

--- Но ты... предатель...

--- Мы войдем в историю иначе. Нам
будут славить как героев этой войны,
провозвестников новой эры понимания и
веры.

Ультрадесантник издал булькающий
звук, который вполне мог быть
презрительным стехом.

--- Ты... глупый юнец, --- произнес он. ---
Ты еще познаешь... безумие... своих
поступков.

--- Позволь показать тебе, чего можно
достичь истинной верой, благородный
отпрыск Ультрамара, --- ощерился Мардук.
Он подался вперед и положил руку на грудь
Ультрадесантника. Утирающий легионер
вздрогнул. --- Позволь показать тебе
могущество богов, которых ты

отрицаешь.

--- Что это? --- прошипел Бүриас.
Казалось, он не в силах оторвать глаз.

--- Я могу тебе доверять, брат?

--- Конечно. Всегда.

--- Тогда помолчи, --- сказал Мардук и закрыл глаза.

Во мраке под веками начали корчиться бесформенные существа. Среди них он ощутил присутствие своего второго, подлинного наставника. Тот пробивался вперед, и остальные расступались перед ним. Он почувствовал, как сущность разрастается, напирая на границы мироздания. Она жаждала стать реальной.

«Скоро», --- пообещал Мардук.

Он глубоко вдохнул, обратив свою концентрацию вовнутрь. Не-реальность раскрылась, будто цветок, и разумная тьма заговорила с ним.

Ей было известно, чего он хочет. Она начала нашептывать ему, тысяча голосов сливалась в единый вкрадчивый монолог. Он звучал прямо у него в голове, непостижимые буквы и слоги вливались в

мозг, словно нанося порезы.

Feal'shneth'doth'khaerne'drak'shal'roth.

Мардук открыл глаза.

Ультрагесантник слепо глядел на него, расфокусированный взгляд выражал незатумненный ужас. Даже притупленный разум воина ощущал, что что-то происходит.

--

Feal'shneth'doth'khaerne'drak'shal'roth, ---
пропел Мардук.

Электрический зyg пополз под броней, под субдермальными пучками волокон и кабелями механической мускулатуры, под черным панцирем, который сросся с его плотью в единое целое. Глаза зачесались изнутри. Внутри черепа скреблись нематериальные отростки.

Dol'atha'lin'korohk'bha'naeth'la'kor.

--- Что это? --- зашумел Бурис, озираясь в сгущающуюся тьму. --- Откуда он исходит?

Мардук не обратил на него внимания.

--- Dol'atha'lin'korohk'bha'naeth'la'kor, ---
сказал он. Как только Мардук начал произносить слова, то почувствовал их

скрытую силу. От них щипало и
покалывало губы. На языке ощущалось
едкое жжение.

Но это работало.

Ультрагесантник с тихим стоном
загрожал. Он задергался на палубе, мотая
головой из стороны в сторону. Глаза
закатились, остались видны лишь
налитые кровью белки.

Raeth'ma'goerdh'mek'koeth.

Бүриас замолчал. Мардук был ему за
это благодарен.

--- Raeth'ma'goerdh'mek'koeth.

Мышцы Ультрагесантника свело
внезапным жестоким спазмом, который
заставил его выгнуть спину и
приподняться над полом. Мардук не
отрывал руку от груди легионера.

От его прикосновения нагрудник
начал дымиться. Внутри плоти
Ультрагесантника, словно черви под
кожей, что-то двигалось. Доспех начал
вспучиваться возле уплотнений, как будто
внутри нарастало избыточное давление.

--- Кровь Аврелиана, --- прошептал
Бүриас.

На ребрах доспеха Ультрадесантника
выступили костяные шпоры и острые
шипы, которые корежили и стинали
пластины брони. Ее конструкция была
неизвестна Несущим Слово, однако теперь
царственные очертания приобрели более
приятный, извращенный облик.

Глаза Ультрадесантника плотно
зажмурились, и с уголков потекли
кровавые слезы. Когда они резко
открылись, то глазных яблок больше не
было, остались только темные впадины,
обращенные таленькими неровными
зубами, которые начали лязгать друг о
друга. Буряас растаял.

Ультрадесантник вцепился в
собственное лицо пальцами,
превратившимися в когти, и начал
раздирать плоть.

В ранах были видны извивающиеся
существа -- кольчатые, похожие на пиявок
твари со щелкающими линожьями
пастями. С губ воина сорвался
мучительный крик.

-- Не сопротивляйся, сородич, --
произнес Мардук. Его лагерь оставалась

прижатой к груди измененного воина.
Ребра Ультрагесантника пробили
нагрудник, образовав грубый экзоскелет,
который корчился и извивался. -- Это
великая честь.

На краю зрения мелькнуло
взбурдаженное движение. Мардук с
улыбкой посмотрел во трак.

-- Живущие Вовне ждут тебя, --
сказал он. -- Ты чувствуешь их? Они
близко.

Ультрагесантник снова закричал. Он
не мог внятно говорить -- его язык
превратился в вывалившийся наружу
слизнеобразный отросток, покрытый
сотнями мясистых бугорков -- однако в
этом звуке ясно слышались ужас и
страдание.

-- Что это за кощунство? -- внезапно
взревел гроткий голос.

Бурнас издал низкое
предупреждающее ворчание, и Мардук
резко убрал руку с груди
Ультрагесантника. Послышался стук
кератитовых сапог по палубе. Мардук
встал и развернулся на приближающийся

звук.

К ним шагал Бел Ашарег в сопровождении четырех ветеранов роты. С его широких плеч свисали свалавшиеся от крови шкуры. При каждом его целеустремленном и полном ярости шаге они раскачивались из стороны в сторону. Шлем не давал разглядеть лицо капитана, однако его бешеная, кипящая злоба была физически ощутима.

Мардук бесстрашно вскинул голову. Его учитель угрожающе и трачно навис над ним. В раскосых линзах визора сиял внутренний дьявольский свет.

— Подобное могут счесть кощунством лишь те, чей разум ограничен, — пожал плечами Мардук.

Огромный капитан ударил его, вынудив припасть на одно колено. Мардуку понадобилась секунда, чтобы придти в себя.

Бел Ашарег смотрел на искореженный и изломанный труп Ультрадесантника. Тело некогда гордого воина XIII Легиона покинули силы, пытавшиеся там поселиться, и оно

безжизненно осело на палубу. Конечности и позвоночник были выгнуты под неестественными углами, останки приобрели ужасающий облик. Почему-то теперь они казались еще более отвратительными, чем те твари варна, которые покинули плоть. Над трупом лениво поднимались едкие испарения.

Бел Ашарег вздернул Мардуга на ноги и сорвал с него шлем, но в глазах кандугата горели упорство и вера. Капитан отшвырнул шлем в сторону и наклонил вперед собственный лицевой щиток. Пар дыхания, исходящий из ротовой решетки шлема, обдал ухмыляющееся лицо Мардуга.

--- Я бы мог стерпеть твое высокомерие и наглость, --- прорычал Бел Ашарег. --- Но это отвратительно. Это...

--- Это следующий этап нашего пути, --- прервал его Мардуг. --- Не использовать Живущих Вовне как оружие --- значит ограничивать самих себя. Мы должны пользоваться всеми преимуществами, какие есть в нашем распоряжении, если собирается победить в

грядущей войне.

Бел Ашарег безжалостно ударил Мардүка головой, и по лицу кандигата разлилась боль. Он бы упал, но капитан продолжал удерживать его в вертикальном положении. Ноги даже не доставали до пола.

--- Ты глупый ребенок, играющий с вещами, которых не понимаешь, --- ощерился Бел Ашарег. Динамики вокса превращали его голос в механический рев. --- Где ты научился этому безумию?

Бел Ашарег снова ударил головой, круша череп Мардүка.

--- Говори! --- снова потребовал он.

--- Завидуйте, что не смогли бы совершить подобного, мой почтенный наставник? --- невнятно проговорил Мардүк. --- Ваш разум столь же ограничен, как строгое следование верованиям. Вы отказались меня учить, и я нашел того, кто согласился.

Бел Ашарег еще раз впечатал бронированный лоб в лицо Мардүка. В черепе оглушенного Несущего Слова вспыхнула боль. Она струилась по тонким

трещинам, впиваясь в виски, но он все равно криво ухмыльнулся.

— Лжешь, — произнес Бел Ашарег. — Никто из моих воинов не стал бы тебя учить.

— Быть может, я нашел учителя не из вашей роты, — сказал Мардук. Из его ноздрей сочилась ручейки крови. — У него больше силы, чем вы можете надеяться когда-либо получить.

Бел Ашарег с отвращением оттолкнул Мардука, и тот распростерся на полу.

— Ультрадесантник убил сержанта Дралзира, — произнес Бүриас. — Теперь тот отомщен. Разве важно, как наступила смерть?

Капитан бросил взгляд на Бүриаса и наставил на него палец.

— Больше ни слова, новициат. Когда ты закончил задание, я рассмотрю твое участие в этом святоматстве.

Бүриас почтительно поклонился и попятился прочь.

Бел Ашарег осторожно обошел труп. Плоть быстро разлагалась, разжижаясь и

сползая с искривленных костей.

Мардук вставал. Его лицо было скользким от собственной крови. Бел Ашарег поднял кандигата на ноги и ударил перчаткой по лицу, разгробив зубы и сломав нос. Сила удара опять свалила Мардука.

--- Стать единым целым с силами импиреев --- слава и честь, --- произнес Бел Ашарег. --- Это священный союз. Принудить к нему неверующего --- омерзительно! Оскорбление! Святотатство. Таков вердикт самого Кор Фаэрона.

--- Вердикты могут быть ошибочны, --- отозвался Мардук, сплюнув кровь и осколки зубов. --- Нсы Императора скоро в этом убедятся. Ведь и вы когда-то поклонялись Императору как богу.

--- Легион узрел безрассудность своей прежней жизни, --- сказал Бел Ашарег.

--- И так произойдет вновь, --- ответил Мардук.

--- Довольно! --- взревел Бел Ашарег. --- Как ты это сделал? Говори!

--- Ты никогда так не стожешь, --- презрительно ухмыльнулся Мардук. --- Ты

жалок. Тебе так хочется попасть в Гал
Ворбак. Этого никогда не будет. Ты так
не желаешь открыться Живущим Вовне.
Нехватка знаний, неопределенность --- все
это тебя пугает.

Среди прочих собравшихся Несущие
Слово воцарилась абсолютная тишина.
Бел Ашаред расхохотался, едва веря
услышанному.

--- У меня нет на это времени, ---
сказал он. --- Я не позволю так унижать
себя. Держите его.

Двое его воинов шагнули вперед и
грубо схватили Мардук. Бел Ашаред
отстегнул топор. Оружие было соединено с
источником питания доспеха при помощи
изолированных кабелей. Навершие было
выполнено в виде злобно глядящей адской
твари. Клинок-полумесец с гудением ожил.

--- Своими поступками ты приговорил
себя, кандигат, --- произнес Бел Ашаред. ---
Встань на колени и прими свою участь.

Мардук плюнул капитану на ноги.

--- Понимание собственной
ограниченности ослепило тебя злобой, Бел
Ашаред, --- сказал он. --- Мне тебя жаль. Ты

проклят и знаешь, что ограничен, но не
можешь с этим смириться. Ты обречен на
вечную посредственность, и это пожирает
тебя, словно раковая опухоль.

--- На колени, --- прорычал капитан.

Мардук заставили опустить на
колени. Лезвие топора Бел Ашарег
потрескивало, распространяя резкую вонь
озона.

--- Я надеялся избежать этого, ---
произнес Мардук, подняв на своего
назначенного наставника яростный взгляд
и злобно прищурив глаза. Узурпаторо-
зеленые визоры Бел Ашарег, утопленные
в мрачном шлеме Mk-VI, угрюмо глядели
на него сверху вниз. --- Однако ты не
оставляешь мне выбора.

--- Ты сам навлек это на себя, --- сказал
Бел Ашарег. --- Для тебя настало время
плыть в Море Душ и обрести вечное
проклятие.

--- Нет, --- отозвался Мардук. --- Оно
настало для тебя.

Тени свились в клубок, зная, что
должно произойти.

Dhar'khor'del'mesh Arak'sho'del'mesh

Drak'shal'more'del'mesh.

Голос вонзился в сознание Маргюка, словно игла. Ноздри опять начали кровоточить, глаза почернели.

--- Dhar'khor'del'mesh Arak'sho'del'mesh Drak'shal'more'del'mesh, --- продекламировал он. От этих слов у него изо рта пошла кровь.

Потаенные руны, вырезанные внутри доспеха Бел Ашарега, вспыхнули. Нереальность внезапно и резко исказилась, и его вывернуло наизнанку.

Кор Фаэрон поджал почерневшие губы.

--- И ты смог это сделать без наставлений? --- спросил он.

--- Да, --- ответил Маргюк, все еще стоя на коленях. --- Меня направляла сама Узначальная Истина.

Кор Фаэрон отвернулся, глядя на Калт через обзорный портал. Неуютное покалывание в теле Маргюка слегка унялось.

Маргюк ожидал, когда Кор Фаэрон заговорит. Он понимал, что здесь и сейчас

решается его судьба.

--- Бел Ашарес был хорошим солдатом, --- наконец произнес Кор Фаэрон. --- Но он был ограничен, в отличие от тебя.

На лице Маргүка проступила тень улыбки.

--- Так вы будете меня учить? --- спросил он.

Кор Фаэрон снова повернулся к кандигатү. Энергия нетерпеливо плясала по его коже, озаряя ее изнутри.

--- Ярүлек хорошо о тебе отзывался, --- пробормотал он. --- Он говорит, что ты зарекомендовал себя во время Очищения.

--- Я делал то, что мне приказывали, --- ответил Маргүк. Он поднес руку к горлу, к переплетению шрамов, которые обвивались вокруг шеи, словно ожерелье. --- Я выполнял свой долг.

--- И что же ты ощущал, убивая сородичей?

--- Они не были мне сородичами.

--- Они были из XVII-го, и в их жилах, как и в твоих, текла кровь Лоргара, --- произнес Кор Фаэрон, но Маргүк

чувствовал, что его ответ понравился
Темному Кардиналу.

--- Они были родом не с Колхиды, ---
ответил Мардук. --- Они не были мне
родней. Убивать их было... приятно.

--- Почему? --- спросил Кор Фазрон,
хищно погавшись вперед. Его глаза
мерцали.

--- Их смерти были важны. В них был
смысл. Жертвоприношение несло с собой
силу.

--- А-а. Снова «сила».

--- Разве я неправ, господин? --- спросил
Мардук.

--- Прав. Даже самые примитивные
культуры инстинктивно чувствуют, что
в смерти есть сила. Ребенка поразила
лихорадка? Его родители приносят в
жертву домашнее животное и просят
своего бога об исцелении. Как бы люди ни
называли своих жадных до крови божеств,
они приносят жертвы Узначальной
Истине, --- в голосе Кор Фазрона появились
тылкие нотки, как будто он произносил
перед Легионом одну из своих
проникновенных проповедей. --- Однако есть

вещи, которые требуют крупных жертв, чего-то более существенного. Голод и чума терзают твои города? К стенам подступают враги, чьи сердца переполнены жаждой убийств? В этом случае жертвоприношения простого жвачного животного мало. Понимание этого заложено в самой человеческой душе. Нам не нужны слова, мы и так знаем, что в одних смертях от природы больше смысла, чем в других. Смерть человека сильнее смерти зверя. И как люди выше зверей, так и Легионес Астартес выше людей. Как следствие, их жертвоприношение более значительно.

Кор Фаэрон обернулся.

--- И посредством силы, которая высвобождается такой жертвой, можно достичь гораздо большего.

Взгляд Мардука переместился к Калту по ту сторону обзорных экранов станции.

--- Чего же можно достичь гибелью планеты? --- вслух задумался Мардук.

--- И впрямь.

--- А смертью примарха? ---

прошентал Мардук. -- Я вижу истину. Они
станут следующим шагом.

-- Да, -- произнес Кор Фазрон, --
станут. Феррус Манус будет не
последним.

Взвела сирена, и Мардук увидел, как
тонкие губы Кор Фазрона расходятся в
неприятной кривой улыбке. В его глазах
было лихорадочное и голодное выражение.

-- Телепортационный след, -- сказал
один из темных магосов, сгорбившийся над
консолью. -- Нас взяли на абордаж.

-- Жиллитан, -- прошипел Кор
Фазрон. -- Наконец-то.

-- Он здесь? -- вытолвил Мардук. --
Вы знали, что он придет?

Вокруг Кор Фазрона сгустилось
грязное свечение. Мардук услышал
бормотание тварей эмпиреев -- шепот и
крики, заполнявшие все динамики, вокс-
каналы и консоли станции.

Тьма окутала Кор Фазрона, казалось,
он увеличился в росте:

-- Настало мое время, -- произнес он,
поднятаясь над полом. Из его глаз и рта
сочился темный пар, на расставленных

костлявых пальцах плясала нечестивая энергия. Исходящие от Темного Кардинала потоки варна захлестнули Мардуга, будто приливная волна.

--- Сегодня великий день, сыновья мои, --- сказал Кор Фаэрон, повысив голос, чтобы его было слышно поверх инфернальной какофонии. --- Сегодня мы узрим, как примарх падет на колени. Он явится к нам, словно мотылек на огонь, не осознающий, что это пламя принесет ему гибель.

Мардуг попытался встать, но ощутил на плече руку, которая его удерживала. Крепкая хватка принадлежала Сороту Чүрү. У того в руке был нож.

Атам.

--- Мой господин, --- произнес Чүр. --- Что с кандидатом?

Кор Фаэрон напоминал ангела тьмы, окруженного ореолом ужаса. Он посмотрел на Мардуга сверху вниз. На его лице не было сострадания, лишь злобная алчность и нетерпение. Глаза полностью изменились, они приобрели бездонную

черноту провалов меж звезд.

--- Они благоволят ему, --- прозрел Кор Фаэрон. --- В этом источник любой силы. Отпусти его.

Клинок Чүра исчез, и Мардук подняли на ноги. Он изумленно уставился на Кор Фаэрона, купающегося в нечестивом величии.

--- Все мои силы в вашем распоряжении, --- произнес он. Его глаза сияли преданностью. Кор Фаэрон спланировал вниз, оставляя за собой темный след. Мардук склонил голову и опустился на одно колено --- на сей раз как приверженец, а не как пленник. Кор Фаэрон приблизился, и Мардук ощутил исходящий от его тела жар. Ему на лоб легла обжигающая рука, и он вздрогнул.

Мардук силился не вскрикнуть. От нечестивого благословения кожа покрылась волдырями.

--- Не пытайся воспользоваться своими новыми талантами в этом бою, кандигат, --- прошипел Кор Фаэрон. --- Сила этпиреев струится в изобилии. Она вся достанется мне.

--- Как пожелаете, мой господин, ---
сказал Мардук.

--- Ты благословлен, дитя, --- произнес
Кор Фаэрон. --- Сегодня ты станешь
свидетелем деяния, отголоски которого
разнесутся в веках. Сегодня ты узришь
поглинное величие.

Кор Фаэрон отпустил Мардука и
затер в сиянии, пока окружающие его воины
Легиона готовились к схватке.

--- Сегодня, дети мои, вы увидите
смерть Робаута Жиллимана, --- звучно
провозгласил Кор Фаэрон. --- Ули, быть
может, --- хитро добавил он, --- нечто еще
более великое...

Мардуку бесцеремонно сунули в руки
болтер.

--- Будь наготове, парень, --- сказал
Сорот Чур. --- Они идут.

Мардук отбросил болтер в сторону,
израсходовав магазин. Он выхватил более
тяжелое двуствольное оружие из мертвых
рук ветерана-помазанника и вдавил спуск,
обрушив шквал огня на атакующую
кобальтово-синюю толпу

Ультрагесантников, которые шли на
шторм центрального зала управления.

Ультрагесантники гибли, однако
Несущие Слово гибли быстрее.

Но палубе были разбросаны тела
Возглавлявший Ультрагесант гигант был
сродни стихии.

Ненавистный примарх. Жиллитан.

Ничто не могло выстоять,
оказавшись у него на пути. Он разбрасывал
Несущих Слово, отшвыривая легионеров и
Гал Ворбак. Рядом с гигантом сражался
мрачный воин в красном шлеме,
вооруженный экзотическим дуэльным
мечом, который рассекал броню, словно
ткань. Вероятнее всего, какой-то чемпион.

Мардук свалил одного из
Ультрагесантников точно пущенным
болтом и заставил второго зашататься,
изорвав его доспех. Кангидат попытался
подстрелить мечника в красном шлеме, но
в прицеле оказался другой воин. От тела
полетели осколки керамики, а затем его
рассек надвое взмах руки-клешни одного из
Гал Ворбак. Грохот бронированных тел,
когда Ультрагесантники сталкивались с

Несущими Слово, практически оглушал.

Кор Фаэрон полетел к Жиллитану, оставляя за собой след темной энергии. У Мардуга не было ценного меча, а атам у него отобрали. Он попытался, пытаясь сохранить дистанцию с напирającym противником. Комбиболтер брыкался у него в руках, будто дикий зверь. Приходилось прилагать усилие, чтобы прицел не задирался.

Среди напирających тел мелькнуло что-то красное, и клинок рассек его оружие пополам, выбросив снап искр. Красный мечник попытался достать Мардуга, но их разделила кипящая схватка, и уже через несколько мгновений он явно забыл про обезоруженного кандигата в толпе.

Мардуг отбросил разбитое оружие. Ослепительно полыхнула плазма, и в трех шагах от него Ультрадесантнику прожгло грудь насквозь. Мардуг вырвал из рук умирающего воина силовую булаву и принялся орудовать ей. Ценные мечи создавались, чтобы рвать плоть, а не силовую броню, но булава была более эффективна против доспехов Легионов.

Она с равной мощью крушила керамику и кости.

В отдалении Мардук увидел изможденную фигуру Кор Фазрона, окутанную темным свечением и триумфально стоящую над поверженным гигантом, Жиллиманом.

Мардук увидел, что Кор Фазрон держит у горла исполина клинок, и его полные злобы сердца запели.

Победа была уже близка. Кангидат ликующе завопил, размахивая булавой налево и направо. Он будет праведным слугой Слова до конца времен. Сами небеса...

Что-то изменилось. Потоки варна на мгновение сместились, а затем раздался мучительный вопль.

Темный Кардинал пал.

Мардук завизжал, круша череп офицера Ультрагесанта десятком бешеных ударов.

Темный Кардинал пал.

Бронированные тела стесались в кучу, заслонив Мардуку обзор. По всей палубе управления вспыхивало пламя.

Сигналы тревоги заревели с новой силой.

На единственный ужасающий миг Мардук снова разглядел Кор Фазрона.

Того тащили по палубе. Ультрагесантники и Несущие Слово тянули его в разные стороны, крича, брызжа слюной и колотя груз груда, напрягая силы и дергая.

Обе стороны хотели забрать тело.

--- Проклятье, помоги нам! --- перекричал грохот Сорот Чур. У ветерана не было половины лица, виднелись кости и зубы. Мардук повиновался, его глаза были широко раскрыты в ошеломлении.

Все должно было произойти не так. Жиллиман должен был умереть. Это должен был быть миг их триумфа. Мардук поскользнулся на плитах пола, занятных темной кровью Кор Фазрона.

Вместе с последними уцелевшими из Гал Ворбак Мардук помог вынести изломанное тело Кор Фазрона из горящего центрального зала управления.

Он был не в силах понять, как Магистр Веры все еще дышит. Его груды была изуродована. Через зияющую дыру в

нагрѹднике и сросшихся ребрах можно было разглядеть пульсирующую воронку в истерзанной плоти. Черная, омерзительно пахнущая жидкость покрывала доспех и пузырилась на губах, из глаз, рта и ноздрей струились клочья теней варпа.

— Быстро, — рявкнул Чур, подгоняя их сквозь пламя и дым. Мардук ждал, что в любой момент их срежут огнем болтеров или на них обрушится Жиллитан и порвет на куски голыми руками.

Кор Фаэрон булькал и задыхался, его глаза закатывались. Он схватился за Мардука, вцепившись в его одеяние истощенной рукой. Глаза Магистра сочились нечистой тьмой, даже сейчас продолжая яростно пылать.

Он должен был быть мертвым.

На месте его основного сердца бурлила омерзительная чернота, извивавшаяся, будто амеба. По венам и артериям Кор Фаэрона тек маслянистый ливень, который брызгал наружу в местах разрывов и рассеивался в грязном воздухе. Истерзанная плоть стердела мертвечиной и истощенными батареями.

Кор Фазрон корчился. Этой ли силы он желал?

Сорот Чур поднял левое запястье.

--- Забирайте нас отсюда, --- прорычал он во встроенный в наруч стеклянный пузырек с изображением Октета. Блестящая не-живая тварь внутри завертелась, передавая его распоряжение.

Ультрадесантники приближались, натереваясь отрезать путь к отступлению.

Мардук видел в глазах мечника в красном шлеме и его товарищей собственную смерть. Ее было не избежать.

Казалось, плата меркло, а температура понижалась. По стенам пополз иней. Сама тьма пришла в движение, корчась и разрастаясь.

Отростки теней потянулись вперед, слепо нащупывая путь. Они пробирались сквозь стены, ползли по полу и потолку. Один из них прикоснулся к нему. Касание было холодным как лед. Мрак стыкался, окутывая облаченное в рясу тело. Он ощутил на шее дыльное дыхание, от

которого исходил страг извращенных коштаров и гниющей плоти.

Ползучая тьма начала нашенывать ему, дюжина безумных голосов сливалась в один. Из ушей потекла кровь. Стулус задержался в руке.

Я помогу тебе превзойти наставника, если ты того желаешь.

--- Всего лишь мера предосторожности, --- произнес Мардук. --- Я чувствую, что придет время, когда это понадобится.

А что взятен?

Тьма пребывала в возбуждении, тени обвивали друг друга и скреблись в границы реальности.

--- А взятен я найду для тебя подходящего носителя, --- сказал Мардук.

Поклянись в этом кровью.

Мардук положил стулус и вынул лезвие. Он без колебаний полоснул себя по ладони, глубоко погружая клинок. Тени зашевелились с удвоенным волнением, подбираясь ближе.

--- Клянусь этим, --- произнес Мардук, сжав руку в кулак и позволяя крови свободно

течь. Пагая на вырезанное на столе изображение Октета, она шипела и превращалась в дым. Затем он снова подобрал стилус и позволил демону направлять руку.

Прошел час. Быть может, больше.

Наконец аг отступил, отпустив его и скользнув обратно за истончившуюся пленку реальности. Кухильница вновь ожила, пламя затрещало, и комнату опять озарил тусклый свет. Мардук вздрогнул и выпустил стилус. Руку свело мучительной судорогой. В сущности, у него болело все тело.

Он посмотрел на шлем, все еще покоившийся в объятиях раздвижной подставки. Вознутую поверхность покрывала темная клинопись. Не осталось ни единого нетронутого сантиметра.

Почерк принадлежал не ему.

Могущественному проклятию требовалась лишь кодовая фраза, и тогда с наставником будет покончено.

--- Да будет так, --- произнес он.

Да будет так

++АВАРИЙНАЯ ПЕРЕДАЧА ПО
ВСЕМ КАНАЛАМ --- КОД
ПРИОРИТЕТА АЛЬФА-1 ВСЕМ
КОРАБЛЯМ В ВЕРДИЙСКОЙ
СИСТЕМЕ++

++ИДЕНТИФИКАТОР: Боевая
баржа Ультрагесанта "Созвездие
Тартуса", пришвартована на высокой
орбите Калта++

++РАСШИФРОВКА++
Говорит брат-капитан Рубен
Ундүзюо из ХТТТ Легиона. У нас
катастрофический сбой систем.
Запрашивает немедленную помощь. У нас
нулевая мощность реактора, нет орудий и
аэспика. Прошу подтвердить присутствие
зеленокожих. Мы ничего не видим...

Кто стреляет? Магистр вокса,
открыть канал связи с орбитой.
Проклятье, мне сейчас же нужны щиты.

[взрыв, сильное искажение сигнала]

Трон, "Сыны Ультратара"! Их больше
нет. Мы в ловушке. Отделить
швартовочные линии, проклятый глупец!
Отделить, не то мы умрем здесь и сейчас.

Братья из XVJJ Легиона,
прекратите обстрел! Во имя Императора,
это ошибка! Вы совершаете оши...

[Конец передачи на отметке Калта: -
0.17.13]

++КОНЕЦ РАСШИФРОВКИ++

Странник

Дэвид Энненгейл

Все началось, когда шла вторая неделя его пребывания под землей.

Джассик Бланишо занимался раскопками. Близился конец его смены. Боль в руках и ногах от таскания обрушившихся камней была настолько неотступной и всеобъемлющей, что казалось, будто конечности больше ему не принадлежат. Шесть часов его рабочая бригада ковырялась в оползне, разгребая сотни килограмм камня. Большое помещение позади постепенно заполнялось обломками, однако завал не поддавался. Бланишо легко мог бы поверить, что преграда бесконечна. И все же Джассик продолжал трудиться. Он загрузил самодельные салазки --- обычную пласталевую дверь с привязанной веревкой --- и поволок их от раскопа. Трос врезался в шею и плечи.

Бланишо наклонился вперед под

тяжким грузом. Приближаясь к складскому помещению, он встретился с Нарьей Меллисен. Лейтенант 61-го Нутинского пехотного тащила пустые салазки за очередной порцией.

— У вас чудесная жизнь, — сказала она.

Бланишо остановился от внезапного влещательства. Перед этим он предавался трачным размышлениям о вечном.

Джассик оказался в ловушке в подземной аркологии вместе с сотнями других беженцев. Больше половины системы обрушилось под сотрясающими землю ударами идущей на поверхности войны, хотя «война» — слабо сказано. Правильнее было бы говорить «катаклизм». Разве простая война может перевернуть вселенную вверх тормашками и разнести на куски все представления об устройстве реальности, которые он полагал само собой разумеющимися? Бланишо так не думал. Подобное устраивают только катаклизмы.

Итак, глубокая душевная травма в какой-то степени добавилась к тесноте,

нехватке основных припасов, изоляции от
остальной части подземной сети Калта и
отсутствию какой бы то ни было связи с
внешним миром после предупреждения,
которое передал по воксу капитан Вента
из Ультрагесанта. Поверхность Калта
сейчас разъезжали лучи агонизирующего
светила. Выжить означало неопределенно
долгое время пробыть под землей — теперь
именно там бушевала война — но потому
этого также подразумевало, что надо
выбраться из данной конкретной
аркологии, каким-то образом прокопавшись
через невесть сколько тысяч метров
забитого туннеля. Катаклизм уже вполне
устраивал Блانشо.

Чужесная жизнь? Меллисен пыталась
пощутить?

Ему не показалось, что она склонна к
юмору. Лицо лейтенанта покрывали
полосы пота и грязи. От правой щеки до
виска тянулся глинный ожог от
касательного попадания лазера. Бледно-
зеленые глаза были серьезны. В них не
было веселья. Впрочем, и отчаяния тоже.

— Не уверен, что понимаю, о чем вы, —

сказал Блانشо и провел рваным рукавом по лбу. Ткань пропиталась насквозь.

— Я слышала, что вы были на Веригии Максим.

Да, он был там. Был и видел, как крейсера Несущих Слово «Благовещение» и «Проповедь стали», а также более тяжелый «Вокс финалис» взяли форт в клещи. Выпущенная ими переплетающаяся паутина огня из лэнсов и деструкторных орудий была столь плотной и неразрывной, что звездная крепость как будто оказалась в месте рождения светила.

Ответный огонь полыхнул краткой и бесстысленной вспышкой бессильного гнева. Форт быстро настигла гибель, а схлопывание его ядра, в свою очередь, породило вспышку агонии новой звезды, опалив пустоту предсмертным воплем. До наступления конца успело стартовать очень мало челноков и спасательных капсул. Многие из них испарились при разрушении форта. На остальные, словно хищники на слабую добычу, обрушились истребители XVJJ Легиона.

Челнок Блانشо прорвался.

Впечатления от полета со звездного форта были расплывчатыми обрывками видений конца света. Джассик не помнил ни одной осознанной и рациональной мысли с момента атаки до кошмарного прибытия на поверхность Калта. Вместо этого у него остались неровные фрагменты ощущений. Тряска корабля, от которой гремят кости, испытывает противоперегрузочные ремни на прочность. Верещание тревожных сирен. Свет и пламя кошмарного откровения, скромно именуемого «войной».

Охотники догнали челнок в верхних слоях атмосферы. У Бланишо осталось лишь одно отчетливое воспоминание об этом. Через обзорный блок он увидел, как снаряды пушек срезали левое крыло корабля. Какое-то мгновение челнок продолжал управляемый спуск, а затем сорвался в безумный штопор. Падение было настолько ужасным, что все чувства поглотил белый шум. Бланишо не мог схватить ни одного четкого образа до удара.

Джассик пришел в себя, стоя на

каменистой равнине в дюжине метров от
догорающего острова челнока. Вокруг были
почерневшие искореженные останки, часть
из которых принадлежала кораблю, а
часть --- товарищам-пассажирам. Он
оказался единственным выжившим.

Бланишо не знал, как выбрался при
крушении. Вероятно, его выбросило наружу
по милости слепой судьбы. Выбросило в
мир, который оказался охвачен хаосом.
Позади бушевала буря черного дыма и огня,
и был виден скелет чудовища размером с
горный хребет. Панорама была столь
колоссальной и так ужасала
искореженными руинами, что не
поддавалась восприятию. Это было просто
воплощенное разрушение, и от этого
Бланишо закричал. Вскоре он узнал, что
видел адский могильник на месте
крепости Калкас.

Тогда он, спотыкаясь, побрел прочь по
разбитой местности под пылающим
небом. У него не было цели, направления и
надежды. Он шел среди опустошения,
которое теперь видел всякий раз, когда
закрывал глаза. Бланишо сомневался, что

когда-нибудь по-настоящему избавится от
этого.

Судьба, которая определила ему
становиться свидетелем одного кошмара
за другим, каким-то образом привела его в
эту аркологию в последние мгновения до
того, как Калт накрыла ярость солнца.

Так что да, он был на Веригуи
Максим.

--- Верно, --- просто сказал он.

--- И вы живы.

Этим простым утверждением она
снова напомнила Бланшо о том, как
колоссально ему повезло. Джассик
почувствовал стыд за свое отчаяние. На
его долю выпали ужасы, однако он пережил
все. Насколько ему было известно, он
остался единственным, кто мог видеть
трагедию, случившуюся со звездным
формотом. Шансы уцелеть были так малы,
что это не могло оказаться ничем иным,
кроме как чудом. Ему следовало бы быть
благодарным.

Сердце забилося чаще, и он осознал,
что так и есть.

От неожиданной радости ответ

вышел более искренним, нежели осторожным.

— Не знаю, правильно ли говорить «чудесная», — произнес Бланио, а затем опомнился, надеясь, что это прозвучало обыденно, и тревожась, не оказалось ли иначе. Он огляделся, но они были одни. Остальная часть группы находилась у преграды, на расстоянии тридцати метров. Никто, кроме Меллисен, не услышал бы его за грохотом импровизированных приспособлений для копания.

Взгляд лейтенанта был серьезен и тверд.

— В таком случае благословенная? — спросила она, легко поняв его и в то же время ободрилась.

Стало быть, она тоже следовала «Лектицио Дивинатус». Бланио кивнул.

— Благословенная, — согласился он. Если рассматривать спасение как чудо, то во временном провале не было совершенно ничего необъяснимого.

Меллисен кивнула.

— В таком случае, раз вас уберегли,

значит, вы тут по какой-то причине, ---
сказала она. --- Зачем бы вас спасать ради
медленной и напрасной смерти здесь?

--- В этом не было бы смысла.

--- Уменно. У вас есть предназначение
по ту сторону этого заваленного туннеля.
А значит я должна верить, что оно есть и
у прочих из нас. Ваше присутствие здесь
дает нам надежду.

--- Нам?

--- Умеющим глаза, чтобы видеть, ---
произнесла она и улыбнулась. В этот
момент солдат с боевыми шрамами исчез,
и на его месте появилась преданная
искусательница света Бога-Императора. ---
Мы не одни, --- хлопнула она Бланио по
плечу, --- и мы выберемся.

--- Да, --- произнес он ей вслеп, ---
выберемся.

Он снова поволок салазки, и теперь те
казались легче. И вот тогда-то, когда он
узрел первый проблеск возможного светлого
будущего с начала войны, /темное и
готовое/ это и произошло.

Бланио моргнул, прогоняя фрагмент
мысли, но затем /голос из бритв, излы по

кости/ услышал шепот. Он остановился. Возможно, это было эхо скрежета салазок по каменному полу. Может быть, игра воображения.

Бланиш подумал о шепоте, но это точно было что-то другое. Никакой шепот не мог бы так звучать. Бланиш оглядел помещение. Над гругами битого камня играло холодное сияние угасающих осветительных сфер. Никого не было. Дверь на другом краю зала выходила в другой туннель, который вел обратно к основной части остатков аркологии.

Следующим стал крик. Это был вой отчаяния, злобы, разочарования и бесконечной агонии. По позвоночнику Бланиш поползли мурашки. Кожа сжалась от неожиданного холода. Он затаил дыхание, силась расслышать хоть что-то сквозь оглушительный стук собственного сердца и отчаянно желая не услышать ничего.

На его молитву ответили. Вопль не повторялся.

Спустя минуту сердце перестало пытаться пробить себе дорогу наружу из

зрүди. «Удигот», — подумал Бланиш. Встревожился из-за крика. В этой обители страдания обычно более тревожно становилось, когда крики прекращались.

Его испугало звуковое воплощение боли товарищей-беженцев. Собственная трусость вызвала стыд.

Как и бесчувственность.

Бланиш принял решение искупить вину, проведя после стены час в медицинском центре, помогая Талу Верлуну. Обозначение было дано по необходимости, а не в силу реального положения дел. Аркология являлась одной из старейших на Калте, а также одной из самых маленьких — хотя под землей провели обширные строительные работы, в качестве больших фрагментов комплекса использовались уже существовавшие соты природных пещер. Несмотря на строительство жилых комплексов и вспомогательных сооружений, эта аркология в первую очередь являлась не жилым центром. Это был архив, хранилище бюрократических,

административных и технологических
телочей, которые струились из крепости
Калкас и города Нулина как неизбежный
побочный продукт существования этих
центров, будто дым от огня. Записи
необходимо было собирать, а историю
сохранять, но желательно не образуя
нагромождений, мешающих созданию новых
записей и истории.

Так что ненужную, но драгоценную
информацию отсылали в это хранилище
размером с город, где костяк агентов
обрабатывал входящий поток и время от
времени предпринимал безуспешные
попытки каталогизировать эту
бесконечность ради того дня, когда
появится кто-нибудь --- хоть кто-то ---
кому будет нужна налоговая запись
десятилетней давности. Блانشо слышал
рассказы, что в минувшие годы был один
наивный куратор, который не просто
убедил себя, что здесь золотая жила
будущих экспонатов Голофүзикона, но еще
и провел в равной мере ошибочную и
навязчивую кампанию, чтобы воплотить
мечту в жизнь.

Теперь эта мечта обратилась в пепел и пыль. Пепел от пламени, вспыхнувшего по всей аркологии, когда сражения в Нутине терзали поверхность и то, что под ней находилось.

Пыль, которая собиралась на записях, навеки скрытых от людских глаз.

Архив никогда не задумывался как убежище, он не смог устоять перед сотрясениями, порожденными богатыми войнами. Почти все новые зоны оказались уничтожены, уровни расплющили друг друга и погубили все, созданное для жилья, в том числе и первоначальный медицинский центр. Остались только пещеры и некоторые из туннелей, созданных для рационализации лабиринта помещений. Уцелело несколько складов с провизией, которая могла бы помочь пережить кризис дюжине людей. Но не сомнят. В одной из гальных пещер текла подземная река. Так что воды с избытком хватало, чтобы обеспечить медленную смерть от голода. Кроватей не было, а громадные стеллажи для записей занимали так много места, что едва

можно было вытянуться и умереть. Новый медицинский центр был небольшой пещерой возле самого крупного зала. Так он и работал --- был расположен возле наибольшего скопления беженцев и при этом позволял Верлуну создать некоторую степень порядка при уходе за ранеными, больными и умирающими. С точки зрения настоящей хирургии в этом помещении было крайне мало пользы. Вдоль стен стояли железные ящики с записями, а по центру образовалось свободное пространство, где и были поставлены столы для пациентов. В распоряжении Верлуна находились лишь медицинские инструменты, которое он принес в ранце, а этот ранец был последним, что связывало хирурга с его полком. Формы больше не было, как не было и тех людей, что раньше были под его командованием. По обрывкам разговора между Верлуном и Меллисеном Блэншо знал, что хирург принадлежал не к 61-му. Помимо этого, ему ничего не было известно о том, через что этот человек прошел перед тем, как прибыть сюда. В глазах медика события недавнего прошлого

были закрыты железными дверями. Джассик с уважением относился к потребности держать их там.

Бланишо пробирался через основное помещение к владениям Верлуна. Здесь записи убрали и сожгли, стерева историю, чтобы освободить чуть больше места для свидетелей агонии Калта. Заполнявшие комнату стеллажи разобрали, чтобы сделать скатейки и прочие полуразваливающиеся предметы мебели.

Бланишо приходилось при каждом шаге переступать через вытянутые конечности. Изможденные люди засыпали там же, где падали. Счастливики находили стену, чтобы опереться, а самым везучим доставались углы, где можно было свернуться, как будто это чуть больше защищало от невзгод вселенной. В воздухе висела вязкая смесь страда немытых тел и грязи, скапливающейся при жизни множества людей на грани отчаяния. Пол был липким от крови, растекшейся поверх уже высохших и потемневших участков. С начала войны прошло много времени, но казалось, что череда ран с того первого,

ужасного дня будет тянуться бесконечно. Бланишо знал, что конец должен наступить. Раненые исцелятся или же умрут, и все завершится.

Однако в теньях таилась болезнь, и с каждым днем, который беженцы проводили запертыми в аркологии, она подступала все ближе. Запах в пещере возвещал о ней.

Но мере того как Бланишо приближался к медпункту, он проходил мимо все более изуродованных людей. Справа от входа располагались те, кто уже был у Верлуна. Слева — ожидавшие своей очереди. Разница между многими из них состояла исключительно в наличии бинтов. Весь запас лекарств, находившийся в распоряжении медика, был исчерпан за несколько часов в первый же день, так что тот мог лишь перевязывать раны.

Бланишо встретили многоголосым стоном. Именно его он слышал ранее. Разумеется. Это было непрекращающимся звуковым сопровождением в убежище.

Слева Бланишо увидел семейство: пару средних лет и старуху. Рубашка мужчины

пропиталась кровью, женщина -- его жена, как решил Бланиш -- баюкала его голову. Дыхание человека было очень неглубоким. Пожилая женщина сидела позади них, опираясь на один из верстаков и привалившись спиной к стене пещеры. Ее открытые глаза одали Бланиша немигающим пустым взглядом мертвеца.

Он хотел что-нибудь сказать второй женщине, но тут крики раздались снова. Они были не громче, чем раньше, исходили издалека, явно не из этого помещения. Бланиш огляделся. Никто не реагировал. Либо люди были слишком поглощены собственной болью, либо не слышали. У Бланиша пересохло в горле, он сглотнул и поспешил внутрь медицинского центра.

На столе лежал пехотинец. Его правая нога была раздроблена ниже колена, осколки кости торчали наружу, словно матово-белые крючки. Верлун и его ассистент-доброволец Крадж пытались удержать солдата. Тот одновременно и дышал, и кричал, издавая мучительный и безумный высокий хрип. Человек бился, вырывая раздробленную конечность из рук

Краджа. Бланишо шагнул вперед и прижал бедро, пока Крадж обездвиживал пациента.

Верлун кивнул и взял цепной меч.

--- Мне жаль, --- сказал он солдату. ---

Это нужно сделать. По крайней мере все будет быстро.

--- Прошу... --- начал было солдат, но его слова утонули в рычании оружия Верлуна.

Ампутация прошла быстро, но грязно /шипящий шепот удовлетворения/, и Бланишо чуть не стошнило. Он не разжал хватку, и уставился на Краджа. Казалось, что тот сосредоточен на своей работе. Бланишо продолжал наблюдать, пока Верлун останавливал кровотечение у лишившегося чувств солдата.

--- Будет жить? --- поинтересовался Крадж.

Измощенный Верлун пожал плечами.

--- Достаточно долго, чтобы это оказалось оправдано? Не знаю. Возможно, --- медик был седовласым ветераном, а теперь и его лицо приобрело сероватый оттенок. Его плечи поникли, словно несли на себе бремя всех беженцев.

--- Гражданин Крадж, --- произнес он, --- вы пробыли здесь восемь часов. Ступайте отдохнуть. Мне может помочь агент Бланиш.

--- А вы? --- проворчал Крадж.

Верлун выпрямился и трахнул головой, отгоняя усталость. Казалось, это помогло, как будто объявление себя отдохнувшим и впрямь давало такой эффект.

--- Я еще поработаю, благодарю.

Крадж кивнул им обоим и заковылял к выходу из комнаты. Бланиш не жалел о его уходе. Этот человек вызывал у него беспокойство. Крадж выглядел старым. Бланиш не знал, был ли он действительно старым или же его состарил труд в мануфактурке.

Лицо было потрескавшимся и иссушенным, словно разваливающаяся на куски старая шкура. Когда-то Крадж лишился левого глаза. Глазницу закрывала проржавевшая металлическая пластина. Вниз по щеке из-под нее тянулась рубцовая ткань. У него были глинные редкие и тонкие волосы, такие же серые, как залитый маслом

рокрыт. Уродливая перекошенная щель рта
отвисала справа. Ноги имели разную
длину. Руки тоже, но обе были глиняными.
От одного присутствия Краджа Бланшо
начинал нервничать. И все же он не думал,
что это ассистент нашенывал, словно
змея, пока клинок вгрызался вглубь.

--- Кто следующий? --- спросил Верлун,
вернув Бланшо к насущным делам.

--- Эээ... --- прокашлялся тот. --- Там
тужчина с ранением в грудь. Думаю, он
еще жив, но крови много.

--- Нет, --- произнес Верлун. ---
Бесполезно.

--- Его поддерживает жена, с ними
сидит старая женщина, и... и она мертва,
а я думал...

--- Печально, --- прервал его Верлун. ---
Но я не могу тратить время на того, кто
наверняка умрет у меня на столе. Для него
скоро все кончится, и это станет
тишью. Найдите мне того, кого я смогу
спасти.

--- Хорошо, --- отозвался Бланшо, но не
сдвинулся с места. Его разум снова следовал
за криками и шепотом. Криками и

шепотом, которых больше никто не слышал.

--- В чем дело? --- спросил Верлун.

Бланишо набрал воздуха.

--- Я слышу то, чего нет, --- произнес он, --- и, кажется, вижу.

--- Так, да? --- в голосе Верлуна было больше раздражения, чем тревоги. --- Движение на краю зрения, неразборчивые звуки?

--- Отчасти да, но...

--- А когда вы в последний раз спали больше пары часов?

Бланишо потребовалась секунда, чтобы сформулировать ответ. Последний раз он спал в своей кровати в ночь перед нападением.

--- Не знаю, --- сказал он.

--- Меня бы больше обеспокоило, если бы у вас не было галлюцинаций. Поспите, когда сможете, но сперва принесите пользу вместо того, чтобы отвлекать, ага?

Бланишо постарался изо всех сил. Следующий час он оттирал пролившуюся кровь и занимался простой сортировкой.

затаскивая внутрь тех раненых, которыми, как ему казалось, старания Верлүна могли помочь. Затем Бланишо бродил по жилым пещерам, пока не нашел свободное место на полу. Он заснул /материальная тьма, сила и взмах, волна плоти, колышущейся от мощи/ и проснулся в поту. Содрогаясь.

Был соблазн вернуться к Верлүну и спросить того, преследуют ли обычно галлюцинации людей во сне. Однако Бланишо мог представить себе ход разговора.

Вы видели то же самое? Ну, не совсем. Что вы видели? Сложно описать. А шепотом? Что говорилось? Не знаю. Не могу разобрать.

Диагноз? Хватит тратить мое время.

Бланишо принял правильное решение. Он не стал встречаться с Верлүном. Пару часов помогал распределять пайки, а затем вернулся на раскон. Крадж тоже там работал.

Он кивнул Бланишо, и тот ответил тем же, хотя с трудом заставил себя сделать это. Бланишо говорил себе, что его

беспокоит не только уродство Краджа. С
этими человеком что-то было не так на
более глубоком уровне.

К его испугу, Крадж оказался в одной
туннельной бригаде с ним и на следующий
день и еще через день. Шла середина
третьей стены, а оползень оставался
таким же неподвижным -- и столь же
бесконечным -- когда Блانشо понял, что
Крадж как-то связан с нашептываниями.

Он обозвал себя глупцом за то, что
так долго не понимал, что происходит.
Каждый раз, когда он слышал шепот,
Крадж находился где-то неподалеку. Он
никогда не видел, чтобы рабочий издавал
искаженные, свистящие звуки.

Крики толкли, однако нашептывания
теперь постоянно сопровождали его --
всегда недалеко, но никогда совсем рядом.
Постоянно сразу за углом, за дверью, в
следующей пещере. Так же, как и Крадж в
эти моменты -- на расстоянии, но всегда
неподалеку.

Трусость, с которой человек
занимался своим делом, заслуживала
презрения. Блانشо не знал, говорил ли

Крадж с кем-то еще или же предавался злонамеренной молитве --- сложно было сказать, звучал ли один голос или несколько. Отголоски и слоги /добыча, повсюду добыча/ переплетались, накладывались друг на друга, повторялись, объединялись в хор, а затем вновь превращались в одинокий, едва слышный, причудливый звук. Однако Бланишо постоянно слышал все больше и все отчетливее. Шепот не просто скреб в ушах и душе, словно ледяной узловатый палец. Слоги становились все более различимыми. Они сливались /мясо для зубов, кровь для когтей, кости для истины/ в слова и фразы. К страху, который Бланишо испытал, впервые услышав звуки, теперь добавился ужас от их смысла.

Были и другие слова. Но крайней мере ему казалось, что это слова. Он их не понимал. Они не могли исходить из его разума, выходя даже за грань чуждого. От одного их звучания в середину лба как будто вонзался шип. Бланишо не понимал их значения и был благодарен за это. Он был уверен, что постигнуть смысл этих

слов означало бы впасть в безумие.

Утешало одно. Теперь он знал, что шепот ему не терещился. Он никогда образом не смог бы вообразить /вкусить поклонение их маленькому королю-богу, оно растет и ширится, кормит нас, да, да, пусть будет богом, сокруши здравый смысл, свергни их во тьму/ подобного кощунства.

Ситуация была ясна. Крадж заключил союз с силами, враждебными Богу Императору. Он стремился принести в аркологию смерть и разрушение, как те силы сделали с Калтом.

Его необходимо было остановить.

У майора Девэйна не было штаба как такового. Но поскольку он был старшим офицером в аркологии, и на него ложилась ответственность за всех ее обитателей, то ему необходимо было место, где люди могли рассчитывать его повстречать. Он выбрал помещение для сбора землекопных бригад по соседству с тем, куда складывали обломки из туннеля, ведущего к выходу. Так он находился рядом с самым важным делом в аркологии. Если бы оно

потерпело неугачу, все остальное
утратило бы смысл.

Под пристмотром Девэйна находились
десятки километров туннелей и пещер,
однако Бланишо знал, что если подождать
достаточно время, майор появится. У
Джассик стал ждать.

Спустя примерно два часа майор
пришел. Он был одного возраста с
Верлуном, но терпел свой возраст и
усталость более бодро. Его осанка и
маршрут были настолько прямыми, как
будто Девэйна вытесал плотник. Казалось,
что форма, столь же изогранная и грязная,
как одежда всех остальных, до сих пор
отглажена и годится для парада. У
большинства мужчин в убежище была
многодневная щетина, однако майор был
гладко выбрит.

От изнеможения его взгляд стал
твердым, словно кремень. Когда Бланишо
приблизился, на лице Девэйна появилось
холодное выражение. Агент понял, что
тот видит перед собой лишь человека,
который стоит и ничего не делает. В
археологии праздность не являлась

роскошью. Она была изменой.

Решимость Бланишо грогнула. Он чуть было не протолчал. Однако затем в помещение со стороны раскопа вошла Нарья Меллисен, и присутствие еще одной верующей придало ему необходимых сил.

Он рассказал Девэйнү все. Бланишо пытался изъясняться спокойно, но он так ясно ощущал нетерпение собеседника, что слова лились потоком.

Они звучали нелепо.

Девэйн соизволил глянуть на Меллисен в поисках подтверждения.

--- Вы тоже слышали этот шепот?

--- Нет, сэр.

--- И вы много раз трудились в одной стене с обоими этими людьми?

--- Да, сэр.

Майор снова повернулся к Бланишо.

--- Не думаю, что кто-то еще слышал...

--- Они и не могли, --- попытался объяснить Бланишо и почувствовал, что только усугубляет дело. --- Кроме одного раза в медицинском центре, в это время поблизости никого не оказывалось.

--- Ясно, --- скривил губы Девэйн. Он уже собирался избавиться от помехи. --- Стесняюсь спросить, но что это, по-вашему, было?

--- Я... --- Бланишо запылся. --- Думаю, Лассар Крадж знает, что я его подозреваю, и грозит мне.

Девэйн закатил глаза.

--- Agent Бланишо, --- произнес он, и каждый тщательно подчеркнутый звук прозвучал, словно удар хлыста. --- Я бы не удивился, если бы узнал, что среди нас предатели. Учитывая обстоятельства, вынудившие нас оказаться здесь, меня вообще мало что может удивить. Но вы описываете настолько бесполезный и незатейливый заговор, что мне искренне жаль, что это не так. Если бы нам противостоял столь некомпетентный враг, война бы уже закончилась. Но дело обстоит иначе, и если вы отнимете у меня еще минуту времени, я отправлю вас под арест.

Он собирался что-то добавить, но затем наклонил голову, прислушиваясь к вставленной в ухо бусинке вокса. От

искаженных, скребущих звуков у Бланишо по
коже поползли мурашки. Это слишком
напоминало шепот.

Девэйн прикоснулся к бусинке.

--- Приду прямо туда, --- сказал он и
ткнул пальцем в Бланишо. --- С вами все, ---
майор развернулся к Меллисен. ---
Лейтенант, мы нужны в медицинском
центре.

--- Сэр.

Она сочувственно посмотрела на
Бланишо и направилась за майором.

Плечи Бланишо опали под гнетом
отчаяния и волнения. А затем /большое
убийство, достойная жертва, сейчас,
сейчас, сейчас, он делает это сейчас/ по
комнате разнесся шепот, громкий, словно
/xxxxxxxxxxxxxxxx/ безжалостный стех.

--- Стойте! --- взмолился Бланишо,
обращаясь и к голосу, и к офицеру, однако
Девэйн скрылся в туннеле, ведущем в
главную пещеру. Меллисен задержалась, и
Бланишо бросился к ней.

--- Вот-вот произойдет что-то
ужасное!

--- Где?

Бланишо не знал.

--- Я снова это слышал, --- сказал он. --- Только что. Не знаю каким образом. До этого я ошибался. Теперь понимаю. Я не мог слышать человеческую речь. Однако голоса реальны, лейтенант. Клянусь на книге, которая дорога нам обоим. Вы говорили, что я выжил ради какой-то цели. Должно быть, это она. Меня благословили даром слышать этих тварей, чтобы мы смогли им противодействовать.

Слова вырывались спонтанно, но Бланишо знал, что они правдивы. Он говорил с убежденностью веры и успешностью пророчества.

Во взгляде Меллисен была неуверенность, но Бланишо был убежден, что ей хочется поверить.

--- Как противодействовать? --- спросила она. --- Вам неизвестно, где случится нападение.

Лейтенант была права. Бланишо захотелось заплакать. У него полумлилось в глазах /вспышка, повсюду конечности, клякстая улыбка, объем страдания/, и в

этот ларец открылась истина.

--- Взрыв, --- произнес он.

У Меллисен отлила кровь от лица.

--- Раскон, --- проговорила она.

Ну, конечно же. Заложенная там бомба, которая приведет к повторному обвалу, станет смертным приговором всем обитателям аркологии. Меллисен бросилась к завалу, а Блانشо направился за Девэйном. «Так и должно быть, --- подумалось ему. --- Мы прекратим это»?.

И все же сомнение подтачивало пыл. В ответе было нечто неправильное. Его дала Меллисен, а не он сам, и разгадка оказалась обращена логикой, а не откровением.

Девэйн успел уйти далеко. Блانشо догнал его в главной пещере.

--- Майор, --- начал он.

Офицер наградил его убийственным взглядом и не заметил шага. Впереди, у входа в медицинский центр, ждал Верлун. Девэйн двигался по залу так, словно на полу не было спящих, плачущих, стонущих, раненых и утирающих. Блانشо спотыкался, стараясь не отставать.

— Прочь с глаз моих, — приказал Девэйн.

— Вы не понимаете, — Блانشо предпринял еще одну попытку и замер посреди пещеры. Он задохнулся, когда /вдох/ нетерпеливое шипение, пожирающая тир змея готова напасть/ ощутил, что нечто наслаждается мгновением. Он увидел, как Берлун внезапно присел, плотно сжавшись в дверях. Медик стаялся, и это был самый отвратительный звук из числа издаваемых людьми, какой когда-либо доводилось слышать Блانشо.

Последовала дюжина взрывов. Они произошли почти одновременно. Два подрывных заряда и несколько осколочных гранат, спрятанных под обломками полок и брошенными ящиками по периметру пещеры, направили ударную волну и ширяпнель вовнутрь. Еще одна граната сработала у ног Девэйна. Майор исчез в кровавой дырке.

Блانشо швырнуло наземь. Громадная пещера внезапно стала замкнутым пространством, заполненным громом, огнем, секущими кусками металла и

ветром, который бил, словно кулак. Но ту
сторону глаз полыхнул свет, и наступила
тьма, сопровождаемая грохотом тонн
падающего камня — ревущим рокотом, в
котором тонули вопли жертв.

Казалось, последовал миг небытия.
Должно быть, прошло больше времени,
поскольку, когда Бланишо открыл глаза,
звук продолжавшегося обвала уже не
было слышно. Он услышал приглушенные
голоса, одни из которых кричали, а другие
вопили. Ничего не было видно. Он лежал на
спине, прижатый к скале мягким грузом.
Было тепло и сыро. В открытый рот
канало что-то жидкое.

Кровь. Его погребло под телами
убитых.

Бланишо запаниковал, вцепившись в
куски растерзанного мяса. У Джассика не
получалось оттолкнуть их. Их удерживал
большой, незыблемый вес. Произошел обвал,
понял Бланишо. Он оказался в могиле из
камня и плоти. Джассик попытался
закричать, но подавился, набрав полный
рот окровавленного песка. Бланишо

заскүлил и напрягся. Прилив вызванного клаустрофобией ужаса испарял здравый смысл. Пальцы скрючились, словно когти, погружаясь в податливую холодную плоть. Они пүтались в обрывках одежды, рвали мускулы. Бланишо казалось, будто он пытается плыть по болоту из мяса и крови. Хныканье переросло в скрежещүщий хрип.

И тут мертвый груз плоти сдвинулся. Бланишо по чуть-чуть оттаскивал его от лица. Он слышал, как колеблются камни. Щебень сверху шевельнулся, но не раздавил его.

Наконец-то он смог нормально дышать и кричать.

Руки натыкались на грязь и камень. Он копал и толкал, и щебень подался ровно настолько, чтобы сменить позу. Возможно, это была иллюзия прогресса, но Бланишо ухватился за нее, и проблеск надежды отчасти вернул ему рассүдок. Джассик стал бороться с рүхнувшей скалой, и та снова стеснилась. Он вновь смог двигаться и начал ползти.

Он не знал, в правильном ли

направлении движется. В абсолютной
тьме были слышны лишь его собственные
вопли и приглушенный скрежет
слеживающегося щебня.

Бланиш сражался со своей гробницей,
чувствуя, как руки обдираются и
кровоточат. Когда он ощущал, что где-то
подается, он двигался туда, постоянно
говоря себе, что выбирается.

--- Еще чуть-чуть, --- шептал он. ---
Еще чуть-чуть. Еще чуть-чуть.

Литания была необходима. Только
она не допускала в сознание видение
бесконечного копания в выходном туннеле.
Не давала погрузиться в воющее отчаяние,
пока он пробирался через все новые
раздавленные трупы.

Впрочем, отчаяние все равно
преследовало его. Оно было сильнее и
тянулось к нему.

И вот, когда Бланиш уже начал
падать в его объятия, случилось чудо. Он
услышал чужие голоса. Крики,
приглушенные, но реальные. Услышал, как
чьи-то руки оттаскивают камни. Он
начал звать. Вопить с настоящей

надеждой.

И ему ответили.

Прежде чем спасательная команда вытащила его наружу, прошло еще несколько часов. Блэншо выбрался в полутрак, которому обрадовался, как дневному свету. Заново родившийся, измазанный кровью множества людей, он оглядел разрушенное помещение. Болтающиеся осветительные полосы и несколько угасающих огней озаряли продолжавшую висеть в воздухе пыль призрачным свечением. Пещера не обвалилась, хотя несколько крупных фрагментов потолка отломались, обрушив с опор плиты рокрита и природного известняка. Но центр располагался холм из неровных камней в половину высоты нового свода. Блэншо, покачиваясь, стоял у подножия.

--- Сколько выживших? --- спросил он у Меллисен.

--- Только вы, --- ответила та.

Голос лейтенанта звучал как-то странно. Даже в колеблющемся пещерном освещении было видно, что ее глаза сияют.

Сначала Бланшо не понял, в чем дело. А затем осознал, что точно так же пылают устремленные на него взгляды всех членов спасательной группы.

Это было благоговение.

Его поразила истина об очередном чуде. Он стоял всего в паре шагов от гранаты, которая разорвала Девэйна. Его погребло под тоннами камня, помяло и изрезало, но в целом он остался невредим.

Бланшо вздрогнул, ощущая откровение. Сколько раз с начала войны он избегал неминуемой смерти? Неужто можно было сделать вид, что за его выживанием не стояло никакой цели? Нет, нельзя. Он был избран для некой особой миссии волей Бога-Императора. Меллисен и остальные понимали это. Теперь осознал и он.

Но что же это за цель?

Ответ пришел через несколько минут. Бланшо стирал кровь тряпкой, которую ему дала Меллисен. Толпа становилась все больше по мере того, как по аркологии разносилась весть о человеке, чья жизнь чудесна. Благословлена.

--- Вы знали, что это произойдет, ---
обратилась к нему Меллисен.

--- Что?

--- Нападение. Вы знали, что среди нас
изменник. Вы слышали шепот
предательства, --- она говорила тихо, но
слова разносились далеко над благоговейно
молчащей толпой.

--- Да, --- ответил Бланиш. --- Слышал.

Перед ним вырисовывалась его роль в
судьбе Императора. Увиденное заставило
его согнуться от волнения и прилива
адреналина.

Бланиш понял истину об ужасающих
видениях. Понял, почему ему пришлось
страдать, слушая шепот порчи. Его
нагелили этим даром, чтобы узнать
врага.

Меллисен продолжала смотреть на
него. Как и остальные. Он осознал, что все
они ждут его. Ждут указаний.

--- Итак, все окончено? --- спросила
Меллисен.

Нет. Не все. Позади Меллисен, в
проеме, ведущем к раскопу, стоял Крадж.
В полутраке виднелся только силуэт, но

Бланишо узнал перекошенную фигуру.

--- Это он! --- завопил Джассик, протягивая руку, как будто мог схватить Краджа. --- Он в этом замешан!

И тут к его губам подступило незванное слово, доселе чуждое, но идеальное и совершенно точное.

--- Еретик! --- выкрикнул Бланишо.

Большого не потребовалось. Люди начали проталкиваться за Кражем, хлынув в туннель, словно река, которая пробила дамбу и ворвалась в давно закрытый канал.

Крадж побежал, и Меллисен с Бланишо оказались подхвачены потоком.

Бланишо постоянно терял беглеца из виду. Тот двигался быстрее. Туннель резко повернул вправо. Бланишо обогнул угол и угодил прямо в толкающуюся, сбитую с толку толпу.

Крадж исчез.

--- Он забрался туда, --- произнес кто-то, указывая вверх. У проема в стене под самым потолком болталась вентиляционная решетка. Ширины отверстия хватило бы человеку, чтобы

пролезть, если бы тот оказался достаточно отчаянным. Похоже, что никто не был достаточно отчаянным, чтобы лезть за Краджем, если тому удалось уйти. Вентиляционная система аркологии была даже более разнородной, чем сама основная сеть пещер. Помимо пробуренных шахт, от пещеры к пещере тянулись переплетающиеся разломы. Уж оказалось невозможно изолировать друг от друга. В итоге получилась достаточно неэффективная сеть, а также смертоносная крысиная нора.

--- Кто за ним пойдет? --- спросил кто-то.

--- Никто, --- отозвалась Меллисен. --- Если он там ползает, то это лишь вопрос времени, когда Крадж ошибется и застрянет. Если он хочет умереть от голода в тесноте, пусть будет так.

Бланиш кивнул, подумав, что Меллисен права. Крадж не сбежал. Он выбрал более медленную казнь.

--- Утак? --- спросила Меллисен. --- Все кончено?

Теперь от Краджа не доносилось

никакого шепота. Цена оказалась высока, однако заговор предателей был раздавлен.

— Да, — сказал Бланшо. Он был заперт под землей, покрыт кровью и не знал, увидит ли вновь дневной свет, но еще никогда так не гордился собой.

И все же...

У взрыва оказались последствия. Выяснилось, что Верлун заложил бомбы не в одной пещере. Все они сработали одновременно. Один из крупных жилых комплексов полностью обрушился, убив всех, кто находился внутри. Кроме того, медик установил зажигательные заряды, уничтожившие склад неприкосновенного запаса аркологии. Еды больше не было. Если туннель выхода не рассчитают в ближайшие несколько дней, то не рассчитают уже никогда.

Дни погрузились во тьму, и Бланшо чувствовал, как миг триумфа ускользает прочь, а его значение обращается в прах. Вновь напоздали сомнения. Вера Меллисен в его божественное предназначение была непоколебима и через

лейтенанта распространилась среди
отчаянно ищущих надежду людей, словно
пожар по траве. Меллисен настояла,
чтобы Бланиш находился в бывшем
убежище Девэйна, когда не трудился на
раскопе. Он был важен для выживших, и
теперь необходимо было иметь
возможность где-то встретиться с ним,
как раньше с Девэйном и самой Меллисен.
Для Бланиш наступил момент славы.

Это его пугало. Он бы принял свой
долг, если бы на самом деле знал, в чем
это состоит. Возможно, все кончилось.
Бланиш предупредил, но понял слишком
поздно.

Так он думал, когда наконец-то
скрючился в углу комнаты возле какого-то
сломанного землеройного инвентаря. Звук
работы на завале был лишь далеким
шумом, и через считанные секунды
Бланиш уснул. Его сны были наполнены
тревогой, но это были ожидаемые
кошмары о разорванных телах и волнах
крови.

Задыхаясь, он проснулся, и /сила
тьмы, тянущейся от стен, камень не

презрада губителю реальности, черный прилив катится насквозь, пожирает, челюсти расходятся и открывают звезды внутри, часть вселенной приближается ко всем/ все его иллюзии погубили, разлетевшись на окровавленные осколки под ударом видений и образов, которые теперь не давали смотреть на реальный мир, разворачиваясь кошмарным парадом. Бланишо застонал от ужаса, но не услышал собственного голоса, поскольку /праведный слугитель пути, он славно потрудился, да, да, даааа, мы принимаем жертву, но нужно сделать больше, работа только начинается/ шепот вернулся.

Громче. Настежливей. Теперь слова были совершенно отчетливы, пусть того же нельзя было сказать об их смысле.

Некоторые не могли принадлежать людям. Никому на этом уровне реальности. Их тело нечто, имеющее не один рот. Буквы состояли из костей и стекла, а слоги из порчи и смерти. Услышав их, Бланишо попытался закричать, но вместо этого подавился заполнившей рот кровью.

Так его и нашла Меллисен. Он не мог встать без ее помощи. Лейтенант медленно водила его туда-сюда, пока он вновь не почувствовал ноги и не смог дышать, и за это время на раскопках сменились бригады. Бланишо стер кровь с подбородка, зная, что на него начинают поглядывать. Прежде чем задать вопрос, Меллисен дождалась, пока он отчасти успокоится.

--- Есть и еще, да?

--- Да, --- приходилось бороться с желанием оглянуться через плечо и взглянуться в тени. --- Должно быть, их еще много. Я слышу их так отчетливо. Вижу...

Бланишо до сих пор не знал /черная, словно питон, драконья пустота/, что же увидит. В образах должен был присутствовать символизм. Бланишо давил все мысли относительно других вариантов. Значит, символы. Метафоры грядущей катастрофы. Пророчества и предупреждения о том, что произойдет, если он не применит свой дар. Бог-Император дал ему чутье и наделил этим долгом. Нельзя было избавиться от

бретени.

--- Вы знаете, кто они? --- тихо спросила лейтенант.

--- Нет, --- в убежище было слишком много лиц, которые сливались в единый образ грязи, изнеможения, несчастья и отчаяния.

Меллисен выругалась.

--- Чего же вы от меня тогда хотите? Если Верлун был предателем, ил может показаться кто угодно. Как нам их остановить?

--- Я узнаю, --- произнес Бланишо и в тот же миг пришел ответ. --- Они не в силах скрыть от меня свою природу. Не сейчас, --- вкус крови во рту подтверждал растущую мощь гара. --- Я увижу и услышу, кто они на самом деле.

--- Хорошо, --- спустя минуту сказала Меллисен. --- Хорошо. Тогда пойдемте. Проведет обход.

Они начали с выходного туннеля. Места, где тлела последняя надежда, и места их наибольшей уязвимости. Когда они приблизились к рабочим бригадам, /чернота поглощает скалу, туннель

обрывается в голодную пустоту,
накатывающуюся пустоту, пустоту,
которая не пустота, а ужасная сущность,
создание, чья суть разрушение/ Блانشо
споткнулся.

Он снова не видел мира перед собой.
Вместо этого там была реальность,
терзаемая тварью, которую он не мог
назвать, не мог описать и перед которой
испытывал абсолютный страх. Видения
длились недолго, но казалось, что их
продолжительность и насыщенность
увеличиваются.

Меллисен подхватила его под
локоть, поддержав.

--- В чем дело? --- спросила она, и у нее
в руках вдруг оказался лазерный пистолет. ---
Кто это?

Вместе с видением /он не видит нас,
он смотрит и слушает, но не видит нас,
не видит/ появился шепот. Он не пропал.
Он был громким и издевательским
/глубокая вера, безнадежная вера, где твой
бог, мальчик, бог-мальчик, бог-изрушка/
доносясь со всех сторон, но никогда --- с той,
куда смотрел Блانشо. Слова отдавались в

голове, будто звонги и барабаны. Бланиш цеплялся за ускользающую концентрацию. Его окружали шипящие отголоски, которые накладывались друг на друга, становились громче и погружались вглубь черепа.

Он был уверен, что если не сумеет их заглушить, то его голова расколется.

Бланиш уставился на людей перед собой. Работа полностью прекратилась. Все глядели в ответ. Но ту сторону кровавой пелены в глазах лица утрачивали резкость, превращаясь в собрание абстрактных выражений. Бланиш больше не мог различать людей, но мог читать их эмоции, словно указующие надписи.

Он увидел веру. Увидел надежду. Увидел страх, который разрастался по мере того, как Бланиш встатривался в каждое отдельное лицо. Увидел и скепсис.

«Нет, — подумалось ему. — Это другое. Называй, как есть — неверие».

В это время отрицать божественность Императора означало отвернуться от него. А значит, не было разницы между неверием и

предательством. Когда Бланшо это понял, все произошло просто. Он начал указывать. Делая так, он видел, как лица, которые окружали выбранных им людей, наполнялись решимостью. Их вера в его сущность и цель — цель, которая должна была стать общей — обрела твердость алмаза, и они вытолкнули обвиненных из своих рядов. Меллисен не дала тем возможности нанести удар. Она выстрелила каждому в голову. Через несколько мгновений на земле оказалось четыре тела, и нашенствования стихли. Однако не исчезли. Они скреблись на задворках сознания Бланшо, и этот нарыв не дал бы ему покоя до завершения очищения.

--- Еще? --- спросила Меллисен.

--- Да.

Лейтенант обернулась к землекопной бригаде.

--- Вы уверены насчет остальных?

--- Уверен.

Дарованная милость будоражила. Казалось, он стал непосредственным проводником воли Императора. Спасая

жизни, он ощутил удовольствие, которое дало смелость признать, что восторги доставляло и обрывать их простым жестом. Таковы были реалии власти. Им надлежало принять. Бланишо должен был принять власть, которая являлась необходимым средством исполнить долг.

Меллисен выбрала троих членов бригады, которые выглядели наиболее сильными.

--- Пойдите с нами, --- сказала она, и пояснила для Бланишо: --- Вести дойдут до предателей, и те будут сопротивляться.

--- Конечно, --- согласился Бланишо.

Они покинули раскоп и направились обратно в основную часть аркологии. Бланишо шел впереди, следуя по звуковому следу нашенываний. Когда он входил в пещеру, где были еще еретики, скребущие настешки в ушах и в сознании становились громче. Тогда Бланишо вершил суг, а лазнистоlet Меллисен совершал начатое. Они очищали помещение за помещением. Известие об этом походе опережало их. Сопротивления не было.

Меллисен не пришлось мобилизовать

вершителей правосудия. Добровольцев было более чем достаточно. Все чаще они приходили в пещеры, где виновных уже нашли и, порой, забыли на смерть.

Большая часть аркологии была разрушена, однако все равно оставалось слишком много туннелей и пещер, слишком много людей и слишком мало времени. Теперь шепот не прекращался.

У Бланио усиливалось предчувствие надвигающейся гибели. Паника подтачивала радость от исполнения долга. Дело шло слишком медленно. Предателей было слишком много. Он не понимал, как они смогли так быстро проникнуть в убежище. Впрочем, враг показал свои способности, опустошив Калт.

Бланио вершил, вершил и вершил суд, но нашенствования все не сталкили.

Спустя двенадцать долгих часов он перестал понимать, какие пещеры уже очищены, а какие еще нет. Шепот становился слишком настойчивым, а видения /ближе и ближе, когтистая хватка ночи, отшвыривает прочь

презрады и молитвы, ужасная сила
неотвратимости, ночной охотник рвет
тела, души и миры/ участвовали.
Меллисен приходилось почти постоянно
его поддерживать. Ноги толком не
слушались. Каждому шагу так мешали
/разрез, текущая кровь, громадный
нечеловеческий разум, кольца змеи,
душителъ света и надежды/
пронзительные образы/добыча схвачена на
бескрайней равнине, вечный край костей и
дикой смерти, безумие, обретшее плоть и
мощь, пожирает жизнь, давит мясистый
череп/ что нарушалась координация, как
будто тело не могло вспомнить, что
делало мгновение назад. Былое ликование
покидало его. Бланишо пытался сдерживать
волну и начинал тонуть в ней.

В сопровождении толпы
численностью почти в сто человек он и
Меллисен двигались по разрушенной
пещере. Бланишо задал, не проходили ли
они здесь уже. Он не знал этого наверняка.

Однако вокруг шли люди, и теперь
заговорщики из всех сил будут стараться
сдержаться перед облавой. Изможденный

Бланишо посмотрел на холм из обломков.

--- Я не могу идти дальше, --- сказал он

Меллисен.

--- Надо отдохнуть, --- согласилась та.

--- Нет, --- покачал он головой. --- Нет

времени. Нам нужно отыскать всех. Я буду

ждать здесь, --- Бланишо указал на холм.

--- Теперь нас достаточно, --- он

вздрогнул, когда /голог/ голову пронзила

волна злобы. Удар состоял из образов и

криков, потребностей и слов. Это было

пророчество /человечество труп, он

болтается, он разорван, ребра обнажены и

переломаны крушащими зубами стеха,

труп никогда не оставляет в покое, он

вечно пляшет у костического занавеса,

мертвый, но в агонии, боли всегда мало,

резни всегда мало, чтобы утолить жажду

ухмыляющейся ярости/ и приказ. Натиска

«Нет», --- подумал Бланишо, сопротивляясь

изо всех сил, но он слабо понимал, что

отвергает. Напор усиливался, и

нашептывания стали неотличимы от

образов. При звуке слов на темном наречии

единственное, что он мог сделать ---

сдержать крик.

Он вытер кровь /капля, поток, шквал,
наводнение заливает галактику, потом
грядет для всех/, текущую из носа, набрал
воздуха и снова заговорил с Меллисен.

--- Разделитесь на группы, --- произнес
он. --- Накройте большую территорию.

--- Да, --- отозвалась Меллисен. --- Мы
приведем всех к вам, --- она была
обеспокоена. --- С вами все будет в порядке?

Бланиш кивнул.

--- Нужно сесть, --- пробормотал он и
пополз по щебню. Острые рокитовые
границы раздирали плоть на руках и ногах.
Он добрался до вершины горы и рухнул,
судорожно хватая воздух. Шепот /слышай
слышай слышишиШШ/ вонзал
когти в уши, наполняя голову /зачем
надеяться, зачем тянуться к скорбной и
безжизненной лжи, когда есть ложь более
великая, величественная, великолепный
абсолют отрицания, столь грандиозная
ложь, что она попирает реальность с ее
подобающей истиной/ ядом. Это был
бесконечный круговорот ненависти и хаоса.
Обещания, проповеди, искушение кровью
/отвернись от самоотрицающего бога,

сокруши его, разбей на куски, вкуси силу
ликующего предательства/ напознали
друг на друга. Предложения дробились
/отдай мне свой разум свою волю свою
личность свою душу дай мне пировать дай
пустое мученичество никогда прыжки на
рассвете всегда рева черных как ночь
клинков/ и поглощали друг друга. Фразы
полностью теряли смысл /научья хватка
рвущейся плоти в лопающуюся глаз,
расссссеки невинного зубом смерти/
оставалась лишь угроза. Однако были /глаз
тьмы челюсть тьмы коготь тьмы злоба
тьмы зов тьмы мысль тьмы песнь тьмы
бог тьмы бог тьмы бог тьмы БОГ
Тьмы/ и рефрены.

Это был /скоро скоро скоро, о,
кровавая круговерть/ хохот неизбежности.
Улыбка /слотать хребет/ клинка,
распиливающего кость. Почему после всех
славных дневных трудов нащепывания не
стихали? Быть может, это подавало
голос отчаявшееся зло, огрызающееся перед
смертью. Так и должно было быть. Это
доказывало его растущую силу.

Как и то, что произошло далее.

Меллисен и ее разрастающаяся армия разошлись по аркологии. Они окружили жителей. Перед взором Блانشо началось бесконечное шествие. Это была другая сила. Власть. Он сидел, прислонившись к скальной плите, которая выступала на вершине гряды щебня, словно распростерся на сломанном троне.

Блانشо не получал удовольствия от этой силы. Преодолевая нарастающую боль, он отчасти утешал себя тем, что не был тираном, а лишь делал то, что правильно и необходимо. Даже это почти ускользало от него. Перед ним проходили виновные, и нащептывания перерастали в истерическое бормотание. Блانشо ужасало, сколько людей затешано в заговоре.

Однако его чувства не имели значения. Важен был лишь долг отмечать предателей.

Блانشо приложил все свои силы и способность связно мыслить к выполнению задачи. Голоса и видения нанесли ответный удар, ослепив его /стены

реальности рүшатся, лавина смысла и света, разбитых на давящие куски, уничтожает все, что от них зависело, а следом движется и шипит тьма, пляска стертоносных снов/ болью и чудовищными образами. Бланиш почти ничего не видел, кроме движущихся очертаний и слышал лишь стүтный протестүющий гүл и крики, когда үказывал, үказывал и үказывал. Рүкү парализовало от боли и ярости, от казней помещение заполнялось липким страгом крови и разорванных тел.

Он находился посреди водоворота ненависти, и на миг с жүтковатой иронией осознал, что слүжба — хотя казалось, это было целүю вечность назад — диспетчера подготовила его к этому испытанию. Наүчила его справляться с огромными массивами информации и мгновенно принимать решения. Теперь же вместо того, чтобы үказывать пүть кораблям в пүстоте, он направлял дүши, отдавая виновных на мрачную милость невинных.

Наглоглненные войной люди, запертые в аркологии, дали волю страстям и

страхат, обратив их на предателей в своих рядах. Они вершили возмездие кулаками, катнями и клинками, и с каждым указанием пальца Бланишо их лихорадочная вера в него росла.

Не будь он проводником божественной воли, Джассик отпрянул бы в ужасе от творившихся вокруг зверств. Возможно незримый враг, терзавший его глаза и уши, был благословением, не позволявшим забыть худшее из того, что творилось по его приказу.

Однако сколько бы преступников не обнаруживалось, сколько бы их не убивали, шепот /все еще шепот, но шепот-вой, шепот-визг, шепот-рев и скользящее приближение какого-то громадного зверя/ усиливался.

Наконец, когда из глаз, ушей и рта потекла кровь, Бланишо закричал:

--- Хватим!

Из милосердия или же, быть может, от изнеможения он на мгновение провалился в забытие. Когда он открыл глаза, в пещере не было никого, кроме Меллисен. Она сидела у подножия груды

обломков, глядя на него. Шепот утонул.
Бланишо снова увидел реальный мир. Вздох
облегчения сорвался на всхлипывание.

Меллисен встала.

--- С вами все в порядке?

Ему пришлось сглотнуть несколько
раз, прежде чем пересохшее обожранное
горло позволило заговорить.

--- Думаю, да, --- он оглядел кровь и
разбросанные куски тел, покрывавшие
щебенку.

Многие из мертвецов погибли от
бомб Верлуна, но было нетрудно
заметить, что их количество
неисчислимо возросло.

--- Сколько? --- спросил Бланишо.

Меллисен покачала головой.

--- Слишком много. Я перестала
считать. Не хочу знать.

--- Где остальные?

--- На раскопе.

--- Все?

--- Да. Верных людей осталось мало.

Быть может, несколько дюжин, --- ее голос
ослаб до шепота, как будто стыдясь
масштабов катастрофы. Лейтенант

посмотрела на свои окровавленные руки, а затем снова на него.

— Ну? — спросила она. — Теперь все кончено? Мы взяли всех?

Благословенная тишина. Его сердце наполнилось надеждой.

— Думаю, — начал было он, а затем /рассечь борточущий лик человечества/ толчание прервалось. Перешептывания обрушились на него, словно хищники, пикирующие на добычу. Они выжигали, пока он сочтет их исчезнувшими, чтобы вонзить свои когти поглубже. Бесстыдство /жизнь есть тщетное существование рядом с величием Хаоса, ослепите своего божка, повергните его, он сыграет вашим бытием ради собственных целей, вы ничто, он ничто, все ничто/ ударило его своими огромными крыльями, и оглушенная душа увлекла тело вниз.

Как это возможно? Как могут змеиные голоса быть столь громкими? Тут не было никого, кроме него и Меллисен. Не было ни...

Он замер. Озарение было столь мощным, что пересилило оскорбления.

которые растекались в его сознании, как масло по воде.

--- Ты, --- судорожно выдохнул он, двинувшись к ней вниз по склону.

--- Что? --- переспросила Меллисен. Ее слова прозвучали столь невинно и необескуражено, что прибавили острую, как поворот ножа, насмешку к чудовищности совершенного ею предательства.

--- Это была ты, --- в ужасе выговорил Бланишо. Неужто он все время шел у нее на поводу? Неужто был столь близорук, что по недомыслию принес сотни жертв ее темным богам? Нет. Конечно, нет. Вина приговоренных им людей была неоспорима. Он должен был в это верить.

Возможно, она избавлялась от соперников. Да. Придерживаясь этой логики, он бы смог уснуть, вынаги на его долю когда-нибудь такая роскошь. Бланишо с ненавистью уставился на Меллисен.

--- Предательница, --- прошипел он. --- Еретичка, --- а затем подумал о том, как она, несомненно, терзала его разум и о тех силах, которыми она должна была обладать, и зарычал. --- Ведьма!

— Агент Бланиш! — предостерегла
Меллисен. — Стойте!

Он прыгнул, покрывая оставшееся расстояние. У нее была боевая выучка. У него нет. В этот момент она смогла бы быстро с ним справиться, но было видно, что лейтенант сдерживается. Вместо того чтобы подстрелить его на лету, она только закричала, призывая остановиться.

Он рухнул вместе с ней. Они покатались по болоту смерти. Бланиш протянул руки к горлу Меллисен, но та оттолкнула его ногой, отшатнулась назад и встала, вытащив лазерный пистолет.

На сей раз, когда он бросился вперед, она выстрелила. Этим все и должно было закончиться — опытный солдат убивает диспетчера, который не дрался ни единого дня в жизни.

Но этого не произошло. Выстрел Меллисен попал в цель. Бланиш увидел вспышку пистолета, направленного ему прямо в грудь. Казалось, из восприятия выпала доля секунды /спасти это тело/, словно он на миг задремал. Это был крошечный вариант мой

неопределенности, которая окружала его спасение при гибели звездного форта Веригий Максим. Единственное, что было известно Бланишо — в него не попали. Он все еще летел к Меллисен, а на лице лейтенанта застыло ошеломленное выражение.

А затем Бланишо выбил у нее из руки пистолет и схватил за шею.

Меллисен хлопнула его по ушам. Из рта хлынула кровь, и Бланишо понял, что должен был бы упасть. Он не упал. Он был силен. Он являлся главною правосудия, и отвести его в сторону было невозможно.

Его отвлекло движение на разбитом потолке. Он посмотрел вверх. Из-за обломков на него глядело лицо. Потребовалось мгновение, чтобы осознать, что это Крадж. У Бланишо отвисла челюсть от изумления, а хватка ослабла, дав Меллисен возможность ударить его локтями по предплечьям, разорвав захват. Она откатилась в сторону, и Крадж упал из трещины в потолке пещеры, побежав по обломкам скорее как животное, нежели как человек.

Бланишо повернулся навстречу нападающему Краджу, но Меллисена сделала ему подсечку. Он упал назад, и лейтенант прижала его к земле. Крадж поднял кусок камня и обрушил ему на голову.

Нет. Душа Бланишо отчаянно закричала из-за неисполненного долга. Повинуясь инстинкту, Бланишо целиком отдался источнику силы, которая завела его столь далеко. Бұлыжник Краджа двигался по дуге целую вечность, и этой пылкой времени хватило, чтобы внутри Бланишо что-то зашевелилось. Оно извивалось, словно угорь, но сидело в теле плотно, как рука /лапа коготь железо/ в перчатке.

А потом раздался /аххххх, здравствуй и прощай/ настешливый шепот.

И Бланишо закричал.

Он кричал не вслух. У него больше не было такой привилегии. Тело более ему не принадлежало. Кричал его разум. Он визжал, оказавшись в тюрьме, зная, что из нее нет спасения. Был, сокрушенный не бұлыжником Краджа, а жестким катнем

истины. Теперь Бланишо видел правду о
шешепоме.

Всегда с тобой. Всегда в биении
твоего пульса.

Слова были сказаны на человеческом
языке, однако были позаимствованы. Голос
состоял из гниющих снов.

Тварь внутри тела Бланишо
выбросила вперед руку и разгребла камень
Краджа в пыль. Широко растопыренными
пальцами она обхватила лицо Краджа. У
сдавила.

У Краджа был плотно сжат рот, его
зубы греблись друг о друга, и он издавал
все нарастающий вопль чистейшей тужи.
пока рука не раздавила переднюю часть
черепя в кровавую кашу и костяные
обломки.

Меллисен отпрыгнула назад, но ей не
хватило скорости. Такого не смог бы ни
один человек. Удар ноги переломил ей
хребет и отшвырнул прочь. Она осталась
лежать среди мусора, словно выброшенная
тряпичная кукла.

А затем Бланишо остался по-
настоящему один. Он мог видеть глазами,

ранее принадлежавшими ему, но теперь на краю зрения корчилась тьма, колыхающаяся чернота ночной порчи. Его тело оглядело бойню и улыбнулось.

Работать вместе. Убивать вместе. Как раньше.

К отчаянию Бланио добавился наметок на вопрос.

Вспомни, пляшущая плоть, вспомни, как помог этому страннику. Вспомни слова, которыми ты обменивались.

Они не говорили. Тварь лгала. Он мог быть уверен в этом последнем обрывке своей гордости.

Слова в пустоте, слова от имени к имени, пляшущая плоть хорошо слушает в бесполезной надежде. На Веригии Максим.

На Бланио обрушилась гроза. Его подхватило чудовищной волной, воспоминания поднимались на поверхность, и картина обретала очертания. Волна несла его к горе. Словам твари невозможно было сопротивляться — когда она зашептала, он отчетливо все понял, а затем увидел, что правда может быть не менее ужасной, чем ложь.

Вокруг мысленных созвучий скользнул
стешок. Тварь повторила слова, которые
уже произносила раньше. Слова, ставшие
началом ее нападения на Бланио и
заразившие его.

— Веригий Максим, мы устранили
сбой вокса. Пожалуйста, ответьте.

Бланио ответил. Он заговорил с
тем, что считал экипажем, и тем самым
позволил твари завершить кошмарное
путешествие.

Нет. Не с экипажем, а с этим
странником. С тьмой, которую они
поглотили, и которая поглотила их. Мы
говорили. Я перетестился. Мне все равно,
как это делать — на кораблях или по
путям, созданным речью. Мы говорили. Ты
впустил меня. На Калт. В себя. Мы зашли
далеко. Мы славно странствовали.

Тварь подняла лазнистоле
Меллисен. Теперь закончить начатое.
Скоро придут гости. Новые слова. Новое
путешествие.

Она направилась к раскопу.

Бланио сопротивлялся. Он боролся за

свое тело, а когда его постигла неудача, стал бороться за то, чтобы умереть. Странник не дал ему сделать ни того, ни другого. Он заставил Бланио наблюдать за последней бойней, а затем три дня неотрывно глядеть на тела, пока через завал не пробилась спасательная группа из другой аркологии.

Появилось отделение солдат в серой запыленной форме. Их сопровождал один офицер-легионер из Ультрадесанта.

Люди усталились на единственного выжившего. Тот уже выбросил пистолет и сидел, сгорбившись в тщательно изображенной позе отчаяния. Гигантский воин едва глянул на тварь-Бланио, осматривая тела и двигаясь дальше в поисках угрозы.

Взгляд твари следовал за костодесантником.

Поговори со мной.

Перед ней присел сержант пехоты.

--- Есть еще выжившие? --- спросил он.

Тварь не ответила человеку, однако ее рот открылся.

--- «Кампанила»...

Легионер замер от омерзительного хриплого звука. Устрашающий боевой шлем повернулся.

«Не говори с ним! --- взвыло сознание Бланишо. --- Убей его! Прошу! Прошу, убей его! Убей сейчас!»

Кашель. Язык облизнул губы, и они искривились в улыбке.

--- Я впустил «Кампанилу».

Легионер одним шагом оказался возле странника. Он поднял существо за шею. У Бланишо вспыхнула надежда, что массивная перчатка сожмется, выдавив из кошмарной твари не-жизнь. Но вместо этого костический десантник яростно заговорил через решетку аугмиттера.

--- Что ты сказал?

К Бланишо приближалась окончательная тьма, его затягивало в бесконечную бездну зубов и отчаяния. Уполей. Уполей, которые возвращались с полной и подлинной силой. Вечных уполей экипажа «Кампанилы».

Его тело продолжало ухмыляться.

--- Приятно наконец поговорить с вами, мой повелитель, --- обратилось оно к

воину Легиона.

Так приятно.

* * *

Гибель надежды. Вот чего пытался добиться XVII Легион, и они были близки — очень близки. Граждане Калта были невинными очевидцами войны, которую не могли даже надеяться понять, и все же пострадали сильнее всех. Однако надежда не умерла. Те из нас, кто выжил, перегруппировались и продолжили сражаться в тенистых пещерах под разоренной поверхностью. Каждому из нас было известно, что пока мы держимся, XVII Легиону не достичь основной цели — не сломить жителей Калта. До этого далеко.

Надежда тянулась к жизни в пещерах, словно к маяку, а маяк всегда светит ярче всего в самые темные бездны ночи. Это представляется уместной аналогией, если учесть, чему еще было суждено произойти.

Темнее тьмы

Роб Сандерс

Я встряхиваю болтерный заряд в сжатой бронированной перчатке. Он гремит, словно игральная кость. Как и игральная кость, он ждет результата. Результата, который неизвестен в замкнутом пространстве перчатки, реализации, которую он может найти лишь в патроннике висящего на поясе пустого и враждебного пистолета. Я чувствую неотвратимость снаряда, он кажется горячим, как будто может прожечь кератитовую ладонь. Отягощенный грядущей гибелью, которую он несет, снаряд — терпеливое воплощение формы и функциональности. Он жаждет совершенства. Как и сами Ультрадесантники, он сотворен ради единственной цели — забрать жизнь.

Кто я такой, чтобы противиться неизбежному? Кто я такой?

Мое имя, насколько оно вообще имеет

значение — Гилас Пелион. Братья зовут
меня «Пелион Младший», поскольку это
имя носили и другие, совершившие гораздо
больше, чтобы заслужить место в
истории Легиона. Я достиг многого,
однако каждый день стою плечом к плечу с
чемпионами и героями, ведь сыны
Жиллимана благословлены многими
доблестями и победоносными традициями.
Мой пистолет обречен на смерть
множество ксеномерзостей, клинок моего
меча — судный день для всех, кто
отвергает милосердное предложение
Императора об объединении. За свой
матерый вклад в дело воссоздания
Империи я заслужил звание гонорария
ордена.

Магистр моего ордена погиб,
защищая благородный Калт. Тех, кто
остался от 82-й роты, возглавляет
сержант Аркадас, а я иду впереди с
клинком в руках, прорубая дорогу сквозь
новых врагов. Брат Молосс несет
изогнутый ротный штандарт. В тесноте
скальных лабиринтов аркологий Калта не
хватает места для грозного знамени.

Однако это мало что значит для Молосса. Штандарт — его часть, и похоже, что самая славная часть. Как и многие из тех, кто несет такое бремя, сержант скорее расстанется с рукой, держащей знамя, чем с самим знаменем.

Атаковав в лоб, мы заняли аркологию, известную как Танторем. Нашим убежищем от солнечной бури стала аркология Магнези — прохладный мрачный скального анклава стал подземной утробой, откуда упорные жители Калта могли начать все сначала. Ослепшие от солнца, покрытые рубцами, опаленные и отмеченные, они отказались дать утратить благословенной памяти о родном мире.

Калт выжил. Этот крошечный уголок Ультратара устоял.

Со временем пещеры с колоннами стали центрами тяжелой промышленности и пищевого производства. Извилистые катакомбы превратились в магистрали, вдоль которых тянулись импровизированные жилые блоки и гроты.

Арки стали блокнотами, а
сводчатые пещеры дали приют
почтительным толпам, собравшимся
поблагодарить Легионес Астармес — сынов
Жиллимана, оставшихся
Ультрагесантников. Неважно, что нас
тоже бросили на пораженном недугом
Калте. Казалось, что одно только наше
присутствие дает выжившим надежду и
цель. Им передалась наша решимость
сражаться за то, что осталось от
планеты.

Как нам и предназначено от
рождения, мы продолжали сражаться.
Битва за Калт ушла вглубь,
превратившись в подземную войну. Враг
оставался тем же самым: наши кузены из
Несущих Слово, которые несли с собой
непрощеную ненависть и позор крушения
братских уз. Они стали темными
светочами, к которым стекалось
множество обладавших слабым разумом, и
объединились с демонами. Возможно, это
новое товарищество должно было
заменить старое? Ставки не изменились,
и уже не могли стать еще выше. Мы

сражались за тела и души нашей маленькой империи. Мы были щитом, который расшибались враги, отчаянно жаждавшие крови невинных.

Защищая эту кровь, мы перенесли бой в глубины — в аркологии и лежащую за ними тьму. Мы высекли в спасительной скале нашего убежища наблюдательные посты, тактические опорные пункты и Аркрополь — форт Ультрагесанта, господствующий в куполе припарис системы Магнези.

Инстинкт завоевания — неодолимая генетическая черта — вел нас сквозь катни, дыт и развалины. Как всегда, мой меч был впереди, поскольку боеприпасы к оружию дальнего боя теперь стали редкити и драгоценными. Он привел меня и моих братьев в аркологии Түркион и Эдант. Битвы были кровавыми, а туннели тесными, и меч с боевым щитом чередовались как день и ночь. Мы пробивали себе путь к грязной победе по перекрытым врагами ответвлениям и системам, словно синий поток.

В Түркионе нас встретила Дүса

Дактиль, Веровладычица Эдиктэ Гүүл. Ее
психопаты-культисты поклонялись своим
хозяевам -- Несущим Слово. Для смертных
это была сомнительная, но необходимая
честь, которая обеспечивала место
учеников в каком-то или же
придуманном посмертном аду.

Эгант оказался кошмаром, гнездом
иномирных тварей, которые были
призваны выполнять волю наших бывших
сородичей. Нехватку самоубийственного
фанатизма культистов они более чем
компенсировали убийственной
свирепостью. Существа всех форм и
размеров, чудовища с клыками, огнем,
рогами и чешуей. Создания, сотворенные
капризом раба. Некоторые были
стертоносными воплощениями
инфернального совершенства, другие же --
бесформенными порождениями больного
ума. Воплощенное безумие, навязанное
моим глазам. Я погружал меч в гнусных
тварей, словно в ножны, он вонзался в
кошмарные тела и выскальзывал наружу.
Их было нелегко убить, и они истощали
наши драгоценные силы, прежде чем с

визгом возвращались в небытие.

Прорубаясь сквозь толпы и чужовищ, мы наконец вновь встретились с нашими телными братьями. Их керамитовая броня выглядела пародией, но красному цвету Легиона змеились манящие символы запретного знания. Из доспехов торчали шипы, стержни и острия, которые образовывали во мраке зубчатые очертания. Хуже всего была острая ненависть в глазах, лица превратились в ухмыляющиеся маски безумия, воплощающего кровавые фантазии в реальность.

Мы прикончили всех, кроме одного. Один и тот же скрылся от нас в обеих системах.

Носитель слова. Мастер обмана. Воплощение лжи по имени Унгол Шакс.

Я сходил с Унголом Шаксом на поле боя в Комеше, но его глотка избежала острия моего меча. Я заставил бы ублюдка утолкнуться, если бы перед моим оружием не вздымалось и не опадало пенящееся море крови и безумия. Культисты. Я буквально выплевываю это

слово.

Один за другим агенты ножа капеллана заслоняли его непрерывной безумной вереницей. Каждого встречало благословенное избавление моим клинком или же сокрушительный грохот пистолета. Каждая смерть на несколько секунд отдаляла меня от убийства врага. Когда ядовитая звезда Веригуан стерла с поверхности умирающего мира саму память о Калте, Унгол Шакс и его злобные приспешники последовали за нами в глубины. Всплывающие волны заполнили аркологии Туркион и Эдант. Они в равной мере множились и приносили жертвы, вызывая из теней чудовищ. У нас ушел почти год, чтобы зачистить системы и вновь погрузить мир в тишину.

Тетрарх предостерегал от дальнейшего продвижения. Он сражался бок о бок с легендарным Вентаном на поверхности и был одним из лучших клинков среди нас, однако к тому же обладал талантом арифматы и проведения расчетов. Он оценивал людей с

одного взгляда и понимал, чего человек стоит с клинком, болтером или ружьем, проведя в его обществе считанные мгновения. Если не считать самого примарха, он был лучшим тактиком в нескольких секторах — возможно, даже во всем Ультратаре — и, несмотря на ограниченность ресурсов под поверхностью Калта, создал нерушимый анклав порядка, здравого смысла и борьбы за выживание среди хаоса войны и нужды.

Кроме того, ему было не чуждо и сострадание. Под полюбившимися сводами аркологии Магнези принимали тех, кто бежал из павших аркологий, кто прошел испытание пещерати, где бродили демоны, и кто держался маленькими группами, пока мог. Не только бойцов и тех, из кого можно было воспитать бойцов, но и грязный ручеек невинных. К нашим уменьшающимся запасам допускали всех — молодых, старых, слабых и раненых.

Впрочем, мы не могли бы удержать более обширную территорию. Так утверждали стратегические расчеты тетрарха. Лучшее крепко удерживать три

системы аркологий, не пуская туда врагов, чем не сумеет удержать пять или больше и дать Несущим Слово с их рабами веры хлынуть внутрь и вновь заполнить систему смертью и разрушением. Скал и бдительности хватало, чтобы охранять очищенную нами территорию от культистов и братьев-предателей, однако с демоническими тварями дело обстояло иначе. Возникла необходимость часто патрулировать наши собственные аркологии. Крики проснувшихся возвещали о съеденных конечностях и безотнечных крошечных чудовищ в тенях. Вспышки насилия и массовых убийств среди выживших списывались на нашептывания темных сущностей. В переполненных аркологиях начали распространяться странные инфекции, причиной которых в конечном итоге оказались запасы воды, загрязненные нечистотами демонов.

Предполагалось, что источником этих гнусностей является Танторем, соседняя аркологическая система, захваченная Несущими Слово и их мерзкими союзниками. В ходе

первоначального укрепления аркологии
Магнези тетрарх распорядился обрушить
соединительные туннели магнитной
дороги, изолировав жилое ответвление из
пещер и гротов. То, что ранее
представлялось тактически
неблагоразумным решением, стало
стратегической необходимостью.
Санторем наглежало очистить во имя
безопасности Магнези. Точно так же
нельзя было терпеть Абидокса Узверга и
его империю зеленокожих у границ
Ультратара, когда империя была молода.

Был отдан приказ. Я возглавил
вторжение в аркологию Санторем. Меня
сопровождали сержант Аркадас и брат
Молосс, а штандарт 82-й роты реял высоко
над шлемами тридцати боевых братьев,
составлявших экспедиционный отряд.

Наши клинки рассекали толпы
культистов. Наши потрепанные доспехи
приняли на себя всю их ненависть. Позади
нас бойцы объединенного гарнизона
Магнези --- бывшие солдаты Имперской
Армии и члены различных разгромленных
контингентов оборонительных сил ---

экономия энергии, озаряли трек потоками
лазерных лучей из своих ружей.

И вновь я ощутил присутствие
Унгола Шакса. В прогнившей обороне
аркологии было нечто знакомое, как будто
отголосок кошмара Эданта и Туркиона.
Многие в объединенной армии погибли,
потери были и среди Ультрагесантников.
За победу пришлось заплатить --- как и
всегда --- но в конечном итоге аркология
Санторел оказалась в наших руках. Теперь
пещерный комплекс покрыт ковром из
убитых культистов, ритуально
призванных исчажий и мертвецов в ярко-
красных доспехах --- Несущих Слово,
навлекших на себя праведный гнев Легиона
Жиллимана.

В самой дальней части системы
Санторела, на краю поддерживаемых
колоннами пещер этой адской дыры я
понимаю, что Унгол Шакс вновь
ускользнул от меня. Вместо него нахожу
немногих оставшихся, стоящих на пути к
абсолютной победе.

Я встряхиваю болтерный заряд в

сжатой бронированной перчатке. Он
гретит, словно игральная кость. Как и
игральная кость, он ждет результата.
Результата, который неизвестен в
замкнутом пространстве перчатки.

Я поднимаю глаза. На мелководье
подземного озера стоит боевой брат,
облаченный в красное. Его доспех забрызган
кровью невинных, хотя этого и не скажешь
наверняка. Кровь впиталась в краску так
же, как некая непредсказуемая тьма
напитала его душу. Он сжимает в руке
болтер, и тот вхолостую лязгает с
каждым подергиванием керамитового
пальца предателя. Пустой звук поражения.

Легионер стоит на мелководье с
бесстрашным и упрямым выражением на
землистом лице. Виден его стыд — не за
содеянное, а скорее за то, чего не удалось
совершить. В бормотании потрескавшихся
губ горькая досада. Он окружен. Пятеро
верующих, чье оружие также опустошено,
прикасаются к закованному в броню
Несущему Слово, хватаются за него, словно
это почитаемая статуя или защитный
тотем. Они шепчут, кровожадно

погбадривая своего владыкү и выражая свою предательскую веру. Они все еще полагают, что полубоги и чудовища спасут их.

Среди них предводитель культистов Сейг Фегл, Когносций Красного Мүниона. Я уже встречал его раньше во траке глубин. Он прибыл на Калт во главе десяти тысяч глупцов, купившихся на ложь и дешевые трюки существ извне.

Несущий Слово оборачивается и смотрит в глубины озера. Он наблюдает, как темная вода плещется о скальные стены, а затем поворачивается к остальным Ультрадесантникам, которые стоят вдоль берега.

Емү не спастись. Он знает это, и болтер падает в воду. Культисты тут же реагируют на это, как на нежданное горе. Они шипят и корчатся вокруг бесстрастной фигуры в доспехах. Плачут. Боятся.

--- Тебе слово, күзен, --- окликаю я его через водное пространство.

Несущий Слово вскидывает голову. Жеролиты тянут его за керамитовые

конечности, но безрезультатно. Он еще раз долго глядит на озеро. Моя свободная рука произвольно ложится на рукоять меча. Я хочу быть наготове, если враг попытается убежать.

Впрочем, он этого не делает. Страхнув своих последователей, словно вторую кожу, Несущий Слово шагает ко мне по мелководью. Я слышу поскрипывание доспехов братьев. Брат Форнакс -- ранее входивший в библиариум -- и потому неоцененный своим знанием о нематериальных союзниках Несущих Слово -- подходит ко мне. Молосс держит руку на эфесе цепного меча. Почти опустошенный болтер сержанта Аркадаса поднимается вровень с оптикой шлема.

-- Нелион...

-- Я займусь этим, сержант, -- произношу я.

В глазах врага коварство и ярость, но наконец мы встречается взглядами. Однако Аркадас не собирается уступать.

-- Достаточно, -- говорит он Несущему Слово.

Легионер замедляется, но

продолжает приближаться. Его лицо искажено едва сдерживаемой злобой.

— Это ты зашел слишком далеко, Ультрагесантник.

Аркадас делает шаг вперед, направляя дуло болтера в лицо Несущему Слово. Я мягко толкаю оружие вниз двумя пальцами перчатки.

— Похоже, нашему брату есть, что сказать, — заявляю я, вновь встречая отвратительный взгляд Несущего Слово. — Давайте его послушаем.

— Я могу сказать тебе только одно, сын Ультрамара, — шипит в ответ отрекшийся костодесантник.

Он был быстр. Очень быстр. Между нами внезапно возник нож — какой-то кристаллический или жертвенный клинок, которые теперь были у многих из них. Возможно, оружие было пристегнуто магнитом к поясу сзади, или же его передал один из прикоснувшихся к Несущему Слово последователей. Как бы то ни было, он оказался там — запятнанный кровью и отточенный на тысячах душ, которые забрал на службе некому дьявольскому соглашению.

Не сомневаюсь, что нож забрал бы и мою душу — он был быстр, однако я оказался еще быстрее.

Мой меч покинул ножны, как только лицо Несущего Слово превратилось в кровожадную маску. Легкий клинок бьет вниз, отсекая руку легионера возле запястья. Ошеломленный отступник инстинктивно протягивает к фонтанирующему обрубку грубую руку. Еще до того как перчатка с ножом успеваает лягнуть о каменный пол, короткий клинок стремительно описывает петлю и точно так же сносит вторую. Проходит несколько мгновений. Мой клинок неподвижен — однако наготове — и поет от беспощадно исполненного выпада. Несущий Слово отшатывается назад на мелководье, уставившись на покрытые броней культи. Кровь хлещет в подземное озеро.

Его аcolиты не нуждаются в приказе. Они бросаются на меня.

Сейд Фегл, Когносций Красного Мунциона, внезапно отлетает назад и исчезает в кровавом взрыве одинокого

болтерного заряда, выпущенного из оружия
сержанта Аркадаса.

--- Прекратить! --- приказываю я.
Подобные человеческие отбросы не
достойны наших драгоценных боеприпасов.
--- Только клинки.

Культисты нападают на меня и
утирают. Их грязные тела разрываются
от выпадов и взмахов, которые столь же
плавны и экономны, сколь и жестоки.
Несущий Слово с плеском опускается на
колени и глядит на меня. Вокруг него
падают тела и их фрагменты.

--- Слишком далеко... --- произношу я. ---
Что ж, кузен, ты продолжаешь идти,
несмотря на безуспешную попытку вашего
заблудшего Легиона уничтожить нас. Это
больше, чем я могу тебе сказать. А теперь
ты выслушаешь меня. Где твой господин
Унгол Шакс?

Легионер нагнетливо ухмыляется.

--- Ты и впрямь думаешь,
Ультрадесантник, что мои последние
словами в этой вселенной станут ответы
на твои вопросы?

--- Так и будет, если ты хочешь

достойной смерти. Смерти, которая подобает космическому десантнику, а не труну из прогнившего мяса, который сбился с пути ради ложного просвещения.

--- Мальчишка, иди приникни к отцовской груди, --- шепчет Несущий Слово. --- В великих делах галактики ты всего лишь гитя, а твой прародитель вскармливает катастрофу.

--- Где Унгол Шакс, Несущий Слово? --- повторяю я, силясь удержать себя в руках.

--- Те, кто страшится великих истин нашего времени, недолго задержатся во Вселенной, --- не сдается отступник.

--- Дольше, чем ты, кузен, --- произношу я и киваю Молоссу, который отстегивает свой ценной меч и активирует оружие, издающее гортанный рев.

--- Отставить, --- гремит позади нас властный голос.

Я оборачиваюсь. Во траке шагает тетрарх собственной персоной. Таврон Никодет --- князь Сараманта, тетрарх Ультратара, чемпион самого Робаута Жиллимана, а ныне скромный повелитель аркологии Магнези.

Впрочем, это обстоятельство не мешает Никогему держаться еще более царственно. Его броня безупречно отполирована. Оружие блестит, демонстрируя ухоженность и смертоносную эффективность. Алый плюмаж шлема, зажатого подмышкой бронированной руки, повторяет цвет перьев и мантии. Плащ струится за тетрархом в сыром мраке пещер, словно кровавая река, и откидывается вбок, приоткрывая инкрустированный драгоценными камнями Крукс Ауреас — эмблему чемпиона.

Несведущий глазу может усмотреть в подобном церемониале излишек тщеславия. Во время войны у слуг и сенешалей должны быть более важные дела, чем лакировка филигранных наплечников тетрарха. Но, как и во всем остальном, Никогем поставил стратегию выше сатомнения.

Как и саму аркологию, души людей требовалось укреплять. Жителям Калта, подвергнувшись истреблению и вернувшись к неприглядному процессу

борьбы за жизнь под землей, необходимо был
символ гордости и упорства. Перед лицом
катастрофы нет более подходящих
символов главенства и величия
Ультратара, чем сами Легионы
Астартес. Никогему нужно было, чтобы
люди ощущали достоинство и значимость,
чтобы чувствовали их в себе, пусть даже
обладая столь малым. Войну еще
необходимо вести, и тетрарх не может
допустить, чтобы пустота в сердцах
людей заполнилась поражением, иначе эта
война будет проиграна еще до начала.

Никогем наделен глазами притарха,
и я чувствую на себе знакомый
укоризненный взгляд Жиллимана.

— Семнадцатый Легион нам больше
не нужны, — произносит тетрарх,
приближаясь в сопровождении двух
почетных стражей. Он отдает шлем и
протягивает руки в блестящих
перчатках. Один Ультрадесантник
кладет в руку мастерски сработанный
болт-пистолет, а другой — магазин с
драгоценными боеприпасами. — Они
вестники собственного забвения. Нам

неинтересны их слова. Единственное, что оправдывает наше внимание -- их гибель, и мы станем ее орудием.

Таврон Никодем подходит к коленопреклоненному Несущему Слово. Отступник намеревается заговорить, но тетрарх всаживает ему болт в череп, прежде чем слова успевают сорваться с потрескавшихся губ. Но пещере расходится эхо выстрела.

-- Я понятно говорю? -- спрашивает он.

-- Да, тетрарх, -- хором отзываются Ультрадесантники.

Никодем кивает.

-- Сержант Аркадас.

-- Да, мой повелитель.

-- Работа 82-й роты здесь завершена, -- произносит тетрарх. -- Пусть твои люди соберут оставшиеся припасы: заряды, флаги и силовые батареи. Если понадобится, собирайте по одному болту. Все, что мы сможем обратить против этих ублюдков в доспехах, когда они вернутся. Остальное бросьте гнить.

-- Да, сэр.

Аркадас,

Молосс

и

Ультрагесантники расходятся.

--- Тетрарх, --- подаю я голос.

--- Говори, --- уверенно и строго
отвечает Никодем. Изорванное зная
Молосса реет в воздухе, пока сержант
обыскивает бронированный труп Несущего
Слово, наблюдая, как между
вышестоящими накаляется обстановка.

--- Разве удержание этой аркологии не
послужит интересам Легиона? ---
спрашиваю я. --- Если мы ее покинем, не
вернется ли враг со временем, не станет
ли он вновь угрожать нашей безопасности?

--- Я прощаю тебе твой дух
покорителя, брат, --- произносит
Никодем, --- поскольку он пылает столь же
ярко, как и у всех в Ультрамаре. Время
возводить империю еще придет, поверь
мне, однако мы не будем строить империй
здесь. Это отбор. Выживание. Для нас
важны не только интересы Легиона.
Первостепенное значение имеют люди.
Мы рождены для службы человечеству, а
не просто чтобы потакать своим
воинским желаниям.

--- Унгол Шакс был здесь, --- парирую
я. --- Пока мы с ним не покончили, он будет
представлять угрозу для людей и их
выживания.

--- Итак, ты будешь защищать
аркологию за аркологией в поисках одного-
единственного врага, попутно создавая
подземную империю во мраке, ---
произносит тетрарх. --- А как быть с
прочими болезнями умов, которые в это
время воспользуются нашей уязвимостью?
Сейчас нас не так много, чтобы удержать
столь обширную территорию.

--- Мы --- Ультрагесантники... ---
начинаю было я.

Никогда прищуривается.

--- Можешь мне об этом не
рассказывать, Пелион. Мы ---
Ультрагесантники, и в состоянии сделать
подобное, но спроси себя, нужно ли нам это.
Тебе следует задаться этим вопросом. К
примеру, я не знаю, чего ты ожидал
добиться, вступая в беседу с врагом.

Его интонация слушает меня.

--- Я получал от пленного
информацию, тетрарх.

--- Нет, Гилас. У этого человека не было никакой информации. Ты бесстыденно израл с ним, словно ожидал, что, угрожая насилием и обещая милосердие палача, можно породить в сердцах таких людей страх. Они отвернулись от мудрости Императора и обрекли себя на проклятие. Они уже переживают свой главный кошмар. Твой единственный долг --- положить конец этой мерзости и сделать это быстро. Ты полагал, будто получаешь от него информацию, пока он все глубже втягивал тебя в свою ложь и невежество. Теперь все слова, что несет Семнадцатый Легион --- это отравы.

--- Тетрарх...

--- Довольно, --- приказывает Никодем. --- Мы не станем играть в их игры в тени. Именно этого от нас ждут Несущие Слово, и они будут нас там ждать. Ты останешься на посту, гонорарий Пелион, и не окажешься втянут в подобные темные...

Внезапный всплеск на дальнем краю подземного озера привлекает внимание всех присутствующих в зале

Ультрагесантников. Кто-то или что-то всплывает на поверхность.

Сержант Аркадас и почетная стража тетрарха молниеносно вскидывают болтеры, а Молосс снова запускает цепной меч. Таврон Никодем взглядывается в темные воды, продолжая сжимать в руке пистолет. Тем не менее первым на мелководье, выставив перед собой короткий меч, ступаю я.

На поверхность вырывается шипастая бронированная фигура. Она давится и булькает в ледяной, насыщенной песком воде, выбираясь из глубин на неровное скалистое дно озера.

Цвет доспеха выдает в ней врага. Несущего Слово.

Я приближаюсь к распростертому телу, и сияние прожекторов моего доспеха падает на покрытую шрамами выбритую голову. Легионер приподнимает подбородок, изрыгая из тупилезких остатки воды, и на свету оказываются заостренные колхидские черты лица.

Я затираю на мелководье, увидев его глаза. Их нет.

Плоть вокруг пустых глазниц
окровавлена и грубо залатана. Либо ему
вырвал глаза кто-то другой, либо он
вырезал их сам. Бесмысленное варварство
и осквернение плоти Императора
вызывают у меня омерзение.

Несущий Слово чувствует над собой
движение и тянется к моему
бронированному сапогу.

--- Друг? --- кашляет он.

Я захожу врагу за спину. Клинок
скользит под подбородок изменника,
прижата к таящему горлу.

--- Враг, --- поправляю я.

Несущему Слово удается улыбнуться.

Я смотрю на Таврона Никогема.

--- Жду указаний, мой повелитель, ---
произношу я. Тетрарх выглядит
недовольным.

--- Сержант, --- говорит он. --- Куда
ведет это озеро?

--- У меня не сложилось впечатления,
что озера куда-то ведут, тетрарх, ---
отвечает Аркадас.

- - - Тетрарх... --- с видным
удовольствием повторяет Несущий Слово.

пока мой меч не вдавливается в плоть
выходца с Колхиды сильнее.

--- Те, кто вот-вот умрет, не
обращаются к князьям, --- произношу я. ---
Придержи язык, не то я заставлю себя его
вырезать.

--- Боюсь, ты просто закончишь
начатое, --- говорит Никогет, глядя на
изуродованное лицо Несущего Слово. --- Что
это за знаки у него на голове?

Я смотрю на шрамы-насечки на
выбритом черепе легионера. Похоже на
решетку или крепостные ворота.

--- Орген Возвышенных Врат, ---
сообщаю я. --- Как и Шакс.

Страдальческая улыбка Несущего
Слово становится шире. Я перевожу взгляд
на Никогета.

--- Для меня будет честью покончить
с этой мерзостью, --- произношу я, повторяя
недавнее его изречение. --- Впрочем, мне
представляется разумным спросить
этого пленного.

--- Пелион... --- предостерегает
тетрарх. Я испытываю терпение героя.

--- Озеро явно куда-то ведет, мой

повелитель, --- говорю я. --- Этого заблудшего брата не породили бы огни лишь темные глубины.

--- Я бы за это не поручился, --- бормочет Никодем.

Я поворачиваюсь к тетрарху, исполняя формальный салют.

--- Унгол Шакс остается угрозой, мой повелитель. Его люди орудуют в этой области. Возможно, здесь и он сам. Несомненно, с точки зрения тактики опасно допускать подобное? Пленник сможет располагать информацией по этому поводу. Я прошу провести допрос, --- торжественно говорит Никодем.

Патрицианские черты вздрагивают от раздражения.

--- Сержант Аркадас, --- окликает тетрарх.

--- Мой повелитель.

--- Пусть твои люди закончат зачистку Танторема.

--- Да, тетрарх.

--- В то же время, --- говорит Никодем, --- очистите помещение и подготовьте его для допроса пленного.

--- Сделаю немедленно, мой повелитель.

--- Нелион, --- произносит тетрарх, отворачиваясь, чтобы удалиться. --- Заткнута пленнику рот, связать и привести ко мне.

--- Сэр?

--- Я лично проведу допрос, --- говорит Никодем. --- Гонорарий Нелион, будь уверен, если я заподозрю какой-либо подвох, то прикажу прикончить пленного, будет у него информация или нет.

Я не знаю, что именно ответить, и только смотрю, как алый плащ струится во прах следом за тетрархом.

--- Благодарю, мой повелитель, --- кричу я вслеп.

Нелион и его братья схватили незваного гостя

В недавнем прошлом помещение явно использовалось для жертвоприношений. Бурные пятна крови сливаются с прочей грязью на стенах, полу и потолке.

То, что сержант Аркадас принял за какой-то каменный стол, на самом деле оказывается покрытым рунами алтарем.

имеющим нечестивое ритуальное
значение.

Слепой Несущий Слово не знает, что
сидит перед подобной мерзостью. Я резко
толкаю его на пустой ящик из-под
боеприпасов. Легионер держится нетвердо,
и причина не только в том, что он ничего
не видит. Я вызвал одну из инженерных
бригад, с помощью которых мы строили и
восстанавливали заграждения в
многочисленных магистральных туннелях
и подземных галереях аркологий. Руки
Несущего Слово крест-накрест прижаты к
нагруднику, а ладони перчаток приварены
к бокам доспеха при помощи плазменных
резаков. Так убожок и сидит — узник
собственной брони.

Болтерный заряд гремит, катаясь
внутри моей перчатки.

Таврон Никогет стоит перед
пленником. Он выглядит в равной мере
великоленно и зловеще. Брат Десенор
стоит на страже у дверей, направив на
заключенного широкое дуло болтера.
Тетрарх кивает. Я срезаю кляп во рту
Несущего Слово острием меча.

Узник разминает челюсть.

--- Умя и звание, --- требовательно спрашивает Никодем.

Несущий Слово поджимает темные губы.

--- Не будет играть в игры, легионер, --- настаивает тетрарх. --- Тебе известно, что я не стану бесчестить плоть --- твою, не мою --- пытками и страданием. Давай поговорим как Легионес Астартес, воители обширной и разделенной галактики. Как враги, если тебе угодно, но враги, которые и ненавидят, и уважают друг друга.

--- Ты красноречив, тетрарх, --- с улыбкой замечает легионер. --- В иной жизни ты мог бы стать Носителем Слова. Уверен, что выбрал верную сторону?

--- Нам от тебя нужны не похвала с одобрением, --- говорю я из-за спины предателя.

--- Умя и звание, --- снова требует тетрарх.

--- Меня зовут Азүл Гор, --- произносит Несущий Слово. --- Орген Возвышенных Брат. А ты?

--- Таврон Никодем с Сараманта.

--- О, как же пали могучие, ---
комментирует Азүл Гор.

--- Могучие направляются туда, где в
них нуждаются, --- парирует Никодем. ---
Сегодня я нужен на Калте. Завтра это
может быть любое другое место в
Ультратаре. Послезавтра --- где угодно в
Империуме Людей. Я буду необходим везде,
где мои враги стремятся осквернить землю
своим присутствием.

--- Мне кажется забавным, что на
самом деле это Магистр Войны послал
тебя на эту обреченную планету.

--- Значит Гор послал меня туда, где я
был нужен более всего, --- произносит
тетрарх. --- Возможно, для него еще не
потеряна надежда.

--- Если отбросить вопросы
галактической политики, --- вмешиваюсь
я, --- надеюсь, ты не станешь возражать,
если я спрошу, где ты прятался со своими
сородичами-злодеями. Мы нанесли вам
визит. Вас не было дома.

--- Я был в глубокой тьме, --- рассеянно
отвечает Азүл Гор.

--- Разве все мы не можем сказать то же самое? --- бормочу я.

--- Мы не можем, Ультрадесантник, --- шипит он. --- Представь, что ты слеп и бродишь по темной как ночь пещере, погребенной глубоко под поверхностью мертвого мира. Мира, купающегося в сиянии звезды, отвернувшейся от света. Можешь вообразить тьму глубже?

Помещение погружается в безмолвие.

--- Что случилось с твоими глазами? --- спрашивает Никодем.

--- Я их вырвал, --- отвечает Азүл Гор. Его откровенность обжигает. --- Вyrвал, чтобы не пришлось глядеть на ваши чопорные лица и слепящий блеск нетронутых доспехов.

--- Ты не ожидал обнаружить нас в Тантореме, --- заявляю я.

--- Ты отправился в затопленную систему пещер без оружия и шлема, --- добавляет тетрарх.

Я киваю.

--- И без глаз. Несущий Слово, я подтверждаю --- ты не ожидал встретить нас в Тантореме. Думаю, ты искал своего

хозяина, Унгола Шакса.

Слепой предатель начинает хохотать. Ужасный стех пропитан злобой и горечью.

--- Унгол Шакс мертв.

--- Ложь, --- бросаю я, обходя вокруг алтаря. --- Другое тебе неведомо. Это твоя суть. Я бы перерезал тебе глотку, если бы из раны полилась славная и честная кровь Легиона, а не обман.

--- Жаль, что не можешь, Ультадесантник, --- ревет в ответ Азүл Гор.

Я делаю вынаг. Клинок рвется вперед, останавливаясь под острым подбородком Несущего Слово.

Никогем вскидывает руки.

--- Нелион!

--- Где Унгол Шакс? --- шиплю я.

--- Умер, --- повторяет Азүл Гор, --- как скоро умру и я. Как и ты, брат Нелион.

--- От твоей руки, полагаю? --- поддразниваю я Несущего Слово.

--- Нет, --- отвечает предатель. --- От твоего слова. Ты шумно дерзишь, но порой действия оказываются громче. Ты

держишь клинок у горла слепого пленника,
а в углу слышен лязг взводимого болтера,
который нацелен на меня. От тебя разит
страхом. Страх. Это он делает вас
слабыми. Мне не нужны клинки и болтеры.
У меня есть слова, и я в силах прикончить
вас одним-единственным из них.

--- И что же это за слово? --- в ярости
спрашиваю я, вдавливая острие меча в
плоть на его горле.

--- Ненетрал...

По таленькому залу разносится эхо
выстрелов.

Все кончено. Азүл Гор мертв. Три
болтерных заряда. Два в грудь, один в
череп. Оружие брата Десенора гылитися в
наступившей тишине.

Я оборачиваюсь к часовому, но
Никодем вскидывает перчатку.

--- Я приказал это сделать, ---
признается тетрарх, --- как я тебе и
говорил. Я виноват. Это была ошибка.

--- Он говорил, --- протестую я.

--- Говорил, --- соглашается Никодем. ---

Он вводил тебя во тьму. Ты видел, как
низко пали Несущие Слово. Видел их

презрения. Это слово, скорее всего, было
каким-то заклинанием, а его смерть от
твоих рук стала бы тайной сделкой с
неким иномирным созданием.

Я неотрывно гляжу на тетрарха.

--- Мы постарается оценивать наших
заблудших сородичей по достоинству, ---
продолжает он. --- Вся эта сцена ---
отсутствие оружия, глаза, выход из
укрытия --- вероятно, была уловкой, чтобы
показаться рядом с офицером
Ультрадесанта. С целью, которая
достойна жертвы. Это моя вина. Я
принимаю ответственность на себя.

Тетрарх направляется к выходу из
зала. Он смотрит на Десенора и кивает в
направлении скрученного трупа Несущего
Слово.

--- Прошу, брат, разберись с этим, ---
произносит он, а затем поворачивается ко
мне. --- Я возвращаюсь к Аркрополю. Пусть
сержант Аркадас закончит зачистку, а
потом уходите из этого проклятого
места. Помогите санерам Армии
уничтожить точку входа.

--- Вы не рассматриваете варианты

захвата аркологии? --- спрашиваю я, но в
тех словах нет энтузиазма.

Тетрарх оставляет их без внимания.

--- Убедись, что ничто не сможет
пройти там, где мы вошли, --- произносит
Никодем. --- Ты за это отвечаешь.

Точка входа --- просто дыра с
неровными краями в стене пещеры.

Мы реквизировали со склада
туннельной бригады сейстические
подрывные заряды. --- Это не армейские
боеприпасы, и они даже близко несравнимы
по мощности и точности с тактической
взрывчаткой Легионес Астартес.
Впрочем, в достаточных количествах --- и
под контролем специалиста --- и
сейстические заряды справятся с задачей.

Сержант Аркадас выводит из
аркологии Танторел последних своих
людей. Сопровождаемые солдатами
Армии, костодесантники сержанта
быстро обыскали систему пещер на
предмет боеприпасов и энергобатарей
Легиона. Все остальное --- пайки, оружие и
броня --- было уничтожено согласно

последовавшим распоряжениям тетрарха из опасения, что оно могло подвергнуться какому-либо заражению. Клинки сломали. Пучки волокон выдрали. У болтеров взорвали казенники или испортили их примитивными заглушками.

Силы Имперской Армии, которые несут запасы собранных боеприпасов и батарей, бредут мимо под взглядом мутного глаза сержанта Брома Трогуна. Трогун — отставник, один из бывших слугителей Императора, назначенный командовать одним из новообразованных подразделений Веридийского Цикатрикса. Это была идея тетрарха: все цикатриции — остатки старых полков обороны, разгромленных и раздробленных в ходе наземной войны. У их камуфляжных хитонов мириады местных расцветок, каждая относится к своему подразделению обороны или церемониальной гвардии. Все солдаты носят противоосколочную конорскую броню — нагрудники, фартуки и щитки. У шлемов с визорами есть защита носа и скл, любимая многими ополченцами Калта. Каждый вооружен

потрепанным щитом, коротким клинком
и висящим на ремне лазерным ружьем-
фүзеей.

На открытых предплечьях и бедрах
ужасающие радиационные ожоги и рубцы
от солнечного излучения. Это ныне
печально известная Отметка Калта,
доказательство желания сражаться на
опаленной солнцем поверхности обреченной
Гродины. Именно эту общую черту Никогел
решил увековечить в их названии
несмотря на то, что только отрад
Гродина собран из бывших солдат 14-го
Восферского, 55-го Нерезулярного полков, а
также 1-го полка Гражданского Резерва
Тарксиса. На Гродине нет шлема, хмурое
выражение обожженной половины лица
подгоняет цикатрицев. Сержант
постукивает по рукам проходящих солдат
офицерским скипетром.

--- Все тут м'лорг, --- хрипло
докладывает Гродин.

--- Благодарю, сержант, --- говорю я. ---
Не будете ли вы так добры сопроводить
моих братьев-легионеров вместе с
припасами обратно к Аркрополю?

Тродин кивает и уходит за своими
мрачными солдатами, оставляя меня с
братьями Десенором и Форнаксом
сторожить пролом.

Также остается и Уоне Догона.

Она пятится назад, разматывая
гемонационный кабель. Мы втроем
следует за ней к выходу горного пласта, за
которым установлен простой нажимной
гемонатор. Оборудование соответствует
только горнопроходческим стандартам,
однако пригодно к использованию, как и
сейсмические заряды, при помощи которых
Догона обрушит точку входа.

--- Мы готовы? --- спрашиваю я.

--- Надо подключить еще два заряда, ---
отвечает она, ощупывая разъем кабеля. ---
Минуту.

Догона оказалась незаменимой. Люди
Тродина обладают мужеством и мрачной
решимостью, но они все сверху. Еще до
столкновения сапер второго класса Догона
входила в ауксилию Первопроходцев
Калта. Экспертные познания саперов,
более известных как «глубинники», о
системах пещер, структурной

целостности и взрывчатке стали мощным оружием на войне, когда та вышла за пределы обычной кампании. Стратегическое обрушение пещер и туннелей, кишевших силами культистов и выродками из Несущих Слово, спасло множество жизней и драгоценных боеприпасов.

Общий боевой счет Догоны может показаться выше, чем у иных боевых братьев на линии фронта. Того, чего они добиваются клинком и болтером, саперы достигают при помощи миллионов тонн катаня. В некотором смысле сам Калт бьется с захватчиками.

Пока мы ждем, Десенор и Форнакс смотрят в прошлое, отслеживая вражескую активность. У нас не было возможности провести полный осмотр и установить все точки входа и выхода аркологии Санторел. Силы врагов могут хлынуть через нашу же точку прорыва и захлестнуть занятую нами территорию. Болтеры моих братьев должны дать Догоне время завершить работу и похоронить всех, кто может рискнуть.

Пока что все тихо и неподвижно.

Бросая взгляды на снаряжение и схемы Додоны, я замечаю исцарапанный инфопланишет. На нем отображаются подробные карты аркологий, которые уже завершены или — до начала войны — находились в стадии строительства. Взяв керамитовым кончиком пальца планишету, я двигаюсь по обретенным колоннами туннелям магнитных вагонеток из Магнези-Юг, через точку входа и по разветвляющимся системам пещер Санторема. Палец повторяет тщательный маршрут нашего наступления. Я думаю о братьях, которые погибли под моим командованием, утонув в море обезумевших культистов. Чувствую, как подошвы скользят по крови верных цикатрицев, и заново переживаю столкновение нашего строя с толпами фанатиков Несущих Слово, как будто корабли бьются о скалы на мелководье. Затем я дохожу до подземного озера, где мы схватили Азүла Гора. К моему собственному удивлению, палец движется дальше, упираясь в одинокую метку на

планшете: «Пенетралия».

--- Что это? --- спрашиваю я у Догонь, которая явно не в восторге от того, что приходится отрываться от демонационных проводов и смотреть на планшет. В отличие от цикатрицев, едем с лампами плотно подогнан, а противоосколочные пластины вшиты в темный комбинезон, который лучше всего подходит для лазанья по пересеченным пещерам и тесным туннелям. Санер освещает фонарями экран планшета.

--- Это Пенетралия, --- говорит она. --- Скопление туннелей, образовавшихся в скале естественным путем. Там настоящий лабиринт, но эта область была намечена для раскопок, чтобы создать вход в другую аркологическую систему.

--- Но она затоплена, --- бормочу я, поскольку лично видел озеро. Догоня кивает.

--- Грунтовые воды залили часть Пенетралии и колею магнитных вагонеток, которая шла к раскопу, --- говорит она. --- Первопроходцев эвакуировали, а работу прекратили до тех

пор, пока не удастся задействовать насосные бригады, но к тому времени уже началась война.

--- Почему мне не предоставили эту информацию?

--- Это не аркология, --- не сдается Догона. --- Там тунник, который сейчас затоплен. Раскопки едва успели начаться.

--- Возможно ли, что на том конце туннелей пещеры остались сухими? --- Напоминаю я на Первопроходца, тыча керамитовым пальцем в экран. --- Отрезанными, может быть?

Догона мгновение размышляет над этим.

--- Да, это возможно, но почему вы вообще думаете на этот счет? Это глубже, чем мы когда-либо спускались ранее.

--- Мы вытащили из вод этого озера Несущего Слово, --- сообщает брат Форнакс. --- Он пришел не из Танторета.

Я возвращаю саперу планшет и оборачиваюсь к братьям.

--- Отложить подрыв, --- распоряжаюсь я. --- Сообщите в Магнези.

--- Но тетрарх... --- начинает было
Догоня.

--- Я сейчас отправлюсь к тетрарху, ---
говорю я. --- Подрывайте точку входа
только в случае вражеского вторжения.

Подхватив шлем, я киваю Десенору и
Форнаксу.

--- Будьте бдительны, братья, ---
произношу я. --- Я пришлю подкрепление.
Враги могли залечь и ждать, оставаясь
скрытыми от наших глаз. Возможно, наша
работа здесь не закончена.

В озеро уходит линия магнитного
транспорта --- теперь я это ясно вижу.
Ранее я, сам того не зная, зачистил от
нескольких стрелков Красного Мунисона
грузовой вагон. Пока от моей брони
отскакивали копы зарядов фүзей, а меч
рубил тела культистов внутри машины, я
не осознавал, что это элемент магнитной
дороги.

Цикатриции сержанта Гродина
избавляются от трупов, вытаскивая
мертвецов и сбрасывая их в огонь. Заново
активированный двигатель транспортера

рудит и потрескивает, стреляясь пригнати в движение. Сам сержант промывает внутреннее пространство ведрами воды из озера, а Цоне Догона орудует плазменным резаком, как можно тщательней герметизируя машину.

Я верю в нее. Она уже сотворила чудо с электрополярным двигателем. Догона всю жизнь работала в аркологиях с такими машинами, так что я предоставляю ей механизмы и управление рудничной вагонеткой.

Мы бы не стали возиться с магнитной дорогой, если бы не солдаты Армии. Я и мои братья могли бы преодолеть затопленные туннели так же, как Азүл Гор, благодаря герметичным доспехам и авточувствам. Впрочем, у Веридийского Цикатрикса нет подобного снаряжения, и я вынужден полагаться на прогнившие рельсы. Несомненно, от этого наше путешествие ускорится, хотя на подготовку вагонетки и ушло некоторое время.

Чтобы усилить численный состав, я использую цикатрицев. Когда я принес

метрарху доказательство наличия незавершенной сети за Танторемом, он был недоволен. Недоволен, что ее существование изначально упустили из виду и что там может оказаться тайный форпост Несущих Слово. Я напомнил ему о слове, которое не успел полностью произнести Азүл Гор, и показал незаконченное ответвление в Пенетралии.

И все же он сердито отклонил мой запрос на два полных отделения прорыва из легионеров для зачистки туннелей Пенетралии. Я не понял, на кого он злился — на меня, или на себя. Впрочем, он хотя бы удовлетворил мой последующий запрос на разведгруппу. Если у нас на пороге притаился анклав Несущих Слово, нельзя было отрицать тактическую необходимость подтвердить их наличие, численность и степень угрозы. Но крайней мере, так я сформулировал свою просьбу. Никогда в большей степени рассматривал это как незаконченную работу и недостижимую цель.

Я взял на себя ответственность и толчаливо выслушал выговор.

Мне пригнали двух боевых братьев. Я спросил Молосса и сержанта Аркадаса, но получил братьев Десенора и Форнакса, а также группу солдат Армии и Первопроходцев на мое усмотрение. Я безропотно согласился.

Сержант Гродин и его люди только-только добрались до Аркрополя с трофеями из Танторема, когда я приказал сержанту и отделению его цикатрицев пополнить запасы и снова направляться вместе со мной к точке входа. Можно справедливо утверждать, что теперь недоволен был не только Таврон Никогем.

Догоня разрешает садиться в поезд. Цикатриции стоят, сжимая глинные стволы своих лазерных ружей. Догоня работает массивными рычагами вагонетки, а Десенор, Форнакс и я возвышаемся над ними в грузовом отсеке, держа наготове клинки и боевые щиты. У нас с Форнаксом pistols, а на плече брата Десенора висит его почти пустой болтер.

Трофеев из Танторема было мало, и их уже распределили между защитниками

Магнези, так что у нас было совсем мало болтов. Я по обыкновению встряхиваю в перчатке свой единственный оставшийся заряд. Подношу на небольшое расстояние к поясу с магнитным фиксатором, а затем отпускаю. Заряд летит от пальцев к поясу и со щелчком занимает привычное место.

Вагонетка издает хриплый гул и везет нас от станции вниз по берегу. Подземная вода расстывает, бурля по бокам, пока поезд продвигается дальше, а затем исчезает в чернильно-черных глубинах озера.

По мере того, как вагонетка расталкивает массу воды, гул перерастает в визг. Лампы кабины высвечивают по ту сторону быстро движущихся окон залитые туннели Пенетралии — грубые, скалистые и незавершенные. Догоняет электрополярный двигатель. Проведенная Первопроходцем плазменная сварка надежна, но не может полностью удерживать воду. Закрытые люки на потолке не оправдывают ожиданий, из них почти постоянно льет, кроме того, вода

сочится в пробоины от лазерных зарядов, незамеченные Додоной. Дверные уплотнения пугаются и пенятся жидким траком. Вода быстро образует в грузовом отделении лужу, а затем, к вящей тревоге цикатрицев, ползет вверх по их ботинкам.

Когда она доходит до фартуков и нагрудников, сержант Гродин приказывает поднять фузеи над прибывающим уровнем воды. Некоторые из его людей начинают паниковать.

— Сколько еще? — кричит сержант в кабину, стараясь, чтобы голос звучал не слишком встревожено.

— Недалеко, сержант, — отзывается Цоне Додона. — Я так думаю, — тихо добавляет она.

Грузовая вагонетка с грохотом движется в воде. Освещение кабины внезапно вспыхивает и гаснет. Теперь единственным источником света остаются прожекторы наших госпехов. Кто-то издает тревожный крик, когда закрытый люк подается, и вода с новой силой льется внутрь.

Кругом потоп и лрак. Вода поднимается выше моего пояса, и цикатриции начинают с плеском барахтаться, держась за стену отсека и пытаясь удерживать головы над поверхностью. Мы, как можем, помогаем им забираться по стене к грузовым контейнерам, но вскоре солдатам остается только удерживать головы в шлемах между потолком и пенящейся водой. Они кашляют и тонут во лраке.

--- Цоне?.. --- тороплю я, готовясь раскрыть мультилегкое.

Я опасаясь, что мы можем потерять цикатрициев, однако у Первопроходца есть собственные проблемы. Она постоянно погружается под воду, чтобы работать рычагами управления магнитного транспорта и смотреть через передний экран.

Она появляется на поверхности.

--- Ни черта не видно, --- отплевывается она.

--- Цоне! --- кричу я в ответ. Она вновь скользит под воду.

Спустя мгновение нас всех швыряет

вперед от внезапной остановки. Магнитные замки на подошвах удерживают меня и братьев на месте, но Гродин и многие из его отделения разжимают руки во вздымающейся воде. Та бьет их о потолок, а затем вновь тащит вниз.

Вагонетка остановилась. Двигатель булькает и искрит.

Неожиданно раздается рвущий уши треск, и левый блок окон вылетает. Неотвратимый поток воды вытаскивает наружу людей и плавающее снаряжение. Отсек быстро освобождается, но я открываю выходной люк, озаряя призрачным светом прожекторов доспехи тьмы снаружи.

Сухую тьму.

Обернувшись, я вижу, что Цоне Догон облякла в кабине, словно утонувшая трюмная крыса. Ее рука все еще лежит на тормозе, а грудь вздымается и опадает глубокими, неровными вздохами. Через передний экран мне видны батперы другой машины — машины, с которой чуть не столкнулась наша вагонетка.

Я выхожу из грузового транспорта вместе с Форнаксом и Десенором и приказываю братьям удерживать периметр, пока цикатриции кое-как перегруппировываются. Наша вагонетка так и стоит на мелководье. Ей не продвинуться вверх по склону из-за более длинного отключенного состава, который тянется до самого тупика. На мгновение я замираю.

Я смотрю на воду, прожекторы доспеха озаряют поверхность темного озера. В зеркальной зыби отражается великолепие кобальтово-синей брони. Я гадаю, не отражались ли здесь недавно мои заклятые враги. Загнал ли я наконец в угол Унгола Шакса и его братьев из Несущих Слово?

Я иду вдоль первого состава, держа наготове меч со щитом, и становится ясно, что поезд частично затоплен, из чего следует, что его использовали сравнительно недавно. Точно после того, как подземные воды залили Пенетрацию.

--- Есть что-нибудь? --- рычу я в вокс.

--- Ничего... Да, ничего, --- отзываются

братья.

Цикатриции включают подствольные фонари своих фүзей, и сержант Гродин, кашляя, приказывает провести проверку оружия. Пүская в глубины озера жгүчие лүчи, мы выясняет, что больше половины вооружения отделения временно вышло из строя из-за попадания воды. В абсолютной тьме Пенетралии, где нет дүговых ламп и отражательных шахт, это далеко не идеально.

--- Догона, --- окликаю я. Промокший Первопроходец выходит из вагонетки, освещая наשלелными фонарями инфопланишет, который она изучает.

--- Из этого станционного помещения есть три выхода, --- сообщает она мне. --- Все они вскоре переходят в природные ответвления системы пещер, повсюду встречаются залы и гроты.

--- И ждүт Несүщие Слово, --- бормочу я. Возвращаются Гродин и его отделение, и я оборачиваюсь к ним.

--- Сержант, түт три входа, каждый из нас берет по одному. Брат Десенор,

следуй за Гродином, я беру Догону.
Сержант, распределите своих людей
между мной и братьями Форнаксом и
Десенором. Мы разделимся, чтобы
охватить большую территорию. Я хочу,
чтобы каждый изгиб, поворот, пустоту и
нору проверили на наличие врага. Мы
ищем Унгола Шакса и его темное
братство. Поддерживать связь и сообщать
по воксу о каждом контакте. Если
столкнетесь с численным перевесом или
попадете в засаду, закрепитесь и группами
отходите к помещению станции. Там мы
перезгрупуемся. Ясно?

Ответом становятся кивки шлемов и
траченное «Да, мой повелитель» от Гродина
и цикатрицев.

--- Поддерживать связь, ---
распоряжаюсь я и веду Уоне Догону с тремя
солдатами вглубь Пенетралии.

Догона не ошиблась: Пенетралия
представляет собой лабиринт. Туннели
закручиваются в спирали, перед
пржекторами возникают зубчатые
откосы, а потолок постоянно опускается до

верхушек шлемов. Проходы извиваются и
раздваиваются, повсюду дыры гротов и нор.
Непростатриваемые повороты выводят к
вызывающим головокружение сводам, а
небольшие пещеры внезапно образуют
тупики. Тьма почти ощутила физически,
вязкий трек пожирает свет наших ламп.

Прожекторы моего господства
указывают путь, свет нацупывает себе
дорогу среди углов и острых камней.
Впереди пляшет луч со шлема Догонь,
которая ведет меня по разветвляющейся
сети туннелей. Позади трое цикатрицев
--- все из числа бывших резервистов
Таркиса --- остатривают дыры и пустоты
при помощи подствольных фонарей. Мой
щит скребет об углы, а клинок остается
сзади, готовый рвануться вперед и снести
голову Несущего Слово с бронированных
плеч или же рассечь тело неудачливого
культиста.

--- Десенор, что у тебя? --- спрашиваю я
по воксу.

--- Это место мертво, --- передает
тот в ответ. --- Если Унгол Шакс и был
здесь, то гутаю, что мы его упустили.

--- Форнакс?

--- Несущие Слово были здесь, ---
уверенно сообщает боевой брат. --- Мы
добрались до большого зала в центре
туннелей. Тут статуи и рисунки.

Я киваю собственным мыслям. Если
судить по архологии Танторел, наши
сородичи-предатели и их последователи-
культисты занимаются бессмысленным
идолопоклонством, создавая храмы со
статуями и молясь у каменных стоп своих
иномирных покровителей. Я отмечаю
позицию Форнакса на оптическом слое.

--- Удерживайте позицию, --- говорю я. ---
Мы идем к вам. Брат Десенор,
встречается в этом зале.

--- Принято, --- отзывается Десенор. ---
Но я потерял в этих проклятых туннелях
одного из моих людей. Сержант Гродин его
ищет. Скоро будет там.

Пробравшись сквозь плотный трак и
клубок пересекающихся коридоров, мы
выходим на открытое пространство
большого помещения. Я вижу в стояной
тьме впереди лучи прожекторов, которые
рассекают тьму, словно клинки. Форнакс и

эго люди ждут возле центра пещеры, но свет их фонарей моргает и прерывается.

Подойдя ближе, я понимаю причину этого.

Форнакс был прав. Здесь статуи, но нет ничего похожего на то, что мне доводилось видеть в темных часовнях и молельных ямах аркологий, занятых культистами. Эти изваяния различаются по размеру, но имеют человеческие очертания. Все они созданы из материала, похожего на обсидиан — угловатого и кристаллического. Он поглощает свет наших фонарей, словно черная дыра. В полумночно-черной стеклянистой поверхности не видны даже наши отражения. Просто не хватает света. Вещество пожирает все.

--- Вулканическое стекло? ---
нахмурившись, произносит Первопроходец Догоня. --- Точно не на Калте. Не в таких количествах...

Я вижу, как в свете ламп темная субстанция начинает испаряться и клубиться. Она растворяется и уплывает прочь, словно разреженный черный пар.

Действительно странно.

--- Это не обсидиан, --- говорю я. ---
Ничего не трогайте. Никому ни к чему не
прикасаться.

Кажется, будто статуи созданы из
затвердевшего лава.

Изваяния повсюду, они мешают лучам
прожекторов Форнакса. Ультрагесантники
и солдат 14-го Восферского что-то
рассматривают в центре скального зала.
Вокруг них собрано множество статуй ---
толпа кристаллических фигур, каждая из
которых обращена лицом к центру. Это
определенно тревожит.

--- Что у нас? --- нетерпеливо
спрашиваю я боевого брата.

Форнакс стоит на коленях. При моем
приближении он поднимается.

--- Какой-то нечестивый храм, ---
подтверждает он, --- похоже, использовался
для церемоний и единения с чудовищами из
эмпиреев.

Он указывает на пол у меня под
ногами. Грубая поверхность выровнена и
отполирована, на скале вырезан узор.
Ужасные глифы и символы, от которых у

меня болят глаза.

--- Гонорарий, культистов-добровольцев привели сюда на жертвоприношение и церемонию для заключения союза с каким-то злом или чудовищем.

Я слышу слова Форнакса, но редко понимаю, что библиарий имеет в виду. Я воин-практик до мозга костей. Меня редко интересует «материальность или имматериальность» природы вселенной. Я верю в одно: в свой Легион. Ультрадесантники раз за разом доказывали, что в силах убить все, с чем сталкиваются. Все прочие измышления --- чистая теория.

--- Так это были добровольцы? --- спрашивает Цоне Догона.

Форнакс делает шаг в сторону, демонстрируя ужасную грудку опаленных тел в центре узора. Поверх почерневших грудных клеток расprostерт агент Красного Мунциона --- женщина, тонкие пальцы которой до сих пор сжимают рукоять вонзенного в сердце жертвенного кинжала. Губы Догоны кривятся от

отерзения.

Мрачная картина и интерес моего брата к ней быстро меня утомляют.

--- Тут что-нибудь указывает на Унгола Шакса или его местонахождение? --- спрашиваю я.

--- Унгол Шакс здесь, --- сообщает Форнакс. --- Думаю, это он позади тебя.

Мое лицо скрыто шлемом, и Форнакс не видит, как оно хмурится от жутковатого известия. Я разворачиваюсь и обнаруживаю у себя за спиной еще одну статую, такую же угловатую и кристаллическую. Рост и мощь угола под стать моим, руки воздеты в жесте триумфа или удовлетворения. В одной из них скипетр. Нет, крозиус с навершием в виде решетки или ворот. Возвышенные Врата.

В свете прожекторов моего господства терзость начинает тлеть, сочась на слабом сквозняке невесомой тьмой.

Я оглядываюсь на остальные изваяния. Картина проясняется.

Несмотря на угловатость и беспросветность фигур, у многих есть

общие черты: шлемы, ранцы и широкие очертания боевой брони Легиона. Похоже, что иголы меньшего размера лежат у них --- полночно-черные воплощения культистов, застигнутых в мизантропизма и безумия. Я обнаруживаю, что этой шлем произвольно покачивается из стороны в сторону. Во имя Пятисот Миров, что же тут произошло?

Из задней части храма раздаются крики. Сначала я решил, что это приветствие --- Десенор и его бойцы вернулись. Затем я понимаю, что это кричат мои люди, и чувствую, как собравшихся окутывает недостойный страх.

--- Мы не можем найти Олександра, --- сообщает Уоне Догона.

Имена для меня ничего не значат. Впрочем, значат числа, а наша численность уменьшается. Я смотрю на Форнакса и оставшегося с ним цикастрица.

--- Где остальные твои люди? --- спрашиваю я.

--- Проверяют туннели, тянущиеся от

дального края зала, --- сообщает бывший библиарий. На его лице озабоченность. --- Солдат?

Цикатриций прижимает два пальца к боковой части шлема. У него нет связи с отсутствующими солдатами. Он качает головой.

--- Всем единицам, доложить, --- передаю я по воксу.

Члены отделения, находящиеся в зале-храме, быстро откликаются на мой запрос. Вместо остальных --- навязчивые помехи.

--- Десенор, доложить, --- повторяю я.

Ничего. Я подхожу к краю строя статуй.

--- Враги играют во тьме, --- шиплю я сквозь сжатые зубы. Перчатки поскрипывают, стискивая рукоять меча и боевой щит. --- Построиться, форнакс, ты впереди.

Ультрадесантник задерживает на мне взгляд. Это в стиле форнакса. Помимо жутковатого прежнего призвания, у него есть неприятное обыкновение ставить под сомнение приказы, не имея на то реальных причин. Он позволяет

тишине задавать вопросы. В неглубокой почве делаемых им пауз и перерывов укореняются зерна сомнения. А затем, словно трава между мраморных плит, опасения быстро прорастают у остальных.

Но еще до того как мне приходится повторить, Форнакс убирает пистолет в кобур и берет наизготовку меч со щитом. Он снова надевает шлем и шагает прочь от леса статуй. Оптические карты направляют его к одному из многочисленных каменистых выходов из зала, которые ведут к координатам последней вокс-передачи брата Десенора. Я посылаю Догону и пехотинцев следом.

— Уля? — спрашиваю я последнего оставшегося цикатриция Форнакса.

— Эванз, мой господин, — отзывается тот. — Восферский 14-й.

Я слышу в его голосе страх. Самообладание солдата продержится лишь какое-то время, словно крепость на трясущемся фундаменте. Мне доводилось видеть, как простые воины Улпериума не выдерживали ужасающих обстоятельств разведывательной войны и крестовых

походов. Встречаясь с неведомыми
врагами галактики — технологическими
терзостями, сумасшедшими
изоляционистами или ужасами ксеносов —
я знал солдат, которые теряли контроль
над телом и разумом.

— Эванз из Восферского 14-го, —
повторяю я. Мой голос надвигается на
него, словно мощная, непоколебимая стена.
Я пытаюсь передать солдату толк
собственного мужества и бесстрашия. — Я
хочу, чтобы ты прикрывал нас тыл. Если
увидишь, как сзади что-то
подкрадывается, я хочу знать об этом.
Ясно, солдат?

Цикатриций демонстративно
взводит свою фузею и плотно прижимает
оружие к плечу, прикрывшему
противоосколочной броней.

— Клянусь честью, лорд Нелион.

Мы преодолеваем темные
переплетения Пенетралии, и я чувствую,
как неровные проходы сжимаются вокруг.
Мысленно я представляю миллионы тонн
катня над моим шлемом.

Сами туннели лабиринта внезапно

кажутся угрожающими, они извиваются, поворачивают, поднимаются и опускаются. Похоже, что несколько раз мы делаем круг, и коридоры представляются мне клубком корчащихся змей. За каждым углом тупики и пустоты, которые вынуждают постоянно проводить вылазки в тесные проходы и тенистые боковые туннели.

Несколько раз мои сердца начинали биться быстрее при известии о предположительном контакте с врагом. Я жажду противника. Возможно, мы обнаружили труп-призрак Унгола Шакса... а может, и нет. Если его Несущие Слово еще бродят по коридорам Пенетралии, они мои. Я поклялся, что мой клинок прикончит их. Дело не завершено. Задача не выполнена.

Однако раз за разом враги оказываются тенями и силуэтами, созданными нашим собственным светом — сама скала играет с нами. Цикатриции просят прощения, но сложно не заметить, как глубина лишает их самообладания. Рубцовая ткань на их лицах туга

натянута от напряжения, губы не улыбаются, глаза смотрят сквозь щели шлемов в ожидании чего-то ужасного.

--- Лорд Пелион! --- взрывается криком Эванз. Это предупреждение было готово сорваться с опаленных солнцем губ солдата с момента входа в систему туннелей.

Я оборачиваюсь, ожидая очередной ложной тревоги, но, как и цикатриций, замечаю движущуюся тень. Камни не двигаются.

Прежде чем я успеваю остановить Эванза, тот выпускает из своей фюзеи несколько лазерных зарядов. Выстрелы озаряют проход колеблющимся свечением, и на шероховатых стенах появляются новые титановые тени.

Нечто отступает.

Ободренный точностью прицеливания солдат, разом забывший про страх, одержимый подпитываемой напряжением яростью, с ревом несется в направлении выстрелов.

--- Стоять! --- кричу я, но Эванз уже скрывается во тьме. --- Держать

позиции! — равную я оставшимся членам группы, а затем направляюсь следом за ним.

Вскоре я его догоняю, уверенно шагая бронированными ногами по неровному проходу. Я обнаруживаю cicatrice на несимметричном перекрестке, которого не помню. На Эванзе нет шлема. Он молодой, но его плоть покрыта рубцами от солнца и морщинами от возраста и переживаний. Солдат безвольно держит ружье сбоку от себя, грудь под нагрудником из пластоволокна вздымается и опадает. Он смотрит пустыми глазами, но во всех коридорах лишь жутковатый трек.

Эванз застывает, когда я отодвигаю его в сторону. Я изучаю катенистые изгибы туннелей, переключая оптические спектры. Ничего.

— Возвращайся к группе, — приказываю я. Эванз стоит на месте, парализованный пустой тьмой. — Сейчас же! — рычу я.

Подавленный солдат разворачивается и плетется к товарищам из Цикатрикса. Я напоследок обвожу перекресток долгим

взглядом.

— Я здесь, — провозглашаю я в темноту, и голос разносится дальше, чем я ожидал. — Когда устанете от своей трусости и изр в тенях, я здесь.

Вернувшись к группе, я заменяю в арьергарде Эванза на одного из резервистов Таркиса и приказываю брату Форнаксу двигаться дальше.

Вскоре мы обнаруживаем сержанта Гродина. Цикатриций похож на кристаллический скальный выступ — он прислонился спиной к стене коридора, шлем обращен в одну сторону туннеля, а фюзеля нацелена в другую. Мне мало известно о работе художников и летописцев, но сержант кажется мне скульптурным образцом паники и замешательства.

Кроме того, мы находим солдата, которого он искал. Боец 55-го Восферского прячется в маленьком гроте. Пехотинец прижимает шлем к нагруднику и испуганно выглядывает в туннель из-за угла скалы. На покрытом шрамами лице

до сих пор выражение ужаса при виде коштара, который, должно быть, там увидел. Он застыл в виде затвердевшей тени, которая дышит и испаряется в свете наших фонарей.

--- Нелион, --- зовет Форнакс.

Бывший библиарий обнаружил брата Десенора. Тот мог бы сойти за статую любого из приведенных к согласию миров или же монумент, изображающий благородные и героические деяния XIII Легиона, какие встречаются по всему Пятистам Мират. Десенор заслужил подобное уже одним своим смертоносным служением на полях Колеша. Болтер прижат к наплечнику, оптика шлема находится вровень со средним прицелом оружия, и кажется, что Ультрадесантник все еще готов открыть огонь. Я остатриваю его перчатку. Палец полностью согнут. Спуск нажат. Десенор окаменел в тот миг, когда оружие могло его спасти.

Я чувствую, как с губ срывается неуклюжее и незатмысловатое проклятие. Голос становится напряженным.

--- Форнакс, библиариуму ведь явно
есть что сказать о таких
противоестественных вещах?

--- Брат, официально библиариум
теперь мало что может сказать по
какому бы то ни было поводу, ---
бесстрастно отзывается Форнакс.

--- А неофициально?

Форнакс колеблется.

--- Бывшие Вестники явно развили
свой интерес к колдовству, --- говорит он. ---
Они вызывают с илматериального уровня
иномирные силы, которые усиливают их и
без того значительные способности.

--- Дары вроде твоего, --- замечаю я.

--- Нет, брат, --- осторожно
продолжает Форнакс. --- Магия и суеверные
девиации. Помощь в виде оскверненных
артефактов и сделок с иным миром.

--- Могли ли подобные извращения
повлечь за собой эти темные деяния?

--- Да, брат.

--- И какое оружие мы можем
противопоставить такой аномалии? ---
интересуюсь я.

--- Как и всегда, мои клинок и болтер

в твоём распоряжении.

Я смотрю на него, и он отвечает тем же. Уоне Догона глядит на меня с некоторым беспокойством.

— Я пойдё вперёд, — говорю я ему, проталкиваясь мимо. В тесноте туннеля наши наплечники скребут друг о друга, и я уверен, что брат чувствует моё раздражение. Для этого не нужно принадлежать к ведьмовскому роду.

Выставив перед собой меч и щит, я двигаюсь от одного скального угла к другому, остатриваясь при помощи прожектора и оптики. Свет уходит в туннели и каменные закрученные проходы, а я ощущаю, как мои мысли отравляет сомнение. Желание вступить в бой с врагом слышно по гавящим гальку экономным шагом, плавной аккуратности отработанных перемещений и выбора позиции. По поскрипыванию перчатки, сжимающей оружие. Мышцы и гидравлика доспеха готовы нанести удар.

Я желаю смерти врагу. Эта потребность требует идеального исполнения. Никаких ошибок. Моя

безмолвная досада не даст противнику
преимущества.

И в то же время я не могу позволять
себе ложь. Находка оказалась тревожащей.
Если боевой брат с таким мастерством
не смог ничего противопоставить
ужасающим силам наших врагов из
Несущих Слово, то мой клинок мало на
что сгодится. Я быстро пустил первую
кровь на щеке Девкалия с Нрандиута в
поединке чести. Обжигающий взмах моего
меча снес шлем и голову Драэгала,
Багряного Кардинала. Кошмарные твари
со щупальцами с Двенадцать-Сорок Семь
утащили бы меня в свою общую пасть,
если бы не рубящие и режущие удары моего
клинка.

Однако мне кажется, что если эти
чуждовищные ублюдки в глубокой тьме
Пенетралии забрали Десенора за тиз, пока
болтерный заряд еще не успел покинуть
ствол, то скорости моего клинка может
оказаться недостаточно.

Хуже всего перекрестки и развилки.
В темном средоточии сходящихся
коридоров я чувствую на себе взгляд нашего

противника. Везде таятся туманные намеки на врага и скрытую погибель.

Я пробираюсь дальше. Нет особого смысла сообщать остальным, что мы уже безнадежно заблудились. Это неважно. Враг найдет нас. В этом я уверен.

Я слышу наполовину — нет, на четверть — приглушенный крик, и что-то с лязгом падает на каменистый пол. Я разворачиваюсь и вижу, что Эванз неотрывно уставился в один из коридоров, который я только что миновал. Солдат тычет пальцем в неописуемый ужас. С лица Эванза исчезает страх, на стену, на которую приходится омерзительная смесь ужаса и отвращения, а затем cicatrici томентально превращается из живого существа в кристаллическую тень. Сперва трясущийся палец, затем рука, броня и искаженное страхом лицо. Солдат охватывает какое-то колдовское окаменение.

Тень забирает Эванза, словно плотоядная тьма, и он обращается в кристаллизованный сумрак.

По коридору разносятся вопли паники

и ужаса. Оставшиеся цикатриции пятятся к непоколебимой бронированной стене в лице брата Форнакса. Бывший библиарий наблюдает с холодным интересом.

Я не могу позволить нашим учителям скрыться. Рванувшись вперед, я отшвыриваю вбок стеклянистую тьму, которая раньше была Эванзом. Подствольный фонарь упавшей фугеи продолжает светить в туннель... но там ничего нет.

Я уверенно продвигаюсь вперед. Чтобы остановить меня, нужно что-то большее, чем «ничего».

Я быстро вышагиваю по туннелю, плотно прижимая к телу меч и щит. Проекторы доспеха устремлены вперед, освещая повороты и обманки проходов Пенетралии. Что бы ни убilo Эванза, оно должно отходить так же быстро, поскольку на свету оказывается только тупик, хотя скоро выясняется, что это крутой поворот.

Со скрежетом протискиваясь в доспехе через узкую щель, я обнаруживаю, что смотрю в лицо Олександра. Первый

пропавший из моего отряда теперь тоже в тени и безмолвно растворяется под лучами прожекторов. Это статуя впитывает свет, словно губка: шлем, кристаллический ствол лазерного ружья, зажатого в одной руке, вторая рука поднята, прикрывает глаза от нежданного кошмара, который солдат увидел во мраке входа в туннель.

Входа в туннель, где стою я.

Олександр стоит во главе толпы извращенцев, и я понимаю, что снова нахожусь в нечестивом пещерном храме. Извивающиеся туннели Пенетрации каким-то образом вышли обратно.

— Форнакс! — окликаю я. — Враги ведут игру, которую я не в силах выиграть. Они заблудились и хотят, чтобы мы последовали за ними.

Форнакс входит в пещеру через сужение с теми же затруднениями, что и я, но Цоне Догона и цикатриции легко проскальзывают внутрь, не желая оставаться в одиночестве в коридоре.

— Несущие Слово избегают нас, — говорю я, озвучивая общие мысли.

--- Несущие Слово мертвы, ---
отвечает Форнакс. Его прямолинейное
высказывание не приносит успокоения,
которое должно бы вызывать подобное
утозаключение.

--- Тогда кто это? --- требовательно
спрашиваю я. --- Эти слабаки-культисты?

Форнакс обводит рукой в перчатке
отерзительную панораму статуй.

--- Они призвали во тьму глубин
нечто, --- упорно повторяет бывший
библиарий. --- Нечто, чем не смогли
управлять. Нечто, уничтожившее их.

Не могу до конца поверить в это.
Потерять столько людей так быстро.
Никаких криков. Никаких воплей. Никаких
следов врага. Десенор погиб, не выпустив
ни единого болта...

--- Какая-то... тварь, --- отзываюсь я.

--- Что это? --- шепчет Уоне Догона.

--- Что-то, убивающее одним своим
видом, --- отвечает Форнакс. ---
Противоестественное. Оно прячется в
тени и ждет, когда мы станем
выскивать его светом. Похоже, одна
только его инотировая внешность так

ужасна, что способна убить.

Тени наклоняются вперед, когда подствольный фонарь одного из цикатрициев внезапно исчезает.

Мы все разворачиваемся, вскидывая оружие, но после незримого зверя осталась лишь фигура, вырезанная во тьме.

Догоня издает вопль.

--- Назад! --- реву я. --- Оно рядом с нами!

Втолкнув сапера себе за спину, я высоко поднимаю щит. Догоня снова вопит. Не могу ее осуждать. Она всего лишь человек.

--- Владыка Император, --- кричит один из солдат. --- Это...

И цикатрициев больше нет, они окаменели, превратившись в кристаллизованную тьму. Любопытство погубило их.

Не подумав, я едва не оборачиваюсь, прежде чем одергиваю себя. Молниеносно хватаю Форнакса и Догону.

--- Закройте глаза, оба!

Страх чужд моим сердцам. Я --- Легионер Астартес, Ультрадесантник, однако в страхе перед тьмой есть

нечто первобытное. Даже я в силах понять ужас перед неведомым. Я не отрываю взгляда от гравировок на ногах.

--- Как нам его убить? --- визжит Догоня, крепко вцепившись в мою руку, держащую щит.

--- Никак, --- отвечает Форнакс. Мой брат будет это отрицать, но я чувствую, как он озирается своим легким колдовским взором, который во мраке касается моей души.

Моя тревога за них перерастает в тревогу за всех наших людей, влачащих существование в аркологии Магнези под знаменем 82-й роты. Что будет, если подобная мерзость найдет способ попасть внутрь?

Я не могу этого допустить. Необходимо предупредить Таврона Никогема.

--- Брат Форнакс, --- неожиданно для себя говорю я, --- забирай Догону и возвращайся в терминальное помещение. Не задерживайся. Отправляйтесь назад в Магнези и сообщите тетрарху о том, с чем мы здесь столкнулись. Несущие Слово

обрекли на смерть себя и нас. Он будет
знать, что делать.

Я чувствую, как брат собирается
возразить, но времени нет.

--- Скорее, --- тороплю я его.

Форнакс подхватывает Уоне Догону
перчаткой под руку. Санер крепко
держится за мой наруч, но от
испытываемого ужаса позволяет увести
себя прочь.

--- А вы? --- кричит она.

--- Отведи брата Форнакса обратно в
Магнези, --- приказываю я, резко вскидываю
меч и рассекаю кристаллическое тело
стоящей рядом статуи Несущего Слово.
Та раскалывается, и пещеру-храм
заполняет какофония. Эхо визга и треска
падающего обсидиана разносится по
туннелям и расщелинам Пенетралии.

--- Я вытаню это на себя, --- говорю я, ---
и дам вам шанс спастись.

Догона начинает было что-то
говорить, но мой клинок разбивает еще
двух Несущих Слово.

--- Удите!

Туннель поглощает их, словно

грохотная змея. Я стою в одиночестве в
сфере скудного света. Окружающая меня
чернота всеобъемлюща. Я чувствую ее
натерение погасить само мое
существование. Кто узнает о Нелионе?
Нелионе Младшем, что, словно герои
былых времен, сражался с древним злом во
чреве обреченного мира, освобождая
империю Ультратара от тирании
существ, которые не должны
существовать?

Я разбиваю культиста боевым
щитом. Меч рассекает другого нагвое.
Тот распадается ливнем осколков чистой
тьмы, звук раскалывания кажется
слишком резким для помещения.

Невероятно, но сквозь шум разрушения
я слышу грохот в дальнем конце зала. Я
разворачиваюсь, выставив перед собой
боевой щит и приготовив клинок для
удара.

Какой-то невидимый зверь движется
во мраке прямо на меня.

Я его вытанил. Отвлекающий маневр
сработал. И теперь я заплачу за свой успех.

Подготавливаю себя к кошмару.

который вот-вот увижу. Какая-то ужасная
тварь, невообразимо отвратительная на-
вид. Некая омерзительная сущность,
которая живет лишь для того, чтобы
прервать мое существование. Я ощущаю ее
холодное извращенное одиночество,
проклятую силу, которая обрекает на
вечное одиночество и приказывает даже
тех, кому хватило глупости призвать ее
на свет. Тварь неистово приближается с
первобытной яростью. Цунами
кристаллических осколков грозит
захлестнуть меня.

В этот миг я осознаю, что глумаю об
Азүле Горе. Перед моими опущенными
глазами на мгновение проносится его лицо,
полное горечи и ненависти. Я размышляю
об его утверждении, будто он в состоянии
прикончить меня одним-единственным
словом.

Действительно, это слово ---
«Неутралия» --- привело меня к гибели.

И тут меня посещает понимание.

Азүл Гор пережил внимание зверя
извне. После призыва чудовище обратило
всех собравшихся очевидцев в

овеществленную тьму. Возможно, Азула
Гора не пригласили на ритуал. Быть
может, у него были иные, более важные
дела, или же он просто почувствовал
приближение смерти.

Как бы то ни было, спасение из
Пенетралии стоило ему глаз.

Извергнутый траком зверь уже рядом
со мной, он разносит статуи жертв на
своем пути. Очевидно, что он
наматывается прикончить меня.

Я подношу меч к шее. Остается
только одно, и я провожу клинком по горлу.
Отточенное молекулярное лезвие
скользит по канавке между шлемом и
затками доспеха. Рассекает силовые
кабели и нейронпроводку. Визор гаснет.
Оптика шлема темнеет, передача данных
от авточувств прервана.

Я ввергаю себя в искусственную
слепоту. Неполноценность, которая может
спасти мне жизнь. С шипением воцаряется
пронизанная полехами чернота.

Удар зверя сбивает меня с ног, и я
падаю спиной вперед, расколов
скульптурную группу. Атака твари

напоминает какое-то тягловое животное, вроде охваченного паникой быка-зрокса. Но так сложно оценить размеры чудовища, что оно бьет, словно могучее четвероногое или постоянно сгорбленное существо, которое бросается вперед на двух более сильных лапах.

Никаких рогов. Никаких когтей. Никаких челюстей с кривыми зубами.

Возможно, нет вообще никаких челюстей. Просто инотировая громада, полная ярости и древней мерзости.

Мир в бурном траке переворачивается. Я снова поднимаюсь на ноги, держа в руках меч и боевой щит. Выключаю прожекторы доспеха, погружая все помещение в глубокую черноту. Сомневаюсь, что это обеспокоит демоническую тварь. Я призываю на помощь десятилетия тренировок и сверхчеловеческие чувства. Это не просто — будучи костодекантом, я полагаюсь на генетически и технически усиленное зрение, чтобы убивать и избегать гибели.

Вместо этого я подстраиваюсь под движения зверя. Подача данных и питание

шлемта прерваны, и я не в состоянии
усилить свой слух. Впрочем, мои уши
чувствительны даже в глухой оболочке шлемта.
Пещера теперь устлана ковром
стеклянистых осколков тьмы, и я слышу
хруст шагов чужовища.

Я погружаюсь в мир звуков.
Отслеживаю скрип каждого осколка,
шуршание раздавленной черноты под
ногами, превращение кристаллических
фрагментов в клубы темной пыли.

Существо кружит вокруг меня. Оно в
замешательстве. Я не поддаюсь его
проклятой силе.

Возможно, я первый, кому это
удалось. Мне приятно его волнение. Я
концентрируюсь. Собираюсь.

Хруст. Еще больше кусков дробится
на осколки. Сейчас оно позади меня. Позади
меня... По спине пробегает холодок, но я
подавляю его решимостью. Подобным
опасениям не место в разуме Легионеса
Астартес.

Тварь приближается. Я чувствую за
спиной ее кошмарное тело. Представляю ее
очертания и атакую.

Я разворачиваюсь, давя сапогами
теневою песок. Бью монстра щитом,
затем наношу удар обратным движением,
и мой короткий клинок устремляется
вперед. Меч рассекает демоническую
плоть, нанося глубокий порез.

Ничего не слышно. Никаких криков.
Даже хныканья от боли.

Возможно, у существа даже нет рта
или иного органа для подобного? Вместо
этого в своем сознании я ощущаю его боль.

Разворачиваюсь на пятке, клинок
снова взрывается сбоку. Слышен хруст,
сопровождающий болезненный рывок.
Ублюдочной твари это явно не нравится.

Оно ходит кругами, но держит
дисциплину. Я поворачиваюсь следом,
подняв меч и щит.

--- Давай! --- реву я зверю. --- Давай,
адское отродье! Приими свою смерть!

Невероятно, но оно стало меня
опасаться. Не думаю, что способен
уничтожить его одним лишь своим
скромным коротким мечом, однако оно
явно не хочет еще раз попробовать клинок
на вкус.

А затем чужовище гелает в точности то, чего я не хочу.

Хрустящие шаги удаляются — тварь уходит. Она устала забавляться со слепой изрубкой, которая постоянно причиняет боль, в то время как по туннелям Пенетралии убегают другие добыча. Добыча, которую ужасающая внешность чужовища может испугать до смерти.

Я широко размахиваю мечом и щитом, разнося все новые статуи на куски и надеясь притянуть монстра обратно. Безуспешно.

Убрав клинок в ножны, выставляю перед собой руку в перчатке и нащупываю каменистую опору стены зала-храма. Нужно отыскать обратный путь к станции. Я не могу рисковать и снимать шлем. Это может оказаться ловкой, и тварь только и ждет подобной возможности.

Понятия не имею, на что она способна. Она не соответствует ни одной теории из тех, что я в состоянии выполнить.

И вот я в одиночестве, спотыкаясь,

бреду обратно по Пенетралии — Пелион.
Младший, затерянный в лабиринте,
заблудившийся во мраке снаружи боевого
доспеха и заключенный во тьме внутри
него. Более глубокой тьме, если таковая
бывает.

Отталкиваясь от одной стены
туннеля и скребя о другую выставленным
щитом, я пытаюсь восстановить
маршрут в закрученном лабиринте пещер
и коридоров. Кажется, на это уходит
целая вечность. Я знаю, что зверь может
следить за моими неловкими
передвижениями на каждом шагу, и также
понимаю, что чудовище уже могло
добратся до форнакса с Додоной.
Добратся прежде, чем они успели
запустить двигатель магнитной
вагонетки и спастись под водой.

Я бы предостерег их, но вокс-связь
перерезана. Я тороплюсь, однако спешка
мешает моим намерениям. Оступаясь.
Падаю. Встаю. Нащупываю дорогу дальше.

Я осознаю, что добрался до
помещения станции, когда слышу воду —
плеск озера о каменистый берег. В слепоте

звук стал моим главным проводником. Я
останавливаюсь и слушаю.

Слышно движение. Что-то шагает по
покрыт камням линии берега. Кроме того,
я слышу дыхание. Неглубокое, испуганное
дыхание. Костогесантники не издают
таких звуков.

--- Догоня! --- зову я. Без решетки вокса
я вынужден кричать сквозь керамитовую
оболочку, и после столь долгого времени,
проведенного в приглушенной темноте,
уши болят от звука голоса.

--- Нелион? --- задыхаясь, с облегчением
отзывается она.

Это вопрос. Она меня не видит.
Должно быть, в зале темно. Я отвечаю
увердительно. Случайное или
преднамеренное отсутствие света спасло
ее.

Она шевелится, хотя и слабо.
Раздается бульканье и плеск воды. Санер
стоит на коленях на телководье, пытаясь
спрятаться прямо на виду.

Я слышу, как шаги зверя
убыстряются. Он знает, где она. Хочет,
чтобы она его увидела.

--- Нелион, --- шепчет во мраке Догона.
Ее голос грозит. Должно быть, она
замерзла в воде. Замерзла и не в себе от
человеческого, смертного страха. --- Оно
здесь...

--- Знаю, --- откликаюсь я. --- Брат
Форнакс?

--- Его больше нет.

Тварь ступает в воду, направляясь к
Догоне по телководью на своих
нечеловеческих лапах.

--- Цоне, --- произношу я, нетвердо
шагая вдоль стены станции. Я тоже
пробираюсь к подземному озеру. --- Цоне, я
хочу, чтобы ты сохраняла абсолютную
неподвижность. Понимаешь?

--- Мне так страшно, --- отзывается
она с непроизвольной искренностью.

--- Знаю, --- пытаюсь ее ободрить я, а
затем лгу. --- Мне тоже.

И вот во мраке пещеры и темноте
шлема я прихожу к заключению.
Недостаточно просто спастись.
Направиться за подкреплением. Сбежать и
сообщить остальным, что им тоже нужно
бежать. Я --- Ультрадесантник.

Прославленный чемпион. Мой долг
прикончить зверя независимо от того,
иномирное это чудовище или нет.

Как бы то ни было, оно находится
между мной и единственным выходом.
Тварь должна умереть.

Будучи костогесантниками, мы
обучены и натренированы извлекать
максимальное преимущество из
окружающей обстановки. Я размышляю о
магнитной вагонетке и повреждениях,
которые она может нанести монстру. О
миллионах тонн камня, нависающих над
нами, и о том, как обрушить их на
чудовище, чтобы выдавить из него не-
жизнь.

Мои планы губит темнота. Демон не
окажет мне услугу, стоя перед вагонеткой,
а если где-то в зале станции и есть
подрывные заряды, я не смогу их найти. Я
выбрасываю безнадежные стратегии из
головы.

Я думаю о тьме. Думаю о свете.
Свет...

--- Уоне, мне нужно, чтобы ты сделала
для меня одну вещь, --- кричу я.

--- Да?

--- По моей команде закрой глаза и ныряй на дно.

--- Я не умею плавать! --- протестует она. На стену одному страху пришел другой.

--- Тебе не надо плыть. Просто оставайся внизу, сколько возможно. Сможешь это сделать?

--- Я не умею плавать, --- повторяет она. --- Остаться под водой --- не проблема.

Я слушаю чудовище --- тварь из терзательной тьмы, которую Унгол Шакс неостотнительно выпустил в этот мир. Оно хищно шагает по темноводью, приближаясь к испуганному Первопроходцу. Я убираю меч в ножны. Прислоняю щит к стене.

Я готов.

--- Давай! --- кричу я. Слышно, как Додона ныряет вниз. Она погружается неаккуратно и неуверенно. Раздается плеск, а затем тишина. Она под водой.

Зверь тоже издает плеск. Он выскивает добычу, глядя в темные

воды.

Я вновь включаю прожекторы доспеха.

Движение резко прекращается.

Все затирает. Мучительно долгий миг я выжидая, прислушиваясь к слабому плеску воды. Собираюсь снять шлем, но осторожность сдерживает мою руку.

Я жду. Жду подтверждения того, что мне уже и так известно. Легионы Астарес не благословлены выдающимся воображением. Тактической смекалкой — да, возможно. Креативностью при создании стратегической обороны. Миллионным вдохновением, которое направляет нашу руку в неразберихе боя. Мы оставляем фантазию и изящество творческого воплощения хрупким рукам смертных. Я потню, как восхищался картинами Присцины Ксантоу, летописца и художника Двенадцатой экспедиции. Я не делился этими переживаниями с самой Ксантоу или же с вышестоящими, однако, созерцая ее картины, образы и интерпретации, я опасался затеряться в них.

Ее прекрасные изображения наших

первых достижений, кровавые и яркие, облагали невероятной жизнью и внутренним содержанием. Она рассказывала нашу историю в своих портретах и панорамах. Когда годы начали брать над ней верх, и ее отозвали на Терру, я ощутил, что экспедиция утратила толику своего памятного величия. Наши достижения никогда не казались столь благородными, как тогда, когда на них смотрели невероятные глаза Присцины Ксантоу. И уж точно не выглядели так впоследствии.

Когда я наконец открываю глаза в полутраке зала станции, то гадаю, как бы летописец изобразила чудовище, которое стоит передо мной на мелководье. Наделила ли бы она его глазами, ртом, или хотя бы лицом? Возможно, ее кисточки из шерсти гиринксов смогли бы схватить абсолютную, неземную кошмарность существа. Его чужеродную суть и то, как сама реальность отторгает илматериальное тело. Возможно, она смогла бы должным, опалаяющим разум образом оценить

хтоническую гротескность и уродство.

Я не в силах вообразить такой кошмар. К сожалению, мне нет нужды воображать.

Цоне Догона вырывается из воды, вдыхая холодный воздух разрывающимися легкими. Она тратит свой первый вдох на самый испуганный, сотрясающий душу вопль, который мне доводилось слышать за всю мою долгую жизнь, заполненную войнами.

Крик — это хорошо. Крик означает, что она по крайней мере еще жива.

Прожекторы моего доспеха озаряют зал станции блеклым светом, которого оказалось достаточно, чтобы демоническое чудовище увидело в не потревоженной поверхности озера собственное отражение.

Кроме того, этого света достаточно, чтобы я увидел, как Цоне Догона, остываясь, пятится по воде прочь от статуи зверя, созданной из тени.

Она все еще кричит.

Я приближаюсь к неописуемо ужасной кристаллической твари — это невообразимый кошмар. Я борюсь с

непроизвольным желанием отвести взгляд и заставляю себя смотреть на зверя. От этого зрелища у меня жжет в глазах. Я шатаюсь. Чувствую, как мой разум содрогается. Я проваливаюсь в стеклянные слои безумия. Обратившись к своей выучке, к сдерживаемой нуллификации предельных эмоций и к твердой основе психоиндоктринации, я продвигаюсь обратно к настоящему.

Я -- Гилас Нелион. Нелион Младший. Гонорарий ХТТТ Легиона, 82-я рота.

Все мое существо захлестывает ненависть к врагу. У него нет права существовать в этой вселенной.

Цоне Догона до сих пор кричит. Первопроходца больше нет. Даже облик окаменевшего демона оказался непосильным для ее хрупкого, слишком человеческого рассудка. Я размышляю о битве за Калт, о войне под поверхностью и более великой войне, которая еще предстоит. Стало быть, вот как выглядит наш грядущий враг. Истинные подданные и слуги Императора будут все чаще встречать зло в таком облике.

которое было призвано извне нашими братьями, пребывающими во мраке.

Обычные люди не готовы к такому зрелищу. Безумие поразит их, как поразило Цоне Догону.

Та кричит и кричит, ее разум сломлен. Быть может, будет благом избавить ее от этой муки?

Я отцепляю последний оставшийся заряд, пристегнутый к поясу магнитным замком. Трясущ болт в бронированной перчатке. Он гремит, словно изральная кость. Как и изральная кость, он ждет результата. Результата, который неизвестен в замкнутом пространстве перчатки, реализации, которую он может найти лишь в патроннике висящего на поясе пустого и враждебного пистолета. Я вынимаю пистолет и загоняю болт внутрь.

Оружие поднимается, оказавшись на одном уровне с кристаллической твердостью и кричащим Первопроходцем. Дуло перемещается между нити. Керамитовый кончик пальца нащупывает спуск, и мы оба — Нелион Младший и

оружие -- ищет свою реализацию.

Я был на охоте, когда увидел их. Это были... не знаю, кто это был. Плоть всех цветов радуги, которая изменялась и преображалась. Дюжины ртов, двигающихся по телам, изрыгавших пламя и поджигавших деревья. Лес пылал. А они парили. Я пытался их сбить, но лазерные выстрелы ничего им не сделали. Даже не повредили их кожу. Впрочем, привлекли внимание.

Я бежал. Бежал так быстро. Мне нужно было вернуться к Мелоре. Скорости не хватило. Там были другие такие же, а кабина горела. Я слышал ее крики.

Не знаю, что они такое, но знаю, что хочу поточь вам уничтожить их. Не за Императора и не за Жиллимана, как бы там его ни звали.

За Мелору.

Подземная Война

Аарон Дембски-Богден

Предполагается, что мы не ведаем страха. Это не просто слова. Не ведают страха --- основа биоалхимической тайны, которая странствует по незримым нитям наших генов. Мы рождены, чтобы сражаться и утирать, никогда не познав страха. Мы понимаем его. Терпим. Подчиняем себе. Однако мы никогда не страдаем от него, и потому не знаем его подлинного вкуса. Страх --- не более чем биологическая реакция, физиологический курьез, поражающий низших существ интеллектуальным расстройством различной степени тяжести. Это всего лишь первый шаг. Сначала необходимо не ведают страха.

Затем следует отважная
убежденность: посвящение жизни
абсолютной чистоте цели.
Возвыситься в ряды Легионес
Астартес означает, что
необходимо отбросить все
остальное. Твоя семья мертва.
Твоя молодость несущественна.
По меркам галактики ты
никогда не рождался. Ты
избавляешься от остаточных
притязаний на человечность.

Один воин -- ничто. Легион
-- все. Ты должен жить по
этому принципу. Должен быть
воплощением этих слов и
гарантировать, что каждый
вдох посвящен их претворению в
жизнь. Став костическим
десантником, ты больше не
человек. Ты -- легионер, тот,
кто преодолел пределы людских
забот и вышел в генетическую
чистоту трансчеловечности.
Ты облачен в цвета своего
Легиона, носишь символ своего

Легиона и служишь повелителю
своего Легиона. Ты держишь
оружие, выкованное в пламени
литейных твоего Легиона. Твоя
жизнь, дыхание и пот ---
культура твоего Легиона,
принесенная с родного мира
Легиона и проявляющаяся в
традициях и ритуалах Легиона.
Над легионером --- отделение ---
стая, коготь, звено, ячейка. Над
отделением --- только Легион. В
этом сила. В этом долг.

Долг должен притупить
все прочие чувства. Легионы ---
это оружие, не более того:
воины, созданные для войны, в
точности как орало,
переплавленное на меч. Мечи не
ведаят страха и не имеют
чувств. Они не тоскуют по
дням, когда чертили землю на
мирных полях, и не ломаются
еще до первого удара. Так же
дело обстоит с Легионами и
бывшими людьми, из которых

состоят их ряды.

Однако человеческий разум --- не чистый лист. Даже если взять сознание ребенка --- до того, как реалии жизни научат его принимать решения, идти на компромиссы и знать свои пределы --- холст разума уже окрашен множеством знаний. Мы --- не бездумные орудия, а разрыв с человечеством не означает, что мы полностью бесчеловечны. Человечность --- наша основа, та черта, на которой ведется строительство. В этом и заключена идеальная мощь облика и функциональности легионера. Несмотря на все свое невежество, Император сделал так много правильного. Мы --- оружие, в котором человечество нуждалось, чтобы притянуть на звезды. Не люди и не не-люди, а нечто за пределами и того и другого. Транс-люди, или даже

пост-люди, как говорят некоторые писатели. Быть может, ближе к истине будет «бывшие люди».

Как бы то ни было, как и у всего, к чему прикасаются люди, процесс не лишен изъянов. Некоторые разумны выдерживают вознесение от мальчика до легионера, и есть то, что врезано слишком глубоко, чтобы соскоблить его при создании души идеального солдата. Порой внутри воина остается слишком много от человека. Такие несчастны и дефектны, это мякина, опадающая с пшеницы. Несовершенные шестеренки в идеальной военной машине. Большинство не протягивает достаточно долго, чтобы вообще облачиться в керамит, не говоря уж о том, чтобы маршировать под знаменами Империи. Легионы ---

жестокіе фабрики плоти, и их
испытанія выбраковывают
слабых из числа сильных. Чтобы
быть Легионер Астармес, ты
должен не ведать страха и
вести жизнь, исполненную
абсолютного долга во имя
высшего идеала. Возможно, в
будущем процесс как-то
улучшится или изменится,
исчезнет глубинная
человечность, которая
составляет нашу основу. Если
такое произойдет, я не стану
завидовать тем приниженным
поколениям, что последуют за
нами. На данный момент не
существует надежного способа
убить человеческий дух в сердце
каждого воина. Подобное
пожелает только глупец.

Однако я не уверен, что со
мною согласятся повелители
всех Легионов.

трактат
неизвестного автора

Исчерпав боеприпасы и запас везения, Кауртал понял, что наконец добрался до безопасного места, когда увидел огонь.

Свет скромного костерка из обломков выхватывал силуэты живых и мертвых, которые отбрасывали тени на стены пещеры. Люди были сгорбленными и костлявыми, исхудавшими из-за плохого питания, согнутыми ранами и усталостью. Прежде чем они успели добраться до туннелей, большинство подверглись губительному воздействию радиационных ожогов и носили Отметку Калта, начертанную страданием на разрушающейся плоти. Их тени были безучастными марионетками, которые заторможено и неуклюже плясали на каменных стенах.

В облике самого Кауртала — громадного воина в шлеме, увенчанном гвүтя рогами — присутствовало суровое и трагичное величие, которого лично он

больше не чувствовал. На тeneвом воплощении не было видно повреждений, усталости, которая пронизывала тело до самых костей.

Соединительные разъемы вдоль позвоночника представляли собой пораженные болью скважины, вопиющие о необходимости ухода за ними. Такие же гнезда на плечах и груди, где происходило подключение к генетически усовершенствованному телу, были дырками в плоти, которые болезненно растягивались при каждом движении.

Кауртал точно знал, сколько времени провел здесь. Знал, хотя жил в мире, где не было дня и ночи, поскольку рунический дисплей глазных линз отслеживал каждый час, каждую минуту и каждую секунду, проведенные им в этом мире.

Он утратил собственный болтер шесть лет двести сорок дней тому назад. С тех пор он носил тринадцать других болтеров, забирая оружие у павших и неизбежно теряя его вновь в моменты наиболее жесточайших схваток.

Несколько секунд он наблюдал за

изрой теней, скользящих по древнему
камню. На стене пещеры, насмехаясь над
ним, мерцало его собственное изображение.
Крылатое. Розатое. То, что видели его
враги. То, что они видели почти семь лет

— Повелитель, — взывала к нему
группа покрытых струньюми,
окровавленных ничтожеств. —

Повелитель. Великий повелитель, прошу.
Благословите, повелитель.

Невероятно. Отчаяние заставляло их
верить, будто ему есть дело до их жизней.

Кауртал игнорировал всех,
направляясь к грозозной фигуре в дальней
части пещеры. Перед ним разбегалось все
больше отбросов и выживших, и их тени
плясали на стенах с дьявольской
быстротой.

Фигура поприветствовала его из
темноты, проявив огромное уважение тем,
что обратилась первой. Ее глазные линзы
были такими же синими, как небо в сезон
засухи над Городом Серых Цветов, дома на
Колхиде. Она неподвижно стояла, издавая
гул работающей брони. На шлеме были
клыки, громадные плечи указывали на

чуждовищную, нечеловеческую силу. Для Кауртала это был просто воин в доспехах катафрактария. Для людей, которые ему прислуживали, это был убийца, сотворенный по образу сгорбленного и давным-давно забытого божка-примата. Его голос доносился из voxа рычанием, похожим на удар грома на горизонте.

--- Джеругай Кауртал, --- произнес он. --- Ты еще жив.

Кауртал кивнул, и сочленения его собственного доспеха издали гудение.

--- Похоже на то.

Терминатор поднял тяжеловесную руку. Возможно, это было приветствие.

--- И вот наши пути вновь пересекаются, --- сказал он, --- на двести тысяч четыреста сороковой день.

В том, что Түүл помнил точный день, тоже не было ничего удивительного. Они все считали дни. Теперь Несущие Слово приветствовали друг друга подобным образом.

--- Ты последний из Избывающейся Рүны?

Кауртал не был уверен на этот счет.

Он уже несколько недель не видел никого из своего ордена. Если быть точным, пятьдесят один день, а те, кого он обнаружил, были телами, которым предстояло гнить в пещере, во всех прочих отношениях заброшенной.

--- Думаю, что это возможно, --- согласился он. --- Нам нужно поговорить.

Перед тем как ответить, терминатор молчал несколько секунд.

--- Ну, так говори.

--- Не здесь, --- Кауртал указал на рабов.

Двое Несущих Слово двинулись вглубь пещеры, а затем по ведущему из нее туннелю.

--- Түүл, --- обратился он к терминатору. --- Как ты их терпишь? Как ночь за ночью выносишь шепот и плач? Их молитвы раздражают мне уши.

Терминатор вышагивал в глубокой тьме, от его тяжеловесной поступи расходился раскатистый гул. Единственным светом был тот, который появился вместе с воинами: холодное как лед, бело-синее сияние глазных линз. Они

или все дальше в безмолвие, нарушая
безмятежность звуком шагов сапог по
катню и скрежетом сочленений госпехов.

— Разве мы не заслуживаем их
почтения? — спросил Түүл. Его голос
напоминал ученую лавину. — И разве боги
не заслуживают поклонения?

Продолжая идти, Кауртал провел
рукой в перчатке по неровной скальной
стене.

— Боги нас покинули, — сказал он. —
Как и Лоргар.

Из клыкастого шлема Түүла донесся
треск вокса, похожий на проскальзывание
шестерни.

— Богохульство, брат? От одного из
возвышенных Гал Ворбак?

Во мраке сухо прозвучал стешок
Кауртала.

— После бегства Кор Фазрона прошло
более половины десятилетия. Семь лет
туннелей, озаряемых ритуальными огнями
и дутьными вспышками вражеских
болтеров. Семь лет вдыхания соленой вони
человеческого пота и пряного мускуса
сочащихся язв, разрастающихся из

радиационных ожогов. Лорзар не вернется за нами, Түүл. Он никогда и не собирался возвращаться.

--- Солнце до сих пор изливает отраву в пустоту.

--- Возможно, поверхность Калта губительна для жизни, однако угасание утирающего светила едва ли представляет угрозу для спасательного флота, защищенного от радиации.

Түүл развернулся к нему.

--- «Спасательный» --- трусливое слово, Джерудай.

--- Называй, как хочешь. Да и нужен ли флот нашему владетельному отцу? Он внимает песне варна. Сплетаем и рвем его так же легко, как шелк. Почему бы не рассеять реальность и не придти нам на помощь?

Послеговала пауза, пока Түүл обдумывал это.

--- Ты пил из запястья Благословенного Сына и вкусил божественной крови. Как случилось, что именно ты из всего Легиона приходишь к нам с подобным кощунством? Что за

безумие побуждает тебя явиться в эту священную тьму и изрекать подобную ересь?

--- Говорите истину, --- без улыбки процитировал Кауртал, --- даже если голос угрожит.

Терминатор двинулся дальше. Кауртал какое-то время молчал, однако он не был самым терпеливым среди тех, кто когда-либо носил красные цвета XVJJ Легиона.

--- Ты замечал, что после этих двух лет даже пустые туннели пахнут кровью?

Түүл издал согласное ворчание, но ничего не сказал.

--- Твои слуги были разбиты, --- утвердительно заявил Кауртал.

--- Вчера, --- отозвался Түүл.

--- Тринадцатый сильно вас потрепал.

--- Сильнее, чем ты думаешь, --- сказал Түүл. --- Кровь, которую ты чуешь, --- моя.

Его боевой доспех находился в таком же плачевном состоянии, как и броня Кауртала --- как у каждого из Несущих Слово, которые застряли в мертвом мире пещер-городов. Запах вытекающей

жизненной силы мог исходить из любой обугленной пробоины в толстой броне. Терминатор постучал бронированным кулаком по нагруднику, нарушив тишину гробью стального барабана.

— Одно из моих сердец перестало биться. Второе работает с трудом даже сейчас. Возможно, у меня есть еще несколько дней, но совсем мало. Одним богам ведомо, что разорвано у меня внутри.

Наступило очередное продолжительное молчание, а затем вновь заговорил Кауртал.

— Я перемещался по подземному миру. Сражался, когда это было необходимо, но чаще просто наблюдал и выжидал. Изучал.

Тул оглядел его бездушными глазными линзами, ожидая разъяснения. Кауртал вздохнул и дал его.

— Я считал мертвых. Уделял внимание тем, кто теперь лежит бездыханными.

— Пали тысячи Ультрагесантников, — произнес терминатор. В его голосе было

только искренности, что слова
становились неоспоримым заявлением. ---
Возможно, десятки тысяч.

--- Я имею в виду не их подсчет, Түүл.

Еще одна пауза. Кауртал буквально
слышал перешептывание и пощелкивание
недовольных размышлений Түүла.

--- Я иду на поверхность, --- наконец
сказал Кауртал.

Клыкастый шлем Түүла повернулся к
Каурталу.

--- Выйти на поверхность --- значит
утереть.

--- Для тебя --- возможно. Я --- Гал
Ворбак. Моя кровь --- яд. Мое
прикосновение разъедает плоть. Я больше
года не ел ничего, кроме пепла, --- он
показал свою перчатку. На красном
кератите выступали зубцы и гребни
выбеленных костяных наростов, которые
также были видны по всей поверхности
доспеха. За месяцы во тьме кости
становились тверже и пробивались сквозь
кератит. Неожиданно, но это
сопровождалось лишь тупой пульсацией, не
отличавшейся от боли в мышцах после

ежедневной тренировки.

Терминатор бесстрастно взглянул на него.

--- Думаешь, что демон внутри делает тебя невосприимчивым к излучению больного солнца?

Сложный вопрос. Демон внутри безмолвствовал и был недосыгаем на протяжении нескольких месяцев. Кауртал уже наполовину убедил себя, что последняя схватка с библиариет Ультрадесанта каким-то образом истощила его --- возможно, правильнее было бы сказать: «подвергла экзорцизму», --- отделив божественное от плоти. Шавки Императора снова начинали понимать ценность запрещенного библиариума.

--- Думаю, довольно скоро увидим.

Крылья Кауртала снова вздрогнули. Плотно прижатые к спине, они являли собой бесполезный плащ из сложенных кожистых перепонок, пронизанных толстыми венами.

Он не летал уже несколько месяцев. Немногие из нещер были достаточно просторными для таких вольностей.

— Но почему на поверхность, брат?
Что тебя там ждет?

— Мертвые, — ответил Кауртал. —
Я намереваюсь выжить. Спасись с
Калта, пусть даже окажусь единственным
Несущим Слово, кому это удастся. И я
запомню тех, кто погиб здесь. Заставлю
Легион помнить.

— Они и так помнят. Мы не можем
уйти, не выиграв войну.

— Ты обманываешь себя.

Кауртал поднял руку, к керамиту
предплечья которой был прикручен и
прибит помятый железный медальон в
виде звезды.

— Где Резная Звезда? — воин повернул
руку, демонстрируя ритуальную
гравировку волнистой змеи. — Где Аспиды
Священных Песков? — он потянулся к
закрепленному на нагруднике изорванному
пергаменту, на котором едва виднелся
отпечаток красной лапони. — Где
Освежеванная Ручка? Я скажу тебе, Түүл.
Резная Звезда мертва. Аспиды Священных
Песков мертвы. Освежеванная Ручка —
труны на дне ямы. Они погибли в засаде

Ультрагесанта, и их черепа косятся вверх, безмолвно смеясь над собственной участью. Сколько нас осталось? Мы ведем голодающих слабаков на войну, у которой есть лишь один финал — Тринадцатый нас уничтожит, а наш собственный Легион об этом не вспомнит.

Говоря, Кауртал повернул наплечник, показав изуродованный символ Извивающейся Рүны.

— Сколько орденгов тут погибло, Түүл? Прошло семь лет. Где твои братья? — он указал на ощерившуюся демоническую торгу на наплечнике терминатора. — Где остальные люди Хол Велофа?

Двое Несущих Слово застыли в многозначительном молчании, не говоря больше ни слова. Для Кауртала темная пещера воплощала собой все прочие пещеры, каждую ночь в лишенной света, пахнущей кровью черноте.

Наконец Түүл заговорил.

— Джерүдай, ты действительно натереваешься бросить Легион?

— Это они нас бросили, — ответил

Кауртал. — Лоргар не придет. Легион оставил нас утирать. Я иду на поверхность.

— Ты обрекаешь себя на отступничество, — терминатор прорычал командую на колхидском, и из гнезд на тыльной стороне громадных перчаток выгвинулись клинки. — У тебе известно, что я должен убить тебя за одни лишь эти слова, — признался Түүл.

Кауртал кивнул.

— Известно, что ты должен попытаться.

Грязные тайны всегда имели свойство быть погребенными глубже всего. После того как Кауртал покинул пещеру Түүла запятнанным кровью и еще более помятым, чем до визита, ему потребовался почти месяц, чтобы добраться до поверхности. Путешествие выдалось нелегким. Подземная Война продолжала бешевать, как бешевала почти семь лет: жестокими стычками ирывками, на несколько ночей заполняя пещеры тясорубкой всепоглощающего

насилия, а затем затухая, чтобы дать несколько часов передышки.

Кауртал сражался на Усстване V, когда небо чернело от дыма погребальных костров трех разбитых Легионов. Пока ему не пришлось зарыться под поверхность Калта, он искренне полагал, что Усстван был вершиной возможного на войне.

Бросив своих братьев внизу, отступник зашагал на запад. Постоянно на запад, навстречу заходящей дуге отравленного солнца. Раздутая синяя опухоль пятнала собой небо, напоминая раковое образование своим видом и воздействием своего излучения.

Он помел внутри доспеха там, где броня еще не стала кожей. Что же касается тех мест, где плоть срослась с кератитом, он либо не нуждался в отшелушении, либо просто еще не сталкивался с условиями, достаточно негативными для телесной реакции. Порой он кашлял кровью, изрыгая ее из звериной зубастой пасти, в которую превратилась ротовая решетка. Это была не радиация. Всего лишь адаптация тела.

Пока он шел на запад, призраки Калта продолжали сражаться. Они не обращали на него внимания, поскольку являлись лишь воспоминанием, а он был из железа, крови и костей. Несущий Слово слышал их крики и вопли, видел мертвых воинов как вспышки и мерцание на границе зрения. Он слушал, как они ведут войну, уже проигранную обеими сторонами, повторяя собственные роли в день гибели мира.

Когда он не шел, то летел. До Калта его крылья были прекрасны — белые и чистые лебединые крылья. Подземная Война высосала из них здоровье и вынудила сбросить перья, словно осенние листья, ускоряя Преображение по мере того, как дэмон внутри усиливал влияние на геноког. Лебединые крылья превратились в нечто костистое и покрытое клинками — полосы кожистой плоти с узором молний из толстых вен на гладких перепонках. Несомненно, более сильные. Более полезные. Сильные, но странные. Они пахли животными мускусом и потели кровью. Раскрывать их по ощущениям было все

равно что расставлять руки.

Несмотря на вес доспеха, трех взмахов хватало, чтобы оторваться от земли. Он не мог летать долго, поскольку усилие вытягивало всю силу из мускулов, однако, оказавшись на достаточной высоте, был в состоянии планировать час и больше.

Во время путешествия Кауртал не спал. Эволюция вывела его за эти пределы, даже за более щадящие пределы, полученные при перерождении в виде Легионес Астартес. Ему больше не нужно было есть, хотя его постоянно терзала жажда. Язык опух от обезвоживания. Глоток своей слюны приносил благословенное, но ложное облегчение. Порой он глотал собственную кровь.

Он странствовал по бесконечным равнинам, с хрустом давя сапогами почерневшую растительную шелуху. Океан несжатых злаков, которые высохли и истлели от жара драконьего дыхания облученного солнца.

На девятый день пути он прошел сквозь грязевую бурю. Солнечная радиация

терзала Калт, изгнала с нит, насмехаясь
на метеорологическими картами.
Отступник увидел, как горизонт
потемнел от приближающегося вихря ---
приливной волны из земляной пыли и
измученной почвы. Кауртал приготовился
к шторму, катившемуся с западных гор,
хотя все приготовления состояли в том,
чтобы плотнее прижать крылья к спине.
Инстинкт заставил потянуться и
проверить проводящую металлическую
полосу магнитного фиксатора, которая
прикрепляла болтер к бедру... и воин
нащупал лишь разреженный воздух.
Кауртал давно потерял свое последнее
оружие.

Когда вой ветра достиг пика, а на
кератитовую броню обрушился
непрерывный обстрел камешками,
отступник продолжал тащиться во тьме,
ослепленный прахом оскверненного мира.
Несущему Слово было нетрудно
представить, что планета ненавидит его
--- как будто дух мира чувствует
последнего нечестивца на поверхности и
хрипло испускает последние загрязненные

вздохи, чтобы досаждать ему. Кауртал знал войну и знал, как умирают воины. Сколько скользнуло в смерть с последним проклятием на губах? Калт явно не был исключением.

На одиннадцатый день Кауртал добрался до первого могильника. За этим он и вышел на поверхность. Вот почему он находился здесь. Кто-то должен был запомнить.

Могильник не имел ничего общего с обычным порядком деревенских кладбищ с их рядами каменных плит и еще меньше напоминал истертые песком хенджик-менгиры колхидских захоронений. Перепаханную землю толстым слоем покрывали последствия побоища. В нездоровом сиянии гнили корпуса танков, потемневшие от ржавчины и скалящие больные зубы изъеденных коррозией бульдозерных ковшей. Тела мутифицировались в расколотых доспехах, растрескавшихся навстречу иссушающим лучам Веригии.

Кауртал шел среди убитых, выискивая символы, вырезанные,

выжженные и высеченные на наплечниках. С каждого трупа в красной броне свирепого взгляда окрашенный серым череп. На его устах был закрытый железный замок, не позволяющий сказать ни слова.

Безмолвные. Здесь погибли
Безмолвные, уничтоженные
контрнаступлением Ультрагесанта.
Стало быть, эти погибшие не
принадлежали к его ордену. Безмолвные
были воителями-мудрецами под стать
всем остальным и сговаривали свои языки
гордыми, очень гордыми обетами
молчания. Кауртал уважал их, но имел с
ними мало общего.

Среди Несущих Слово лежали сотни
обогранных скелетов, облаченных в
лохмотья одежды и грязные тряпки.
Несомненно, верные последователи
Безмолвных. После почти семи лет на
порченом солнце от них осталось
немногом больше, чем голые остовы, но
Кауртал знал, что если бы он наткнулся
на этот могильник в часы после боя, то за
отвисшими челюстями оказались бы
лишенные языков рты — демонстрация

того, как Безмолвные ритуально
калечили своих связанных клятвой рабов.

Кауртал забрал у непогребенных
мертвецов две вещи. Первой стал болтер,
покрытый вырезанными метками убийств
и пятнами коррозии, но оказавшийся
рабочим, когда при тестовом выстреле
вознал заряд в броню застывшего
неподалеку «Носорога». Кауртал не
чувствовал вины за нарушение тишины на
месте побоища. Он не смог бы проявить к
мертвым больше неуважения, чем они уже
вынесли, иссушаемые до костей
загрязненным светилотом.

Вторым, что он забрал, был
талистан с шеи воина. Простое ожерелье
из дешевой бронзы с именем воина,
обозначением отделения и символом
ордена, написанными колхидской
клинописью. Редкий знак — подобное чаще
встречалось среди низших солдат
Имперской Армии, идентификационные
жетоны которых были необходимы для
подсчета потерь. Как будто кто-то стал
бы считать жалкие человеческие трупы
на войне, которую ведут Легионы.

Кауртал обмотал безделушку вокруг
занястья и направился на запад, оставив
первое кладбище позади.

Спустя три дня он достиг Дейнхолда.
Город лежал в пыли — в небе
выднелись обрушенные башни и мертвые
шпили, улицы были изограны следами
танковых гусениц. В павших районах
города встречались глубокие рубцы-
разломы, оставшиеся после орбитальной
бомбардировки, когда огонь лэнсов
прошелся по жилым центрам и
расправился с городом еще до того, как
тот осознал, что его атакуют.

Кауртал сражался здесь сразу после
высадки. Он пробивался по пылающему
городу, бросаясь на стены щитов
Ультрагесанта или отстреливаясь из-за
баррикад, наваленных из упавших катней и
изуродованных тел. В перестрелках на
бегу отсутствовала порождающая
клаустрофобию теснота, столь
вездесущая и чрезмерная в подземном
мире. В тот день болтеры стреляли без
эха от окружающих скал.

Как же славно было сражаться свободно. Он даже летал, расправив крылья и паря над охваченными битвой улицами, по возможности обстреливая беспомощных воинов внизу.

Однако то было тогда, а это было сейчас.

Кауртал рискнул зайти в город, продвигаясь по безмолвным улицам и обходя разбитые танки с обрушенными зданиями. Шли продолжали выситъся с сокрушенным величием, их взорванные стены были открыты свету губительного неба. Тела превратились в лишенные кожи и мышц кости, многие лежали на крокотовой дорожке, протягивая руки к неработающим лапкам и пулевым винтовкам.

Еще больше погибло безоружными, в одиночестве или сбившись в кучу. Часть останков была разбросана по улицам и площадям, другие сидели по углам или прятались в укрытиях.

Возможно, инстинкт заставил их бежать и суетиться в последние мгновения. Быть может, они утерли,

когда с небес пошел огненный дождь или
когда союзники Магистра Войны
приструнили Калт болтером и клинком.

Спустя считанные минуты после
того, как воин вошел в город, он обнаружил
первых Несущих Слово.

Кауртал с глухим стуком
приземлился, расколов рокрит подошвами
при ударе, и прижал крылья к спине.
Проспект представлял собой сцену из
какого-то пророческого наброска
апокалиптического ада из времен до
Объединения. Превратившиеся в скелеты
внутри доспехов Ультрадесантники и
Несущие Слово были пронзены копьями и
строили баррикады из собственных тел.

Он шел среди мертвецов, деликатно
проводя пальцами по расколотому
кератиту. От одного Ультрадесантника
остались только прах и фрагменты брони
под гусеницами «Разящего клинка». Из-под
мертвого танка тянулась одинокая рука,
единственное свидетельство того, что
там погиб воин. Одному из Несущих Слово
трижды пронзили грудь, пригвоздив к
каменной стене жилого шпиля. Четыре

сотни мертвых воинов и кости военных
рабов у их ног.

Над всем пейзажем висел низкий гүл,
от которого у Каұртала заныли зұбы.
Некоторые из госпехов мертвых
костодесантников продолжали работать
даже спустя столько времени, гүдя в лаг
спинным силовым ұстановкам.

Один из трұнов привлек к себе взгляд
Каұртала. Воин приблизился с ұверенной
осторожностью, словно медуұт,
готовящийся встұпнуть в контакт с
неұпокоенными. Броню ұбитого Несұщего
Слово ұкрашали золотые рұны ---
божественные знаки на кроваво-красном
фоне, символы Начертанных. Каұртал
хорошо знал этот орден.

--- Здравствұй, Джирваш, --- обратился
он к пронзенному капитану.

Джирваш не ответил. Вообще не
пошевелился.

Каұртал потянулcя к шлему брата и
расстегнул затки на воротае мертвого
воина. Шлем подался со змеиным
шипением выходящего сжатого воздуха, и
перед глазами Каұртала оказался

обтянутый высохшей кожей череп, некогда
бывший лицом Джирваша. Запах
разложения, наконец-то получивший
свободу, был настолько сильной
газообразной гнилью, что у Кауртала
защипало глаза. Будучи ребенком, он видел
на улицах Города Серых Цветов, как яйца
кровавых мух лопаются в брюхе мертвой
собаки. Запах был точно таким же.
Кауртал эволюционировал за пределы
отвращения, но не избавился от укусов
горьких воспоминаний.

— Ты скверно утер, Джирваш, —
интонация не допускала вопроса. — Но
разве так не со всеми...

Череп таращился в ответ, в его
пустых глазницах не было ни узнавания, ни
согласия. Просто отверстия,
демонстрирующие отсутствие жизни и
личности.

Кауртал уронил шлем на дорогу и
потянулся за изукрашенным кинжалом,
висевшим в ножнах на бедре мертвого
воина. Ржавый клинок тоже покрывали
божественные руны. Еще одно
напоминание. Еще один орган, который

наглежит полнить.

Он отвернулся, распростер крылья и напряг мышцы, чтобы рвануться в небо.

--- Кауртал, --- произнес трүн позади него.

За год до Калта, в один из дней после Усствана V, Кауртала вызвали на «фигелитас Лекс». Он ожидал, что придется докладывать о потерях Извивающейся Рүны на смертных полях, или же, возможно, инструктажа по набору новобранцев, чтобы сгладить жестокие потери, понесенные в сражении с Гвардией Ворона.

Разумеется, он ошибался. На самом деле его звали на смерть.

Об Арзеле Тале, Алом Владыке, уже шептались по всему флоту. Он и его люди --- так называемые Благословенные Сыны --- явили истину своих божественных тел. Они были отмечены прикосновением богов и ныне являлись уже не людьми или легионерами, а священным союзом плоти и духа. Если выражаться совсем примитивно --- одержимыми. Если смотреть иначе, то

вознесенными.

Алый Владыка ожидал в погребальных залах на борту «Лекса», наблюдая, как сервиторы возводят бронзовые и мраморные статуи убитых в негавнем побоище.

Арзел Тал был облачен в красный кератит, еще не принятый остальными Легионом. Вскоре этому предстояло измениться, поскольку все легионеры надели броню алого цвета артериальной крови перед предательством на Калте. Лицо воина было ступгло-коричневатым, как и у всех Несущих Слово, рожденных в пустыне, а в глазах читалась сдерживаемая эмоция — нечто среднее между неразделенной болью и невыпущенной злобой. Он говорил мягко и спокойно, но казалось, что и то, и другое требует от него усилия.

— Сержант, — поприветствовал Арзел Тал. Теперь он говорил двукратными голосами: мягким собственным и басовитым гулом существа внутри него.

Кауртал не знал, какое звание Арзел Тал носит после Преображения, и так и

сказал. На губах грустного воина появилась
скудная, натянутая улыбка.

--- Гал Ворбак, --- ответил Арзел
Тал. --- Пока что.

Вскоре Алому Владыке предстояло
создать Вакра Джал --- Орген Освященного
Железа --- но тогда Кауртал об этом
понятия не имел. А если бы и знал, это все
равно не вызвало бы у него подозрений. Не
так скоро после исстванской победы.

Арзел Тал больше ничего не сказал.
Он смотрел, как сервиторы
устанавливают статую стройной молодой
женщины в струящемся платье.

--- Так, стало быть, это правда, ---
отважился Кауртал. --- Благословенная
Леди пала.

--- Насть могут воины, --- Арзел Тал
обернулся к Каурталу, и его слова
подчеркнуло движение удлиняющихся
зубов. --- Ее убили.

--- Дурное предзнаменование, --- тихо
заметил Кауртал.

--- Не стану спорить, --- отозвался
воин. Они на несколько секунд погрузились
в товарищеское молчание, наблюдая за

работой сервиторов.

--- Зачем меня вызвали? --- спросил Кауртал. --- Я навлек неудовольствие лорда Аврелиана?

--- Вовсе нет. Он хочет предложить тебе дар.

В голосе Гал Ворбак было нечто такое, от чего у Кауртала по коже поползли мурашки.

--- Дар, --- повторил он со сдержанной безучастностью.

--- У тебя есть выбор, --- Алый Владыка либо не чувствовал тревоги брата, либо предпочел проигнорировать ее. --- Лоргар велел мне увеличить численность Гал Ворбак. Ему нужно больше Благословенных Сынов как для штурмовых сил на Калте, так и для флотов, которым поручено рассеяться по Ультратару.

У Кауртала перехватило дыхание.

--- Вы можете это сделать? Переплести плоть и дух по собственной воле?

--- Притарх попросил, и я повинуюсь.

Судить задним числом --- коварное

благо. Слишком часто то, что могло случиться, в равной мере затанчиво и бесполезно. В тот миг в сознании Кауртала пронеслась сотня вопросов: о крови и боли, о телесном кошмаре разделения собственной плоти с чужеродной сущностью.

И Арзел Тал ответил бы честно, поскольку не был лжецом. Он рассказал бы об изменениях, о выворачивании костей, о кипении крови и о безумии, когда два голоса делят место внутри одного разума.

Однако Кауртал ни о чем не спросил. Стремительно бьющееся сердце не допускало ничего, кроме неистового прилива соблазна.

— А в чем мой выбор?

Арзел Тал кивнул, уже зная, чем все закончится.

— Ты можешь полностью воздерживаться от приема пищи и вырезать на своей плоти священные знаки, — сказал он Каурталу, — очищая свое смертное тело для грядущего союза. Если затем услышишь зов Нерожденных из-за пелены, можешь придти ко мне. Если

переживешь ритуал, я дам тебе вкусить
моей крови для начала слияния и поведу в
новую жизнь как одного из Гал Ворбак.
Нерожденные никогда не откажутся от
столь верного носителя.

Голог. Очищение. Транс, видения и
шрамы.

Он не боялся испытаний, поскольку не
ведал страха. И все же уродование
собственной плоти вызвало у него
колебание. А если он не справится с
подношением? Если не сможет в полной
мере восстановиться? Вдруг потребуются
обширная бионика, просто чтобы стоять и
сражаться рядом с братьями в будущем?

— Вы упоминали о выборе, — вновь
напомнил Кауртал.

— Так и есть. Как я только что
объяснил, ты можешь пройти необходимое
очищение. Или же можешь отважиться на
более примитивное и резкое подношение и
попытаться, чтобы Нерожденные сочли тебя
достойным союза. Так этот дар приняли
первые из нас, хотя тогда мы не понимали,
что предлагает.

— Что если я выберу быстрый путь? —

спросил Кауртал.

--- Это более опасно. Успех вероятнее, однако неудача влечет за собой смерть.

--- Но если я его выберу?

Арзел Тал подыскал верные слова.

--- У каждого из нас это было по-своему. Некоторые видели лишь черноту, другие видели наше прошлое, а некоторые, как Ксафен... --- Арзел Тал указал на изваяние, которое водружали на постамент. --- Ксафен видел будущее. Видел то, что может произойти, если будущее будет следовать по одному из многих тысяч возможных путей.

Каурталу не потребовалось времени на подготовку ответа.

--- Я пройду тем же путем, что и вы, мой повелитель.

Его нетерпение не вызвало у Арзела Тала улыбку. Опять же, если оглянуться назад, это ничего не значило.

--- В таком случае, когда ты окажется в варне, я выведу тебя в специально незащищенную часть корабля, из-под сутрачной опеки поля Геллера. Ты предложишь то же, что и я, и сделаешь то

же самое.

--- Что я должен предложить? Что должен сделать?

Арзел Тал извлек золотой меч, явно сделанный на Терре для Легионес Кустогес. В руках Несущего Слово клинок не должен был полыхнуть и ожить, однако именно это и произошло. По похищенной стали побежала рябь змеек-толний.

--- Ты должен предложить свою жизнь, Джерудай, --- Арзел Тал приставил острие клинка к горлу брата. --- Ты должен умереть.

Кауртал вздрогнул, услышав голос труна, однако Джирваш стоял неподвижно и безжизненно, сгорбившийся у стены и пригвожденный копьями, которыми был пронзен. Солонцеватый ветер грел о броню мертвеца стремительно летящей мелкой галькой.

--- Джирваш, --- произнес Кауртал. Он не боялся. В голосе не было беспокойства. Нет, никакого. Совсем никакого. Обитающий в крови демон не в силах это изменить.

Конечно.

Он с угрожающим участием поскреб ребристыми костяными выростами по боку черепа.

--- Джирваш, --- повторил Несущий Слово.

Ничего. Просто очередной призрак Калта. Бескожая голова Джирваша наклонилась и упала, ударившись о прокритовую дорожку.

Если это являлось знамением, Кауртал совершенно не представлял, что оно должно было означать. С Несущими Слово на этом проклятом мире едва ли могло случиться что-то более худшее. Никогда еще всеподавляющая молниеносная победа не соседствовала так тесно с затянута́вшимся мучительным поражением.

Неподалеку раздалось более громкое гудение силовой брони. На краю зрения заплесала тень. Кауртал снова обернулся, чувствуя, как пальцы удлиняются и становятся тверже, а кожа слезает с кривых ногтей. Человеческая реакция на тревогу проявлялась в ускоренном сердцебиении и выделении пота от

страха, но тело отреагировало, создавая оружие из плоти и перевода его в божественно-убийственную форму. Кости скрипели и вытягивались. Плоть рвалась и преображалась. Это было не мучительно, однако не лишено болезненности.

Он устоял на заброшенный проспект. Чувства обострились и стали чуткими, словно у зверя. Тела лежали так же, как и раньше, а здания стояли безмолвно, будто вбитые в грязь надгробия километровой высоты.

Кауртал, — раздался голос внутри. От неожиданности губы растянулись, обнажив зубы, и воин впервые за несколько месяцев почувствовал, как демон шевелится внутри. Это было медленное ощущение, как будто нечто раздутое двигалось в иле на дне озера. Кровь стала гуще, а костяные выросты, торчащие из брони, отозвались симпатической болью. Он ощущал, как сущность внутри шарит своими чувствами, вытягивая усики сознания и лениво сплетая их обратно.

Мы больше не в пещерах? Это была не совсем речь. Мысли демона

фортировались в черепе Кауртала лишь
немногим медленнее его собственного
внутреннего монолога. «Разговор» с
существом внутри был прост и
трудноуловим — плавная передача образов
и понятий по первому же желанию.

Ты спал больше трех месяцев, —
отправил Кауртал ответный импульс. —
Это поверхность.

Раны вынудили меня утолкнуть в
оценении.

Была ли в мыслях демона грань
оправдания? Кауртал был вполне уверен в
этом.

Синий ткач варна тертв?

Воин вспомнил битву. Бывает боль,
которая вползает в разум и остается там
так же прочно, как щепка под ногтем.
Ощущение того, как колдовская молния
рвет саму душу, было именно таким.

Боль стала... откровением. Он
стучно помнил, как стаялся и усваивал
урок, пусть даже сознание грозило утонуть
в милосердном сером тумане. Пусть даже
кровь закипела в венах, а вторая душа
рухнула в недосигаемую тьму.

Библиарий мертв, -- передал в ответ
Кауртал. -- Уже три месяца в могиле,
сражен моей рукой. Я бросил Подземную
Войну.

Я голоден.

На поверхности нет крови.

Демон потянулся внутри тела
Кауртала, заполняя кости до самых
кончиков пальцев рук и ног. От мышечных
спазмов пальцы затрещивали, а левое веко
начало подергиваться.

Но я голоден, -- снова произнес демон.
Кауртал лязгнул зубами, когда разумная
боль просочилась по челюстной кости.

-- Я голоден, -- снова повторил демон,
на сей раз устали Несущего Слово.

Кауртал подавил грожь, а затем
устрился и самого симбионта. Это
потребовало сосредоточения, но
концентрация не позволила демону
предъявлять какие-либо притязания на
материальное тело.

Каурталу всегда лучше всего
помогали математические уравнения.
Некоторые из Гал Ворбак молились или

же просто отдавались обитающим внутри
кожи демонам, позволяя Нерожденным
забирать их по собственной воле, однако
Кауртал всегда подавлял священного
паразита, повторяя глинные, запутанные
вычисления. Их перечисление и решение
занимало разум, освобождая мысли от
страстей существа.

Наши крылья болят, Джерүдай.

Они атрофировались. Мы слишком
долго пробыли во тьме.

Я голоден.

Хватит. У нас есть долг.

Демон скользнул по венам. Кауртал
почувствовал, как тот тужо обвиняется
вокруг позвоночника и облизывает нити
нервов по ту сторону глазных яблок.

Что за долг?

Кауртал отвернулся от безголового
трупа навшего брата и двинулся прочь по
городским руинам.

Долг заставит Легион полнить с
нас. Я собираю реликвии всех орденов.

которые по...

Неудовольствие демона отозвалось
импульсом боли в скрученных жгутах
внутренностей Кауртала.

Легионы, гордость, память и
братство. Человеческие заботы.
Человеческие обязанности. Давай
охотиться, питаться и...

Нет.

Он прервал демона с такой же
мягкостью и силой, как Нерожденный перед
этим перебил его. Рот Кауртала
представлял собой изуродованную
мешанину керамита и костяных зубов. Он
сплюнул кровь на дорогу.

Нет. Для меня это важно.

Руку сбоку рассекли щели. Четыре
новых глаза, желтые, как у рептилии,
открылись и глянули на мертвый город.
Они повернулись в глазницах из керамита
и мышц, а затем закрылись и затянулись.
Кауртал почувствовал, что еще несколько
открывается на лопатках, а еще один — на
колени. Они тоже повернулись, уставились,
а затем срослись с тягучим и влажным

перешептыванием.

В грудной клетке что-то пошевелилось. Еще что-то двигалось в кишках. Он ощутил отбращение демона.

Ты насквозь изъеден раковыми опухолями. Эти черные плоды висят внутри тебя, отравляя тело болезнью. Без меня ты бы умер, Джеругай. Это помолничество на поверхность прикончит тебя.

Солнце до сих пор ядовито, -- передал он в ответ.

Я это вижу лучше тебя, хозяин.

Демон что-то сделал внутри груди. Последовало шершавое ощущение густого сока, текущего по внутренностям.

Я могу раздавить эти черные плоды, вырвать их из колыбели плоти и костей и растворить в крови. Будет больно.

Всегда больно.

Помолчи. Дай мне спасти нас от глупости человеческой гордыни.

Кауртал успел сделать три шага, прежде чем в глазах поплыло, и он упал на

колени. Данные Легионом органы чувств компенсировали любое головокружение с момента имплантации в слухно сохранившемся в памяти детстве, и дезориентация оказалась незнакомой и неприятной. Воин рухнул на четвереньки, одурманенный, словно пьяница, а что-то змееподобное скользнуло за глазами и начало вгрызаться в плоть разума.

Твой мозг налит гнилью. Чужо, что ты не ослеп.

Кауртал почувствовал, как клыки сжимаются, нарушая безмолвие улицы фарфоровым визгом. Один из когтей сломался о рокрыт, но из кровоточащего пальца высунулся недоразвитый новый. Слева, в полуметре от когтистой руки, мертвый Несущий Слово уставился на Кауртала глазными линзами цвета свежего инея.

--- Брат, --- поприветствовал он трүн, ощущая нездоровое желание расстаться. Доспех был слишком поврежден болтерами, чтобы остались хоть какие-то намеки на принадлежность к ордену. Значение имели только вырезанные на

кератите божественные руны. По крайней мере Кауртал запомнит их и донесет Легиону. В качестве доказательства у него был нож Джирваша.

Мертвый воин посмотрел на него бледными, словно лед, линзами глаз.

--- Кауртал, --- произнес он. Голос был сатым солонцеватым ветром, он складывался из переештываний и стукалы о броню. --- Ты бросил нас.

Он предпочел быстрый путь, подозревая, что такой выбор наверняка бы сделал всякий Несущий Слово, кому предложили бы столь редкий дар. Каким же лишенным веры трусом надо было быть, чтобы сомневаться перед лицом возможности слиться с Божественным? Он хотел получить такое же благословение, как и Гал Ворбак, а не проводить месяцы в терпеливой молитве.

--- Давайте, --- заявил он Арзелу Талу и даже запрокинул голову, подставляя горло.

Однако Алый Владыка убрал клинок в ножны и вновь перевел взгляд на

поднимаемые статуи.

--- Завтра, --- произнес воин своим странным двойным голосом. --- возвращайся на свой корабль, Джерудай. Подумай над моим предложением, и если захочешь завтра умереть, то я лично убью тебя.

Кауртал исполнил приказ. Оказавшись на борту «Траурной песни», флагмана ордена Извивающейся Рины, он избегал своего отделения и отказался советоваться с кем-либо из братьев. К нему приходил капеллан, который спрашивал разрешения войти в покои для медитации, однако Кауртал отослал воина-жреца, попросив оставить его в одиночестве.

На следующую ночь он совершил телепортацию обратно на «Фигелитас Лекс». Пока оба корабля пребывали на милости волн варна, подобное перемещение было опасно, однако использование незащищенного десантного штурмового корабля стало бы бесполезным самоубийством.

Когда визжащая и змеящаяся дымка телепортации рассеялась, Арзел Тал уже

ждал. Закнутанные в рясы рабы пели и
топились, а по краям помещения
трудились сервиторы, которые бортомали
и регулировали рукоятки архаичных
машин с часовым механизмом.

На сей раз Арзел Тал был в шлеме.
Кауртал отреагировал на присутствие
своего повелителя салютом, приложив
кулак к сердцу, хотя и казалось, что они
переросли столь обычные формы
обращения.

--- Вы знали, что я придю, --- произнес
он.

В ответ Арзел Тал только обнажил
меч и зашагал прочь.

Кауртал последовал за ним.

Он вскочил на ноги, широко раскинув
крылья и сжимая в руке массивный
трофейный болтер. Фигурное дуло
целилось в мертвое тело, запрещая трупу
двигаться, говорить или подавать любые
признаки жизни, которой тот не должен
был обладать.

Нерхулут, --- безмолвно обратился он
внутрь себя.

Я же велел молчать. Думаешь, легко заново сплести смертную материю? Твоя плоть ослаблена солнцем, и ее воссоздание вызывает у тебя внутреннее кровоотечение. Дай мне поработать, чтобы спасти нас, Джерудай.

Несущий Слово стоял посреди улицы, тяжело дыша. Оба его сердца сильно бились.

Ты этого не слышал? — практически выкрикнул он.

Я слышу текущий шепот твоих напрягающихся органов, пораженных раком. Слышу твою награду за то, что ты бросил Легион.

Тут есть что-то живое. Он продолжал целиться из болтера вниз.

Тут нет ничего живого. Опухоли, которыми изъеден твой череп, давят на мозг и играют с сознанием. Не более того.

Это звучало правильно. Верно.

И все же казалось ложью.

После пробуждения демона он стал сильнее. Чувства обострились, они дотягивались дальше. Ни на улице, ни в

пустых окнах разбитых жилых шпилей
ничего не двигалось. Кауртал чувствовал
угольный страх коррозии гниющих танков
и запах корицы, исходящий от
помертвевшего мускуса давно разложившихся
тел. Запах убитого города.

Мертвые мертвы. Они не говорили.
Не обвиняли в том, что ты бросил
братьев и нарушил свой долг.

Кауртал выстрелил, и шлем
разлетелся взрывом осколков и кусков
кости.

Мелко, — раздался голос демона.
Пусть это слово и не прозвучало, но для
разума Несущего Слово оно точнее всего
воплощало утомленное порицание демона.

Какое-то мгновение он стоял на
дороге, глядя на привязанные к доспеху
безделушки и реликвии. Напоминания о
павших орденах, оставшиеся после горькой
победы и теперь чахнувшие, забытые XVII
Легионом.

Кто-то должен был это сделать.
Кто-то должен был заставить помнить о
павших. Восемь лет назад он стоял на
одном из кладбищ флагамена вместе с

самим Арзелом Талом и видел, как мертвых воинов увековечивают в прапоре и бронзе. Убитых на Усстване, чью жертву помнили и чтили. Где справедливость по отношению к убитым на Калте?

Он предстанет перед Лоргаром и бросит к ногам примарха реликвии погибших орденов. Все прочее не имело значения.

Вскоре после того как Кауртал оставил Джирваша позади, он наткнулся на остов мертвого титана. Говорили, что жрецы Механикута создавали свои боевые человекоподобные машины по образу Бога. Машины — такие же тотемы, как теистические аватары из времен до Старой Ночи — однако «Разбойник» выглядел куда менее величественно в своем жутковатом покое. Мертвая машина лежала в пыли, распростершись на перепаханной земле и полностью утратив связь с родом своих хозяев.

Нетрудно было разглядеть смертельную рану. Любовая панель «Разбойника», словно рытвинами угрей,

была покрыта воронками и трещинами от прошедших насквозь ракет. Скорее всего, командный экипаж не тучился перед смертью. Вспышка пламени, выжженная кабина — и они умерли еще до того, как титан ударился о землю.

Кауртал приземлился на плечо машины, глубоко всадив в изъеденную коррозией броню когти на сапогах. Оттуда открывался хороший обзор на уничтоженную площадь.

Ржавчина глубоко взрылась в броню титана, и стало сложно определить его изначальную принадлежность. Земля вокруг павшей громадины была устлана мертвыми воинами из обоих Легионов, но на проспекте к востоку обвалился жилой шпиль, который покрыл землю полуметровым слоем пыли с обломками и присыпал мертвых неплот.

Беспорядочно расположенные насыпи отмечали места последнего упокоения бесчисленных воинов. Это было ближайшим подобием кладбища из всего, что когда-либо ожидало мертвецов на поверхности Калта.

Нерхүлүм хранил молчание, предположительно вырезая отравленную плоть из тела Несущего Слово.

Кауртал спрыгнул вниз и зашагал среди грязи и обломков. Его красный доспех до пояса стал серым от пыли, поднимавшейся при ходьбе. Первым телом, которое он вытащил из пыльного могильника, оказался Ультрагесантник в кобальтово-синем облачении, и Кауртал уронил труп обратно в сухую грязь. Закружились пыльные вихри, протестующие против непочтительного обращения с навшим.

Второй тоже был Ультрагесанником. Как и третий.

Воин нашел Несущего Слово, однако рука трупа с треском отделилась от плеча при попытке поднять останки. Стахнув пыль, Кауртал обнажил тусклый, посеребренный красный кералит, который искал, а также эмблему на нагруднике — казавшееся бледным на темном фоне лицо, которому придали форму печальной маскаральной личины. Орган Железного Занавеса.

Кауртал потянулся к краю маски, готовясь оторвать костяной символ от брони. Несущий Слово с глухим стуком уперся в труп сапогом и потянул.

--- Кауртал, --- сдвинуто произнесло наполовину погребенное тело, словно человек, давящийся неплот.

Воин выпустил нагрудник, но мертвый Несущий Слово продолжил подниматься. Пыль с шипением сползала с керамита старого доспеха. Кауртал понялся, его когти удлинились, а между деформированных зубов повисли нити едкой слюны. Отступая, он натолкнулся на что-то холодное, пыльное и столь же мертвое.

--- Кауртал, --- проскрипело существо позади него. --- Ты бросил Легион.

Вначале был свет --- такой сильный и яркий, что жег, словно кислота. Это был свет в своем наивысшем проявлении, апофеоз понятия свечения, слишком яркий для смертного понимания.

В растворяющем жжении непостижимого сияния у него осталась

лишь одна мысль — это смерть.

Наконец свет дал просочиться иному ощущению. Кауртал услышал грохот волн и крики. Крики мужчин, женщин и чудовищ, тонущих и пылающих в океане того же белого пламени, которое грозило поглотить его самого.

Трескучий удар вернул его обратно в комнату. На стенах с неравными промежутками располагались защитные рунны и их более частые противоположности — символы призыва — многие из которых накладывались на своих собратьев. Некоторые были отлиты из меди, другие представляли собой лишь глифы, вырезанные ножом на темном железе опорных колонн. Кауртал потянулся к клинку, пронзившему грудь. Пальцы сошлись на металле, но он не смог вытащить оружие.

Кауртал зашатался, его взгляд вновь начал блуждать по комнате. Она была наполнена борточущими людьми-жрецами и скованными астропатами, которые подергивались в заполненных жидкостью саркофагах, вынужденные проводить жизнь

в бесконечной дреме, чтобы другие могли
пожинать плоды их вечных снов.

Человеческая душа была свечой в
бескрайнем океане варна. Душа псайкера ---
пожаром, равно опасным и манящим для
Нерожденных. Его можно было обуздать.
Нет, не то слово, правда? Не обуздать,
даже не направить.

Нет, его можно было сделать
оружием.

Каурталу никогда не рассказывали об
этом. Никто о подобном не говорил, и он
чувствовал, что его понимание
несовершенно --- и все же, как только воин
открыл глаза и увидел лязгающие,
скрежещающие капсулы с их плененным
содержимым, то в тот же миг узнал все.

Узнал, потому что...

...потому что в его голове находилось
Нечто Чужое, чьи мысли сливались с его
собственными. Из ниоткуда, все так же
неожиданно, словно удар ледяного копья,
пришло знание о вкусе души, бьющейся
между зубов, и о том, что ужас лишь
добавляет аромату пряности.

Нерхүлүт, --- произнесло Нечто Чужое в

Его сознании. -- Ты -- слабый носитель, но
мы посмотрим, чем кончится эта игра.

При попытке заговорить изо рта
Кауртала хлынул поток крови. Арзел Тал
аккуратным рывком выдернул у него из
груды меч, позволив силовому полю клинка
күстогуя с шипением испарить кровь,
занявшаую металл.

«Это моя кровь», -- подумал Кауртал,
глядя, как она выгорает в дым. Воин
рухнул на колени, снова оказавшись на
палубе «Фигелитас Лекс», но каким-то
образом продолжая находиться в
окружении грохота волн и визга дүш.

Он почувствовал, как кожа свободно
сползает со звуком рвущейся шкуры. Кости
затрещали, раскололись и начали
проталкиваться все выше, выше и выше по
его телу.

Его вопль слился с прочими криками,
и сержант Джерүдай Кауртал из орден
Извивающейся Рүны умер на палубе
флагмана своего примарха.

Мертвые окружали его, нетвердо
шагая ногами с подгибающимися коленями

и кашляя пылью из респираторных решеток шлемов. У большинства не было никакого оружия, хотя некоторые еще держали ржавые клинки, руководствуясь стойким инстинктом мышечной памяти.

Теперь это невозможно было отрицать. Нельзя было утверждать, будто это галлюцинация из-за внутричерепного давления или дезориентация вследствие облучения. Из грязи продолжали подниматься все новые мертвецы -- ни одного Ультрадесантника, только воины в красном. Его собственные братья.

--- Кауртал, -- хрипели они. Сухие голоса трещали в воксе. -- Ты бросил Легион.

Даже мертвецы обвиняли его. Он ответил им встречным упреком, проклиная, исходя пеной и плюясь. Едкая слюна брызгала из клыкастой пасти.

--- Легион бросил нас! Я заставляю их помнить о павших!

Первый труп носил капитанский гребень. Там, где некогда сияли чистые синие линзы глаз, теперь яростно

таращились дыры.

- - - Смерть избавит тебя от заблуждения, --- выдохнул призрак.

--- И от жалости к самому себе, --- прохрипел грудой.

--- Ты бежишь от долга, --- капитан ткнул в него трясущейся, гремящей рукой. ---

--- Бежишь от того, чего просил Легион.

- - - И называешь это отвагой, --- подковылял еще один труп, голова которого была неестественно наклонена на сломанной шее. --- Бежишь, но называешь это отвагой.

--- Ты прячешься, но зовешь это доблестью.

--- Ты предаешь, но зовешь это справедливостью.

Кауртал заревел на приближающихся оставших мертвецов. С его зубов и черной змеи, ранее бывшей языком, снова полетела слюна. Теперь, когда Нерхүлүт пробудился, Преображение должно было произойти легче, безупречно переводя тело в божественную форму. И все же он

чувствовал, как вялость демона мешает
мускулам, а жжение молочной кислоты
сопротивляется каждому усилию.

Перестань со мной бороться, ---
передал он внутрь в приступе паники.
Крылья тщетно бились, кости двигались и
скользили под кожей.

Ты --- слабый носитель.

Голос Нерхулума был таким же
резким и неприятным, как боль в
напряженных мышцах.

А теперь мы увидим, чем закончится
игра.

Первый из мертвых Несущих Слово
неуклюже рванулся к его горлу, ломая
изъеденные коррозией пальцы о
бронированный ворот. В ответ Кауртал
убил тварь, повергнув ее наземь костяной
лапой и раздавив шлем сапогом.

Они вышагивали по грязи. Некоторые
спотыкались, другие пытались перейти с
нетвердой походки на нечто,
напоминающее бег. Болтер Кауртала
зрел и дергался, взгоняя разрывные
заряды в ближайших противников. Несущие
Слово взрывались и распадалась на части.

Они падали в пыль и называли его предателем, даже когда оседали иссушенными останками. Это ничего не меняло. Руки поднимались над землей, оставляя за собой пыльный след и вцепляясь в сапоги и поножи. Из-под скребущих пальцев летели искры. Мертвецы нагвигались задыхающейся, сугорожно хватающей воздух волной.

Кауртал развернулся, пробежал три шага, чтобы пробить плечом дорогу через заслоняющие проход останки, и рванулся в небо, вновь взревев. На сей раз это было опасно похоже на крик о помощи.

Кауртал рухнул обратно в грязь, жестко врезавшись в обломки, покрывающие землю. Шлем ударился о рокрит, окрасив его красным, а холодное острое металлической арматуры пробило ворот, заставив Кауртала давиться ржавым металлом и хватать воздух, которого не было.

Пронзившее гортань железо лишало его возможности позорно закричать. Единственным звуком, который он издавал, было булькающее тычание.

Кауртал держал головой назад, силась
стянуть себя с острия.

Спустя секунду крылья полыхнули
огнем, когда до нервной системы дошла
причина его падения с неба. Один из
мертвых воинов начисто снес со спины
одно из крыльев. Кауртал слышал, как
работающий силовой меч жужжит, словно
насекомое.

Он не знал страха. Не знал страха. Не
знал страха.

--- Подожди, --- прорычал он горлом, в
котором пугырилась кровь. Скрежет
железа по кости при вытягивании себя на
свободу казался еще хуже, чем шлепок
удара при падении. --- Подожди.

Такой слабый носитель, --- снова
произнес дэмон. --- Обреченный на
предательство. Твоя решимость дрогнула
бы. Я должен быть сильным за нас обоих?

Нерхул...

И в этот миг его каким-то образом
поглотили внутри собственного сознания.
Это казалось своего рода сжатием,
затыканием.

Ты предаешь братьев, а теперь

собираешься просить меня о помощи? Ты скорее личинка, чем человек, Джеругай Кауртал из Семнадцатого. Не воин, а червь. Я не желаю быть связан внутри столь слабого тела.

Кауртал закричал без рта и завопил без голоса. Он еще пытался издать крик, когда ходячие мертвецы сжали ржавые пальцы на броне и утянули его в черноту.

Джеругай Кауртал так и не поднялся. Арзел Тал находился рядом с телом почти час. Он прохаживался по изукрашенному помещению, убрав оружие в ножны и сложив руки поверх нагрудника. От его шагов по решетке пола расходилась дрожь. Сервиторы облагали слишком ограниченным разумом, чтобы обращать на него внимание, а поющие рабы чересчур погрузились в странствия по горячим видениям, так что только несколько закутанных в рясы рабочих дернулись прочь, когда Алый Владыка бросил взгляд в их сторону. Лицо Несущего Слово не выражало ни злости, ни раздражения, однако после Исствана он замечал, что

мало кто из людей в состоянии смотреть
ему прямо в глаза. Они чувствовали
скрытого в теле демона, который таился
по ту сторону взгляда, и вторая душа
питалась их страхом.

С Каурталом могло случиться то же
самое. Должно было случиться.

Однако сержант Джеругай Кауртал
продолжал лежать мертвым на палубе.
Арзел Тал не без сожаления слегка
толкнул тело сапогом.

— Он мертв, — раздался от дверей
комнаты мягкий голос. Слишком мягкий,
чтобы его можно было спутать с
человеческим, однако слишком звучный,
чтобы его можно было назвать слабым.
Арзел Тал обернулся к незваному гостю и
почтительно склонил голову, как только
увидел красную кератиновую броню
филигранной работы. — Мертв по-
настоящему, иначе говоря.

— Мой повелитель, я не могу этого
сделать.

Лорзар Аврелиан, примарх Несущих
Слово, отечески положил руку сыну на
плечо. В последний раз, когда Арзел Тал

бигел его утное и сдержанное лицо, матурированное золотой туюю, было покрыто брызгами крови сотен мертвых Гвардейцев Ворона. Теперь же оно было согрето терпеливой улыбой.

— Ты ступал путями Рая и Ага, сын мой. Ты в силах сделать все, что угодно. Что тебя беспокоит?

Арзел Тал кивнул на тело убитого Кауртала.

— Они продолжают утирать, отец.

— Так этот не первый?

Неожиданно для себя Арзел Тал слабо и горестно улыбнулся.

— Нет. Тринадцатый.

— Понятно, — Лорзар присел на корточки, его черный плащ раскинулся по полу. Примарх с мягкой заботливостью закрыл Каурталу глаза. — Сколько выжило?

— Трое, — признался Арзел Тал.

— Демоны отвергают их как носителей, — предположил Лорзар, вновь поднимаясь на ноги и возвышаясь над своим сыном.

Арзел Тал снова кивнул.

--- Огна лишь телесность
недостаточно заманчива, чтобы они
воплотились. Чтобы вступить в симбиоз,
им нужны сильные носители. Утирая,
Кауртал бредил, он говорил о Калте и
произносил бессмысленные пророчества,
пока кровь текла у него между зубов.

От этих слов Лоргар вскинул
безупречную бровь, а в уголках его
золотистых глаз появился блеск.

--- Он видел один из многих путей
будущего?

Арзел Тал мог лишь пожать
плечами.

--- Думаю, да. Похоже, что таким
образом демоны испытывают носителей.
Они бросают взгляд на еще несбывшееся
будущее и смотрят на реакцию воинов.

Несколько мгновений Лоргар молчал,
постукивая бронированными кончиками
пальцев по книге в кожаном переплете,
прислегнутой цепью к бедру. Растянутые,
высушенные лица таращились на Арзела
Тала в слепом, безвольном ужасе.

--- Возможно, смерть стала для
сержанта Кауртала благословением.

Похоже, что в будущем он мог принять
некие глупые решения.

Арзел Тал набрал воздуха, чтобы
ответить, и запылся.

— Отец, — произнес он. — Я не могу
этого сделать.

— Ты уже это делаешь. Дай мне трех
Тал Ворбак в обмен на тринадцать
мертвых, сын мой, и я буду благодарить
тебя, пока сами звезды не окончат свое
существование ледяными ядрами в
пустоте. Мы требуем большего, чем
когда-либо заставляли вынести любого
легионера. Не станем плакать о слабых,
потерпевших неудачу и оставшихся на
обочине.

Арзел Тал утолк, глядя на труп. Он
был уверен в Кауртале.

Кауртал, у которого не было мирских
и воинских амбиций, он гордился только
своей доблестью. Кауртал, который
расправился с бесчисленными десятками
Гвардейцев Ворона на поле боя. Кауртал,
который молился, стоя на коленях и бичуя
свою плоть за то, что убил недостаточно
много, и шел среди мертвецов в часы после

Усствана. Под железом его веры, под
кератитом Легиона физически ощущалась
человечность. Не в отношении
человеческой души или способности к
милосердию -- Кауртал оставил подобные
слабости далеко позади. Просто в его
сердце присутствовала частица
человеческой природы, и Арзел Тал
надеялся, что Нерожденных привлечет
симбиоз с таким духом. Жестокий
воитель, никогда не знавший поражения,
обладающий узвитой душой. Какая пища
лучше для детей богов?

-- Хотел бы я знать, что он видел, --
задумчиво произнес Лоргар.

-- Один из выживших видел Калт --
войну в туннелях под поверхностью. Другой
видел ночь, когда Император подверг нас
наказанию. Еще один утверждает, что
вообще ничего не видел, и я позволил ему
эту безобидную ложь, приняв во внимание,
что я заставил его вытерпеть.

Лоргар устехнулся.

-- Думаю, все они узрят то, что
видит каждый пророк -- обман и
метафоры, надежды и обещания.

пронизанные призраками истины. Такова природа всех пророчеств.

Арзел Тал не смог возразить. Он махнул группе работников в рясах.

--- Пусть подъяемые сервиторы уберут это тело, или утащите его сами, если хватит сил, --- оба его голоса звучали в диссонансирующей гармонии, почти сливаясь, но никогда не становясь единым целым. --- Отнесите его в апотекарион, чтобы вынуть геносемя, а остальное сожгите.

Те приблизились, не поднимая глаз --- кланяясь, шаркая и борточа поток почтительных нашептываний в сторону Лоргара.

--- Не ищи среди наших лучших воинов, --- произнес Лоргар, когда рабы угдалились, волоча труп между собой. --- Вот что ты делаешь не так.

Сбитый с толку словами, Арзел Тал поднял взгляд на отца.

--- Я не понимаю.

--- Сын мой, мне нужно две тысячи таких воинов с душами демонов. Две тысячи до того, как мы достигнем Калта через год.

Две тысячи. Две тысячи.

Арзел Тал приоткрыл рот.

--- Лорд Аврелиан, я не могу...

--- Можешь, --- взгляд Лоргара был тверд словно камень. --- Я не хочу бросать на Калт наших лучших воинов. Нам понадобятся самые сильные и лучшие орденники, чтобы проложить себе дорогу по остальной части Ультрамара. Не используй для этой игры нашу лучшую кровь, Арзел Тал. Используй тех, кто ненавидит Ультрадесант до неуравновешенности, до потери здравого смысла и рассудка. Пусть демоны приходят, привлеченные ненавистью в сердцах разгневанных. Эмоции влекут их так же сильно, как преданность. Помни об этом.

--- Почти половина Легиона до сих пор молится об уничтожении Тринадцатого, этой повелитель.

--- Именно, --- кивнул Лоргар. --- Воспользуйся этим чувством. Используй их. Мы сможем усовершенствовать процесс позже, до того, как растратим души наших лучших воителей.

В сознании Арзела Тала забрезжило понимание.

--- Вам не нужны воины, которые не ведают страха. Вам нужны воины, которые не ведают прощения.

--- Превосходно сказано, --- наконец улыбнулся Лоргар, --- и верно до последнего слова.

Примарх повернулся, чтобы уйти, но задержался. По черному плащу пробежала рябь.

--- Та сущность, которая сочла Кауртала неподходящим носителем. Как ее звали?

--- Нерхүлүт, сир. Почему вы спрашиваете?

Лоргар отмахнулся от озабоченности сына.

--- Потому что я слышу в песне варнастех этого существа, а по этой комнате еще гүляют отголоски его могущества. Это интригует меня, Арзел Тал. Разделай одного из раненых в аптекарионе и помести его в оболочку гредноута. Я хочу посмотреть, не получится ли прельстить Нерхүлүта

более могучей наживкой.

К чести Арзела Тала, ему потребовалось несколько секунд, прежде чем он сделал еще один шаг по пути к собственному проклятию.

--- Будет исполнено, мой повелитель.

--- Если я тебе понадоблюсь, ---
притарх отвернулся прочь, --- то буду на
«Завоевателе» вместе с моим братом.

* * *

СООБЩЕНИЕ

№3314157.883, ПОДЛИННОСТЬ
ПОДТВЕРЖДЕНА:

АЛКЕЙ, ф. (Капитан,
ХХХХ Легион)

ПОЛУЧЕНО
УЗКОНАПРАВЛЕННЫМ
ИНФОРМАЦИОННЫМ НА

СТАНЦИИ ПЕРЕДАЧИ
ТЕРЦИУС ВЕРИДУАН
МАНДЕВИЛЛЬ,

7854007.М31

ЧЕРЕЗ

СПУТНИК СОТЪАН.

Прибыли с опережением графика.

Авангардные подразделения разведки сейчас начинают высадку.

Орбитальные авгүры подтверждают присутствие сил зеленокожих, хотя их численность значительно ниже, чем упоминалось в предыдущих тактических прогнозах.

Запрашиваю подтверждение критериев задачи в кампании против Тхаслакха, не получил отклика на прошлые передачи.

Ожидая ответа.

Атам

Джон Френч

«Нуля, которая сразила короля и погубила поколение --- какой она была, будучи металлом в земле, или среди множества себе подобных, когда звенела в ящике и блестела, как многие другие? Была ли она тогда гибелью миллионов? Чувствовали ли те, кто касался ее, кровь на своих руках? Знали ли, чем она станет?»

из закрытого доклада Верховным Лордам Терры, автор неизвестен.

Если бы ты был живым, я простил бы тебе грядущее. Кажется, что твой финал очевиден, но это не так. Если бы я верил, что будущее нельзя изменить, то считал бы, что все уже сгинуло во тьме и жестоком слухе.

Как я могу простить то, что может и не произойти? Так что вместо прощения

я дам тебе правду. Расскажу, как ты появился и как со временем переходил из рук в руки. У тебя нет глаз, так что я буду смотреть вместо тебя и рассказывать тебе о тебе самом. О тех, кто держал тебя, и чем это для них закончилось.

Я расскажу тебе о том, чего ты не можешь знать...

Первое

Тебе всего несколько минут. Ты возник из рыхлого известняка почерневшим куском, которому придали форму сотней ударов камня о камень. Солнце ярко светило на тебя, пока твои очертания проступали, словно поднимающееся из темной воды лицо. Ты -- всего лишь черный осколок кремня, края которого сходятся к острию, как у ивового листа. Ты остр, и свет дрожит, понаб на лезвие.

На тебя падает тень, твой создатель поднимает глаза и видит, что на верху известнякового склона, выделяясь на фоне

неба, стоит незнакомец. У твоего создателя есть имя, однако время забудет его. Он значил лишь одним — он создал тебя.

С плеч незнакомца ниспадает плащ из черного и серого меха. Если не считать плаща, человек обнажен. Его кожа гладкая, как будто волосы соскоблили с тела, или же они вообще никогда не вырастали. Тело покрыто татуировками из сажи — по рукам спускаются ряды прямых линий, а на груди и лице закручиваются шипастые спирали. Он проделал долгий путь по горячим взглядом солнца и холодным оком луны. Он не ел, не пил и постоянно искал.

Его зовут Гог, и ему ведомо то, что можно увидеть только в зеркале неподвижной воды или в пляске теней на стене пещеры. Он видел гораздо больше, чем ему было отпущено, и не боится ночи.

Серые глаза твоего создателя встречаются со взглядом налитых кровью синих глаз Гога. Дует сухой ветер, и мгновение растягивается. Свет солнца тигает на грубых кремневых осколках,

разбросанных в светлой пыли.

Глаза Гога перемещаются с твоего создателя на тебя. Его взгляд лихорадочно горяч. Твой создатель делает шаг назад, и из-под его ноги в пересохшее устье под ним осыпаются камни.

Он выдерживает взгляд Гога.

Гог прыгает вниз по склону. Твой создатель готов и отскакивает назад. Гог приземляется на четвереньки, будто зверь. Ты бьешь, но встречаешь только воздух, поскольку Гог, словно ящерица, ползет вниз. Твой создатель делает еще один шаг назад, но поворачивает ногу на разбитом куске крелня и оступается. Гог прыгает с земли, вытянув руки, словно лапы.

Ты рассекаешь руку Гога. Вырываешься из кожи и мышц, и с твоего лезвия капает кровь.

Кровь.

Твое лезвие впервые пробует соленый, железистый вкус жизни. Твой создатель никогда не задумывал тебя как примитивное оружие. Он сделал тебя, поскольку боится красноты в своей слюне и хрипов в груди. Он создал тебя, чтобы

возвращать жизни животных обратно
земле. Чтобы они могли утирать вмести-
него, а боги позволили бы ему жить
дальше. Ты был сделан для ритуала, для
жертвоприношения. Ты должен был стать
большим, нежели просто ножом.

Твой создатель падает, и Гог
приземляется поверх него. Они катятся
вниз по склону, взметая белую пыль и
обломки камня. Гог сжимает горло твоего
создателя и урчит, словно дикий кот. По
его руке течет кровь — красная жидкость
на белой пыли. Твой создатель лежит на
боку, ты находишься в его кулаке,
прижатом к земле. Гог давит, широко
раскрыв глаза и облизывая
растрескавшиеся губы. Твой создатель
пытается ударить свободной рукой, но у
него сломано запястье, а пальцы
искорежены, словно раздавленный хворост.

Когда они слабо шлепают по лицу
Гога, тот хохочет, и на мгновение его вес-
стесняется. Твой создатель
изворачивается, ты оказываешься на
свободе. Твое острое несется к ребрам
Гога.

Ты останавливаешься.

Гог смотрит на тебя. Он обеими руками держит твоего создателя за запястье. Давление на горло прекратилось, и твой создатель судорожно глотает воздух, но бьется в панике. Гог шепчет что-то, похожее по звуку на гудение крыльев насекомых, а затем нажимает вниз.

Тыходишь под челюсть своего создателя и погружаешься в череп. На тебя льется густая теплая кровь. Твой создатель мгновение дергается, а затем застывает.

Теперь твоя острота -- убийственное лезвие.

Гог встает. Он весь в размазанных пятнах и брызгах. Из горла и рта твоего создателя сочится кровь. Она сворачивается и образует бусинки в теловой пыли. Гог поднимает тебя к своим глазам. К его дыханию припешивается аромат благовонного дыма. Для Гога кровавый узор на твоей поверхности обладает смыслом. Ветер нашенывает ему в уши, сообщая, что

доволен даром. Гог отворачивается от крови, которая впитывается в белую почву. Над твоим навшим создателем уже роятся мухи, а его плоть с неестественной быстротой обращается на солнце в черную слизь.

Гог уходит. Ты с ним, зажатый в красной руке.

Второе

Твой возраст измывается прошедшими сезонами и пролитой тобой кровью. Ты убил многих и еще больше искалечил. Ты забыл руку создателя и знаешь лишь прикосновение татуированного человека, Гога. Он носит тебя при себе, никогда не оставляя вне досягаемости, однако еще никогда не доставал ради того, чтобы просто резать. Ты значит для него.

Он становится старше, но не стареет. Меняются люди, возвышаются и рушатся города, а татуированный человек остается. Другие дают своим богам множество различных имен, но он выучил

их все и знает, что они ложны. Устина
нашенывает ему в тених, отбрасываемых
пламенем, и ему нет нужды надевать эту
истину и менем. Гог служит королям,
предает святых и крадет тайны, нося
личины, которые тоже ложны. Он
странствует по горам, океанам и
глинному склону времени. За ним
охотятся, но никогда не настигают.

Ты перемещаешься вместе с ним,
никогда не теряясь даже при полетах и
поражениях. На твоём лезвии появляются
засечки, рукоять становится черной и
отполированной от крови и непрерывного
использования.

Наконец ты добиваешься до
разрушенной башни на земле, накрытой
ливнем.

Гог просыпается от грома и плеска
копыт по грязи. Его глаза еще
открываются, а он уже оказывается на
ногах. Сквозь крышу башни льется дождь.
Время забрало со спины Гога рваный плащ,
заменяв его покрытой рубцами кожей и
черной кольчугой. Он держит в руке меч.
Ты ждешь на поясе, в ножнах из дубленой

шкұры.

Его взгляд мечется от одной дыры в каменных стенах башни к другой. Броня тяжелая, мокрая и холодит кожу. Он прерывисто дышит. Гогу страшно. Ему никогда не встречался враг, который бы смог ему навредить. Для этого он слишком многое знает, однако он больше не слышит голос ветра. Вокруг стен башни ревет буря, но у нее нет голоса — ее звук безтолвен для его души. Гог зовет, но ветер и тени хранят молчание.

Он бессилен.

Молния озаряет трещины в стене башни белым светом. Даже сквозь стук дождя Гог слышит позвякивание металла. В башне всего одна дверь, и ее дерево прогнило. В зазорах между планками мерцают горящие факелы. Гог кричит, призывая ночь и бурю на помощь, но ему не отвечают.

Гнилая дверь распахивается внутрь. Башню заливают пляшущий свет факелов. Гог с криком бросается на первого вошедшего в дверь. Это рыцарь.

Мускулистое тело человека

защищено полированным металлом и серебристой кольчугой, а лицо скрыто глухим шлемом. От первого удара Гогарь отшатывается, второй же, скользя, входит в смотровую щель шлема. Человек падает, лязгая сталью. Кровь стешивается с дождем на серебристом нагруднике.

Гог вопит от торжества и страха. Вдверь входит второй рыцарь, который взмахивает шипастой булавой. Гог отклоняется назад и рычит. Следом, вооруженный копьем с широким острием, появляется третий рыцарь, который встает рядом с товарищем. Гог вынимает тебя, обхватив левой рукой.

Рыцарь делает вынаг копьем. Гог уворачивается в последнюю секунду, острие копья задевает кольчугу на животе. Гог наносит мечом рубящий удар вниз, и правая нога рыцаря поглощается, а голова запрокидывается, обнажая шею. Ты вонзаешься в зазор между броней, кожей и кольчугой. Вырываешься наружу, разбрызгивая кровь, которая во траке кажется почти черной.

Над головой грохочет гром.
Уцелевший рыцарь кричит, бросая вызов, и
крутит булавой. За дверью ждет еще
больше закованных в металл фигур, их
столяные факелы угасают под натиском
бүри.

Тог знает, что хозяева бросили его, и
он умрет здесь. Он смеется. Рыцарь с
булавой заносит оружие для удара.

--- Стой.

Голос негромок, однако перекрывает
шум ветра и грохот ливня. Рыцарь с
булавой затирает, и Тог видит свой шанс.
Он делает выпад в лицо рыцаря, но его
удар встречает и отводит в сторону
клинок меча.

В башню вошла еще одна фигура. Она
от горла до пят покрыта золотой броней.
За спиной колыхается ало-оранжевый плащ.
На новоприбывшем нет шлема, но темные
волосы над худощавым лицом опоясаны
венцом из серебряных листьев и золотых
перьев. Обнаженный меч в его руке --- из
тронутого огнем серебра.

Тог смотрит в глаза коронованного, и
какой-то миг те зеленые, как море. Ему

знакомы эти глаза, хотя Гог никогда их раньше не видел. Где-то неподалеку бьет молния, и в мгновенной вспышке глаза золотой фигуры заполняет текучая чернота.

Только теперь Гог снова слышит голос ветра. Тот слаб, словно далекий крик. Ветер яростно вопит, требуя крови. Гог содрогается. Он чувствует, как внутри черепа нарастает давление. Он крепче сжимает тебя отведенной рукой и шепчет звук, от которого у него трескаются зубы. Кровь на твоем клинке начинает шипеть и испаряться. Тень Гога ползет по полу. Ливень начинает бить, словно град. Коронованная фигура совершенно неподвижна, ее неумолимое лицо как будто вырезано из мрамора.

Гог рубит сплеча, но фигура встречает удар одновременно с ударом грома, и клинок Гога разлетается. В воздухе вертятся острые стальные обломки. Гог тут же разворачивается. Ты метчишься к коронованной фигуре, и твое лезвие царапает золото. Острое находит стык между двумя пластинами и

пробивается вглубь. Гог издает торжествующий рев.

В этот миг твой кончик наталкивается на безупречную серебряную кольчугу. Коронованная фигура произносит одно-единственное слово, которое гремит вместе с эхом грома.

Гог падает на колени с треском ломающихся костей. Его руки шарят по скользким от дождя плитам, и ты едва не выпадаешь из пальцев. Фигура смотрит на него сверху вниз, капли дождя падают на кубки, перья и розы, выгравированные на золотом доспехе. Она поворачивает свой меч, направив его в шею Гога.

Ты чувствуешь, как пальцы Гога крепче сжимаются на твоей рукояти. Он все еще слышит далекие крики ветра — голоса требуют крови, подношения, окончательной платы за его противоестественно долгую жизнь. Гог знает, что у него остался лишь один удар, и он должен поднести смерть голосам по эту сторону теней.

Занесенный наг Гогом меч вздрагивает. Ты приходишь в движение

первым, пронзая горло Тога и погружаясь в
мозг. Тог смотрит на коронованную
фигуру холодными мертвыми глазами, а
затем заваливается вбок.

Фигура опускает незапятнанный
кровью клинок, а по мертвой плоти
распространяется разложение ---
отложенный конец растянутой жизни
берет свое. Череп Тога вокруг тебя
начинает распадаться. Мышцы, кровь и
мозг превращаются в грязное желе.
Коронованный наблюдает, как тело
растворяется. Выражение его лица не
поддается прочтению. Он знает, что его
победу чего-то лишили, но не знает, чего
именно.

Спустя долгий миг он
разворачивается и выходит из
разрушенной башни. Его ожидают стоящие
кругом рыцари, которые держат факелы,
колышущиеся от ветра. Один из рыцарей
склоняет голову.

--- Сеньор, нам придется дожидаться
окончания бури, прежде чем разжигать
огонь, --- говорит рыцарь. Коронованная
фигура качает головой и идет дальше.

С облаков над головой нисходит
столп молнии, который бьет в
разрушенную кладку. Грохот грома
стескивается с визгом взрывающегося
дерева и трескающегося камня. Рыцари
прикрывают лица, но остаточный образ
молнии останется у них перед глазами
еще много часов.

Ты чувствуешь прикосновение
молнии, однако она не сокрушает тебя. Ты
безмятежно лежишь в развалинах башни,
пока тебя погребает под собой расколотые
камень и тлеющие угли, а в небе бушует
буря.

Третье

Ты спишь под землей. Дремлешь в
постели из непла. В земле над тобой
растут только отравленные растения, а
люди сторонятся груды битого камня,
которая некогда была башней. Кость на
твоей рукояти гниет, корни обвиваются
вокруг клинка, словно скрюченные пальцы.
Реки разливаются и высыхают.
Вырастают деревянные и каменные

города, заканчивающие свое существование
в огне. Войны перемалывают землю в
грязь, и кровь просачивается вниз, тревожа
твоей прерывистый сон. Небо темнеет от
дыма топок и заводов, железо и
крутящееся колесо меняют мир. Люди
открывают новые истины, забывая старые
пути.

Королевства с империями растут и
заключают договоры. Моря и океаны
пересыхают, превращаясь в пыльные
котловины. Небо покорено, и оказалось, что
на его тверди нет богов.

Опускается ночь. Из темноты вновь
выползают страхи прошлого. Люди
сбиваются вместе возле остывающих
углей цивилизации. Желанный рассвет
становится шуткой, над которой смеется
ветер, дующий среди костей на мертвых
континентах.

А затем, когда это уже кажется
несбыточным, появляется свет.

Свет падает на тебя, когда пальцы
соскребают грязь. Это не солнечный свет,
а резкое белое свечение точечных фонарей.
Обнажив твое твердое тело, грязные

пальцы останавливаются. Все следы крови давно разложились и исчезли с твоей поверхности, кольчуга и сломанный меч проржавели и почти сгнили, а тело Гога растворилось в земле. Остался только ты — осколок холодной черноты в грязи.

Ничем не прикрытый теплый указательный палец проводит по твоему клинку, ощупывая волны и узоры. Палец замирает. Он принадлежит человеку по имени Жаккил Хакоан. Тот молод и считает себя умным.

Пещера холодна как лед, тепло вытягивают механические башни, которые обогревают верхние уровни улья, однако Жаккил все равно потеет. Его круглое лицо и руки обнажены и растрескались, но это не имеет для него значения — ему нужны руки, чтобы чувствовать землю, а в шлеме он будет все равно что слепым. Его изолирующий костюм взят снизу общей кучи, и система температурного контроля неисправна. Да, в нем тепло, однако слишком тепло. Жаккилу кажется, будто он в тропических джунглях, а не в четырех километрах

ниже поверхности улья.

Ему никогда не доводилось видеть джунгли, по крайней мере настоящие. Разумеется, он видел пикты. Просматривал информацию и читал все свидетельства об огромных джунглях прошлого. Джунгли есть на других мирах, лежащих за пределами сферы Солнца. Жаккил надеется, что однажды увидит их. Именно это желание удерживало его на работе в низовом составе трех экспедиций Консерватории. Раскопки подземных пещер Альбии — просто последний шаг в его амбициозном пути. Жаккилу Хакоану хочется побывать в разных местах, увидеть их прошлое и овладеть какими-нибудь их тайнами. Его волнует не высшая цель Консерватории, а только то, куда она может его привести.

Он облизывает большой палец и стирает землю с части твоего клинка. Его взгляд фокусируется на твоём пятнистом черно-сером теле. Пронизывающие тебя светлые слои наплетаются облака в ночном небе. Жаккил смотрит на свой палец, на

размазанную по коже грязь, а затем снова
на тебя. Не смотря на обволакивающий
жар костюма, он грозит. Жаккилу
кажется, что он стал един с прошлым,
потянулся через Долгую Ночь, чтобы
прикоснуться к душе кого-то, кто умер до
того, как люди достигли звезд. Он
облизывает тонкие губы и вытаскивает
тебя из грязи.

Твое лезвие пускает из его лагони
бусинку крови. Он издает удивленное
шипение.

--- Что-то нашел, Хакоан? --- по
пещере разносится голос.

Жаккил тихо ругается под нос и
убирает тебя в подсумок на бедре. Он
бросает взгляд направо --- в десяти метрах
от него в траншее работает Магритта.
Похоже, что она поглощена небольшим
участком земли перед собой. Он
оборачивается налево и видит две фигуры,
стоящие на краю рва. На них тускло-серые
изолирующие костюмы с глянцево-черными
обогревательными трубками и забралами
из прозрачного хрусталя. Это начальники,
назирающие за раскопками. У обоих на

лице ненавистное Жаккилу выражение серьезной пронизательности. Позади них бродит группа подчиненных, словно птицы, которые ждут, когда фермер выронит кукурузное зернышко.

--- Ну? --- произносит тот, кто называет себя Навигом Мүрзой.

--- Ничего, --- отвечает Жаккил. --- Показалось что-то в слое гари, но это был просто камень, --- он поднимает неровный серый обломок, который только что вынул из стены траншеи.

Он ждет, на сей раз радуясь, что потеет из-за костюма.

Мүрза переводит глаза на камень. Жаккилу не нравится этот утлый взгляд.

--- Ты вскрикнул, --- замечает второй. Его зовут Хавсер. Каспер Хавсер. Некоторые из младших говорят, будто в имени есть что-то смешное, словно это шутка. Жаккил не понимает шутки и не любит Хавсера.

--- Мы решили, что ты нашел что-то и будь, заслуживающее внимания, --- продолжает он.

Жаккил ухмыляется и поднимает

лагонь, демонстрируя порез и узкую кровавую полосу.

— Порезал руку об осколок камня.

Хавсер смотрит на руку, хмурится и отворачивается. Мурза задерживается еще на мгновение, продолжая глядеть на камень в руке Жаккила. Затем пожимает плечами и молча уходит за Хавсером. Жаккил выдыхает и оглядывается на Магритт. Прежде чем они успели встретиться глазами, та отводит взгляд.

Рука Жаккила непроизвольно тянется к подсумку, где ты лежишь.

Магритт приходит к нему позже, когда он находится в своем жилище, гоняя во рту какой-то дешевой спиртной напиток и таращась в ржавый потолок. Комната невелика, она самая маленькая в свисающем на тросах с потолка нещеры-улья жилот — решетчатой конструкции с глухими коридорами и блочными крыльями. В блоке мало места, и Жаккилу досталась самая небольшая его часть.

Жаккил сидит на узкой койке, прислонившись спиной к покрытой

конденсатом стене. На маленькой полке
стоят несколько книг и пара потертых
инфопланишетов. На низком столике из
прессованного металла, рядом с очередной
полупустой бутылкой, располагается
маленькая птичка из розового алебастра.
На полу свалены грязные кучи одежды. В
комнате пахнет потом, алкоголем и
неопрятностью.

Магритт дважды стучит,
дожидается ответного ворчания Жаккила
и толкает дверь. Ее стриженные прямые
рыжие волосы достают до основания шеи,
лицо сходится к острому носу и
маленькому подбородку. Некоторые нашли
бы ее бледность и худобу
привлекательными, однако в женщине
также есть нечто такое, что
отталкивает людей по неизвестным или
причинам. Как и на Жаккиле, на ней
комбинезон охранного цвета.

Жаккил приветственно кивает.
Магритт закрывает дверь, прислоняется
к ней спиной и молча смотрит на него. Он
бросает взгляд на ее лицо и вновь отводит
его. Ее глаза жесткие и серые, словно

камень. Словно латовый кремень.

--- Где оно? --- произносит она.

--- Что? --- спрашивает он, пожимая плечами.

--- Находка, которую ты забрал с раскопа. Где она.

--- Я не...

--- Я видела, как ты ее подобрал, Жак. Видела, как ты спрятал ее в руке. --- Она продолжает пристально смотреть на него. Ему неизвестно, сердится ли она. --- Я не собираюсь ничего рассказывать. Поверь мне. Просто хочу взглянуть на нее.

Он делает паузу и снова отхлебывает пойло из надколотой чашки.

--- Зачем?

Она стееет.

--- Ты шутишь, да? Это что-то реальное после того, как мы шесть месяцев просеивали грязи и встречали лишь изменения структуры почвы, --- ее интонация меняется, подчеркивая слова. --- Примечательные следы земледельческих циклов до полета к звездам так же скучны, как вся остальная проклятая грязь.

Жаккил стееет. Наполовину от

облегчения, наполовину потому, что это довольно удачное пародирование Навида Мұрзы в его наиболее высокомерной инстинктивности. Мужчина тянется под грудью одежды. Ты выходишь на свет.

Магритт затмевает, когда ты сверкаешь в руке Жаккила. Он не видит голодный блеск в ее глазах, поскольку слишком поглощен тем, что сам смотрит на тебя.

Магритт тянется к тебе. Жаккил возражает, и она останавливается.

--- Можно? --- произносит она, раскрывая ладонь в твоём направлении. Жаккил колеблется, а затем кладет тебя в руку Магритт. Ее прикосновение деликатно, как у твоего создателя.

--- Клинок для убийства, --- тихо говорит она.

--- Что? --- переспрашивает Жаккил.

--- Это делалось не как инструмент. Клинок слишком узкий, а лезвие слишком тонкое, --- Магритт поднимает тебя так, что грязный свет падает на твою крошку. --- Его сделали, чтобы резать и колоть, а не для разделки мяса или

тесания дерева. Его сделали для убийства.

В этом его суть, его значение.

--- Значение? Это просто артефакт.

Магритт невесело смеется. В этом звуке есть нечто такое, от чего Жаккил испытывает тревогу. Он ставит стакан со спиртным напитком на пол.

--- Разница между обычным и экстраординарным предметом состоит в том, что он делает. Для чего был предназначен. Если объект используется в ритуалах, он приобретает ритуальное значение. Приобретает силу.

Жаккил смеется, с его губ слетает тонкая брызга напитка. Магритт поднимает на него глаза. Смех и ухмылка Жаккила исчезают.

--- Ты серьезно, да?

Она кивает.

--- Предметы обладают силой, -- она поднимает тебя. -- Почему ты забрал это с раскопок?

Жаккил качает головой, начиная было сбивчиво и путано оправдываться.

Прежде чем он успевает произнести хоть слог, Магритт прерывает его.

--- Ты взял его, поскольку для тебя имеет значение его возраст. Это толкнуло тебя на кражу, Жак. Вот в чем сила.

--- Но ритуальное значение? --- снова пытается улыбнуться Жаккил. --- Звучит так, будто ты говоришь о магии. О колдовстве.

--- Да, --- произносит Магритт, и от этого слова у Жаккила легенеет кровь. Магритт смотрит на тебя. Ты лежишь в ее пальцах и чувствуешь убыстряющийся пульс. Она начинает говорить низким шепотом, как будто обращается только к себе самой. --- Вот для чего они меня послали: находить вещи вроде этой. Вещи, обладающие значением.

--- О чем ты? Кто тебя послал? Ты всего лишь очередной младший консерватор.

--- Нет, Жак. Нет. Я --- Когнитэ.

--- Когнитэ? --- фыркает Жаккил. --- Это что-то значит?

--- Секреты, Жак, это означает секреты. Вселенная состоит из секретов. Секреты повсюду вокруг нас, они ждут.

когда мы вновь их откроем. Однако их
нужно находить, а еще нужно платить.

Магритт приоткрывает рот. Это
похоже на улыбку, но не является ею.

Жаккил тянется забрать тебя у нее,
но она отдергивает руку. Между ними
повисает напряженная пауза.

Жаккил бросается вперед, цепляясь за
комбинезон Магритт. Она отступает и
стыкает руки вокруг тебя. Ты глубоко
распарываешь ее лагерь, погружаясь до
кости и вызывая вскрик. Между ее пальцев
выступает кровь, а Жаккил хрипло дышит
алкогольными парами, разжимая ей руки.
Магритт сильна, но Жаккил вдвое
тяжелее. Он бьет ее о стены, вышибая
воздух из легких, однако она продолжает
сжимать тебя. Ты еще глубже врезаешься
в ее руки и пальцы. Жаккил разжимает
хватку и бьет Магритт кулаком в лицо.
Из ее носа брызжет новая кровь. Глаза
Магритт затуманены, она тяжело
дышит. Жаккил заносит руку для еще
одного удара.

Она со всей силой пинает его между
ног. Жаккил валится назад с бессвязным

криком боли.

Магритт судорожно вдыхает и разжимает руки. С ее пальцев брызгает яркая влажная кровь. От нее ты стал скользким и черным. Она смотрит сверху вниз на Жаккила, который лежит на полу, скрючившись и подвывая. Магритт знает, что надлежит сделать. Это столь же естественно, как и необходимо. Ритуальное действие.

Она оборачивает порезанную руку простыней с койки Жаккила, обматывая ладонь толстыми слоями грязной ткани, и снова сжимает основание твоего клинка. Ее хватка становится крепче, и кровь начинает просачиваться сквозь материю. Жаккил пытается встать, но Магритт снова сбивает его ударом ноги. Она опускается на колени рядом с ним и берет его левой рукой за подбородок. Жаккил силится оттолкнуть ее, но Магритт бьет его головой об пол, и он обмякает. Она вздергивает его подбородок вверх. Ты входишь острием вперед в шею сбоку и перерезаешь горло.

Глаза Жаккила на мгновение

расширяются, а затем стекленеют. Магритт шепчет слова, которые почти так же стары, как и ты. Пузырящаяся кровь вытекает из раны и медленно, словно патока, растекается лужей по полу.

Магритт встает. Ее дыхание клубится в воздухе, влага на стенах превратилась в иней. Магритт вздрагивает, затем вытирает тебя о рукав и убирает в карман. А потом направляется к двери. Ей предстоит многодневное бегство, блуждание по черным лесам Альби. Она знает, что люди будут охотиться за ней, однако это ее не волнует. У нее есть ты, и ты расплатишься за секреты, которые она жаждет.

Четвертое

Ты отправляешься к звездам. Касаешься красной пыли Марса и морей Просперо. Проходит десять лет под светом странных солнц. У тебя новая рукоять, сделанная слепым мастером на Вурице. Ее поверхность покрыта алым

лаком и золотыми нитями, как будто запекшейся и глянцеви́то блестящей кровью.

Ты много раз убиваешь для Магритт. Она больше не Когнитэ, не по-настоящему. Она — странник, голодное создание, которое ищет секреты в тенях сотен миров.

Она носит множество личин и похищает тайны у тех, кого не ослепил ложный свет Императора. Магритт многому учится, однако знает, что не нашла того, чего ищет на самом деле — истину, движение которой она ощущает впереди, сразу за пределами видимости. Ей известно, что истина там, таится за масками столь многих секретов, пляшет, словно далеккий огонек в тумане. Магритт гонится за этим светом, и когда она уже почти сдалась, истина находит ее.

В муравейнике пещер, вырезанных в стене высохшей долины на планете под названием Там, она находит людей, которые прячутся от солнца и вглядываются в огонь, пока не оказываются в состоянии выговорить непроницаемые

иlena. Их тела покрыты клеймами в форме звезд, а иссушенная пустыней плоть скрыта серыми саванами. Магритт чувствует, что им известен секрет, который она искала.

Магритт становится одной из них. Проходит испытания огнем и терпит боль. Она начинает осознавать, что до сих пор ничего не знала о цене откровения. Магритт глядит в огненные ямы и курильницы с яркими углями, пока свет не въедается в сетчатку глаз и не ослепляет ее.

Она начинает жалеть, что вообще пошла по этому пути.

Ты постоянно рядом с Магритт, всегда в ее руке, пока она плачет от покрывающих кожу ожогов. Ты -- все, что у нее осталось. Единственное облегчение, которое ты в силах ей предложить -- быстрая смерть. Однако она выдерживает, и наконец пламя начинает говорить с ней.

Магритт становится одной из детей пламени. Ей известно имя огня, хотя она и не может произнести его и при этом остаться в живых. Магритт узнает

способ читать истину в тени и девять
рун, способных обратить ночь в день.
Этого мало. Чем больше она учится, тем
отчетливее сознает, что от нее
утаивают некий секрет, который важнее
всех остальных вместе взятых —
абсолютную истину, скрытую в
потемневших от дыма туннелях Тама.
Это гложет ее и поднимается
сдержанностью до тех пор, пока она уже не
в силах больше терпеть и не
отправляется на поиски самостоятельно.

Во мраке туннелей святилища она
двигается, руководствуясь не столько
зрением, сколько обонянием и осязанием. В
ушах нарастает ритм биения пульса. Она
месяцами проникала все глубже и глубже в
святилище, однако еще никогда не
заходила так далеко. Ветерок колышет
плетеную ткань, которой завешена дверь
перед ней. Ты скользишь в руку Магритт,
не задумавшейся о причине этого. Все еще
полуслепая, она делает шаг вперед и
отводит край занавеси.

То, что осталось от ее зрения,
заполняет тьма. Магритт чувствует на

щеке дуновение холодного воздуха, похожее на прикосновение опускающейся ночи. Она шагает вперед, прикасаясь рукой к грубой кладке стены. Помещение, куда она вошла, огромно. Его размеры и безмолвный покой давят, словно сжатая рука. Каменный пол под босыми ногами холодный и гладкий. По мере продвижения вперед ее шаги становятся все нерешительнее. До Магритт доносится эхо ее собственного дыхания и сердцебиения. Она шаг за шагом углубляется во мрак, вытянув перед собой руки.

Ее колено наталкивается на острый край возвышения. Магритт вскрикивает и оступается, вскидывая руки, чтобы стягнуть падение. Ты выскакиваешь из ее пальцев и улетаешь в черноту.

Ты встречаешь ожидающую руку и ложишься в нее.

Магритт замирает. Она что-то слышала — мимолетный звук, похожий на стрекотание часового механизма и гул помех. Магритт поворачивает голову, стараясь отследить во мраке источник шума. Ее вновь окутывает тишина. Она

протягивает руку и нащупывает край
возвышения. Камень гладкий, однако ему
придают рельефность вырезанные узоры.

Нет. Не узоры. Слова.

Нечто первобытное внутри нее
требует немедленно бежать, однако
Магритт знает, что зашла слишком
далеко и заплатила слишком высокую
цену. Она движется вдоль края круглого
возвышения, а затем забирается на него и
медленно ползет вперед. Ей кажется, что
она чует запах машинного масла,
благовоний и железа.

Что-то касается ее лица. Магритт
вздрагивает и поднимает руки, как будто
собираясь отразить нападение, которого
так и не происходит.

Она дрожит. Звук собственного
дыхания и сердцебиения оглушают. Перед
ней появляется видение — два отбута тьмы
в бледном круге. Магритт судорожно
глотает воздух, но затем вновь
заставляет себя успокоиться. Страх
покидает ее мысли. Зрение проясняется,
как будто она смотрит не поврежденными
глазами, а чем-то иным. Образ медленно

проступает, как будто тьма стекает с него, словно жидкость. Магритт требуется секунда, чтобы понять, что она видит.

Это череп, пожелтевший и отполированный временем. Она протягивает руку и касается его, нащупывая пустые дыры глазниц и сломанные зубы. Тьма по спирали покрыта тонкими как волос напоями. Видение разрастается, и Магритт видит, что череп не один. Он один из многих, которые соединены в нависшую над ней структуру, возвышающийся трон из человеческих костей. На троне восседает фигура, созданная из тени и затуманенной ночи. Магритт не видит ее глаз, но знает, что та смотрит на нее.

--- Ты далеко зашла, --- произносит низкий, звучный голос.

Магритт низко кланяется. Она думает, будто преуспела, нашла то, что так долго искала. Вот та истина, что находится в средоточии культа огня. То, что они прятали от нее. Внутри Магритт чувствует восторг, он

прокатывается по венам и нервам ревущей жаркой волной. Это приятное чувство, словно откровение.

Торжествуя, она забыла удивиться, куда же ты делся.

--- Кто ты? --- спрашивает она.

- - - Мы --- истина и возмездие. Откровение и прах. Мы --- будущее, --- голос басовито грохочет, как бугро человеческие слова произносит тигр.

Магритт чувствует, как страх разрастается внутри и ползет вверх по позвоночнику. По спине льется пот. Она едва может дышать. Ей как-то удается произнести слова, которые вели ее всю жизнь.

--- Покажи мне истину, --- говорит она. --- Прощу, покажи.

Голос стееет, и этот звук прокатывается во мраке, словно гром над разрушенной башней. Магритт внезапно убеждается, что ошибалась, что многолетние поиски тайн увели ее по пути безрассудства, и ей не хочется знать правду, о которой она просила.

Фигура поднимается с трона с

механическим визгом. Магритт ощущает
его зубами и кожей. На нее накатывает
маслянистый жар. Она чувствует вонь
прометия и горящего благовонного масла.
В воздухе над ней повисает
восьмиконечное огненное кольцо,
почерневшее железо уже светится. С
колеса падают капли горячей жидкости,
которые разбиваются о серый камень
тронного возвышения. Поврежденного
зрения Магритт хватается, чтобы
увидеть, что окружающее помещение
представляет собой полусферу
потемневшей от дыма скалы, однако ее
внимание приковано к фигуре, которая
стоит над ней. Это гигант,
человекоподобное чудовище, облаченное в
доспех такого же серого цвета, как тот
камень, на котором она стоит. Возможно,
его лицо когда-то было человеческим,
однако генетические таинства сделали
его черты грубее и шире. По щекам
спускаются ряды вытатуированных тушью
слов, словно он плачет знаниями.

Ты лежишь в его бронированной руке,
черное острое и острая крошка покоятся

возле него.

Магритт не в силах дышать. Она видит невозможное, парадокс истины и воплощенной реальности. Фигура --- костический десантник, фанатичный воин Империи.

Несущий Слово.

Несущий Слово медленно кивает и прикрывает глаза, как будто торжественно приветствуя. Слово он едва не попросил прощения. У него на веках вытатуированы языки пламени.

--- Что... --- начинает было Магритт. --- Что ты такое?

--- Истина, --- произносит Несущий Слово. --- Истина, которая изменит Империю.

Прежде чем Магритт успеет закричать, он начинает двигаться. Рука с визгом сервоприводов сжимается на горле, и Несущий Слово вздергивает Магритт в воздух.

--- Но не сейчас.

Ты мелькаешь и одним ударом вспарываешь Магритт от горла до паха. Она умирает несколько секунд, бьется в

руке Несущего Слово, кровь и телесные
жидкости льются на пол под
дергающимися ногами, испуская пар. Ты
неподвижно покоишься в другой руке воина,
топкое лезвие блестит в свете огня.

Когда Магритт утирает, Несущий
Слово кладет ее тело у своих ног и
опускается рядом с ним на колени. Ты
поднимаешься к губам воина и целуешь его
уста, пока он шепчет молитву. За тобой
остается тонкая, смазанная красная
линия.

Несущий Слово долго смотрит на
тебя. Его взгляд проникает за слой крови и
красоту твоей формы. Ты говоришь с его
душой, нашептывая правду об эпохах,
которых он не знал. Он узнает, что ты
такое и для чего был создан. Несущий
Слово шепчет самому себе твое
предназначение.

--- Атам, --- произносит он.

Пятое

Твоего носителя зовут Анакреон. Ты
никогда не знал подобных ему --- ни в

древнем прошлом твоего создателя, ни во
время пути, которым следовал среди звезд.
Его сформировали кровь, разрушенная вера
и утраченные мечты. Он -- заблудший сын
с новообретенной целью, он сродни тебе:
оружие, которое обратят против его
творца. Анакреон видит в тебе красоту,
какую может найти в клинке только
убийца.

Ты убиваешь для него. Убиваешь во
имя сил, которые шепчутся на границе
снов. Тебе ведомо благословляющее
прикосновение многих рук: Кор Фазрона,
Эреба, Сор Талзрона.

Они называют тебе имена -- те,
которые некогда шептал Тог, пока ты спал
в его ладони.

Твоя острота пробуждается. Это
тень, отбрасываемая светом забранных
тобой душ. Твое лезвие грезит о порезах, о
кровопролитии, о рассечении плоти. Этот
путь всегда был твоим, он таился в твоём
черном средоточии с тех пор, как ты
впервые появился из земли.

Это не откровение. Это истина.

Ты убиваешь Анакреона на Риголе.

Избранники Пепла спускаются с пылающего неба, словно ответ на мольбу об отпущении. Их прыжковые ранцы воют, вытягивая наполненный дымом воздух и выдыхая его в виде синего огня. Серые доспехи покрыты пылью пепла мертвых миров. Внизу, в крутящемся пламени, Атене́йский Анклав. На взвихряющихся ветрах огненных бурь кружатся обрывки обугленного пергамента. Конопоть покрывает белые купола и каменные колоннады, словно обгорелая кожа на обнажившихся костях. Над обреченным городом вместе с дымом поднимаются вопли и звуки паники.

Оказавшись на уровне крыши, Анакреон стреляет из ручных огнеметов. Два оранжевых языка цвета расплавленного железа тянутся к земле. Спустя секунду огонь открывают остальные члены отделения. Они разом отключают тягу прыжковых ранцев и падают сквозь преисподнюю. Внутри доспеха Анакреон торгает, убирая руну температурной тревоги. Жар просачивается сквозь его броню. На миг

погдавшемүся слабости воину кажется, что он и есть огонь, что они одно целое.

Несущий Слово не ищет удовольствия, однако в этот момент он практически чувствует его.

Анакреон падает в центр мощного удара, и от точки удара разлетается волна осколков плит. Он шепчет молитву, слова затегают биение обоих его сердец. Анакреон поднимается с корточек, вскидывая огнеметы и описывая ими спираль. Визор потускнел почти до черноты. Вокруг приземляются братья, и от их прибытия сотрясается земля. Они встают и шагают вперед, бесшумно по сравнению с ревом пламени.

Невероятно, но в руинах городской библиотеки еще есть живые люди. Анакреон и его братья кажутся иными черными силуэтами, возникающими из ада. На мгновение они вспоминают старые, как само человечество, истории о летящих ангелах, посланных разгневанными божествами. И это совершенно точно.

Мало просто разрушить -- те, кто не

преклонил колен перед истиной, должны
заплатить за свою надменность. В этом
цель Анакреона, подлинное выражение его
сущности. Он — ангел праведного
уничтожения, губитель цивилизаций. Ты
при нем, покоишься в адамантиевых
ножнах на бегре. В его руке ты вкушал
смерть множества миров и убивал, чтобы
благословить погребальный костер.

Это не просто война, это ритуал. То,
ради чего ты был создан. Сегодня ты
заберешь жизнь и коснешься непла.

Выжившие открывают огонь.
Сплошное заряды со звоном отскакивают
от брони Анакреона, сбивая копоть и
краску. Воин продолжает шагать вперед.

Перед ним здание с колоннами на
фасаде. Белый камень от дыма стал
тускло-серым. Взрывы сорвали крышу, но
строение не горит. Пока не горит. В
разбитых окнах и между громадными
колоннами со сбивчивым перестуком
появляются дымные вспышки.

Анакреон останавливается в десяти
шагах от здания. Огнеметы в его руках
гаснут, оставляя лишь синие дежурные

огоньки. Но обе стороны от него замирают. Братья, а он пристегивает огнеметы к бедрам и медленно снимает шлем с головы. Воздух наполнен горячим теплом и страдом протетия, которые накатываются на неприкрытое лицо. Воин поднимает глаза на здание, медленно поворачивая татуированную голову и последовательно отмечая все точки ведения огня.

— Фосфекс, — тихо произносит Анакреон.

Ксен выступает вперед и опускается на колени, чтобы отстегнуть с поясицы бронированную еткость. Это черный цилиндр из начищенного металла размером с человеческую голову. Ксен поднимает фосфексовую бомбу осторожно, словно мать, которая баюкает новорожденное дитя.

Арүн Ксен определенно избран для великих свершений. Его выделило око Эреба, и ему суждено подняться высоко. То, что он носит оружие столь абсолютного, священного опустошения — лишь один из знаков этой благосклонности.

Анакреону не нравится Ксен. Он не стал бы утверждать, что ненавидит его, просто считает, что оказываемое тому покровительство не слишком заслужено. Несущий Слово предпочел не делиться своей неприязнью с кем-то еще — как показали недавние события, это было бы неразумно.

Ксен склоняет голову над черным цилиндром, и Анакреон слышит в воксе его голос, шепчущий молитву. Затем он поворачивает верхушку цилиндра и бросает его в одно из окон здания.

Изнутри выплескивается маслянистая вспышка. Спустя один удар сердца раздаются вопли.

За ними следует всепожирающее пламя. Оно расползается по зданию, словно рой насекомых. Льет из окон и змеится вверх по колоннам. Распространяясь, пламя воем и потрескивает с ликованием пиромана. Камень здания начинает деформироваться, будто тающий лед. Анакреону приходится моргать, чтобы огонь не повредил глазам. Стрельба прекращается, и остается лишь крик.

который издает терзаемый камень,
раскалывающийся в немолчком некле.

Ты покидаешь ножны на боку
Анакреона. Город мертв, однако требуется
последняя смерть, последний акт
ритуального убийства.

Единственный, кто остался в живых
внутри здания — старик. Из его глаз
сочится гной, от лица остались красные
останки. Под когда-то синим одеянием
скрыто дряхлое тело из слабой плоти с
выпирающими костями. Прежде чем
здание рушится, Анакреон вытаскивает
человека наружу и опускает тело на
мощеную улицу. Он действует аккуратно,
практически деликатно.

Человек давится и изрыгает
пенящуюся кровь с вкраплениями копти.

--- Мы были... согласными... ---
задыхается старик.

Анакреон и его братья молчат.
Просто смотрят, как мужчину тошнит, и
тот хватается за грудь.

--- Мы были согласными! Мы
придерживались Имперской истины. Мы
верны. Невинновны.

Ты движешься вперед в руке
Анакреона. Воин опускается на колени. Его
голос тих и почти печален.

--- Да, были.

--- Так... почему?

- - - Из-за вашей невинности, ---
произносит Анакреон. Он протягивает
руку и мягко касается скальпа человека.
Волосы сгорели, и на темени видна
выцветшая татуировка в виде двуглавого
орла. Человек трясется, обхватив себя
руками, словно пытается согреться.
Анакреон наклоняется и целует его в лоб:

--- Однажды человечество поймет.

Ты поднимаешься над стариком,
острие направлено вниз, готовое ударить.

Обваренную плоть изуродованного
лица пересекает трещина улыбки.
Приложенные к сердцу руки раскрываются,
словно цветок, демонстрируя прижатую к
грудь тускло-зеленую сферу.

Анакреон успевает удивленно
моргнуть, прежде чем плазменная сфера
детонирует. Взрыв отрывает воина от
земли, перегревая окружающий воздух и
одинаково уничтожая плоть, металл и

камень.

Спустя мгновение он с грохотом валится на спину, и ты выпадаешь из его руки.

Проходит несколько секунд, прежде чем то, что осталось от Анакреона, пытается подняться. Левой руки и половины торса больше нет, горячие черви остатков плазмы еще взрываются в кератин и плоть. Лицо свисает с черепа, мясо прогорело до кости. Доспех лязгает, словно заклинивший часовой механизм.

Анакреон вудит тебя и ползет. Он не кричит, хотя боль такая, что берет верх даже над легионером.

Несмотря на его сверхчеловеческое упорство, это рука Ксена сжимается на твоей рукояти, поднимает тебя в воздух и стряхивает с клинка тонкий слой осевшего непла.

Анакреон поднимает на него глаза.

--- Жертвоприношение... --- хрипит он. Его взгляд перескакивает на тебя, а затем на бесстрастные изумрудные линзы глаз Ксена.

Ксен кивает --- он понимает. Они

прибыли сюда для подготовки, ритуального этапа в процессе, который разворачивался четыре десятилетия. В подобных планах не бывает незначительных элементов. Здесь должно произойти жертвоприношение, дар погребальному костру. Ксен знает об этом, пусть даже не знает тебя. Он опускается на колени возле Анакреона. Ты скользишь, лезвие затирает у горла Анакреона, и рука воина приподнимается, охватывая руку Ксена.

Они оба держат тебя. Анакреон делает последний вдох и шепчет благословение, которое повисает в воздухе, темнее дыма и тоньше тумана.

Затем ты забираешь его душу.

По ту сторону покрыва реальности тень твоей остроты делает глубокий глоток и страхирует свои грезы.

Шестое

Вращаясь, ты падаешь из руки Ксена на блестящую от масла палубу. Твоя рукоятка ударяется об изъеденный

коррозией металл, и ты снова подскакиваешь в воздух, пролетаешь темного и останавливаешься.

Два человека не шевелятся. Они оба исхудали от голода. Их плоть покрыта рубцами от бича, а кожа на руках, спине и груди проткнута иглами. Они ждали этого момента. Он был их целью на протяжении всех месяцев проверок и испытаний болью. Были и другие — мужчины и женщины, которые обнаружили истину, таящуюся за фасадом реальности. Люди, которым было мало обыденной, пятилетней силы. Каждый из них нашел ответы и был благословлен, однако они хотели большего.

Они хотели возвыситься. Стать магжирати.

Теперь осталось лишь двое, которые стоят посреди круга тусклого света в трюме безымянного звездолета.

Оба готовы.

Один из людей бросается вперед со скоростью удара кнута. Он лыс, рот на худом лице широко раскрыт. В темноте блещут крючковатые стальные зубы. Его

зовут Джукар, однако это не подлинное имя, от него он отказался давным-давно. Ты выскальзываешь из его сжимающихся пальцев. Пунок второго человека попадает Джукару в живот.

Джукар вскрикивает, когда ребра трескаются, и прежде, чем он оказывается в состоянии двигаться, ему в бок приходится еще один удар ногой. Он перекачивается и снова тянется к тебе. Ты касаешься его пальцев, так маняще близко...

Другой человек прыгает на Джукара, словно кот, под его тонкой кожей выступают сухие мускулы. Джукар чувствует, как его оплетают конечности, и судорожно хватается воздух. Ржавые шпильки вырываются из проткнутой кожи, брызжет кровь. Джукар силится страхнуть противника. Тот прижимается плотнее, сжимая рукой горло Джукара.

Джукар кричит и снова перекачивается. Хватка другого человека разжимается, и Джукар выскальживает на свободу. Он в последний раз ползет к тебе по палубе, оставляя на полу полосу крови.

Ты находишь его руку. Второй человек снова шагает вперед, но на сей раз ты поднимаешься ему навстречу.

Ты скользишь сквозь его кожу и мышцу, пока не натыкаешься на кость. Человек отшатывается назад. Твоя рука торчит из плоти его бедра. Какую-то секунду крови нет, а затем она начинает просачиваться вокруг клинка — сперва по капле, а потом красным потоком. Джукар глядит на человека, крючковатые металлические зубы скалятся в наполовину торжествующей, наполовину ошеломленной ухмылке.

Во мраке за пределами круга света Ксен шевелится, издавая урчание сервоприводов, однако не двигается. Он видит то, что упустил Джукар.

Второй не побежден. Еще нет. Вовсе нет.

Джукар поднимает глаза, и улыбка угасает у него на губах. Второй человек стоит прямо, его темные глаза блестят. Кожа побелела, а на челюсти подергиваются мышцы, однако он выглядит чрезвычайно живым.

Сконцентрированным. Возможно, таким, как сам клинок.

Он осторожно тянется вниз и вытаскивает тебя из бедра. По ноге человека бежит свежая кровь. Кажется, он ее не замечает.

Джукар издает рычание и прыгает вперед. Ты рубишь вверх и поперек.

Джукар оступается, а затем падает на колени. Его руки нащупывают горло, на котором улыбается новый кровавый рот. Он падает, заваливаясь в растекающуюся лужу красного цвета артериальной крови.

Второй человек наклоняется и размазывает по твоему клинку еще больше крови. Та греет смертоносное лезвие.

Человек продолжает стоять на коленях возле Джукара, а вперед выходит Ксен.

--- Поднись.

Человек встает, внезапно лишившись сил от пережитого. Его зовут Криол Фост, и он проделал долгий, многолетний путь, чтобы оказаться здесь.

Ксен смотрит на него, на свежееокрашенном металле шлема

светятся зеленые линзы.

Ты поднимаешься в раскрытых лапках Фоуста, клинок все еще блестит от кровавого благословения. Фоуст склоняет голову, поднося тебя обратно своему хозяину.

Ты чувствуешь прикосновение Ксена, жизненная сила в его жилах столь насыщена и близка. Ты жаждешь его души, однако он, похоже, ощущает это и отводит руку.

— Маджир, — произносит Ксен. От этого слова, произнесенного вслух, Фоуст начинает дрожать. — Доверенный. Клинок твой.

Ксен разворачивается и уходит прочь. Только тогда Фоуст падает на пол.

Ты остаешься у него в руке, когда он проваливается в сны о падающих звездах и умирающих мирах.

Седьмое

Калт. Пока ты на боку у Фоуста, это слово кружит вокруг тебя. Он произносит его с почтением, словно называет

святилище или завершает благословение.
Теперь события разворачиваются быстрее,
они ускоряются к одной точке. Ты
остаешься рядом с Фоустом. Ему кажется,
что ты прекрасен. Порой он мысленно
общается с тобой. Он не думает, что ты
его слышишь. Его понимание ограничено.
Ты слышишь слова, которые резонируют в
твоих острых, как бритва снах: Октет,
Ушметар Каул, Ушкул Тү.

Поднимается буря. Она говорит с
тобой, как некогда говорила с Тогом,
будучи лишь слабым ветерком. Фоуст
тоже ее чувствует, однако постоянное
жужжание его грез не дает ему узреть
простоту грядущего. Он не в силах
увидеть нити судьбы, тянущиеся в
прошлое — миллиарды событий, которые
привели к этому моменту, к первому
штриху окончательной расплаты.

Его душа слепая, как и у всех.

Ты убиваешь на Калте. Погружаешься
в шкуру жертвователя. Ты вбираешь толику
его цели и соприкасаешься с ритуалом,
который вот-вот завершится. Вкус похож
на кровь твоего создателя. Похож на

начало.

Есть и другие смерти, однако они не имеют значения. Грядет нечто большее. Ты чувствуешь это в дытке будущего, словно манящее обещание. Где-то за горизонтом времени есть один разрез — миг идеальной, ритуальной остроты. Теперь ты практически видишь свой путь к этой концовке, возвращение туда, где все началось.

На Калме есть множество подобных тебе: зубцы черного вулканического стекла, клинки из металла и камня. Однако все они не столь стары, ни один из них не повторил твой извилистый путь сюда.

Да, ты чувствуешь путь, и он пролегает не в руке Фоуста.

Ты должен оставить его. Ты убьешь его. Путь всегда был таким с самого мига твоего рождения под солнцем более дикой, но и более доброй эпохи.

Ты пускаешь кровь из пальцев Фоуста, пока тот хохочет в пылающее небо.

- - - Ушкүл Тү! Ушкүл Тү! ---

выкрикивают мужчины и женщины вокруг него, по их щекам текут слезы радости, однако для тебя эти созвучия лишены смысла, а горящее небо — лишь пустое свечение. Ты сыграл свою роль в создании этого момента, но у тебя иная цель. Скоро ты найдешь грубую руку.

Возможность предоставляется на посадочной площадке у черной загрязненной воды. Мужчина поливает лазерным огнем группу невежественных сородичей Фюста. Он убивает их с эффективностью, которая кажется почти поразительной, если принять во внимание его скромную, невыразительную наружность. Он двигается с усталой быстротой, как воин. Двигается как тот, кто сражался всю свою жизнь. Возможно, даже дольше.

Однако он не заметил Фюста.

Тот бросается вперед. Ты у него в руке, тянешься забрать душу солдата. Фюст не обращает внимания на изможденную механическую фигуру, которая неподвижно стоит рядом с ним. Это просто старый погрузочный сервитор, вероятно, оставшийся после постановки

судна в док.

Фоуста отделяет от спины солдата всего один шаг. Ты поднимаешься, острое готово ударить вниз.

Механическая рука врежется в висок Фоуста. Он падает, и ты выскальзываешь из его руки. Фоуст обливается кровью, но он не мертв, хотя тебе и известно, что вскоре ты убьешь его.

Стрельба стихает, вливаясь в сплошной шум звуков, которое покрывает утирающий город.

Ты чувствуешь, как вокруг тебя сжимаются пальцы. Они чем-то знакомы, как будто рука протянулась из воспоминаний. Это солдат.

Большинство знакомых зовут его Оллом Перссоном, хотя это его ненастоящее имя. Стало быть, он тоже загадочное существо, как и многие из тех, с кем ты шел по пути. Возможно, поэтому он и кажется знакомым. Ты ждешь, когда он наклонится и разберется с Фоустом — ждешь вкуса крови, которая отмечала каждый этап твоего бытия, крови, которая всегда освящала твое

странствие.

Однако солдат встает и оставляет Фруста на палубе. Что-то пошло не так.

Ты падаешь в набедренный подсумок, и твоя тень извивается от злобы и жажды. Твоей остроте необходимо питаться. Ты чувствуешь себя неполным, однако не можешь ничего сделать. Фруст утратил, ему снесло половину черепа, а кровь стекает в забитую неплот воду, но это не удовлетворит твою жажду.

Ты все еще голоден.

Солдат несет тебя через темные воды к берегу из черных камней. Здесь твоя тень сильна, пелена между ними и тусклым светом реальности истончается. Эхо твоего лезвия так близко, что вы почти едины — сон об остроте и крошечный каменный клинок.

Солнца нет. Ты родился под солнцем. Впервые познал кровь под солнцем. Здесь ночь твоего бытия, подлинная тьма, которая всегда ждала за горизонтом. Ты прибыл. Здесь ты больше, чем нож. Ты — атам, и твое предназначение тянется за тобой во времени, словно мерцающий плащ.

из влажной кожи и сухих костей. Здесь твое место, то место, где тебе всегда было предназначено оказаться.

Ты вновь ложишься в руку солдата. Он не тот, кем кажется. Он — порождение времени и судьбы. У него есть значение, которого он не выбирал и не понимает. Он похож на тебя.

Солдат делает в воздухе несколько разрезов. Твое лезвие и твоя тень поют груг гругу.

Он шепчет молитву. Просит прощения.

Ты рассекаешь покров вселенной и в его руке проходишь в место, где так долго спала твоя тень.

Восьмое

Не факт, что ты доберешься сюда, как не было фактом и то, что именно ты сыграешь эту роль. Были и другие — ножи и кинжалы, сделанные из железа, из стали, из холодной ночи. Это мог быть любой из них. На каждом шаге судьба могла изменить твой путь, оставить

тебя очередным куском исторического
мусора, выброшенного на берег времени.

Судьба существует только в
ретроспективе, но теперь путь проложен
и, хотя это может занять долгое время,
должен закончиться, как должно
закончиться все.

И я жду тебя.

* * *

Зовите нас безутцати, зовите
фанатиками. Зовите предателями.
Зовите чудовищами, если хотите. Это все
не имеет значения! Вы вершите суд,
словно падающие монархи древности, но не
видите вселенской истины, и ад пришел
покарать вас за невежество. Каждая
смерть, каждая казнь нужна лишь чтобы
питать бұрю! Отправьте же меня на
встречу с теми темными повелителями!
Время Тринадцатого прошло! Смерть
Жиллиману и ложному Императору!
Смерть...

Неотмеченный

Дэн Абнетт

Нельзя войти в одну и ту же реку
дважды,

Убо всякий раз это другая река и
другой челове.

--- приписывается древнему Гераклиту

[отметка: ---?]

Его знают под именем Олл. Так он
представляется. Некоторые в общине на
Калте называли его Богобоязненным,
поскольку в лишенную богов эпоху он до сих
пор хранил старую веру.

Вместе с Оллом путешествуют
пятеро людей. Они тоже начинают
верить в то, что видели: богов, демонов,
небеса, преисподние, апокалиптическое
пламя и молнии из веры былых времен,
которые в конечном итоге оказались
реальностью.

Его долго звали Оллом Перссоном.

Олл — это сокращение от «Олланий».

Его звали Оллом Перссоном больше, чем кто-либо из его товарищей по странствию в состоянии представить.

[отметка: ---?]

Они шестером направляются вглубь страны, карабкаясь по откосам и каменистым гребням, которые кажутся выше облаков. Не потому, что облака низко, а потому, что гребни имеют невероятную высоту. На Калте нет таких гор. Они больше не на Калте. Всем это известно.

Странники идут около двух дней. Сложно сказать точно. Нет ни ночи, ни дня. У Зибеса есть старый наручный хронометр, стрелки которого постоянно крутятся назад. У Рейна с Кранком армейские часы, стальные циферблаты на прорезиненных черных ремешках. После того как они прошли через разрез, циферблаты ничего не показывают: ни временных отметок, вообще никакого времени, ничего, только светящиеся

символы «: ---», которые то вспыхивают, то гаснут.

В долине внизу, под облаками, греют трубы. Путники видели их только издали. Кранк прозвал их «трубачами», когда путники впервые услышали грохочущие звуки. Кем бы ни были трубы на самом деле, они, вероятно, слишком древние, чтобы у них было человеческое название.

--- Продолжаем идти, --- говорит Олл Перссон. --- Двигается.

[отметка: ---?]

В тот день, когда Калт умер, а XVJJ Легион совершил предательство и ритуально убил планету, Олл Перссон взял нож и проделал дыру во вселенной.

Он прорезал отверстие, словно щель в боку палатки, провел сквозь нее пятерых и тем самым спас их. Альтернативой было остаться на Калте и встретить настолько лучительную, страшную и абсолютно жестокую смерть, что ее невозможно вообразить. XVJJ обратился

против Императора. Они вырезали мир, убили своих братьев, расправились с миллиардами невинных и плюнули ядом в лицо Бога-Императора.

Чтобы помочь себе совершить эти преступления, ХВЖ привел с собой... что? Что они привели с собой? Единственное подходящее человеческое слово -- «демон», однако оно едва ли подходит. У тех существ, которых ХВЖ привел на Калте, есть нечеловеческие имена, но никому из путников не хочется их знать.

Все пятеро -- двое солдат Имперской Армии, рабочий, девочка и сервитор -- предпочли бы поскорее забыть большую часть из уже известного, чем узнать новое.

На Калте они видели такое, что зрелище того, как Олл Перссон прорезает щель во вселенной при помощи зазубренного ножа-атама, показалось им почти нормальным.

Он спас их. Забрал с собой с гибнущей планеты. Они не стали утруждаться, спрашивая, куда он направляется и как узнал о таком способе путешествовать.

Они доверились ему.

Еще до того как он вынул зазубренный
атал и прямо у них на глазах проделал
дыру во времени и пространстве, они
подозревали, что Олл Перссон далеко не
просто сегод ветеран Имперской Армии,
ставший фермером.

Пятеро спутников -- это рядовой
Бейл Рейн и его друг рядовой Догент
Кранк, оба из 61-го Нутинского, оба зеленые
и неопытные; Гебет Зибес, выполнявший
сдельную работу на ферме Олла во время
жатвы; Кэти, девушка, которая
занималась тем же и при нападении XVJJ
получила такую травму, что едва может
говорить; и старый тяжелый
сельскохозяйственный сервитор Олла
Графт, который может называть его
исключительно «рядовой Перссон».

-- Рядовой Перссон? Кто мы теперь,
рядовой Перссон? -- спрашивает Графт.
Они тащатся вверх по сухому
каменистому откосу, сбрасывая
сорвавшиеся камни на облако внизу.
Аугментический голос Графта напоминает
гулкий, плохо настроенный вокс.

--- Мы выжившие, рядовой Перссон?

Олл качает головой.

--- Нет, Графт, --- отзывается он. ---

Мы паломники.

[отметка: ---?]

Трубачей слышно лучше. Они приближаются.

[отметка: ---?]

Встает солнце, местная звезда. Оно пылает синевой в небе цвета оникса. Это не солнце Калта --- не Ушкүл Тү, жертвенная звезда, в которую колдуньи XVII превратили калтское светило.

Это другое солнце в другой системе, в другой части мира. Они шестером шли два неотмеченных дня и оказались на другом краю галактики.

Путешествие только начинается.

Олл достает тетрадь, маятник и компас. Два последних предмета он хранит в старой жестянке из-под листьев лху. Компас выглядит серебряным и

похожим на человеческий череп. Строго говоря, ни то, ни другое не правда. Олл откидывает серебристое тело и смотрит на циферблат. У него есть часовая лупа, чтобы видеть крошечные надписи.

Маятник кажется сделанным из гагата, но это не так. Он теплый на ощупь.

И то и другое дал Олл старый друг, чтобы помочь отыскивать путь.

Тетрадь наполовину исписана плотными записями. Это его почерк, но он изменялся с годами, поскольку этих лет прошло очень много. Сзади есть таблица. Олл разворачивает ее. Это сделанная двадцать две тысячи лет назад копия таблицы, которой на тот момент уже было двадцать две тысячи лет. Эти временные промежутки кажутся огромными и невероятно точными, но Олл может быть точен. Он присутствовал при создании копии. Он сам сделал ее на Terre.

На таблице изображена роза ветров, ориентированная по сторонам света. Олл поднимает маятник над компасом, заносит в тетрадь метрическую

взаимозависимость обоих инструментов и
сверяется с таблицей.

--- Африкус, --- сообщает он.

--- Что? --- переспрашивает Зибес.

--- Нам нужно сменить направление, ---
говорит Олл.

[отметка: ---?]

Горные ветры, словно змеи,
обвиваются вокруг хребтов и откосов.
Ветер сопровождается постоянным
дождем, который по вкусу напоминает
кровь.

--- У дождя вкус крови, --- произносит
Бейл, приложив палец к губам.

--- Тогда не пробуй его на вкус, ---
отвечает Олл.

--- Дело говорит, --- замечает Кранк.
Он смеется, демонстрируя, что все еще
находится в бодром настроении. Это в его
духе называть трубачей «трубачами». Он
просто пытается поддерживать
настроение.

Не помогает.

Бейл крепко сжимает свое оружие.

Это придает ему уверенность. Придает больше уверенности, чем шутки его друга Кранка. Оружие надежно, это последняя надежная вещь в мире, что бы это ни было за мир.

Оружие — лазерная винтовка Имперской Армии с деревянными прикладом и отделкой, а также синими металлическими накладками. Она чистая и совершенно новая. У Бейла есть вещевой мешок с магазинами к ней. Это не то дешёвое, подержанное оружие, которое ему выдали вначале.

У Кранка такое же безупречное оружие. Как и у Зибеса, но тот вооружён укороченным карабином с компоновкой «буллпап»*. У Кэмм компактный автоматистолет. Все их оружие из одного и того же места.

Это произошло сразу же после того, как они шагнули внутрь и покинули Калт. Покинули тот окутанный ночью калтский пляж, где воздух звенел от далекого уханья и воя существ, которых они во имя сохранения рассудка называли демонами. Это было первое место, куда Олл привел

их, сгелав в мироздании еще один разрез. Низина, болото. Ранее там произошла битва, жуткая скоротечная схватка в заросших тростником рвах и затопленных каналах. Повсюду лежали тела двух--- или трехдневной давности, которые чернели и раздувались на жаре. Ни Бейл, ни Кранк не опознали по растягивающейся и рвущейся форме подразделения Имперской Армии, которое несло бы службу на Калте.

--- Это не Калт, --- сказал им Олл. --- Другое место, другое время. Не спрашивайте. Я этого не знаю.

Он наклонился и подцепил с распухшего горла несколько жетонов.

--- Огиннадцатый Мохингасский, --- произнес Олл и вздохнул. --- Огиннадцатый Мохингасский. Господи. Уничтожены все го единого нефратилати на Дьюрнүсе в шестой год Великого крестового похода.

--- Это было больше двух веков назад, --- сказал Бейл.

--- Трупы свежие! --- воскликнул Кранк. Он глянул на раздутый мешок мяса у себя под ногами и пожал плечами. --- Ну, относительно свежие. Им день. Может

два.

--- Так и есть, --- сказал Олл, вставая.

--- Но... --- начал было Кранк.

--- Как я и говорил, --- произнес Олл, ---
другое место, другое время.

Они посмотрели на него.

--- Не я все это устроил, --- пожал он
плечами. --- Я просто живу в этом, как и
вы. Сверюсь с компасом. Возможно, нужно
будет снова изменить направление.

--- Почему ты доверяешь этому своему
компасу? --- поинтересовался Зибес.

--- А с чего бы мне ему не доверять? ---
ответил Олл. --- Это компас самого
Господа.

Кэтт глядела на тела, устилавшие
землю, ручьи и канавы.

--- Мы должны остановиться, ---
сказала она. --- Должны их всех похоронить.
Они заслуживают уважения.

Она говорила всего второй или
третий раз на их памяти, и все уже
начинали понимать, что Кэтт
высказывается редко, но искренне.

--- Должны, --- кивнул Олл. --- Бог
свидетель, ты права, но это другое время

и другая война. Поверь мне, девочка. Близится ужасная тьма, и после нее будет много, очень много мертвецов. Оставшихся в живых не хватит, чтобы их похоронить, даже если копать день и ночь. Все, что мы можем делать -- продолжать идти и сражаться за живых. У нас нет времени на заботу о мертвых. Прости, но это факт.

Кэти было заплакала, но кивнула. Они начали видеть искренность в ее редких высказываниях, а она начала ценить его честность.

Олл снова наклонился, снял магазин с перевязи трупа и проверил, подходит ли тот к его старому табельному оружию.

-- Вооружайтесь, -- сказал он, наполняя сумку боеприпасами.

Все замешкались.

-- Давайте, -- произнес Олл. -- Там, куда направляются эти несчастные, им не понадобится оружие. Нам оно нужнее. Кроме того, это новые модели. Партия для Крестового похода, совершенно новая. И всего два-три года, это не то отремонтированное дерьмо, которое

выдавали в Нүтине. Нам повезло. Там, где мы сейчас находимся, нам достается самое лучшее и новое вооружение из возможного. Так что разбирайте.

Они согласились. Бейлү пришлось взять пистолет для Кэти и убедить ее, что прикасаться к нему будет правильно. Что прикасаться к нему «окей». Слово «окей» было странным, но его использовал Олл Перссон, и они уяснили, что оно означает «все в порядке».

Олл стоял в стороне и чувствовал запах ветра. Он размышлял о том, что только что сказал. Нам повезло. Там, где мы сейчас находимся, нам достается самое лучшее и новое вооружение из возможного.

--- Чертовски повезло, --- тихо обратился он к ветру. --- Кто же позаботился, чтобы мы сюда свернули?

Олл Перссон и его выжившие товарищи на поле боя Дьюрнуса.

[отметка: ---?]

Из невидимых долин внизу раздается

грохочущий звук, издаваемый трубочатами.

Всем известно, что лучше уходить.

--- Ты не можешь сделать еще одну дырку? --- спрашивает Зибес, стирая с лица дождевую воду.

--- Дырку? --- переспрашивает Олл, нахмурившись.

--- Разрез... Этим твоим ножом? Скверная переделка, верно? Не делай вид, будто это не так.

Олл Перссон пожимает плечами.

--- Не такая скверная, как на Калме.

Он собирается сказать что-то еще, но прикусывает язык. Снова слышно трубочей --- они звучат злобеще, словно вмешательство самого мироздания.

--- Я не могу просто резать там, где мне нравится, --- произносит Олл, делая жест рукой, словно держит атам. --- Это работает не так. Я должен находиться в правильном месте и делать правильный разрез. Места соприкасаются самым странным образом. Я рассекаю покров одного, и мы входим в другое.

Все смотрят на него.

--- Это сложно. Даже не вполне научно.

Давным-давно кое-кто научил меня
основам.

--- Кто? --- интересуется Зибес.

--- Как давно? --- задает Кэмм более
верный вопрос.

--- Неважно, --- отзывается Олл, не
давая ответа никому из них. --- Суть в
том, что это не вполне наука. Кроме того,
тот, кто учил меня основам... он говорил,
что делать подобное ужасно, и никто на
это не пойдет, если только есть выбор.

--- Потому что от этого зависят
жизни? --- спрашивает Бейл.

Олл качает головой.

--- Нет, --- произносит он, --- причина
важнее.

Он снова начинает шагать, с хрустом
взбираясь по откосу в угасающем свете. Он
понимает, что сказал слишком много и
обескуражил их. Солдату-ветерану внутри
него --- в сущности, внутри него несколько
солдат-ветеранов --- известно и другое. В
подобных «переделках» хороший командир
не станет пренебрегать боевым духом. Он
не в силах забрать уже сказанное назад, но
может подбодрить спутников, добавив

больше. Подбодрить или отвлечь.

--- Ветры, --- произносит он. --- В них ключ. Ключ ко всякому путешествию, как вам скажет любой мореплаватель. Следуйте за ветрами туда, куда они идут.

Он вновь бросает на них взгляд.

--- Не за этими ветрами, --- говорит он, поднимая руку и чувствуя, как между пальцев струится холодный горный воздух. --- Я не имею в виду движение воздуха, а подразумеваю изначальные ветры, ветры эллипсеев, которые колышут и вздымают океан вечности.

Олл шагает дальше.

--- Я пользуюсь названиями романистов, --- говорит он, --- потому что так меня учили. Прямо сейчас мы следуем за Африкусом туда, куда дует этот ветер. Это юго-запад. Поэтому-то романисты и называли его Африкус. Однако греки знали его под именем Лисс, а франки именovali Вестестрони.

Он снова оглядывается на них.

--- Понимаете?

Кранк поднимает руку, словно ребенок

в школьном классе.

--- Да? --- спрашивает Олл.

--- Я хотел спросить, кто такие романики? --- произносит Кранк.

Олл вздыхает. Он размышляет, есть ли время для этого ответа, и сомневается, поскольку у них вообще ни на что нет времени.

--- Не бери в голову, --- говорит он.

--- Итак... мы следуем за ветром, за этим Африкусом, --- произносит Бейл Рейн.

--- Африкусом, --- направляет Кэти.

--- Ну да, за ним, --- продолжает Бейл.

--- Следует за этим ветром... куда?

--- Туда, где сделают следующий разрез. В следующее место, где покров тежгу тирами тонок.

--- При условии, что до этого нас не догонят трубачи? --- интересуется Кранк. Он смеется, и ветер уносит прочь визгливое «ха-ха-ха».

--- Пожалуй, --- отвечает Олл.

[отметка: ---?]

Они спят под скальной складкой неподалеку от вершины хребта. Олла сидит, неся стражу. Ему хочется двигаться дальше, но он понимает, насколько они устали. Им нужна пища. Нужна вода, у которой нет вкуса крови. Нужен сон. Им нужен хороший и точный разрез, который уведет их прочь от трубачей.

В мыслях Олла они называются не трубачами. Последний раз он встречал нечто подобное, существ той же породы, много жизней тому назад в Киклаге, их звал и сиренами. Просто другое слово, ничем не лучше и не хуже, чем «трубачи». Единственное, что тогда знал Олл — и с чем согласился Ясон — создания были родом не из Киклагы. Им было там не место, как трубачам не место здесь. Они были откуда-то еще, и место не имело ничего общего ни с этим, ни с каким-либо еще миром.

Они были словно сырость или гниль, просочившиеся извне сквозь стену.

Издаваемый ими шум сводил людей с ума, если слушать достаточно долго.

Заставлял забывать себя, забывать...

[отметка: ---?]

Олл просыпается. Он не знает, на сколько отключился. Час? Всего несколько минут? Остальные продолжают спать мертвым сном. Под скалой холодно, как в склепе. Вокруг темно и слышен только стук дождя.

Он видит сон. Остатки сновидения до сих пор застряли в сознании, словно осколки в коже: резкий и полный жизни свет солнца на движущейся воде, свет искрит, вода зеленая, словно стекло. Корабль горделив, его будут помнить так долго, что он станет мифом. На носу нарисовано око, обычный символ в те дни. Такие были на всех боевых галерах Срединного Моря.

С палубы слышен стех. Олл чувствует на своей голой загорелой спине горячие лучи солнца. Он слышит, как Орфей играет какую-то мелодию, которая сдержит шум, издаваемый сиренами.

В этом сне, в этом воспоминании

славная жизнь. Это были лучшие дни и приключение лучше, чем то, которое на него теперь взвалили. Это новое, неотмеченное странствие, прорезание пути из одного мира в другой — его не запомнят. Оно не войдет в легенду, как то, долгое плавание в Колхиду и обратно. Это путешествие даже не пробудет в памяти столько, чтобы было что забывать.

Впрочем, оно может быть более важным. Более важным, чем любое из приключений, которые он предпринимал за всю свою жизнь.

За все свои жизни.

Олл осознает, что размышляет об этом, как о своем последнем странствии, последнем приключении. Осознает, что ждет финального подвига, акта завершения, последнего отважного выхода на закате своих дней. Вот только по всемирным меркам предполагается, что он должен жить вечно, если только его жизнь не прервет чье-то вмешательство.

Так откуда же этот фатализм в мыслях?

Последние осколки сна все еще с ним.

Оно на носу корабля глядит сурово и неотрывно. Оно погвждено сурьмой и прекрасно, словно чарующие глаза Медеи, но при этом и ужасно. Одно око. В нынешние дни этот символ несет совсем иной смысл. Олл видел его в своем последнем сне, когда к нему явился Джон и показал Терру, объятую огнем. Это проклятое око и есть та причина, по которой путешествие станет последним.

--- Будь ты проклят, Джон, --- шепчет он.

Олл встает, растирая кисти и руки. Им нужно идти, продвигаться. Они слишком долго лежали. Слишком замерзли и протекли, потеряв чересчур много тепла.

И трубачи столкли. Это скверный знак.

--- Вставайте! --- произносит Олл, пытаясь разбудить их. У него немеют руки. Очень темно.

--- Давайте же, вставайте! --- кричит он. --- Нам нужно двигаться.

Никто не шевелится, кроме Графта, который активизируется от звуков голоса

Олла.

--- Рядовой Перссон?

--- Разбуди их всех. Мы должны идти, --- говорит Олл.

Что-то проносится по катням во двореке снаружи.

У Олла немеют руки, но он берется за свою винтовку.

--- Вставайте! --- кричит он. Но все-таки никто не шевелится. Олл целится в воздух и стреляет.

--- Просыпайтесь, --- говорит он.

Теперь у них нет выбора.

[отметка: ---?]

Они все затерзли, промокли и испуганы, вернувшись из неприветливой реальности в еще менее приветливую реальность. Кэтт плачет, но это из-за холода, а не из-за стресса. Кранк тоже готов разрыдаться, поскольку это все мерзко, и с него хватит. Олл торопит их вверх по склону, на гребень хребта.

На откосе у них за спиной что-то есть. Трубаچی, как предполагает Олл.

Даже трубачам известно, что порой полезнее всего сохранять молчание. Проклятые сирены тоже это знали.

Гребень высится впереди черным бугром, и это наводит на мысль, что на этой стороне светлее. Возможно, рассвет? Путники забираются наверх и видят бледное, бледно-синее небо позади. Они переваливают за гребень. Олл посылает Бейла вперед, а сам занимает место в хвосте, оглядываясь в поисках существ, которые их преследуют. Отдельные участки темноты двигаются, но не настолько, чтобы прицелиться.

— Помоги нам Господь, — произносит Олл. Он верующий и не ставит божий промысел под сомнение, но временами думает, что это Бог подверг их всем этим испытаниям. Во всех священных книгах каждой религии, что он изучал, полно историй о людях, которых заставляли страдать и терпеть, чтобы достичь спасения.

Теперь его черед стать Цовом, Сизифом, Прометеем, Одином и Осирисом. Его черед терпеть.

Более того, он страдает не ради собственного спасения.

Олл думает, что после прожитой ил жизни он не заслужил новых испытаний.

Путники спускаются по склону и лезут вверх по очередному откосу. Теперь гораздо светлее. От предрассветного сияния небо впереди стало прозрачным, словно законченное стекло. Олла внезапно ощущает, что они близко к месту, где должны находиться. Это как лишенной света ночью увидеть низко в небесах одинокую звезду и понять, что есть куда плыть. Он бросает взгляд назад. На гребне за спиной трубачи. Это огромные опухшие и массивные двуногие, облагающие глиняными, уравнивающими их тела хвостами, которые хлещут воздух позади них. Их глотки возвышаются над головами, словно цветы или насекомоядные растения. Словно механизмы из плоти, которые разветвляются, расширяются и увеличиваются. Они вновь начинают издавать шум в рассветное небо. Гролкость невероятна. Странные влажные

выступы и гребешки у них на головах
шевелиются и напрягаются, модулируя
исходящие ноты.

--- Вперед! --- кричит Олл остальным.

Они спотыкаются от шума --- шума и
вида существ на хребте. Оллү знакомо это
зрелище. Скоро путники утратят
способность думать. Где же Орфей, когда
он нужен? Хотя бы пчелиный воск?

Он прижимает приклад своей старой
винтовки к плечу и стреляет по
трубачам. Вигит, как те дергаются и
издают ржание, когда выстрелы выбивают
искры из кожистых, покрытых перьями
боков.

Он не рассчитывает убить их.
Просто хочет пошуметь. Бейл, Кранк и
Зибес оборачиваются и тоже начинают
палить вслеп за Оллом. Вскоре четыре
лазерных ружья отвечают трубачам на
гребне своим треском. Зибес
промахивается даже по таким крупным
страшилищам, но Бейл с Кранком, не
несшие действительной службы, только
что из Начального Училища и прошли
подготовку с оружием. Их выстрелы

ложатся точно, кучно в цель.

Это не та меткость, которая нужна Оллу, однако это все-таки шум. Близкий визг и треск четырех пехотных винтовок может заглушить или хотя бы нарушить воздействие звука, издаваемого трубачами. Создавать шум, как Орфей. Они продолжают стрелять. Через несколько минут некоторые из трубачей разворачиваются, трясая массивными животами, и, переваливаясь, скрываются из вида за гребнем. Их ужалило слишком много жгучих лазерных лучей, чтобы трубачи хотели остаться тут. За ними следуют и остальные.

«Словно скот», — думает Олл. Словно скот. Они поворачивают, как стадо, как группа. Уханье стихает за хребтом.

Олл никак не может перестать думать о них, как о скоте. Под «скотом» предполагаются пасущиеся травоядные, а также более трачный вариант. Предполагается, что трубные звуки должны отгонять нечто.

Хищника.

[отметка: ---?]

Олл прорезает отверстие, и они шагают туда. На той стороне жарко. Жарко и сухо, словно в печи. Яркое небо выглядит так, будто его синеву нарисовали, а затем обработали песком. Странники стоят на дороге: сухом, пыльном тракте.

Они идут около десяти минут, и в это время Оллу хватает, чтобы понять, что он знает, где они находятся. Олл замечает первый погибший танк --- сгоревший Т-62 --- и знает, что дальше они увидят гораздо больше. За один долгий, жаркий день в опаленном конце М2 региональный деспот лишился механизированной и бронетанковой бригады. Сто пятьдесят танков и бронемашин.

--- Почему сюда? --- произносит он вслух.

--- Кого ты спрашиваешь? --- интересуется Зибес.

--- О чем ты спрашиваешь? --- отзывается Кэмм.

Дорога и ваги** за ней покрыты

панцирями танков и металлическими
остовами. Воздух пахнет дымом и
горелым маслом. Оллу нужны ответы, но
спрашивать не у кого. Тут только
высохшие кости.

Раздается крик Зибеса. Они подходят
к нему.

В кювете на боку лежит трейлер.
Там нагретые на солнце пластиковые
канистры с водой, пищевые пайки, скатки.
Что бы ни тащило этот трейлер, ему
достался такой сильный удар, что
остались только куски.

Вот почему.

Они уже обезвожены и разгорячены
солнцем. Путники берут те припасы,
которые могут унести, и грузят канистры
с водой на Графта.

Вот почему.

— Удача, что мы здесь оказались, —
говорит Кранк.

Олл куда-то смотрит.

— Чья-то удача, — отвечает он, не
отводя взгляда от того, что видит.

Он смотрит на останки еще одного
боевого танка. Гусениц нет, катки

погнуты. Корпус почернел и покрыт
рубцами, башня наполовину оторвана. Как
будто у банки откинули крышку.

На борту, прямо под эмблемой 18-го
бронетанкового, знак. Проклятье, это
могла бы оказаться просто
примечательная царапинка от шрапнели,
поскольку она почти нечитаема, однако ее
нанесли на металл после того, как корпус
сгорел, и сквозь корку копоти видна голая
сталь.

Это слово. Возможно, иля, но оно
принадлежит не человеку.

М`кар.

Что означает это иля?

И кто додумался его здесь написать?

[отметка: ---?]

Они проводят несколько часов на
солнце, двигаясь по мертвой дороге среди
остовов боевых машин. Олл сверяется с
картой и компасом и находит следующее
место.

--- На сей раз недалеко, --- говорит он.

--- Ты здесь был, так ведь? ---

спрашивает Кэти.

Олл задает, нужно ли отвечать, а затем кивает.

--- Что это?

--- Это называли 73-м Восточным, --- говорит он. --- Считалось крупнейшим сражением бронетехники своего времени.

--- Когда это было?

Олл пожимает плечами.

--- На чьей ты был стороне? --- спрашивает она.

--- А это имеет значение? --- отзывается он.

--- Должно быть, на стороне победителей, --- решает она.

--- Почему?

--- Потому что ты жив, а все эти машины погибли.

--- Окей, --- кивает он. На сей раз «окей» означает нечто иное. Он смотрит на нее, щурясь в лучах пустынного солнца.

--- Просто чтобы ты знала. Моя жизнь не особо связана с исходом каких-либо битв. Время от времени мне приходилось бывать на всех сторонах. Победа не влияет на мою жизнь. Просто она мне нравится, и

я стремлюсь к ней, когда есть такая возможность.

--- Чем же в таком случае обусловлена твоя жизнь? --- спрашивает Кэтт.

--- Просто... жизнью, --- говорит он. --- Похоже, я не в состоянии избавиться от этого обыкновения, и меня не просто его лишить.

Он смотрит на нее. Ее глаза большие и темные. Они напоминают ему о ком-то. Ну конечно, Мегея. Та безумная ведьма. Столь прекрасная и тающая в себе множество сложных вопросов, совсем как эта девочка.

--- Сложно, однако не невозможно, --- замечает Олл.

--- Ты какой-то бессмертный, --- говорит Кэтт.

--- Что-то вроде того, полагаю. Мы называем себя Вечными.

--- Мы? --- переспрашивает она.

--- Нас небольшое количество. Так было всегда.

--- Тебе следует мне об этом рассказывать? --- интересуется она.

Следует ли? --- спрашивает себя Олл.

В самом деле, я никогда не говорил об этом с кем-либо, кто не был бы подобен мне. Однако сейчас я нахожусь в собственном далеком прошлом, в месте, которого более не существует, и перед отходом мне предстоит долгий путь. Очень долгий. Я рассказываю секреты древней Терры девушке, которая их не поймет. О ней никогда не узнают, не найдут и уж точно не поверят.

Под этим синим небом, на этом пустынном ветру я смотрю в глаза, которым место на лице колхидской ведьмы или хотя бы на носу боевого корабля Киклады. Какие тайны я на самом деле выдаю?

--- Все окей, --- говорит он. --- Думаю, что могу тебе доверять.

--- Какой ты? --- спрашивает она.

--- Что?

--- Какой ты бессмертный?

--- О, --- восклицает Олл. Ему еще не приходилось отвечать на подобный вопрос. --- Обычный.

[отметка: ---?]

Когда он прорезает отверстие на сей раз перед самым закатом, на 73-м Восточном поднимается пустынный ветер, и высохшие кости в мертвых костовах начинают греть и шевелиться. Мертвецы что-то чуют, и это что-то --- не Олл с его спутниками.

Оллү известно, что мертвые мало что способны ощущать. Такого немого, и него нет названия в языке людей.

Путники проходят в отверстие под скрип сухих суставов, гребезжание ребер и скрежет зубов.

Мертвецам тревожно.

[отметка: ---?]

Следующую ночь странники спят в лесу под дождем. Они делают укрытие из брезентовых скаток, которые взяли из трейлера, и съедают несколько пайков. Вдали слышны гүлкие удары и барабанный бой артиллерии. За холмом идет война.

Оллү известно, что с ним играют. У

основного леса знакомый запах. Он не уверен, но склонен полагать, что знает и это место. Это благожелательное направление, или же кто-то ведет его в западню?

При любом из вариантов это, скорее всего, один и тот же человек.

Будь ты проклят, Джон.

Олл встает рано, все остальные еще спят. Если он помнит верно, то не далее чем в трехстах шагах от границы леса находится край старой коммуникационной траншеи.

Он чует запах реки, а значит Верден на западе.

Траншея точно там, где он помнит. Там, где он и другие ее вырыли. Она заброшена и слегка заросла. Изменение направления обстрела привело к тактической стене позиции, и этот край фронта опустел. Крошечные сорные растения кивают головами синих цветов. Трава растет среди упавших мешков с песком. Броневые пластины вала ржавеют. Доски пола траншеи отсырели, за ними давным-давно никто не следует. Олл чувствует

запах кофейной гущи, крапивы и отхожих мест. Ров и линия мешков с песком усыпаны стреляными снарядами и гильзами, которые блестят латуною.

Олл зигзагом следует по траншее под низкую крышу. Он движается медленно и осторожно, держа винтовку, которую изготовят почти через тридцать тысяч лет.

Вот спуск в офицерский блиндаж. Он помнит все, словно это было вчера. В блиндаже маленький стол, сделанный из ящика для фруктов: кофейник, горелка, грязная эмалированная кружка. На черной стене темное пятно. Кто-то уходил в спешке, и он был ранен.

На столе лежит журнал. Олл открывает его.

Это гражданский дневник местного производства, приспособленный для иных целей. Бумага кремового цвета, числа и линии напечатаны бледно-синим. Дневник был отпечатан на 1916 год. Дата настолько древняя, что Олл едва находит в ней смысл.

Первая половина исписана

чернильным пером плотным, хорошо натренированным почерком. Олл загадет, не его ли это рука, хотя он настолько хорошо полнит это место, что вероятно знал бы, если бы это было так.

Почерк не его. В дневнике снова и снова повторяется одно-единственное слово.

М`кар.

[отметка: ---?]

--- Я не могу задерживаться надолго, --- раздается голос.

Олл оборачивается, вскидывая винтовку. Джон стоит в траншее снаружи у входа в блиндаж, прислонившись к задней стене. На нем облегающий костюм и пыльный комбинезон.

--- Будь ты проклят, --- в сердцах говорит Олл, расслабляясь и чувствуя себя глупо из-за того, что оказался застигнут врасплох.

--- Я вижу, ты его заполучил, --- замечает Джон, кивая на завернутый атат, который подвешен у Олла на поясе.

--- Он и впрямь настолько важен?

--- Да, --- отвечает Джон.

--- Это ты должен был этим заниматься, а не я, --- говорит Олл.

--- Ой, да брось ты, --- отзывается Джон. --- Едва ли ты мог остаться на Калме. Это было гружеское предостережение, чтобы помочь тебе отсюда выбраться. Кроме того, я занят. У меня свое дело.

--- Да?

--- Не спрашивай, не расскажу.

--- Я думал, что это путешествие, в которое ты меня втянул, действительно важное, --- произносит Олл.

--- Так и есть. Честно. Но мое дело тоже важное, и, по правде сказать, ты находился в нужном месте. Я работаю на Кабал, Олл. Они оплачивают мои счета, ты же знаешь.

--- Давно я не слышал этой фразы, --- говорит Олл. Он почти что улыбается.

--- Кабал наблюдает за тем, что я делаю. Я не могу быть повсюду.

--- А я, стало быть, не работаю на Кабал? --- интересуется Олл.

--- Нет, ты --- нет. Мне не следует даже разговаривать с тобой.

Впервые за долгое время Олл видит в глазах старого друга некое выражение. Это выражение, которое указывает на то, что он пытается поступить правильно, пусть даже вся вселенная старается этому помешать. Впервые за долгое, очень долгое время Олл Перссон жалеет Джона Грамматикуса.

--- Слушай, Олл, --- говорит Джон. --- Я постараюсь оказаться там, когда ты появишься. Чертовски постараюсь. Но...

--- Но что?

--- У меня предчувствие, Олл. Темное и мрачное.

--- Это твой разум так работает, Джон.

--- Нет, Олл, это не псайкерство. Это как... просто нутром чуют. Думаю, что могу в конце концов сойти с дистанции. Возможно, это мое последнее приключение.

--- Они просто вернут тебя, --- говорит Олл. --- Кабал просто вернет тебя, как всегда возвращал.

Он произносит это быстро, практически обвиняя. Произносит, чтобы скрыть свои мысли. Почему мы оба чувствуем одно и то же? Почему чувствуем, что это наше последнее приключение? Вселенная в опасности, когда Вечные ощущают себя смертными.

— Мне казалось, ты говорил, что плохо придется всем, — произносит Олл. — Ты так говорил на Калме. Говорил, что или пан, или пропал.

Джон кивает.

— Так и есть. Просто... В смысле, что касается лично меня, есть дела и... Мне нужно сделать выбор, Олл, и не думаю, что мне нравится хоть один из вариантов. Впрочем, это неважно. Жаль, что не могу сделать этого вместо тебя и не взваливать на твои плечи ответственность. Олл, я хочу, чтобы ты ценил то, что делаешь. И искренне считаю, что ты подходишь для этой работы лучше меня.

Олл не отвечает.

— Я постараюсь оказаться там, когда ты придешь, — говорит Джон. — Но если

этого не случится. Если я... опоздаю...
думаю, ты знаешь, что делать.

--- Во что ты меня втянул, Джон?

--- С тобой все будет в порядке.

--- Джон, до сих пор ты меня
направлял... оружие, пища, места. Все
очень подходящее и с иронией. Типичная
склонность Грамматикуса к
театральности.

Джон фыркает и пожимает плечами.

--- Ты пытаешься провести меня
тайком, да? --- спрашивает Олл. ---
Пустить по окольному маршруту.
Отправить долги кружным путем,
чтобы меня было сложнее выследить и
найти.

Олл выходит из блиндажа на свет
раннего солнца и оказывается лицом к
лицу с Джоном.

--- Вот почему это должен был быть
я, так? --- спрашивает он. --- Господи,
теперь я вижу. Я не псайкер, как ты. Когда
я двигаюсь в варне, меня не видно. Ты бы
был замечен, будто маяк. Вот почему я
выполняю за тебя грязную работу.

Джон не отвечает.

--- Что такое М`кар, Джон?

--- Тебе не следовало приводить с собой остальных, --- отзывается Джон.

--- Почему?

--- Они не выдержат.

--- Они бы точно не выдержали там, где находились, --- отвечает Олл.

--- Так вышло бы быстрее.

Милосерднее.

--- Если я выдержу, выдержат и они.

Джон кивает. Это не ободряет.

--- Что такое М`кар, Джон?

--- Брось...

--- Что это значит? Это имя?

Джон глядит в направлении реки.

--- Для нас цепь времени распалась,

Олл. Все в неправильном порядке. Его имя

М`кар.

--- Нечеловеческое имя.

--- Нет. Не знаю, зовут ли его

М`каром сейчас, или назовут однажды.

Барн живет не в такт времени, как мы его воспринимаем.

Он смотрит на Олла с грустью в глазах.

--- Враг не даст тебе уйти с Калта.

Только не с этим кинжалом. Они послали за тобой нечто. Это нечто зовут М`кар. Олл, тебя спасает то, что ты движеешься окольным путем, и действительно помогает, что ты не псайкана, и не светишься во тьме, как я. Да, поэтому ты делаешь это вместо меня. Да, окей? Признаю.

--- Но все же...

--- Все же оно приближается. М`кар приближается. Оглядывайся почаще. Единственное, чем я могу тебе реально помочь: посоветовать достаточно долго продержаться вдали от него.

--- Что это значит?

--- Это значит, что он нужен еще и для другой задачи, так что не может вечно искать тебя. Продолжай идти, не поднимай головы, не понагайся на глаза, и в конце концов ему придется сдаться и повернуть назад.

--- Почему?

--- У него своя судьба. Просто будь начеку, Олл.

--- Помоги мне еще, Джон! Проклятье! Я заслуживаю большего! Как мне

спражаться с этим существом?

--- Прости, не могу, --- говорит Джон.
Он выглядит искренне оправдывающимся. ---
У меня полно дел. Я не могу...

--- Ты даже не здесь, да? --- внезапно
поняв, спрашивает Олл. --- Где ты на самом
деле?

--- В другом конце Ультратара, ---
отвечает Джон.

Олл вздыхает.

--- Раз ты не здесь, то и я нет, верно?

[отметка: ---?]

Он просыпается в укрытии в сосновом
лесу перед самым рассветом. Дождь
стучит по кронам. Остальные спят.

Олл знает, что нет смысла идти к
траншее. Джона там не окажется, а он
уже узнал все, что может сообщить
траншея.

Пора двигаться.

[отметка: ---?]

Путники входят в мертвый город.

Никто, даже Олл, не знает, когда и где это было. Город построен из сухого белого камня, который похож на мел, однако не является им. Панели обращаются в пыль от малейшего прикосновения. Воздействие времени. Небо над возвышающимся городом иссиня-фиолетовое, на нем видно восемь ярких звезд. Когда поднимается ветер, то и происходит сейчас, от углов белых стен и порогов зданий, словно пар, тянутся шлейфы белой пыли. Город медленно стирается.

Это место пусто, тут только белые строения с пустыми проемами дверей. Нет ни мебели, ни следов украшений и изумщества, ни признаков тех, кто давно мертв. Олл думает, что находившееся в этих зданиях, чем бы оно ни было, давно распалось прахом вместе с обитателями. Остались лишь безмолвные башни, залы и пустые лестницы.

Через час или два они понимают две вещи. Во-первых, что город бесконечен. Оставляя позади башни, стены и крыши, странники видят за ними лишь новые башни, стены и крыши.

Вторых, пустота нервирует. Они взволнованы, хотя не слышно ничего, кроме звука их шагов и вздохов ветра, и нет никакого движения, только слабо струящихся шлейфов белой пыли, которая срыгается с краев стен и дверей.

Когда путники переговариваются, их голоса эхом отражаются от окружающих улиц, но не сразу. Каждому эху требуется несколько минут на возвращение. Многовато, чтобы это казалось уютным и естественным, к тому же каждое эхо возвращается идеальной копией изначальных слов, а не звуком, который акустика делает пустым.

Из-за этого разговоры быстро прекращаются.

Олл останавливается и сверяется со своим компасом. Они нашли очередное место для разреза, и это произошло отнюдь не слишком быстро. Когда он достает атат и готовится сделать разрез, по мертвым белым улицам к ним долетает эхо.

Это слово, слово «М`кар».

Никто из них не говорил.

[отметка: ---?]

На той стороне очень влажно. Они чувствуют это через щель, еще не пройденную сквозь нее. На бледной коже тут же выступают бусинки пота, которые блестят, словно бриллианты.

Их ждет тропический лес. Он ждал вечно. Там царит бескрайний нефритовый сумрак залитых водой прогалин, путники стоят по колено в ярко-зеленой жиже. Графт старается не терять сцепления и равновесия. Сквозь полог пробивается и искрится солнечный свет. Стволы деревьев и полужатопленные бревна покрыты плотным, словно изумрудный бархат, мхом. От запаха гнили сводит гортань.

Мимо со стрекотом пролетают крылатые насекомые, каждое из которых похоже на тонкий шедевр часовых дел мастера. Они зависают на месте, а затем снова набирают скорость.

Очередное неизвестное Оллу место. Он загадает, признак ли этого того, что теперь их маршрут менее

контролируемый и более случайный. Или же знак, что все становится еще секретнее? Что это за брошенный мир? Что за пограничный аг? Потеющие ладони нервно водят винтовкой. Тропический лес — скверное место для боя. Он никогда не любил войну в джунглях.

Они постоянно останавливаются, чтобы помочь Графту выбраться. Порой приходится вытаскивать его из жижи при помощи почерневших бревен.

— Не нравится мне это, — замечает Кранк. Это констатация факта. Олланда задает, имеет ли молодой солдат в виду дискомфорт из-за влажной жары и нагрузки или же говорит о самой местности.

Подобное высказывание вполне подходит и к тому и к другому.

А затем все сталкивает.

От этого холодеет кровь. До наступления тишины они не сознавали, что в джунглях столько разных шумов: гудение насекомых, плеск воды, треск подлеска, чириканье амфибий, посвистывание птиц. Путники ощущают

их тревожное отсутствие, только когда все одним махом прекращается.

Они все застывают, прислушиваясь и желая, чтобы звуки вернулись.

Олл вскидывает руку и медленно разворачивается, поднимая винтовку. От этого движения едва слышно плещется вода у его голеней.

Что-то кидается к ним из древесной рощи позади. У него человеческие габариты и очертания, однако ноги короче, а руки длиннее людских стандартов. Это костлявое и сухощавое обезьяноподобное существо. У него нет глаз. Всю голову занимает зияющий рот с растянутыми губами и зубами плотоядного животного. Оно визжит на бегу. Брызжет вода. Кэти издает вопль. Существо перескакивает через полузатопленное бревно и прыгает, вытянув когтистые лапы.

Олл стреляет. Три заряда попадают в торс создания и с неуклюжим глухим шлепком отшвыривают его назад в зеленый сун. Оно тонет, продолжая биться.

--- Что, во имя... --- начинает было Зибес, но времени не хватает. К ним

несется другою примат, затем еще один, а потом и четвертый. Они с воплями пробиваются из тоназового мрака, не тревожась по поводу судьбы, которая постигла первого из них.

— Беглый огонь! — командует Олл. Много целей. Ему не справиться со всеми. Нужны остальные.

Кранк возится с винтовкой, из-за спешки его руки запутались в ремне.

Бейл стреляет, развернув одно из существ достаточно, чтобы замедлить, а затем целится для смертельного выстрела. Зибес не полагает даже по деревесным стволам.

Олл четко застрелил еще двоих, но появляются новые приматы — полдюжины, дюжина, все скачут и бегут. Куда-то попадают только они с Бейлом. Вопящие раненые тяжело падают в жижу, но на их месте появляются другие. У них желтые зубы и красные пасти. Один оказывается так близко, что Олл едва успевает выстрелить.

Кранк наконец-то в строю. Он палит беспорядочно, но увеличивает огневую

мощь и опрокидывает сперва одного, а затем и второго.

Кэтт вытащила свой пистолет. Она держит его обеими руками, стреляет вместе с друзьями и попадает. Девушка понимает, насколько чрезвычайная ситуация, и возражает всякий раз, когда существа верещат.

Зибес убивает, но это редкая удача. Просто он не прирожденный стрелок. Один из приматов подбегает к нему слишком близко и тянется выграть горло.

Графт хватает существо за шею рукой-манипулятором, поднимает его и швыряет на деревья, будто соломенную куклу.

Олл стреляет и укладывает последнего из приматов. Новые не появляются. Снова воцаряется тишина, если не считать хриплого дыхания, стука падающей листвы и кусков коры.

Затем, словно он никогда и не исчезал, возвращается шум тропического леса.

Олл делает глубоко выдыхает и стирает пот со лба. Он наконец-то понял.

где они находятся и когда. Емү сообщила об этом некая интуиция, память предков.

Это Терра до возвышения человека. Существа, которые на них напали, могли бы однажды эволюционировать в людей.

Если не считать того, что эти тела, которые плавают лицом вниз в зеленом суне, демонстрируют, как ранс порча варна прикоснулась к родному миру человечества.

Олл не обсуждает все это со спутниками.

--- Двигается дальше, --- говорит он ил вместо этого.

[отметка: ---?]

Комнас прекращает работать. Маятник тяжело повисает, отказываясь качаться.

--- Мы заблудились, --- замечает Кранк, наблюдая за манипуляциями Олла.

--- Правильно говорить «попали в штиль», --- огрызается Олл, однако то, какое определение верное, не имеет значения. Он никогда раньше не пытался

путешествовать таким образом и потому
не знает, следовало ли ожидать проблем с
компасом или нет. В том, что ему
рассказывали об искусстве подобных
странствий, ничто не предупреждало, что
компас может перестать работать. Ол
пытается скрыть свое напряжение.
Пытается успокоить себя своей же
аналогией: штиль. Временами на море
ветры пропадают, все затихает, и тогда
никто ничего не в силах сделать. Никуда
двигаться, пока ветер не вернется.

Только и всего. Вот и все, что
происходит. Ветры эмпиреев просто
затихли на миг, исчерпав свое доверие.
Все неподвижно. Скоро они снова
поднимутся, как тебе и надо. Поднимутся,
и паломники вновь отправятся в путь.

--- Все окей, --- говорит Ол. --- Все
будет окей.

Вокруг них какая-то осенняя
теснота. Небо темное, словно грязный
уголь. Вдали неясно вырисовываются
холмы, бурые от осоки и дрока. В
отдалении кружат черные птицы.
Терновые заросли вокруг лишены листвы.

это бесконечная чаща колючек и козтей, естественная клетка. Шипы и ветки бледные и холодные, будто кости. Мелкие птицы или насекомые насадили на некоторые из колючек красные ягоды, чтобы объедать и клевать их. Сок капает, словно кровь.

Олл продолжает трудиться над таблицей и компасом, тряся розу в маленькой коробочке в форме черепа и растирая грузило маятника между ладонями, будто тепло тела может его как-то активизировать. И то и другое остается мертвым, безжизненным. Спутники расходятся в разные стороны, осматривая местность. Вокруг тишина, если не считать периодического щебетания птиц.

Что если мы сделали неверный разрез? — загадет Олл. — Что если они сошли с путей ветров и теперь не могут отыскать обратной дороги? Что если он сделал ошибочный надрез, и они вышли бог знает где и бог знает когда.

Как может какое-либо место, место в космосе, быть незатронутым ветрами

эмпиреев?

Аналогия внезапно кажется столь банальной. Даже когда ветры стихли, а корабль попал в штиль, компас все равно будет поворачиваться к магнитному северу. А когда нет ветра, человек прилагает усилия и гребет. Гребет как проклятый, в такт загающему ритму барабану. Олл усвоил это во время путешествия в Колхиду. Тогда Колхиды еще была царством на Черном море, а не родным миром вероломного XVJJ Легиона.

--- Похоже, нам придется грести, --- произносит Олл вслух, но остальные разбрелись слишком далеко и не слышат. Он встает, выматривая их, и видит тени, движущиеся по среди терновых зарослей.

--- Возвращайтесь! --- кричит он. Кто-то отвечает, но он не может разобрать слов.

Черт их поberi. Они ведут себя глупо. Это небезопасно. Олл уверен в этом. Знание приходит к нему внезапно, вместе с морозным покалыванием в основании

позвоночника. Это не просто прохладный лесной воздух охлаждает пот. Это намек, знак. Точно так же у него зудел корень языка перед большими сражениями, а руки подрагивали, когда кого-то ожидала смерть.

Он не ощущал ничего подобного на Калте, поскольку события на Калте произошли столь неожиданно. Гибель до самого последнего мгновения приближалась скрыто, под маской чернейшего предательства.

Но здесь, что бы это ни было за «здесь», гибель придет не внезапно. Она преследует их. Приближается. Незнающий покоя хищник следует за ними, не сбавляя шага и не показываясь. Он постоянно за пределами обзора. Оллү известно имя хищника, и это не человеческое имя.

М`кар.

Это существо, которое послали прикончить их. Существо, которое послали вернуть клинок. Злобные божества варна послали его позаботиться, чтобы их планы не были расстроены.

Олл чувствует, что ему это должно

льстить. Он --- Вечный, а такие существа
далеко не обычны. Впрочем, в структуре
вселенной они незначительны. Вечные не
расстраивают планов Тех-Кто-В-Варне.
Вечный-отступник, который находится в
бегах вместе с горсткой людей... едва ли
это угроза планам, которые охватывают
световые века космоса и эпохи вселенной.

И все же М'кара послали.
Польщенным --- вот кем он должен был бы
себя ощущать.

Олл поднимает свою лазерную
винтовку, подготавливая ее, будто когда-то
наступит время, от оружия будет какой-то
прок. Вечный загадет, насколько далеко
находится хищник --- в одном, или двух
разрезах, или уже в этом мире, где-то в
росе по ту сторону терновых зарослей?

Что там говорил Джон? Он нужен
еще и для другой задачи, так что не
может вечно искать тебя. У него своя
судьба.

Типичный афоризм Грамлатикуса,
но в его основе лежит здравый совет. Уди
глубинным, окольным путем, не высовывайся,
держись вне поля зрения. Ты не можешь с

ним сражаться, так что жди, пока у него не закончится время, и он не отсутнит.

Да, совет здравый. Проблема только в том, что, как очень хорошо известно Оллу, существо уже учуло их запах. М`кар следует за ними.

Это будет демоническое создание с нечеловеческим умением, вроде этого. Как оно их выслеживает? Свечение жизненной силы кинжала? Не то чтобы Олл был псайканой и озарял путь. У него никогда не было предвидения или прочих даров, которыми часто обладают Вечные. Ни предвидения, ни чтения мыслей, ни телекинеза с пирокинезом.

У него есть только тик и подергивания, мороз по спине, зуд в языке и угрожа в руках. Левое веко обычно подрагивало, когда поблизости находилась псайкана. Так было, пока он находился рядом с Медеей на том корабле. Поэтому то он еще раньше Ясона понял, что колхидская ведьма обладала подлинным даром, а не была обычной вопящей и лицемерной вещуньей.

Словно по сигналу, левое веко Олла

держается.

Он замирает. Крепко держа оружие, он ждет стража варна, ждет, что М`кар, какую бы форму тот ни принял, вырвется из терновых зарослей и прикончит их.

Олл ждет, что М`кар прикончит их и превратит это место в общую могилу, неоплаканную и неотмеченную.

Как бы то ни было, закат продолжает опускаться, а птицы все кружат.

Олл оборачивается. Остальные так и бродят вокруг на разведке, но Кэти прямо возле него. Она вернулась по его зову.

Его веко подрагивает.

— О, госноги, — шепчет он.

Это не только ее темные глаза напугали о ведьме, которую он знал много столетий тому назад. Олл понимает, почему она тихая и сдержанная, почему держится особняком и в стороне. Понимает, почему она пришла на сдельный труд на его ферму, словно беглец, который ищет работу в обмен на жилье. Понимает причину ее глубоких вопросов.

Он вполне уверен, что даже она сама

не знает о своей сущности. Ее никогда не подвергали проверке, не забирали на Черные Корабли. Она скрытая, затронутая ровно настолько, чтобы обрести жизнь, полную горя и проблем, жизнь не как у всех, жизнь в депрессии и непонимании.

Она затронута ровно настолько, чтобы сиять, будто маленькая лампочка в ночи.

--- В чем дело? --- спрашивает она. --- Все окей?

Она улыбается, метко используя незнакомое слово.

--- Нам нужно найти укрытие, --- говорит Олл. --- Близится тьма.

Он раздумывает, всерьез раздумывает, не следует ли убить ее. А затем поражается, что вообще размышляет о подобном.

--- М`кар, --- произносит она.

--- Что?

--- Это слово. Эхо в том городе, --- Кэтит глядит на него большими темными глазами Медеи. --- С тех пор, как я его услышала, не могу забыть, как будто это слово --- яд, который заполняет мой разум.

Олл опускает винтовку и прикасается к завернутому атому на поясе. Вот что нужно этому созданию. Вот что им нельзя иметь при себе. Вот что они не должны доставить.

С ним что-то происходит.

У них есть оружие.

Если атом столь могуществен, если он столь ценен, что Те-Кмо-В-Барне послали за ним демона, то это чертовски серьезная штука. Проклятье, очень серьезная штука. Она прорезает путь сквозь искаженную вселенную. Что еще она может разрезать?

Мысль дает ему проблеск надежды. Стоящая рядом с ним Кэти чувствует эту надежду и улыбается, даже не понимая, почему.

А затем надежда исчезает.

Корень языка Олла внезапно начинает зудеть. Руки дрожат.

Будет бой. Бой и смерть.

[отметка: ---?]

Солнце полностью скрылось. Небо

затянуто нагромождениями гонимых
ветром серых облаков, терновая клетка
поскрипывает и трещит. Они чувствуют
ветер на лицах, но котпас Олла так и не
шевельнется.

--- Мы не можем уйти отсюда, ---
говорит Олл своим палотникам поневоле. ---
--- Не можем уйти вперед или назад. Нужно
оставаться тут, а это значит, что нам,
возможно, придется принять тут бой.

--- Мы примем бой? --- переспрашивает
Зибес.

--- Тут нет места для драки, ---
произносит Бейл Рейн. Юноша
практически не видел войны, его только
учили, однако он не был глуп. Неровный
участок кустарника на склоне холма,
густо заросшем осенним терном и
опутанным дроком? Тут действительно
негде драться. Будь в их распоряжении час,
можно было бы подняться по холму к
кольцу стоячих камней и, быть может,
окопаться там.

У них нет часа. Это подсказывает
Олле его язык. А также веко, руки и
холодный пот на спине. И еще выражение

глаз Кэмм.

--- Где мы укроемся? --- спрашивает Кранк, тяжело сглотнув. Он указывает в сторону ближайшей ветви сухого и хрупкого терновника.

--- Тут? В этом хламе? Он не сдержит лазеры. Там не укрыться. Мы окопаемся или...

--- Тссс, --- произносит Олл.

--- Где мы укроемся? --- настаивает Кранк.

--- Лазеров не будет, --- говорит Олл.

--- А что будет? --- интересуется Зибес.

--- М`кар, --- произносит Кэмм, не в силах сдержаться.

--- Что это значит? --- истерично спрашивает Кранк.

--- Сохраняй спокойствие, --- говорит ему Олл. Он обращается ко всем. --- К нам приближается скверное существо. До сих пор мы ускользали от него, но оно все же нас нашло.

--- Что за скверное существо? --- интересуется Кранк.

--- Что-то с Калта, --- шепчет Бейл.

который начинает понимать. -- Одна из тех тварей, что явились на Калт. Или та, что шла своим путем...

Олл кивает. Кранк кривится, издает скрипящий стон и начинает рыдать.

-- Как оно нас нашло? -- спрашивает Бейл.

Олл непроизвольно смотрит на Кэмм.

-- Нам просто не повезло, -- отвечает он. -- Долгое время мы хорошо справлялись, но нам не повезло. И теперь мы не должны впадать в уныние.

-- Где нам укрыться от такой твари? -- стонает Кранк.

Олл постукивает себя по груди.

-- Здесь, -- произносит он. -- В дни веры мы именно так отгоняли демонов. Вера. Сила. Мужество.

-- Олл Богобоязненный, -- невесело устехается Зибес.

-- Богобоязненность -- это добродетель, -- кивает Олл. -- Я всегда верил, с тех самых пор, как при рождении был помазан в Ниневию. Всегда. Всегда хранил веру, даже когда церкви сносили.

Сносили за анахроничность. Я верю в высшую силу, и с ней ты и имеешь дело. Впрочем, это иная сила. Выше, ниже, другая. Не человек. Не смертный.

--- Ты тоже не смертный, --- произносит Кэйт.

--- Но я человек. В этой ерунде с богами и демонами вы можете держаться лишь за веру. Я всегда верил. Вот почему он никогда меня не любил и не вводил в круг доверенных лиц.

--- Кто? --- спрашивает Бейл.

Олл качает головой.

--- Неважно. Я всегда хранил веру. И не пытался ее никому навязывать. Не проповедовал. Ну, во всяком случае, в течение длительного времени. Так что я не собираюсь просить вас о чем-либо странном.

Он снова глухо бьет грожащей рукой напротив сердца.

--- Просто верьте. Верьте, во что хотите. В Императора, в себя, в свет, что видите во снах, в твердую землю под ногами. Верьте в меня, мне все равно. Просто верьте.

--- Мы должны делать что-то другое, рядовой Перссон, --- говорит Графт. --- Я не могу верить. Должна быть цель. Должно быть дело.

--- Он прав, --- замечает Бейл.

--- Окей, --- отвечает Олл. --- Тогда будем петь.

--- Петь? --- недоумевает Кранк.

--- Да, будем петь вместе. Это укрепляет разум. Я научу вас песне. Гимну. В былые дни верующие пели хором, чтобы поддерживать свой дух и отгонять тьму с демонами. Так сделает и мы.

Он учит их словам. Всего куплет-другой. О, Повелитель и Владыка Человечества...

Они неохотно начинают петь. Неуклюже подбирают слова, часть забывают, уродуют мотив. Графт может только протяжно тянуть одну ноту. Олл берется снова и снова, повторяет и повторяет, постоянно оглядываясь через плечо и отслеживая покалывание в руках и подергивание века.

Так и работали гимны с молитвами в те дни, когда по земле бродили

настоящие демоны. Это были защитные слова, выражения стойкости. Они объединяли людей пением, объединяли их силы и веру. Превращали веру в оружие, пусть даже и оборонительное — хотя бы в щит. Или, разумеется, в лучшем случае в щит.

Польза была даже для тех, кто не верил так, как Олл. При совместном пении люди занимались общим делом. Вспоминали, что не огни.

Они объединялись и укреплялись духом. У них появлялось дело, на котором можно было сконцентрироваться вместо страха. Паника — последнее, что требовалось Оллү.

А порой пение — просто шум, который защищает так же, как защищал Орфей.

— Продолжайте, — произносит Олл. — Пойте. До конца и заново. Пойте.

Он разворачивается и подходит к границе терновых зарослей. Позади спутники поют изо всех сил. Олл осматривает бурю осок и уже потраченные ночью ложбины. Сколько тысяч полей сражений он так озирал.

выстатривая показавшегося врага?
Ландшафт напоминает ему о болотах за
Стеной, когда он патрулировал паранеты,
выглядывая разрисованных людей.
Напоминает о колышущихся лугах Алтая,
где он ожидал приближения сарматских
наездников. Напоминает о...

Его руки дрожат.

М`кар вовсе не там, внизу.

М`кар здесь, прямо на границе
терновой клетки, и он смотрит внутрь.

[отметка: ---?]

Тернии вспыхивают.

Участок терновой поросли шириной
три или четыре метра взрывается ярким
оранжевым пламенем, загорается, словно
бумага, и рассыпается неплот, оставляя
разрыв, через который через который
может проехать транспорт.

Олл пятится назад, сжимая винтовку
трясущимися руками.

Снаружи, по ту сторону прорехи в
белой терновой стене, темно, как будто
часть полуночи наступила раньше срока.

Но в ней есть глаза. Олл видел, как они смотрели внутрь --- древние глаза древнего, дикого разума. Желтые щели с черными прорезали зрачков. Сверкающие глаза. Злые глаза.

Глаза, которые вечно взирали с носа корабля.

Проклятые глаза, означающие конец всему.

Олл пятится. Он не обращает внимания на сугороги, зyg и грожи. Игнорирует коток в горле и слезы на глазах.

За свои долгие жизни он видел многое. Но никогда не видел ничего подобного.

Демон входит в терновые заросли через разрыв, который прожег в чаще. Он проникает, пyзырясь, словно жидкость, которая переливается через границу и собирается на слежавшейся почве. Демон похож на столy и гyлитcя во тьме. Олл в состоянии разглядеть лишь то, как влажное пятно ширится на земле, разрастаясь, словно тень. Над ней громада --- чудовищная монолитная фигура, фрагмент трака, вырезанный из чистой

ночи, сверхтяжелый, словно обедненный
плутоний. Выше глаз неясно
вырисовывается образ рогов, которые шире
крыльев самолета.

Олл чувствует запах. Его тошнит.

В черных лужах, растекающихся
вокруг его ног, растут и съеживаются
паучьи лапки и судорожно дергающиеся
ложноножки, которые на краткий миг
выступают из дымящейся столы и вновь
утирают, словно ночные растения в
замедленной пикт-съемке. Это тень,
которая силится продолжать свое
существование.

Раздается чириканье и хихиканье.
Олл слышит в ветре голоса людей,
которых знал, и понимает, что это обман.
Он слышит голоса людей, которых не
видел живыми уже тридцать тысяч лет.
Обман, обман.

Он слышит стех Джона. Слышит
Паскаля, который при Вергене просит
огоньку. Слышит Гая, который на Стене
проклиная дождь и превозносит
достоинства галисийских девишек.
Слышит, как командующий Валлис

шепчет имя позабытого бога, когда они оба
вздрагивают от ядерного сияния,
расцветающего над горизонтом
Паннацифика. Слышит, как человек с
сильным акцентом на скифском
сомневается в качестве бронзовых
стрелян. Слышит, как зажатый в горящем
Т-62 Зауг Рахим молит о смерти.
Слышит, как окружающие его
штурмовики стонут, когда офицер
объявляет, что их цель — Ульи Брумтана.
Слышит, как Ясон и Орфей поют хором.
Слышит, как лейтенант Уинслоу
диктует заветное в ночь перед
Копенгагеном. Слышит, как рядовой
Лабелла насвистывает, жаря бобы и яйца
утром после того, как пал Сокальский
бассейн.

Он слышит, как его сын пяти дней от
роду громко кричит в колыбели в день,
когда высадились норманны. Как будто в
свои пять дней он знал, что произойдет.

Олл вскидывает винтовку, переводит
переключатель на автоматический огонь
и стреляет.

Нагвизгающая тьма колышется.

когда в нее бьют стремительные заряды. Мрак поглощает яркие стрелы, однако и разбрызгивается. Из каждой раны брызжет жидкость, похожая на молоко.

Раны исчезают так же быстро, как он их наносит. Млечная кровь гаснет. Ему невозможно причинить вред. Оно это знает, и Олл это знает. Оно хочет не просто убить его, а сломать.

Оно хочет выжечь его душу горел, прежде чем пожрать. Хочет разозлить его, хочет, чтобы он ощутил ярость, боль, разочарование и прочие людские несовершенства жизни продолжительностью в тридцать пять тысяч лет.

Оно знает, что он Вечный.

Олл внезапно понимает это, несмотря на боль, лишаящую его здравого смысла. Он погружен в смерть своего сына — утрату, с которой смог свыкнуться лишь через три столетия. Утрату, которую загнал на задворки перегруженного подробностями разума. Утрату, прямо на которую набросился М`кар. И все же Олл понимает.

Оно знает, что он Вечный.

В противном случае они все уже были бы мертвы. Ему не слишком часто доводится делать подобное. Мучить создание со столь большим потенциалом к страданию. Олл --- это лакомство, деликатес. Все эти безжалостные века боли, потерь и разочарований, которые можно выгнать и вновь оживить. Больше, настолько больше, чем в состоянии вместить человеческая жизнь.

Боль меня убьет, --- думает Олл. --- Убьет сама мысль. Воспоминание обо всем, через что я прошел, меня прикончит.

Это будет не быстро.

Он перестает стрелять. Злость иссякла, как и энергоячейка. Он отшвыривает винтовку в сторону. Поворачивается к М`кару спиной и идет прочь. Идет к остальным. Те все еще пытаются петь, но это не действует.

--- Продолжайте, --- подгоняет их Олл наглатывающимся голосом. ---

Продолжайте... «прости наши заблуждения»... давайте! Не слушайте его! Заглушайте его! Не слушайте его ложь!

Он слышит, как старый груг болтает в грезденском магазине, заворачивая фарфор в газету, «на случай, если ночью будет налет». Слышит, как сестры зовут его по имени из клеток каравана. Слышит Его в тот день, когда они встретились, признав груг в груге родственное существо.

--- Такие, как мы, --- говорит Он Оллү, --- такие, как мы, оставят след в веках. Вот почему мы сотворены так. Пути наших жизней не останутся неотмеченными.

--- Мой останется, --- уверяет Его Олл. --- У меня нет вкуса к тем играм, в которые ты хочешь играть с миром. Я хочу просто обычной жизни.

--- Мой дорогой груг, у тебя их будет, сколько пожелаешь.

Это было летом, на лугу за стенами Ниневи. Он никогда до того не встречал гругого Вечного. И никогда больше не встречал такого, как Он.

Посмотрите на него теперь. Прошло столько времени, и посмотрите на глупого старого Олла Перссона, который

отступился от всех тех игр и никогда не
был их частью. Он пересекает вселенную
на клинке ножа. Занимается дурацкими
странствиями через варп и ткань космоса,
чтобы не дать его играм развернуться.

М`кар приближается, во тьме
слышен булькающий стех. Вокруг него,
словно соцветие, кружатся голоса — голоса
из жизни Олла. Боль, обман.

Олл и его паломники стоят кругом,
спинами наружу. Спина Олла обращена
прямо к тьме.

— Не смотрите, — произносит он. —
Не слушайте. Пойте. Заглушайте это.

Но они перестали петь. Просто
смотрят друг на друга. Справа от Олла
Бейл Рейн, слева — Кэтт. Олл кладет им
руки на плечи.

— Не смотрите, — говорит он. — Все
будет окей.

Это не так, но что ему еще
говорить?

Голоса у него в ушах. Боль прожитой
жизни невообразима. Он знает, что другими
тоже слышатся голоса. Бейл слышит Нив.
Зибес утешает свою мать перестать

кричать. Кранк плачет о ком-то по имени
Ненни. Кэмм просто грозит. Оллу не
хочется знать, что она слышит.

Он медленно снимает руку с ее плеча.
Если вообще есть шанс, то он
приближается и будет крошечным.

--- М`кар! --- непроизвольно
вскрикивает она.

--- Шшш, --- успокаивает ее Олл сквозь
слезы.

--- Млмлмллккк! --- вырывается у нее.

--- Спокойно, --- говорит Олл. Он
опускает руку к поясу, к ремню, к
завернутому аталу. Он чувствует на
затылке дыхание демона.

Атат тоже теплый.

Единственный шанс. Единственный
крохотный шанс.

--- Малок! --- взвизгивает Кэмм, у нее
закатываются глаза.

--- Тихо, --- говорит Олл, хватаясь за
кинжал.

--- Малок! Малок! Малок! --- вопит
она. Бессмысленно. Он ее потерял. Ее
больше нет.

--- Малок Кармо! --- выкрикивает

Кэтт, и ее тошнит. -- Малок Карто!
М`карто! М`кар!

У него есть кинжал. Единственный
шанс.

Олл оборачивается, подняв клинок.

[отметка: ---?]

Тварь пропала.

Вокруг них обычный трак. Исчезли
запах и жар. Столы больше нет. Остаются
лишь голоса, которые около минуты
удаляются во трак, словно шепот в другой
комнате.

Олл моргает. Он осознает, что
открыл рот для крика, и закрывает его.
На покрасневшемся лице чувствуется
пот. Олл опускает клинок.

--- Я не... --- начинает было он.

Он смотрит на остальных. Бейл
возится с хнычущим Кранком. Зибес сидит
на земле, обхватив голову руками. Графт
поднял Кэтт. Та обтякла.

--- О Боже, нет!

Впрочем, она жива. Из ее носа течет
кровь, а одежда спереди залита рвотой.

--- Оно ушло обратно, --- шепчет Кэмм, глядя на Олла снизу вверх.

--- Обратно?

--- Ты не почувствовал? Его утянули назад. Отдернули от нас, отсюда. Оно понадобилось где-то еще, для дела, которое важнее, чем мы.

Олл качает головой. Ему вспоминаются слова Джона. Продержись подальше от него достаточно долго. В конце концов ему придется сдаться и повернуть назад.

--- Во имя Господа, что же произошло? --- вслух загадает Олл.

--- Малок Карто, --- произносит Кэмм. Графт помогает ей встать. Она держится нетвердо.

--- Это нечеловеческое имя, --- говорит Олл.

--- Нет, человеческое, --- настаивает она. --- Я чувствую. Как тинитум, трансчеловеческое. Кем бы ни был Малок Карто, именно из-за него М`кару пришлось уйти и оставить нас.

--- В таком случае мне жалко несчастного Малока Карто, --- произносит

Олл.

Кэти качает головой.

--- Не знаю почему, но мне кажется, что зря.

У него своя судьба.

[отметка: ---?]

Над терновыми зарослями начинается неяркий рассвет. Его сопровождает шелест поднявшегося ветра. Олл берет направление. Он вполне уверен, что приближение М`кара закрывало их от ветров и не давало взять направление.

Небо чистое, по крайней мере пока что.

Им еще предстоит долгий, очень долгий путь, и он будет не проще.

--- Что будем делать? --- спрашивает Зибес.

--- Продолжаем идти? --- добавляет Кранк. --- У нас есть маршрут? Эээ... направление?

--- Бореи, --- произносит Олл, откладывая котлас и таблицу. --- Северо-северо-восток. Бореили хотя бы Месе гля

зрекан. Норгострони для франков. А для
романиев Аквило.

Он достает кинжал и готовится
сделать следующий разрез. Их
путешествие продолжится, как и раньше --
неотмеченным. Таким же, как и их
жизни и судьбы.

Потому-то у них есть шанс на успех.

-- Так что будем делать? --
спрашивает Бейл.

Олл плашмя прикладывает ладонь к
воздуху и начинает резать.

-- Угем дальше, -- произносит он. --
Окей?

* * *

Мне жаль. Раньше я верил. Верил,
что во вселенной есть нечто большее.
Больше, чем мы можем потрогать и
увидеть, высшая сила, которая направляет
и оберегает нас. Я никогда тебе об этом
не говорил, потому что знал, что ты
можешь рассердиться. Можешь уйти.

Теперь тебя в любом случае больше нет, а
я уже не верю. Мне жаль. Я был прав -- по
твоей стороне наших грез есть иной мир.
Жаль, что не могу больше верить, будто
это мир добра. Я не хочу идти туда.

п.